ЯН ФЛЕМИНГ

ДЖЕЙМС БОНД-АГЕНТ 007

ЯН ФЛЕМИНГ

ДЖЕЙМС БОНД — АГЕНТ 007

ГОЛДФИНГЕР

ОПЕРАЦИЯ «УДАР ГРОМА»

Москва
Издательство политической литературы
1991

ББК 84.4Вл
Ф71

Флеминг Я.
Ф71 Джеймс Бонд — агент 007: Пер. с англ.— М.: Политиздат, 1991.— 400 с.
ISBN 5—250—01790—8

В книгу включены два остросюжетных романа английского писателя Яна Флеминга «Голдфингер» и «Операция «Удар грома». В них рассказывается о приключениях Джеймса Бонда — агента 007 Секретной службы Великобритании. В одном романе Бонд вступает в поединок с международным авантюристом, занимающимся контрабандой золота, во втором борется с террористической организацией, завладевшей с целью шантажа атомными бомбами.

Рассчитана на широкий круг читателей.

Ф $\frac{0805000000-282}{079(02)-91}$ ББК 84.4Вл

ISBN 5—250—01790—8

ГОЛДФИНГЕР

Часть I

СЛУЧАЙНОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ

1. Размышления над двойным виски

Припяв пару двойных виски, Джеймс Бонд сидел в зале отлета аэропорта Майами и предавался философским размышлениям о жизни и смерти.

Убийства были неотъемлемой частью его профессии, хотя он не любил убивать. Когда ему приходилось убирать кого-то по долгу службы, Бонд старался сделать это наиболее подходящим из известных ему способов и побыстрее забыть о происшедшем. Будучи секретным агентом со специальным и редко предоставляемым индексом 00, дающим в рамках Секретной службы право на убийство, он должен был относиться к смерти со спокойствием патологоапатома. Чему быть, того не миновать, поэтому любые сожаления являлись бы признаком дилетантизма и, более того, влекли бы за собой душевное расстройство.

И все-таки в смерти этого мексиканца было что-то такое, что оставило след в душе Бонда. Не то чтобы он пе заслуживал смертп — нет, он несомненно был скверным человеком, тем, кого в Мексике называют capungo. Capungo — это бандит, готовый убить родную мать за ничтожную сумму в сорок песо, что равно приблизительно двадцати пяти шиллингам. Однако за голову Бонда ему, вероятно, заплатилп больше. К тому же, судя по его виду, этот мексиканец всю свою жизнь приносил окружающим только несчастье. Нет, ему определенно пришло время умереть. И все же, когда почти сутки назад Бонд убил его, жизнь ушла из мексиканца так быстро и окончательно, что Бонд почти видел, как душа покинула тело, подобно птичке, в виде которой, по поверью гаитянских аборигенов, душа вылетает через рот умершего.

Какая удивительная разница между живым и мертвым. Только что был кто-то, и вдруг нет никого. Был мексикапец с имепем, фамилией, местом жительства и, вероятно, с водительскими правами. Затем что-то ушло

из него, покинуло это тело в дешевой одежде, и осталась пустая оболочка, место которой только на помойке.

Бонд глянул на оружие, которым сделал это. Ребро его правой ладони было багровым и распухшим. Бонд стал сжимать и разжимать ладонь, массируя ее левой рукой. Он проделывал эту операцию регулярно в течение всего краткого перелета. Процедура довольно болезненная, однако способствует скорейшему заживлению. Неизвестно, когда это оружие может снова понадобиться. Бонд цинично ухмыльнулся.

— «Стар авиэйшн» объявляет об отлете рейса А-106 до Нью-Йорка. Пассажиров просят пройти в самолет через выход номер семь.

Репродуктор отключился со звонким щелчком. Бонд глянул на часы. До объявления посадки на рейс «Транс Америкэн» оставалось минут десять. Бонд подозвал официантку и заказал двойной бурбон со льдом. Он немного покачал принесенный стакан, чтобы подтаял лед, и разом проглотил половину содержимого. Выбросив окурок, Бонд сел, положив подбородок на левую руку, и стал задумчиво смотреть на солнце, медленно и торжественно опускающееся в залив.

Смерть мексиканца была финалом скверного задания, одного из самых гадких в его карьере. Оно было мерзким, опасным, не имеющим никаких положительных моментов, если не считать того, что оно позволяло ему находиться подальше от начальства.

Некий богач в Мексике владел плантациями опийного мака, и цветочки там произрастали отнюдь не для красоты. Получаемый из них опий быстро и относительно дешево сбывался официантами небольшого кафе в Мехико, носящего название «Кофейная матушка».

Если тебе нужен опий, ты заходишь в кафе и заказываешь то, что тебе нужно, одновременно с выпивкой, платишь за спиртное в кассу, и кассир просто называет тебе сумму, которую нужно добавить к чеку. Тихая, спокойная коммерция, никого за пределами Мексики не касающаяся. Но вот далеко-далеко, в Англии правительство в рамках объявленной ООН кампании по борьбе с наркоманией и контрабандой наркотиков запретило употребление героина в Великобритании, подняв тем самым переполох не только в Сохо, но и в среде вполне респектабельных британских врачей, желающих облегчить муки своих пациентов. Любой запрет всегда влечет за собой рост преступности. Очень скоро традиционные источники поступления

наркотиков в Китае, Турции и Италии иссякли, опустошенные возросшими аппетитами Альбиона.

В это время в Мехико жил обаятельный бизнесмен, занимающийся экспортно-импортными операциями, по фамилии Блэкуэл, у которого в Англии оставалась сестра-наркоманка. Блэкуэл очень любил ее, и, получив однажды письмо, в котором сестра писала, что умрет, если он ей не поможет, он ни на минуту не усомнился в том, что так и будет, и занялся изучением возможностей наркобизнеса в Мексике. Постепенно через друзей и друзей друзей он вышел на «Кофейную матушку», а оттуда и на владельца опийных плантаций. Занимаясь этим, Блэкуэл хорошо изучил экономическую сторону вопроса и решил, что, если он сможет одновременно нажить капитал, помочь сестре и страждущему человечеству, значит, он открыл самое тайну жизни.

Торгуя минеральными удобрениями, Блэкуэл владел небольшим заводиком и складом. У него работали три человека, занимающиеся анализами грунта и прочей лабораторной работой. Убедить владельца плантаций в том, что за столь респектабельным фасадом команда Блэкуэла сможет запросто заняться переработкой опия в героин, оказалось легче легкого, а доставка товара в Англию была организована, и притом очень быстро, самим мексиканцем. Получая по тысяче фунтов за поездку, один из дипкурьеров министерства иностранных дел Мексики ежемесячно возил в Лондон дополнительный чемоданчик. Расходы по доставке были вполне приемлемыми, учитывая, что содержимое каждого чемоданчика, оставляемого курьером в камере хранения на вокзале Виктория (квитанцию на багаж он отправлял почтой человеку по имени Шваб через «Букс энд Пикс лимитед»), стоило двадцать тысяч фунтов стерлингов.

К несчастью, Шваб оказался плохим человеком, которого нисколько не заботили человеческие страдания и который считал, что если юные американцы могут ежегодно потреблять порошка на миллионы долларов, то их британские сверстники ничем не хуже. Поэтому в двух комнатах в Пимлико его ребятки смешивали героин с желудочным порошком и сбывали эту смесь на танцплощадках и в других местах, где собиралась молодежь.

Шваб уже сколотил себе кругленький капиталец, когда на него вышли люди из Отдела по борьбе с наркотиками. Чтобы выявить источник, Скотленд-Ярд дал Швабу возможность поднакопить еще немножко деньжат. Затем ему

посадили на хвост филера и вышли на передаточный пункт — вокзал Виктория и соответственно на мексиканского дипкурьера. На этом этапе работы, поскольку след уходил за границу, к делу подключилась Секретная служба. Бонду было приказано найти источник и уничтожить его.

Бонд выполнил приказ. Он прилетел в Мехико, быстро добрался до «Кофейной матушки», выдавая себя за оптовика лондонской сети, вышел на владельца плантаций, который встретил его весьма любезно и познакомил с Блэкуэлом.

Последний произвел на Бонда приятное впечатление. Ему ничего не было известно о сестре Блэкуэла, но этот человек явно был дилетантом, и его горечь по поводу запрета на употребление наркотиков в Англии казалась неподдельной.

Однажды ночью Бонд проник на принадлежащий Блэкуэлу склад и установил там термитную бомбу, затем расположился в кафе приблизительно в миле оттуда, смотрел на пламя, полыхающее над крышами, и слушал серебряный перезвон колокольчиков пожарной команды.

На следующее утро он позвонил Блэкуэлу, накинув на трубку носовой платок.

— Жаль, что ваше дельце сгорело прошлой ночью. Боюсь, что понесенные вами потери не покроет никакая страховка.

— Кто это? Кто говорит?

— Я приехал из Англии. Ваша продукция унесла довольно много молодых жизней, а еще больше искалечила. Сантос больше не приедет в Лондон со своей дипломатической вализой, а Шваб уже сегодня сядет за решетку. Этому парню, Бонду, с которым вы встречались, тоже не уйти из капкана, полиция идет по его следу.

На другом конце провода послышался испуганный лепет.

— Ладно, но глядите, не вздумайте заняться этим снова. Ваши удобрения значительно полезней для здоровья.

Бонд повесил трубку.

Блэкуэл ни за что бы не нашел концов. Ясно, что это плантатор додумался, где собака зарыта.

После операции Бонд предусмотрительно сменил гостиницу, но той же ночью, когда он возвращался из «Копакабаны», на его пути вырос человек в белом хлопчатобумажном костюме не первой свежести и белой шоферской фуражке, слишком большой для его головы. Под аптек-

скими скулами лежали глубокие синие тени, в одном углу рта торчала зубочистка, в другом — сигарета. Глаза горели наркотическим блеском.

— Женщину?

— Нет.

— Цветную девочку? С роскошными волосами?

— Нет.

— Может, картинки?

Рука мексиканца скользнула за отворот пиджака — жест, настолько хорошо известный Бонду, что, когда бандит выбросил руку с ножом к горлу Бонда, тот был к этому готов.

Почти автоматически Бонд провел прием из книги по самообороне. Возможно, именно этот удар, почти оторвавший нападающего от земли, убил мексиканца, сломав ему основание черепа, но когда тот падал на землю, Бонд ребром ладони нанес еще один жестокий удар по открытой, незащищенной шее. Это был смертельный удар по кадыку, один из излюбленных приемов коммандос. Даже если к этому моменту мексиканец был еще жив, он умер до того, как тело его грохнулось на землю.

Мгновение Бонд стоял, тяжело дыша и глядя на эту кучу тряпья, валяющуюся в пыли. Потом огляделся. Вокруг никого не было, если не считать проезжавшие машины. Возможно, в момент схватки кто-то и проходил мимо, но все происходило в тени. Бонд встал возле тела на колени. Пульса не было. Глаза, только что блестевшие от марихуаны, уже остекленели.

Бонд оттащил труп к стене, где тень была еще гуще, затем отряхнулся, поправил галстук и пошел в гостиницу. На рассвете он поднялся, побрился и направился в аэропорт, где сел на первый же самолет, улетавший из Мексики. Это оказался рейс до Каракаса, где Бонд пересел на самолет «Транс Америкэн» до Нью-Йорка через Майами. И теперь он болтался в зале для транзитных пассажиров, ожидая продолжения путешествия до Нью-Йорка.

Репродуктор снова включился, и диспетчер объявил:

— К сведению пассажиров: рейс «Транс Америкэн» № 618 до Нью-Йорка задерживается по техническим причинам. Время отлета переносится на восемь утра. Пассажиров просят пройти к стойке «Транс Америкэн» для размещения на ночлег. Спасибо.

Этого еще не хватало! Поменять рейс или провести ночь в Майами? Бонд вспомнил про бурбон, схватил стакан и вылил содержимое себе в глотку. Лед приятно

стукнул о зубы. Именно! Блестящая идея! Он проведет ночь в Майами, напьется как следует, до поросячьего визга, и завалится в койку с первой же шлюхой, которую подцепит. Он не напивался уже много лет, и сейчас было самое время надраться. Эта ночь, свалившаяся, как подарок с небес, должна быть использована на полную катушку. Надо расслабиться, а то он слишком напряжен, слишком углублен в себя. Зачем, черт возьми, он забивал себе голову дурацкими мыслями по поводу этого паршивого capungo, посланного его убить? Выбора не было: либо убивать, либо быть убитым. Люди во всем мире непрерывно убивают себе подобных. Они используют свои автомобили как орудие убийства, разносят инфекции, выплевывают микробов в лицо, оставляют открытыми газовые вентили на кухне, накачивают выхлопными газами закрытые гаражи и т. д. и т. п. Сколько человек, например, участвовало в изготовлении водородных бомб, начиная от рудокопов на урановых рудниках и кончая акционерами, владельцами этих рудников? И вообще, существует ли на Земле хоть один человек, который так или иначе, чисто статистически, не был бы замешан в убийстве соседа?

Погасли последние лучи солнца. В темно-синем небе мигали зеленые и желтые бортовые огни, отражаясь в луже масла на бетонной площадке возле ангаров. На посадку с ревом шел ДС-7. Стекла в транзитном зале слегка дребезжали. Люди встали, чтобы посмотреть на посадку. Бонд попытался прочесть их мысли: может, они надеются, что самолет рухнет и они увидят зрелище, о котором можно будет рассказать, которое наполнит содержанием их пустые жизни? Или их пожелания были благими? Чего хотели они для шестидесяти пассажиров ДС-7? Жизни или смерти?

Бонд сжал губы. Хватит! Нужно прекратить эти похоронные настроения. Это просто реакция на гнусное задание. Ты просто выдохся, устал от необходимости все время быть железным. Ты видел слишком много смертей и хочешь хоть немножко пожить тихо и спокойно.

Бонд услышал приближающиеся шаги, которые замерли возле его кресла. Он поднял глаза. Рядом с ним стоял аккуратно одетый, явно богатый мужчина средних лет. Лицо его было смущенным и просительным одновременно.

— Прошу прощения, но, несомненно, вы — мистер Бонд? Мистер... э-э-э... Джеймс Бонд.

2. Кусочек «красивой жизни»

Бонд предпочитал анонимность, и его «Да, это я» было весьма неприветливым.

— Какая редкая удача!

Мужчина протянул руку. Бонд медленно поднялся, пожал ему руку и тут же выпустил. Рука была мягкой, пухлой и больше всего напоминала надутую резиновую перчатку.

— Меня зовут Дюпон, Джуниус Дюпон. Я сомневаюсь, что вы меня помните, однако мы с вами встречались. Могу я присесть?

Лицо, фамилия? Да, действительно что-то смутно знакомое. Очень давно. Не в Штатах. Бонд вспоминал, одновременно изучая собеседника. Дюпону было около пятидесяти, розовощек, гладко выбрит, одет в то, чем известная фирма «Брукс бразерс» прикрывает срам американских миллионеров: однобортный темно-коричневый летний костюм, белая рубашка с маленьким воротником, темно-красный в синюю полоску галстук, заколотый золотой булавкой. Манжеты рубашки, выглядывающие на полдюйма из рукавов пиджака, были украшены хрустальными запонками с миниатюрными мушками. Ансамбль дополняли черно-серые шелковые носки и начищенные кожаные туфли. На голове черная шляпа с небольшими полями и широкой бордовой лентой.

Дюпон устроился на стуле напротив Бонда, достал сигареты и золотую зажигалку. Бонд отметил про себя, что Дюпон покрылся легкой испариной. Поразмышляв, он пришел к выводу, что Дюпон был тем, кем и казался, то есть слегка обеспокоенным очень богатым американцем. Бонд вспомнил, что встречался с ним раньше, но никак не мог сообразить, где и когда.

— Сигарету?

— Благодарю.

Бонд взял из протянутой пачки «Парламента» сигарету, но предпочел не заметить предложенную зажигалку. Он не любил пользоваться чужими, предпочитал свою.

— Франция, пятьдесят первый год, Руаяль-дез-О,— Дюпон внимательно смотрел на Бонда.— Казино. Этель (это миссис Дюпон) и я сидели рядом с вами за столом в ту ночь, когда вы вели крупную игру с французом.

Память Бонда заработала. Ну да, конечно. Дюпоны сидели четвертым и пятым номерами во время игры в баккара. Бонд был шестым. Они казались вполне безобидной

парой, и он был рад, что его левый фланг был надежно защищен в ту фантастическую ночь, когда он разорил Лешифра. Бонд теперь видел ту ночь, как наяву: яркий круг света на зеленом поле, похожие на клешни руки, тянущиеся через стол за картами. Он снова ощущал запах табачного дыма и своего собственного пота. Да, это была ночка! Бонд посмотрел на Дюпона, улыбаясь своим воспоминаниям.

— Да, конечно, я помню. Извините, что не сразу сообразил. Это была незабываемая ночь! Я тогда ни о чем другом не думал, кроме своих карт.

В ответ Дюпон с облегчением улыбнулся счастливой улыбкой.

— Ну что вы, мистер Бонд! Я все понимаю. Надеюсь, вы извините меня за бесцеремонность. Видите ли...— он щелкнул пальцами, подзывая официантку.— Однако мы должны выпить, чтобы отметить это событие. Что вы предпочитаете?

— Бурбон со льдом.

— Два бурбона со льдом.

Официантка удалилась.

Радостно сияя, Дюпон наклонился вперед. До Бонда донесся легкий запах мыла или лосьона для бритья.

— Я так и знал, что это вы, как только увидел вас здесь. Но я сказал себе: «Джуниус, у тебя, конечно, хорошая память на лица, но лучше сходи и убедись». Я должен был лететь сегодня. Когда объявили о переносе рейса «Транс Америкэн» и я увидел выражение вашего лица, то, извините, мистер Бонд, но оно ясно показало, что вы должны были лететь тем же рейсом.— Он дождался утвердительного кивка собеседника и заторопился: — Поэтому я побежал на регистрацию посмотреть список пассажиров. И там, конечно, было записано: «Дж. Бонд».

Дюпон откинулся на стуле, весьма довольный своей сообразительностью. Принесли заказ. Дюпон поднял свой стакан.

— Ваше здоровье, сэр. Сегодня у меня очень счастливый день!

Бонд вежливо улыбнулся и выпил. Дюпон снова наклонился вперед, оглядываясь по сторонам. Соседние столики пустовали, однако он все же понизил голос.

— Я понимаю, вы сейчас думаете, что это, конечно, очень мило снова встретить Джуниуса Дюпона, но что ему сейчас от меня нужно? Почему он так рад встрече со мной сегодня вечером?

Бонд изобразил на лице вежливое любопытство. Дюпон подвинулся еще ближе.

— Я надеюсь, вы извините меня, мистер Бонд. Я обычно никогда не лезу в чужие секре... э-э... дела. Но после той игры в казино я узнал, что вы не только великолепный игрок, но и в некотором роде... э-э... следователь. Что-то вроде оперативного сотрудника.

Дюпон даже покраснел от своей настойчивости. Он сел на место, достал платок и вытер лоб, посмотрев с беспокойством на Бонда. Бонд пожал плечами. Его серо-голубые глаза светились доброжелательностью и иронией.

— Когда-то я этим занимался. Военный синдром, так сказать. Некоторым еще нравилось играть в «казаки-разбойники». Только в мирное время это довольно бесперспективное занятие.

— Хорошо, хорошо,— отмахнулся Дюпон.

Однако, задавая следующий вопрос, он избегал смотреть Бонду в глаза, ожидая услышать очередную ложь. Этот человек очень умен, подумал Бонд. Волк в шкуре миллионера.

— Чем же вы теперь занимаетесь? — спросил Дюпон с отеческой улыбкой.— На чем остановились, простите за нескромность?

— Импортно-экспортные операции. Я работаю в «Юниверсал». Возможно, вы слышали об этой фирме?

Дюпон поддержал игру.

— Хм. Дайте подумать... Да, конечно, я что-то о ней слышал. Не могу сказать, что имел с этой фирмой дело, но, думаю, это никогда не поздно? — Он рассмеялся, довольный собой.— Видите ли, я занимаюсь практически всем, за исключением, пожалуй, разве что химии. Может, в этом моя беда, мистер Бонд, но я не из химических Дюпонов.

Бонд подумал, что этот человек явно доволен тем фактом, что является представителем самостоятельной ветви Дюпонов. Он промолчал, многозначительно глянув на часы, чтобы заставить собеседника скорее раскрыть карты. Свои козыри он предпочитал держать при себе.

У Дюпона было симпатичное, младенчески-розовое лицо с пухлым чувственным ртом. Он выглядел столь же безобидно, как любой турист-американец средних лет, стоящий с фотоаппаратом возле Букингемского дворца. Но за этой вполне респектабельной консервативной внешностью скрывался жесткий, сильный характер.

Жест Бонда не ускользнул от внимательных глаз Дюпона.

— Боже, уже семь часов, а я еще не добрался до сути! Слушайте сюда, мистер Бонд. У меня тут возникла небольшая проблема, и я буду очень вам признателен, если вы поможете ее разрешить. Если вы располагаете временем и собираетесь провести ночь в Майами, то я сочту за честь оказать вам гостеприимство. Думаю, что смогу обеспечить вам полный комфорт. Дело в том, что я являюсь одним из владельцев гостиницы «Флоридиана». Вы, может быть, слышали, она открылась на рождество. Большое и выгодное дело, смею заметить. Вытесняет эту рухлядь — «Фонтэн блю»,— Дюпон снисходительно усмехнулся.— Это мы так называем гостиницу «Фонтэнбло».

Что вы на это скажете, мистер Бонд? Вас поселят в лучшем номере, даже если ради этого придется кого-нибудь переселить. И вы действительно окажете мне этим большую услугу.

К этому времени Бонд уже решил принять предложение вне зависимости от того, какой помощи и в чем хотел от него Дюпон. Скорее всего, это были какие-нибудь обычные для состоятельных людей неприятности: шантаж, гангстеры, женщины. А ему предоставлялась великолепная возможность красиво пожить, о чем он и мечтал. Дают — бери. Для проформы Бонд начал вежливо отнекиваться, но Дюпон прервал его:

— Пожалуйста, прошу вас, мистер Бонд. И поверьте мне, я буду вам очень, очень признателен.

Он подозвал официантку и отвернулся, расплачиваясь, чтобы скрыть от Бонда купюры. Как большинство очень состоятельных людей, Дюпон полагал, что демонстрировать свое богатство или то, сколько он дает чаевых, было бы весьма неприлично. Сунув деньги в карман, Дюпон взял Бонда под руку, но, почувствовав, что Бонду это не понравилось, отпустил его. Они спустились в основной зал.

— Давайте теперь займемся вашим размещением.

Дюпон направился к стойке «Транс Америкэн», где несколькими фразами продемонстрировал свое могущество в этой епархии. «Да, мистер Дюпон, конечно, мистер Дюпон, мы обо всем позаботимся, мистер Дюпон».

На улице стоял сверкающий «крайслер-империал». Коренастый шофер, одетый в песочного цвета форму, поспешно открыл дверцу. Бонд удобно устроился на большом мягком сиденье. Внутри было прохладно, почти холодно. Представитель «Транс Америкэн» вынес

чемодан Бонда, передал его шоферу и с полупоклоном удалился.

— «Биллз-он-зе-Бич»,— сказал Дюпон шоферу, и лимузин медленно тронулся между рядами машин к выезду со стоянки.

Дюпон развалился на сиденье.

— Надеюсь, вы любите мясо крабоидов, мистер Бонд? Пробовали когда-нибудь?

Бонд ответил, что пробовал и очень любит.

Пока «крайслер» ехал по улицам Майами, Дюпон рассказывал о «Биллз-он-зе-Бич» и рассуждал о сравнительных качествах мяса крабоида и аляскинского краба. Бонд вставлял соответствующие комментарии, позволяя себе увлечься приятной ездой и легкой беседой.

Они подъехали к зданию в псевдорегентском стиле. Розовая неоновая вывеска гласила: «Биллз-он-зе-Бич». Вылезая из машины, Бонд услышал распоряжение, данное Дюпоном шоферу:

— Номер-люкс «Алоха». Если возникнут проблемы, скажите мистеру Фейрли, чтобы он позвонил мне сюда. Ясно?

Они поднялись по ступенькам. Большой белый зал ресторана с розовыми муслиновыми занавесями на окнах и лампами с розовыми абажурами на столах был заполнен загорелой публикой в рубашках кричаще ярких расцветок, золотых браслетах, очках с оправами, украшенными драгоценными камнями, модных соломенных шляпах. Воздух был насыщен смесью различных запахов, в которой преобладал запах человеческих тел, весь день прожарившихся на солнце.

Билл, женоподобный итальянец, подлетел к ним.

— О, мистер Дюпон! Какая радость, сэр! Шумновато тут сегодня. Сейчас для вас все быстренько сделают. Сюда, пожалуйста, сюда.

Держа над головой большое меню в кожаной обложке, он, ловко лавируя между сидящими, провел их к лучшему столику, угловому на шесть персон. Он отодвинул два стула, подозвал метрдотеля и официанта, обмениваясь репликами с Дюпоном, раскрыл перед каждым из гостей меню и удалился.

Дюпон захлопнул свое меню и сказал:

— Почему бы вам не положиться на мой вкус? Если вам что-нибудь не понравится, просто отошлете обратно и все,— и, обращаясь к официанту, приказал: — Крабоидов. И не мороженых, а свежих. Топленое масло. Большие тосты. Ясно?

— Да, мистер Дюпон.

Первого официанта сменил второй.

— Две пинты розового шампанского «Поммери» пятидесятого года. Бокалы серебряные. Ясно?

— Да, мистер Дюпон. Для начала коктейль?

Дюпон, улыбнувшись, вопросительно взглянул на Бонда.

— Водку с мартини и ломтиком лимона.

— Сделайте два,— сказал Дюпон.— И двойных.

Официант поспешил выполнить заказ. Дюпон, устроившись поудобней, достал сигареты и зажигалку. Он оглядел соседние столики, улыбаясь в ответ на приветствия, затем придвинулся к Бонду.

— Боюсь, что здесь, к сожалению, шумновато. Я привел вас сюда только ради крабов. Вы не аллергик, надеюсь? А то я как-то привел сюда даму, так у нее от крабов губы вздулись, словно лепешки.

Бонда позабавило, как изменились манеры Дюпона, едва только тот решил, что заполучил Бонда. Речь его стала властной, жесты — решительными. И куда подевался смущенный и робкий проситель, окликнувший его в аэропорту? Интересно, что же ему все-таки нужно? Видимо, объяснение должно последовать с минуты на минуту.

— Аллергией я не страдаю,— ответил Бонд.

— Прекрасно, прекрасно.

Повисла пауза. Дюпон несколько раз щелкнул зажигалкой, затем, сообразив, что сейчас он производит впечатление попусту суетящегося человека, отодвинул ее. Судя по всему, он решился. Глядя на свои руки, Дюпон произнес:

— Вы когда-нибудь играли в канасту, мистер Бонд?

— Да, хорошая игра, мне нравится.

— А в канасту вдвоем?

— Тоже играл, хотя этот вариант мне кажется совсем неинтересным. Если сам не сделаешь глупость и партнер ее не сделает, игра обычно заканчивается с ничейным результатом. Шансы на крупный выигрыш совершенно нулевые.

Дюпон согласно кивнул.

— Именно. Я тоже так считал. Сыграв сотню партий, равные по силе партнеры останутся при своих. Это не то, что джин или оклахома. Но, с другой стороны, именно это мне и нравится. Просто времяпрепровождение с кучей карт, понемножку выигрываешь, понемножку проигрываешь, а в конечном счете все довольны. Так?

Бонд кивнул. Принесли мартини. Дюпон заказал еще два коктейля и продолжил:

— А как бы вы отреагировали, мистер Бонд, если бы я сказал, что проиграл в канасту двадцать пять тысяч долларов в течение недели?

Бонд открыл рот, собираясь ответить, но Дюпон остановил его нетерпеливым жестом.

— И заметьте, я хороший игрок. Я являюсь членом «Ридженс клуба», играл с игроками класса Чарли Горена, Джонни Кроуфорда, вообще-то в бридж, но это я к тому, что в этом деле я не новичок.

Дюпон вопросительно глянул на Бонда.

— Если вы играли все время с одним и тем же партнером, то этот человек — шулер.

— И-мен-но! — Дюпон хлопнул ладонью по столу.— Именно. Об этом я и подумал, когда проигрывал, проигрывал, проигрывал четыре дня подряд. Я сказал себе: «Этот сукин сын жульничает» — и решил узнать, как он это делает, а потом вышвырнуть его из Майами. Я удвоил ставки, затем удвоил еще раз. Этот тип несказанно обрадовался. А я все время следил за ним, следил очень пристально за его жестами, картами, словами. И ничего! То есть абсолютно. Карты некрапленые, никаких условных знаков, ничего. Мои собственные карты. Новая колода по первому требованию. Ни малейшей попытки заглянуть в мои карты. Да он и не мог этого сделать, ведь я сидел напротив. Рядом никого, кто бы мог подсказывать. А он все выигрывал, выигрывал, выигрывал... Сегодня опять выиграл. Утром. И днем. В конце концов я совершенно озверел, впрочем, не показал виду.— Последняя реплика предназначалась Бонду, дабы тот не подумал, что Дюпон не умеет достойно проигрывать.— Я заплатил, как положено, но тут же, ничего не говоря этому типу, собрал вещички, приехал в аэропорт и взял билет на первый же рейс до Нью-Йорка. Подумать только! — Дюпон всплеснул руками.— Я спасаюсь бегством! Но двадцать пять «косых» это двадцать пять «косых». А могло бы быть и пятьдесят, и сто... И не мог я больше продолжать играть в эту чертову игру, не имея возможности схватить этого хмыря за руку. И я просто-напросто сбежал. Как вам это нравится? Я, Джуниус Дюпон, плачусь в жилетку, потому что не смог больше выносить этот грабеж.

Бонд сочувственно хмыкнул. Принесли мартини. Бонда эта история заинтересовала, его всегда интересовало все, связанное с картами. Он представил себе сцену, когда двое

мужчин сидят друг против друга, один из них спокойно складывает канасту, откладывает в сторону и записывает очки, а другой с едва сдерживаемым раздражением швыряет карты на стол. Было совершенно ясно, что Дюпона обманули. Но каким образом?

— Двадцать пять тысяч — большие деньги. Какие были ставки? — спросил Бонд.

— Начальная ставка двадцать пять центов, потом пятьдесят, затем доллар. Для такой игры это высокая ставка. Даже при двадцати пяти центах выигрыш составляет пятьсот долларов за игру. А при ставке в доллар проигрыш равносилен самоубийству.

— Но вы, вероятно, изредка выигрывали?

— Да, но только когда ему это было нужно из тактических соображений. Гроши. Он избегал всех моих ловушек, предвидел все мои действия, как будто точно знал, какие карты у меня на руках.

— А зеркал в помещении не было?

— Да нет! Мы играли на открытом воздухе. Он говорил, что хочет позагорать. И, конечно, загорел. Красный, как рак. Играли мы только утром и днем. Он говорил, что не играет вечером, потому что потом долго не может заснуть.

— А он кто? Как его зовут?

— Голдфингер.

— А имя?

— Аурик. Это, кажется, означает «золотой», не так ли? Вот он такой и есть. Огненно-рыжий.

— Национальность?

— Вы мне не поверите, но он английский подданный. Живет в Нассау. Исходя из фамилии, можно подумать, что он еврей, но внешность у него не семитская. Да у нас во «Флоридиане» его бы и не приняли, если бы он таковым являлся. У нас с этим строго. Паспорт выдан в Нассау, ему сорок три года, холост, по профессии брокер. Это сведения из его паспорта. Я узнал у гостиничного детектива, когда сел с ним играть.

— И какого рода брокер?

Дюпон кисло улыбнулся.

— Я у него спросил. Он ответил: «О, я занимаюсь всем, что подвернется». Весьма уклончивый тип. Как только задаешь прямой вопрос, тут же замыкается, но весьма любезно беседует абсолютно ни о чем.

— Насколько он богат?

— Ха! Это-то и есть самое главное! Он просто трещит

от золота! Прямо лопается! Я выяснил это через мой банк в Нассау. Он купается в золоте. В Нассау миллионеров — словно грязи, но он — первый или второй по списку. Свои деньги он вроде бы держит в виде слитков. Таскает их по всему свету, получая прибыль на разнице цен. Ведет себя, прямо как федеральный банк. К валютам относится с недоверием. Не могу сказать, что в этом он не прав. Учитывая, что он один из самых богатых людей в мире, возможно, это его система. Но вот в чем вопрос: раз он настолько богат, зачем ему понадобились какие-то паршивые двадцать пять тысяч?

Официанты, окружившие их стол, избавили Бонда от необходимости отвечать. Состоялся ритуал водружения в центр стола большого серебряного блюда с крабоидами. Возле каждой тарелки поставили по серебряному соуснику с топленым маслом и тосты. В бокалах пенилось розовое шампанское. Наконец старший официант, подойдя к ним сзади, обвязал им шеи салфетками, свисающими до пола.

Бонд вспомнил Чарльза Лаутона в роли короля Генриха VIII в фильме «Частная жизнь Генриха VIII», но ни Дюпон, ни окружающие пикак не отреагировали на столь «свинские» приготовления. Дюпон, произнеся: «Каждый сам за себя»,— положил себе на тарелку несколько крабоидов и, макая их в масло, стал есть.

Бонд последовал его примеру и тоже приступил к трапезе, поглощая самое вкусное в его жизни блюдо.

Мясо крабоидов было нежнейшим из всех, какие он когда-либо пробовал, особенно в сочетании с тостами и слегка жженым топленым маслом. Ледяное шампанское с легким привкусом земляники приятно холодило нёбо. Они ели спокойно и с удовольствием, не проронив ни слова, пока полностью не очистили блюдо.

Слегка рыгнув, Дюпон в последний раз стер шелковой салфеткой масло с подбородка и удовлетворенно откинулся на спинку стула. Лицо его пылало. Он посмотрел на Бонда с гордым видом.

— Я позволю себе усомниться, мистер Бонд, что кто-нибудь где-нибудь едал что-либо вкусней. Как вы считаете?

Я хотел легкой жизни, подумал Бонд. Красивой жизни. Нравится ли мне все это? Нравится ли мне жрать, как свинья, и выслушивать замечания такого сорта? И внезапно сама идея съесть еще одно такое кушанье или любое другое в компании Дюпона вызвала у него отвраще-

ние. Но он тут же устыдился своей реакции. В конце концов, что хотел, то и получил. Это протестовал сидящий в нем пуританин. Бонд высказал пожелание, и это его пожелание было не только исполнено, оно было буквально впихнуто ему в глотку.

— Не могу ничего сказать по этому поводу, но, несомненно, было очень вкусно.

Дюпон вполне удовлетворился ответом и заказал кофе. Бонд отказался от предложенных сигар и ликера, закурил и стал с интересом ждать продолжения. Он был уверен, что продолжение последует. И не ошибся. Дюпон прочистил горло.

— А теперь, мистер Бонд, у меня есть предложение.

Он посмотрел на Бонда, стараясь предугадать его реакцию.

— Да?

— Это, несомненно, рука провидения, что я встретил вас сегодня в аэропорту.

Голос Дюпона звучал серьезно и искренне.

— Я никогда не забывал нашу первую встречу. Я помню все. Ваше хладнокровие, решительность и мастерство.

Бонд внимательно изучал скатерть.

Но Дюпону надоело разглагольствовать и отвешивать реверансы, и он сказал:

— Мистер Бонд, я готов заплатить вам десять тысяч долларов, если вы согласитесь оставаться здесь в качестве моего гостя до тех пор, пока не узнаете, каким образом этот человек, Голдфингер, обыгрывает меня в карты.

Бонд посмотрел Дюпону прямо в глаза.

— Это хорошее предложение, мистер Дюпон. Но мне необходимо вернуться в Лондон, и я должен быть в Нью-Йорке через сорок восемь часов, чтобы успеть на самолет. Если вы завтра будете играть как обычно, утром и днем, у меня будет вполне достаточно времени, чтобы все выяснить. Но вне зависимости от того, помогу я вам или нет, я должен улететь завтра. Договорились?

— Согласен,— ответил Дюпон.

3. Человек, страдающий агорафобией

Утром Бонда разбудил звук хлопающих занавесок. Он отбросил простыню, по толстому ковру прошел к окну, занимающему всю стену, раздвинул занавески и вышел на балкон.

Вдоль берега шли корпуса «Кабана клуба» — два пролета раздевалок под плоской крышей с установленными на ней стульями, столиками и зонтиками в красно-белую полоску. Рядом бассейн с изумрудно-зеленой водой и множеством шезлонгов вокруг, пока еще пустующих, но на которых скоро расположатся отдыхающие, дабы получить свою порцию загара ценой пятьдесят долларов в день. Несколько служителей в белых жилетах копошились между шезлонгами, выравнивая их, переворачивая матрасы, стряхивая вчерашний пепел и окурки. Дальше тянулась длинная песчаная коса, плескалось море. Глядя на все это, не приходилось удивляться записи в гостевой карте в номере Бонда, где указывалось, что проживание в люксе «Алоха» стоило двести долларов в сутки. По грубым подсчетам, три недели пребывания здесь обошлись бы Бонду в годовой заработок. Он снисходительно улыбнулся своим мыслям, вернулся в спальню и заказал по телефону плотный завтрак, пачку «Честерфилда» и газеты.

Пока он брился и принимал ледяной душ, пробило восемь часов. Бонд прошел в элегантную гостиную и обнаружил там официанта в лилово-золотой форме, сервирующего завтрак на столике возле окна. Бонд просмотрел «Майами геральд», вся первая полоса которой была посвящена последствиям авиакатастрофы и результатам (весьма скверным) скачек.

Бонд бросил газету на пол и приступил к еде, размышляя о Дюпоне и Голдфингере. Делать какие-либо выводы было пока трудно. Либо Дюпон играл хуже, чем он сам считал (весьма сомнительное предположение, учитывая сильный характер последнего), либо Голдфингер был шулером. Если Голдфингер жульничал, хотя деньги ему были и не нужны, то напрашивался вывод, что свой капитал он составил либо игрой в карты, либо с помощью какой-нибудь другой игры. Бонда всегда интересовали крупные мошенники, поэтому он с нетерпением ждал встречи с Голдфингером, и еще ему очень хотелось узнать способ, явно весьма успешный и такой таинственный, помогающий тому обыгрывать Дюпона. Денек обещал быть забавным.

Согласно плану, выработанному совместно с Дюпоном, они должны были встретиться в парке в десять часов. Версия была следующая: Бонд прилетел из Нью-Йорка, чтобы предложить Дюпону пакет акций канадской холдинговой газовой компании. Поскольку дело было конфиденциальным, Голдфингер не станет выяснять у Бонда подроб-

ности. Акции, природный газ, Канада. Это все, что нужно было запомнить Бонду. Затем они пойдут на крышу «Кабана клуба», где обычно Дюпон играл с Голдфингером, там Бонд сядет поблизости с газетой и будет наблюдать за игрой. После обеда, во время которого они с Дюпоном будут вести «деловую» беседу, все начнется опять по той же схеме. На вопрос Дюпона, не нужно ли чего-нибудь еще, Бонд попросил ключ-отмычку от апартаментов Голдфингера. Он объяснил, что если Голдфингер профессиональный шулер или шулер-любитель, но высокого класса, то у него должен быть обычный для таких людей набор: крапленые карты, специальные приспособления и т. д. и т. п. Дюпон обещал передать отмычку при встрече в парке, он легко сможет получить ее у управляющего.

После завтрака Бонд расположился поудобней и стал смотреть на море. Принятые им на себя обязательства нисколько его не беспокоили, было просто забавно и довольно интересно. Это как раз то, что нужно, чтобы стряхнуть с себя груз мексиканских воспоминаний.

В половине десятого Бонд вышел из номера и пошел по коридорам своего этажа, сознательно «заблудившись» в переходах, чтобы получше узнать все гостиничные ходы и выходы. Затем, дважды натолкнувшись на одну и ту же горничную, он, дабы не вызвать лишних подозрений, спросил у нее дорогу к лифту, прошел, лавируя среди проспувшихся постояльцев, через «Ананасовую аркаду», заглянул в «Бамбуковую кофейню», «Бар встреч», зал «Тропикана», детский и ночной бары и уже целенаправленно двинулся в парк. Дюпон, одетый в пляжный костюм от «Аберкомб и Фитч», сразу протянул ему ключ от номера Голдфингера. Мирно беседуя, они подошли к «Кабана клубу» и поднялись на крышу.

Первое впечатление, произведенное Голдфингером на Бонда, было потрясающим. В дальнем углу, прямо возле гостиничной стены, на шезлонге лежал человек. На нем не было ничего, кроме узеньких сатиновых плавок желтого цвета, темных очков и пары жестяных крыльев, закрепленных на шее под подбородком. Крылья закрывали плечи и слегка загибались вниз.

— Что это за штука у него на шее? — спросил Бонд.

— Никогда не видели? — удивился Дюпон.— Это специальное приспособление из полированной жести, которое отражает солнечные лучи, и таким образом у вас загорают места, обычно скрытые от солнца — под подбородком и за ушами.

— Ну-ну,— хмыкнул Бонд.

Когда они подошли на расстояние в несколько ярдов к лежащей фигуре, Дюпон весело и, как показалось Бонду, чересчур громко воскликнул:

— Привет!

Голдфингер не прореагировал.

Дюпон пояснил нормальным тоном:

— Он глухой.

Теперь они стояли у самых ног Голдфингера, и Дюпон повторил приветствие.

Голдфингер резко сел, сняв очки.

— О, привет.

Он отстегнул крылья, аккуратно положил их рядом с собой на пол и тяжело поднялся, окинув Бонда медленным изучающим взглядом.

— Позвольте вам представить: мистер Бонд, Джеймс Бонд, мой друг из Нью-Йорка. Между прочим, ваш соотечественник. Приехал сюда специально, чтобы обделать со мной одно дельце.

Голдфингер протянул руку.

— Рад знакомству, мистер Бомб.

Бонд пожал руку, оказавшуюся сухой и жесткой. На мгновение голубые глаза Голдфингера широко распахнулись, и Бонда пронзил внимательный взгляд, казалось, проникающий, как рентген, внутрь черепной коробки. Затем ресницы сомкнулись, и рентгеновский снимок остался запечатленным где-то в глубине мозга Голдфингера.

— Значит, играть сегодня не будем.

Голос был бесцветный и равнодушный, вопрос звучал скорее как утверждение.

— То есть как это — не будем играть?! — воскликнул Дюпон.— Уж не думаете ли вы, что я так просто позволю вам уйти с моими деньгами? Я должен отыграться, иначе я не смогу выехать из этой чертовой гостиницы.— Дюпон сплюнул.— Я скажу Сэму, чтобы он установил столик. Джеймс сказал, что он мало что смыслит в картах и с удовольствием поучится. Верно, Джеймс? — Он повернулся к Бонду.— Ты уверен, что высидишь здесь на солнцепеке со своей газетой?

— С удовольствием хоть немного посижу спокойно,— ответил Бонд,— а то в последнее время пришлось очень много ездить.

Снова рентгеновский взгляд уперся в Бонда, потом глаза опустились.

— Пойду что-нибудь на себя накину. Я собирался сегодня взять урок гольфа у мистера Армора в «Бона Ратон», но карты — основное мое хобби, поэтому гольф подождет.

Глаза Голдфингера равнодушно скользнули по Бонду.

— Вы играете в гольф, мистер Бомб?

Бонд возвысил голос:

— Иногда, когда бываю в Англии.

— И где же вы играете?

— Хантерком.

— А, знаю, симпатичное маленькое поле. Я недавно стал членом клуба «Ройал Сент-Марк». Сандвич расположен недалеко от одного из моих предприятий. Вы знаете, где это?

— Я там играл.

— И какой у вас гандикап?

— Девять.

— Какое совпадение. У меня тоже. Нам с вами нужно будет когда-нибудь сыграть вместе.

Голдфингер поднял свои жестяные крылья, сказал Дюпону:

— Я вернусь минут через пять,— и медленно спустился вниз.

Бонд был доволен. Небольшое социальное исследование его персоны было произведено с характерной для крупного магната долей небрежности, которому вообще-то абсолютно безразлично само существование Бонда, но, коль скоро тот все-таки оказался здесь, его нужно было хотя бы приблизительно отнести к какой-либо социальной категории.

Дюпон отдал необходимые распоряжения служителю в белой форме, двое других уже устанавливали игральный столик. Бонд подошел к перилам, ограждающим крышу, и стал смотреть в парк, размышляя о Голдфингере.

Несомненно, тот произвел на него впечатление. Он был одним из самых уравновешенных и собранных людей, когда-либо встреченных Бондом. Это проявлялось и в том, что он не делал ни одного лишнего движения, не произносил лишних слов. Голдфингер не тратил понапрасну сил, однако в спокойствии этого человека было что-то напоминающее сжатую пружину.

Первое, что бросилось в глаза Бонду, когда Голдфингер поднялся с шезлонга,— это полное отсутствие пропорций: маленький рост, не более пяти футов, крупное тело на коротких и толстых крестьянских ногах, увенчанное

большой, кажущейся абсолютно круглой головой, росшей прямо из плеч. Складывалось впечатление, что этот человек был составлен из частей, принадлежащих разным людям. Возможно, подумал Бонд, он придает такое значение загару, чтобы хоть как-то компенсировать свое уродство. Без этого красно-коричневого камуфляжа бледное тело выглядело бы гротескно. Лицо под ежиком коротко стриженных морковных волос было столь же необычным, сколь и тело: луновидное, лоб крутой и широкий, песочного цвета узкие брови, светло-голубые глаза, обрамленные белесыми ресницами. Нос немного вздернут, скулы высокие, щеки скорее упругие, чем толстые. Рот узкий, но красиво очерченный, подбородок твердый. В общем, подумал Бонд, это лицо мыслителя, возможно, ученого, жесткое и чувственное, стоическое и упрямое. Странное сочетание.

Что еще можно предположить? Бонд всегда с недоверием относился к людям маленького роста. Они с детства должны расти с комплексом неполноценности. Всю свою жизнь они стремятся стать большими, больше других, тех, которые издевались над ними в детстве. Наполеон и Гитлер были коротышками. Все беды мира исходят от недомерков. Так что же представлял собой этот нескладный человечек с огненно-рыжими волосами и странным лицом? Из него мог бы выйти великолепный неудачник. Однако в этом человеке чувствовалась такая внутренняя хорошо сдерживаемая сила, что казалось: вставь Голдфингеру в рот лампочку — и она наверняка загорится. Бонд улыбнулся собственным мыслям. Интересно, в чем Голдфингер находит выход этой своей неуемной энергии? Богатство? Секс? Власть? Вероятно, и то, и другое, и третье. Любопытно было бы узнать его историю. Сейчас он, возможно, и британский подданный, но где он родился? Не еврей, хотя семитская кровь, вероятно, есть. Явно не выходец из романских стран, вообще не южанин. Не славянин. Возможно, немец, нет, прибалт! Вот откуда он должен быть родом! Выходец из одной из прибалтийских провинций, сбежавший оттуда с приходом русских. Либо Голдфингера предупредили, либо его родители были достаточно сообразительны. А потом? Что было потом? Каким образом он сумел стать одним из богатейших людей в мире? Было бы интересно это выяснить когда-нибудь, но не сейчас, сейчас достаточно узнать, каким образом ему удается постоянно выигрывать в карты.

— Все в порядке?

Вопрос Дюпона относился к приближающемуся к ним Голдфингеру. Одетый в безукоризненно сидящий синий костюм и белую рубашку с расстегнутым воротом, Голдфингер выглядел почти прилично. Но спрятать свою круглую, как мяч, рыжую голову он не мог, да и слуховой аппарат в ухе не придавал ему шарма.

Дюпон сел спиной к гостинице, Голдфингер — напротив него, и игра началась.

Бонд уселся рядом с Дюпоном, лениво листая газету и внимательно наблюдая за игрой. Как Бонд и предполагал, никаких трюков с картами не было. Голдфингер сдавал умело и аккуратно, на руках у него не было ничего лишнего, пальцы не делали ни одного ненужного движения, короче, ничего такого, что обычно используют шулера.

По ходу сдачи Дюпон объяснил Бонду принцип игры. Бонд отметил, что тот держит карты умело, не раскладывает их по мастям и значимости. Все нужные ему карты были в середине, по краям — единичные и малостоящие.

Игра началась. Лицо Дюпона было абсолютно бесстрастным, по нему ничего нельзя было прочесть. Поначалу казалось, что эту партию он выиграет, однако все закончилось, как и прежде, выигрышем Голдфингера.

— Черт возьми, как вам это удается? Ведь я почти что выиграл сейчас! — Голос Дюпона выдавал сильнейшее раздражение.— Кто, черт побери, подсказал вам этот ход?!

— У меня нюх на неприятности,— невозмутимо произнес Голдфингер.

Он подсчитал свои очки, огласил сумму и стал спокойно ждать, пока Дюпон подсчитает свои. Затем перемешал карты и глянул на Бонда с вежливым интересом.

— Вы надолго приехали, мистер Бомб?

Бонд улыбнулся.

— Моя фамилия Бонд. Б-О-Н-Д. Нет, мне нужно сегодня вечером вернуться в Нью-Йорк.

— Как жаль...

Голдфингер изобразил вежливое сожаление. Он снова вернулся к картам, и игра продолжилась. Бонд взял свою газету и под ее прикрытием, глядя в таблицу баскетбольных игр, на слух следил за игрой. Голдфингер выиграл и эту партию, и две последующие, получив кругленькую сумму в полторы тысячи долларов.

— Ну вот, опять! — раздался жалобный голос Дюпона.

Бонд опустил газету.

— А что, он в основном выигрывает?

— В основном! — это звучало как хрип.— Он *всегда* выигрывает!

И они продолжили игру.

— Почему бы вам не поменяться местами? — предложил Бонд.— Я слышал, что перемена места приносит удачу.

Голдфингер прервал сдачу и серьезно посмотрел на Бонда.

— К сожалению, мистер Бонд, это невозможно, иначе я не смогу играть. Я уже объяснил мистеру Дюпону, когда мы с ним начинали игру, что страдаю таким недугом, как агорафобия, боязнь открытого пространства. Я не выношу открытого горизонта, поэтому вынужден сидеть лицом к стене,— и он продолжил сдачу.

— О, извините,— голос Бонда звучал серьезно и заинтересованно.— Это очень редкое заболевание. Я всегда понимал людей, страдающих клаустрофобией, но впервые вижу человека, подверженного агорафобии. Как это случилось?

Голдфингер взял карты и, перекладывая их в руках, спокойно ответил:

— Не имею ни малейшего понятия.

Бонд поднялся на ноги.

— Ладно, пойду немножко пройдусь, посмотрю, что делается в бассейне.

— Давай,— радостно произнес Дюпон.— Подожди немножко, Джеймс, у нас будет достаточно времени в обед поговорить о делах, а сейчас я все-таки попробую обыграть моего друга Голдфингера. До скорого!

Голдфингер не отрывал глаз от карт. Перешагивая через лежащих, Бонд прошел к другому концу крыши, выходящему на бассейн. Он постоял некоторое время, глядя на коричневые, розовые и белые тела, лежащие внизу. До него доносился тяжелый запах масла для загара. В бассейне плескались дети и молодежь.

Бонд повернулся и посмотрел на двух игроков, продолжавших играть возле гостиничной стены. Значит, Голдфингер предпочитает сидеть лицом к стене. Или же ему желательно, чтобы Дюпон сидел к ней спиной. А почему? Кстати, а какой он занимает номер? Двухсотый, люкс «Гавайи». Номер Бонда был выше — тысяча двухсотый. Если он правильно рассчитал, апартаменты Голдфингера должны находиться по прямой вниз под номером Бонда на втором этаже, приблизительно в двадцати ярдах от крыши «Кабана клуба», то есть в двадцати ярдах от игроков. Бонд

сосчитал этажи и внимательно оглядел балкон Голдфингера. Ничего. Балконная дверь открыта. Бонд прикинул расстояние, угол обзора. Да, именно так могло бы быть. Так и должно быть! Ай да мистер Голдфингер! Умница!

4. За балконной дверью

После обеда (традиционного салата из креветок с горчицей, ростбифа и ананаса) еще оставалось время отдохнуть перед назначенной на три часа встречей с Голдфингером.

Дюпон, проигравший очередные десять тысяч (или чуть больше), на вопрос Бонда, есть ли у Голдфингера секретарь, ответил утвердительно.

— Только я ни разу ее не видел, она безвылазно сидит в номере. Наверное, какая-нибудь хористочка, которую он прихватил с собой на отдых. А что? Вы что-то узнали?

— Ничего конкретного пока сказать не могу,— уклончиво ответил Бонд.— Я скорее всего не пойду с вами после обеда. Скажете, что мне надоело смотреть и я ушел в город.

Немного помолчав, он продолжил:

— Но если моя догадка верна, не удивляйтесь тому, что, возможно, произойдет. Если вдруг Голдфингер поведет себя странно, сидите спокойно и наблюдайте. Я пока ничего не обещаю. Кажется, я его поймал, но может быть, и нет, может, я ошибаюсь.

— Прекрасно! Мне не терпится увидеть, как этот сукин сын останется без штанов! Черт бы его побрал!

Бонд поднялся в свой номер, достал из чемодана фотоаппарат и принадлежности к нему, вставил вспышку в гнездо и зарядил пленку. Выйдя на балкон, он прикинул, где будет солнце в половине четвертого, вернулся в комнату и установил нужную выдержку. Сделав несколько пробных кадров, чтобы убедиться в исправности фотоаппарата, Бонд отложил его в сторону.

Затем он снова открыл чемодан и извлек оттуда книгу — «Популярную Библию», в которой перевозил свой «вальтер РРК» в кобуре. Пристегнув кобуру слева к поясу, он несколько раз быстро выхватил пистолет и остался доволен результатом. Бонд внимательнейшим образом изучил планировку своего номера, исходя из того, что планировка номера Голдфингера должна быть идентичной. Мысленно он представил себе сцену, которую почти наверняка увидит в апартаментах Голдфингера. Опробовав отмычку

на всех имеющихся замках и напрактиковавшись в бесшумном открывании дверей, он придвинул кресло к балконной двери, удобно расположился в нем с сигаретой и, глядя в морскую даль, стал обдумывать свои действия в отношении Голдфингера, когда придет время.

В три пятнадцать Бонд встал, вышел на балкон и посмотрел вниз на сидящих игроков. Затем проверил еще раз выдержку на фотоаппарате, накинул куртку, завязал на шее галстук, повесил на грудь камеру и, оглядев в последний раз свой номер, направился к лифту. Спустившись на первый этаж, он некоторое время изучал витрины в холле, дождался, когда лифт снова пошел наверх, и быстро поднялся по лестнице. Второй этаж ничем не отличался от двенадцатого, и двухсотый номер был именно там, где и должен был находиться по расчетам Бонда. Убедившись, что вокруг никого нет, Бонд бесшумно открыл дверь и закрыл ее за собой. В небольшой прихожей на вешалке висели плащ, светлое пальто из верблюжьей шерсти и светло-серая фетровая шляпа. Бонд, держа фотоаппарат наготове, тихонько открыл дверь, ведущую в гостиную.

Еще до того как он увидел то, что и ожидал увидеть, Бонд услышал голос, приятный низкий женский голос, который по-английски перечислял карты, видимо, находящиеся в руках Дюпона.

Бонд проскользнул в комнату.

На двух подушках, лежащих на придвинутом к балконной двери столе, сидела девушка. Подушки были ей нужны, чтобы сидеть на необходимой высоте. Был пик дневного зноя, поэтому на девушке не было ничего, кроме черного лифчика и таких же трусиков. Она сидела, устало свесив ноги, и внимательно изучала результаты только что законченного ею маникюра на левой руке. Потом она попробовала ногти языком и правой рукой убрала кисточку для лака обратно в пузырек, стоящий на столе рядом с ней. Перед глазами у девушки на треножнике был закреплен большой морской бинокль с приделанным микрофоном, от которого шел шнур к небольшому ящичку, лежащему под столом. От ящичка, в свою очередь, тянулось несколько проводов к антенне возле стены.

Когда девушка наклонилась к биноклю, чтобы прокомментировать карты Дюпона, трусики натянулись. Закончив, она выключила микрофон.

Пока девушка говорила, Бонд беззвучно пересек комнату и влез на стоящий у нее за спиной стул, надеясь, что тот не скрипнет. Теперь вся сцена была как на ладони. Он

поднес аппарат к глазам. Да, все вписывается в кадр — и голова девушки, и бинокль с микрофоном, и игроки внизу за столиком, и карты Дюпона в его руках. Бонд даже различил масти. Он нажал на спуск. Яркий свет вспышки заставил девушку вскрикнуть и резко обернуться.

— Добрый день.

Бонд слез со стула.

— Кто вы? Что вам нужно?

Девушка поднесла руку ко рту, в глазах ее стоял ужас.

— Я получил то, что хотел. Не волнуйтесь, уже все позади. А зовут меня Бонд, Джеймс Бонд.

Бонд осторожно положил камеру на стул и встал так, чтобы хорошенько разглядеть девушку. Она была очень красива: платиновая блондинка с длинными не по моде волосами, спадающими на плечи. Глаза ее были глубокого синего цвета, кожа слегка загорелая, губы пухлые и красиво очерченные. По идее, у нее должна была быть очень славная улыбка.

Девушка встала. Высокого роста, примерно пять футов десять дюймов, руки и ноги развиты, как у пловчихи. Груди ее вызывающе торчали под черным шелком лифчика.

Страх потихоньку уходил из ее глаз. Тихим голосом она спросила:

— Что вы хотите сделать?

— Лично вам ничего. Хочу немножко подразнить Голдфингера. Будьте хорошей девочкой, подвиньтесь и дайте мне глянуть.

Бонд сел на место девушки и посмотрел в бинокль. Игра шла нормально. На перерыв в связи Голдфингер не реагировал.

— Он что, на отсутствие связи не реагирует? Или сейчас прервет игру?

— Перерывы случались и раньше,— нерешительно произнесла девушка.— Он просто ждет, когда я снова выйду на связь.

Бонд улыбнулся.

— Ладно, пускай потерпит немного. Вот, возьмите сигарету и расслабьтесь.

Он протянул ей пачку, из которой девушка медленно вытянула сигарету.

— В любом случае вам пора заняться ногтями на правой руке.

На лице девушки промелькнула улыбка.

— Так вы давно здесь? Вы меня ужасно перепугали, почти до шока.

— Да нет, не очень. Мне жаль, что я вас так напугал, а что касается шока, то Голдфингер держит беднягу Дюпона в шоковом состоянии уже неделю.

— Да,— согласилась она с некоторым сомнением в голосе,— наверное, да, но ведь тот, кажется, очень богат?

— О да, и я не стал бы дергаться ради одного Дюпона. Но ведь Голдфингер может проделать то же самое с кем-нибудь, кто не настолько богат, верно? И вообще, ведь он и сам мультимиллионер. Зачем же ему это все? Он же лопается от денег.

Личико девушки снова оживилось.

— Знаю. И я его просто не понимаю. Это у него своего рода мания — делать деньги. Он просто не может себе в этом отказать. Я его как-то спросила, зачем он это делает, а он мне ответил, что только идиоты не делают деньги, когда условия этому благоприятствуют. Он всегда делает одно и то же — создает эти благоприятные условия. Когда он уговаривал меня заняться этим,— она махнула рукой с сигаретой в сторону бинокля,— я его спросила, зачем так глупо рисковать, и знаете, что он мне ответил? «Это мой вам урок номер два: если условия неблагоприятные, сделай их благоприятными».

— Ему крупно повезло, что я не служу в агентстве Пинкертона или в полиции Майами,— прокомментировал Бонд.

Девушка пожала плечами.

— О, его бы это нисколько не взволновало. Он бы вас попросту купил. Он может купить кого угодно. Перед золотом никто не устоит.

— Что вы имеете в виду?

— Он всегда возит с собой золото на миллион долларов. Когда он проходит таможню, то просто обвязывается поясом с золотыми монетами или провозит его в виде тонких пластин, спрятанных на дне и по боковинам чемоданов. На самом деле это просто чемоданы из чистого золота, обтянутого кожей.

— В таком случае они должны весить тонну.

— Он всегда ездит на машине со специальными рессорами. А его шофер — настоящий силач, он и таскает чемоданы, никто другой к ним не притрагивается.

— Зачем он возит с собой столько золота?

— На всякий случай. Вдруг понадобится. Он прекрасно знает, что за золото можно купить все, что пожелаешь. И потом, он просто любит золото, действительно любит,

как некоторые любят драгоценности, марки или,— тут она лукаво улыбнулась,— женщин.

— А вас он любит? — Бонд улыбнулся в ответ.

Девушка вспыхнула и с оскорбленным видом произнесла:

— Конечно, нет! — И продолжила уже более спокойным тоном: — Вы, конечно, можете думать что угодно, но он действительно меня не любит. То есть, я хочу сказать, ему, наверное, нравится, что окружающие думают, что мы... что я... словом, что это любовь и все такое... ну, вы понимаете... Он не очень-то привлекателен, и, я думаю, это просто вопрос, ну, гордости, что ли, или что-то в этом роде.

— Понятно. Выходит, вы что-то вроде секретаря?

— Компаньонка,— поправила она.— Мне не нужно печатать и все такое прочее.

Внезапно она закрыла себе рот ладошкой.

— Ой, я не должна была вам всего этого рассказывать! Но вы ведь не скажете ему? Не скажете? А то он меня выгонит,— глаза ее снова наполнились ужасом,— или еще что-нибудь со мной сделает. Я не знаю, на что он способен. Это человек, который может сделать все что угодно...

—Конечно, я ему не скажу. Только объясните мне, почему вы это делаете? Это ведь для вас тоже не самый подходящий вариант?

— Сто фунтов в неделю и все остальное,— кисло ответила девушка, обведя рукой комнату,— с неба не каждый день падают. Я экономлю, когда скоплю достаточную сумму, уйду.

Вряд ли Голдфингер позволит ей так просто уйти, подумал Бонд. Она слишком много знает. Он окинул взглядом красивое личико и великолепную фигуру девушки. Возможно, она и не подозревает, что, прельстившись деньгами и комфортом и связавшись с этим человеком, она попала в очень скверный переплет.

Девушка явно нервничала.

— Кажется, я одета не вполне подобающим образом,— смущенно засмеялась она.— Можно, я пойду накину на себя что-нибудь более подходящее?

Бонд не был уверен, что девушке можно доверять, ведь не он же платил ей сто фунтов в неделю, поэтому решил не отпускать ее.

— Вы великолепно выглядите. Не менее респектабельно, чем вся эта публика возле бассейна. И вообще,— он потянулся,— пора заняться мистером Голдфингером.

Все это время Бонд периодически поглядывал на игроков, сидевших внизу. Казалось, все шло, как обычно. Бонд посмотрел в бинокль. Сейчас Дюпон выглядел совершенно другим человеком: движения его стали уверенными, лицо оживилось. Он бросил на стол кучу карт — полную канасту по королям. Бонд подрегулировал бинокль, чтобы лучше видеть Голдфингера.

Выражение крупного кирпично-красного лица было невозмутимым и отсутствующим. Мистер Голдфингер терпеливо ждал, когда условия снова станут благоприятными. Он поправил слуховой аппарат, плотнее прижав его к уху, готовый слушать.

Бонд отодвинулся от бинокля.

— Симпатичный аппаратик,— отметил он.— На какой частоте работаете?

— Он говорил, но я забыла.

Девушка возвела глаза к небу.

— Семьдесят чего-то там, кажется, мега... не помню.

— Мегагерц. Возможно. Однако удивительно, что ваши переговоры не перебиваются переговорами таксистов и полицейских. Должно быть, очень точная настройка,— Бонд ухмыльнулся.— Ну что же, все, кажется, в порядке? Тогда приступим.

Внезапно девушка шагнула вперед и положила руку ему на плечо. На среднем пальце сверкало золотое кольцо — две руки, держащие золотое сердце. Со слезами в голосе она спросила:

— А это обязательно? Почему бы вам не оставить его в покое? Я не знаю, что он со мной за это сделает. Пожалуйста...

Она запнулась, затем, вспыхнув, как кумач, продолжила:

— И вы мне нравитесь. Я давно не видела таких мужчин, как вы. Может быть, вы сможете здесь задержаться? — глаза ее не отрывались от пола.— Если вы оставите его в покое, я... — и скороговоркой,— сделаю все, что вы захотите.

Бонд улыбнулся, сняв руку девушки со своего плеча и сжав ее в ладони:

— Мне очень жаль, но мне заплатили за эту работу, и я должен довести дело до конца. Да и потом, я просто хочу это сделать,— голос Бонда был совершенно ровным.— Давно пора кому-нибудь поставить мистера Голдфингера на место. Готовы?

Не дожидаясь ответа, он склонился к биноклю, по-прежнему направленному на Голдфингера. Внимательно глядя на круглую физиономию, он нашарил рукой микрофон и включил его.

Должно быть, в слуховом аппарате возникли какие-то шумы, потому что Голдфингер, не меняя выражения, медленно поднял лицо к небу и опустил, как бы благословляя.

Бонд голосом спокойным, но наполненным скрытой угрозой, произнес в микрофон:

— Слушайте меня, Голдфингер.

Он замолчал, ожидая реакции. Нисколько не меняясь в лице, Голдфингер легким кивком как бы подтвердил готовность слушать, не отрывая при этом глаз от карт.

— Говорит Джеймс Бонд. Помните такого? Так вот, игра закончена, пришло время расплаты. У меня есть фотография, на которой запечатлены блондинка, бинокль, микрофон, вы и ваш слуховой аппарат. Она не попадет ни в ФБР, ни в Скотленд-Ярд, если вы точно выполните то, что я вам скажу. Кивните, если поняли.

Лицо Голдфингера оставалось безмятежным. Большая круглая голова медленно качнулась вниз и вверх.

— Положите карты на стол рубашкой вниз.

Руки опустились, и карты посыпались на стол.

— Теперь возьмите вашу чековую книжку и выпишите чек на пятьдесят тысяч долларов из расчета тридцать пять тысяч, что вы отобрали у мистера Дюпона, десять тысяч мне и еще пять тысяч мистеру Дюпону в качестве компенсации морального ущерба и потери времени.

Бонд проследил за выполнением указаний, глянул на Дюпона, сидевшего с выпученными в немом изумлении глазами. Голдфингер медленно оторвал чек и подписал его.

— Хорошо, теперь пометьте это в вашей чековой книжке, да повнимательней, чтобы без ошибок. Затем вы забронируете мне купе до Нью-Йорка на «Серебряном метеоре» на сегодняшний вечер, закажете в купе шампанское и бутерброды с черной икрой в достаточном количестве. Икра должна быть лучшего сорта. И держитесь от меня подальше, чтобы без всяких фокусов. Фотографию я отправлю почтой с полным отчетом о происшедшем и указанием вскрыть пакет, если я не появлюсь завтра в Нью-Йорке вовремя и в полном здравии. Кивните, если поняли.

Большая голова снова медленно качнулась. На высоком гладком лбу теперь выступили капли пота.

— Хорошо. Теперь отдайте чек мистеру Дюпону со словами: «Приношу нижайшие извинения, все это время я вас обманывал»,— и можете идти.

Бонд проследил за рукой, протянувшейся через стол и положившей чек перед Дюпоном, при этом губы двигались, произнося указанные слова. Голубые глаза были абсолютно спокойны. Голдфингер расслабился. В конце концов, это всего лишь деньги. Он заплатил откупные.

— Минутку, Голдфингер, еще одно.

Бонд глянул на девушку. Она смотрела на него взглядом, полным ужаса, но в то же время в нем была тоска и покорность.

— Как вас зовут?

— Джил. Джил Мастертон.

Голдфингер уже поднялся и собирался уйти.

— Стоп.

Голос Бонда звучал, как удар хлыста. Голдфингер замер. Глаза его были теперь устремлены на балкон и широко распахнуты, как при первой встрече. Их тяжелый взгляд, казалось, проникал через окуляры бинокля прямо в глаза Бонда, сверля череп. Этот взгляд как бы говорил: «Я этого не забуду, мистер Бонд».

— Я кое-что запамятовал,— спокойно проговорил Бонд.— Еще одно, последнее. На время своей поездки я беру заложника. Мисс Мастертон будет сопровождать меня до Нью-Йорка, так что обеспечьте ей место в поезде. Да, и проследите, чтобы купе было в салон-вагоне. Все.

5. Ночное дежурство

Это произошло неделю спустя. Бонд стоял у открытого окна кабинета на седьмом этаже здания, являющегося штаб-квартирой Секретной службы. Лондон, освещаемый выглядывающей из-за облаков луной, спокойно спал. Биг-Бен пробил три часа. И одновременно зазвонил телефон. Бонд быстро вернулся к столу и снял трубку черного аппарата — одного из четырех, стоящих на столе.

— Дежурный офицер слушает.

— Вызывает станция «Эйч», сэр.

— Соедините.

В трубке послышались помехи, обычные при скверной связи с Гонконгом. Интересно, почему над Китаем всегда повышенная солнечная активность? Певучий голос спросил:

— «Юниверсал экспорт»?

— Да.

Близкий приглушенный голос явно в Лондоне произнес:

— На проводе Гонконг. Говорите, пожалуйста.

— Освободите линию,— нетерпеливо рявкнул Бонд.

Певучий голос продолжил:

— Вы на связи. Говорите, пожалуйста.

— Алло, алло? Это «Юниверсал экспорт»?

— Да.

— Говорит Диксон. Слышите меня?

— Да, слышу хорошо.

— Это по поводу телеграммы, которую я вам послал об отгрузке манго. Фруктов. Вы в курсе?

— Да, лежит передо мной.

Бонд придвинул к себе досье. Он знал, о чем идет речь. Станция «Эйч» запрашивала несколько магнитных мин для подрыва трех китайских разведывательных джонок, которые пользовались портом Макао для перехвата британских грузовых судов и их обыска с целью выявления на борту беженцев из Китая.

— Оплата должна быть произведена до десятого числа.

Это могло означать, что либо джонки уходят, либо с десятого числа усиливается их охрана, либо еще что-то срочное.

— Ясно,— коротко произнес Бонд.

— Спасибо. Пока.

— Пока.

Бонд положил трубку, взял другую — зеленую, набрал номер отдела «Кью» и переговорил с дежурным. Все должно было быть в порядке. Утренним рейсом авиакомпании ВОАС отдел отправит этот груз.

Бонд сел на стул и закурил. Он думал о маленьком, с плохой вентиляцией офисе в Гонконге, представлял пятна пота на рубашке номера 279, которого он хорошо знал и который только что назвался Диксоном. Скорее всего, в данный момент он говорил помощнику: «Все в порядке. Лондон подтвердил. Давай-ка теперь еще раз выверим график предстоящей операции».

Бонд сухо улыбнулся. Пусть лучше они отдуваются, а не он. Он терпеть не мог иметь дело с китайцами, уж больно их много. Станция «Эйч», похоже, разворошила осиное гнездо, но М решил продемонстрировать, что Секретная служба в Гонконге еще не окончательно отошла от дел.

Когда три дня назад М сообщил, что Бонду предстоит нести ночные дежурства, тому это не очень пришлось по вкусу и он стал доказывать, что мало знаком с работой

станций, что это слишком ответственная работа для агента, прослужившего шесть лет в подразделении «00» и забывшего все, что он когда-либо знал о работе станций, но М был непреклонен.

— Ничего, вы быстро все вспомните. А если возникнут проблемы, всегда можно обратиться к дежурным по подразделениям, начальнику Штаба или в конце концов ко мне. (Бонд улыбнулся, представив, как он будит М среди ночи, потому что кто-то где-то в Азии, например в Токио, во что-то влип.) Короче, я так решил. Я хочу, чтобы все старшие офицеры несли дежурство. Кстати, ноль ноль семь,— М окинул Бонда ледяным взором,— вчера на меня насели люди из казначейства. Они считают, что подразделение «ноль ноль» убыточно и не отвечает духу времени. Я не стал с ними спорить, просто сказал, что они ошибаются. (Бонд, усмехаясь про себя, представил эту картину.) Как бы то ни было, от вас не убудет, если, будучи в Лондоне, вы несколько раз подежурите. По крайней мере не застоитесь.

Теперь Бонд не жалел об этом. Он уже отдежурил больше половины срока, и за все это время не возникло ничего, выходящего за рамки проблем, требующих элементарного здравого смысла. В случае каких-либо затруднений он просто передавал информацию соответствующему подразделению. Ему даже нравилось сидеть в этой тихой комнате, быть в курсе всех секретов и периодически пить кофе с бутербродами, которые ему носила симпатичная буфетчица.

Второй причиной, почему Бонду нравились ночные дежурства, было то, что теперь у него появилось время воплотить в жизнь замысел, который он вынашивал уже больше года,— написать учебник по всем существующим способам самообороны без оружия. Он даже придумал название — «Выжить». В это пособие должно было войти все лучшее, что издавалось по данному вопросу всеми секретными службами мира. Бонд никому не рассказывал о своих замыслах, но втайне рассчитывал на то, что, если его идея осуществится, М разрешит внести его учебник в официальный список учебных материалов Секретной службы.

Бонд раздобыл оригиналы необходимых ему книг и их переводы. Большинство было изъято у вражеских агентов, некоторые были подарены М братскими службами — OSS, ЦРУ и Вторым бюро. Сегодня перед Бондом лежал раритет — перевод учебника с кратким названием «Самбо», предназначенного для оперативников советского СМЕРШа.

Прочитав половину второй главы, Бонд отодвинул рукопись, подошел к окну и стал смотреть на улицу. Его мутило от грубого насилия, которым была переполнена книжка. Он испытал приступ отвращения, подобный тому, какой был у него в аэропорту Майами. Что с ним происходит? Неужели он больше не выдерживает всего этого? Может быть, он расклеился? Или просто выдохся? Бонд некоторое время постоял, глядя на луну, выглядывающую из-за облаков, передернул плечами и вернулся к столу. Он пришел к выводу, что просто перебрал по части физического насилия, вроде психоаналитика, переобщавшегося со своими клиентами, страдающими психическими расстройствами.

Бонд снова перечитал абзац, вызвавший у него такую реакцию: «С пьяной женщиной можно легко справиться, захватив указательным и большим пальцами ее нижнюю губу. Жестко вывернув губу, нужно с силой дернуть, и женщина пойдет туда, куда нужно».

Бонд брезгливо хрюкнул. Омерзительная деликатность — большим и указательным пальцами! Б-р! Бонд закурил и уставился на пульт, стараясь переключить свои мысли на что-нибудь другое, страстно желая, чтобы загорелся какой-нибудь сигнал или зазвонил телефон. Осталось еще пять часов до доклада, который ему предстоит сделать начальнику Штаба или М, если М явится в такую рань. Что-то беспокоило Бонда, какая-то мысль, к которой он хотел вернуться, когда будет время. Что это было? Откуда возникла ассоциация? Да, палец, золотой палец, Голдфингер. Он хотел проверить по картотеке, нет ли у них чего-нибудь на этого человека.

Бонд снял трубку зеленого телефона и набрал номер информационного центра.

— Впервые слышу, сэр. Я проверю и позвоню вам.

Бонд положил трубку.

Путешествие было чудесным. Они с Джил съели все бутерброды и выпили шампанское, а затем занялись любовью под мерный перестук колес. Было такое впечатление, что девушка испытывала давно неутоляемый любовный голод. Она еще дважды будила его ночью, требуя ласки, молча, просто касаясь его тела. На следующий день она снова дважды опускала шторы на окнах, брала его за руку и говорила: «Люби меня, Джеймс»,— голосом ребенка, просящего конфету.

По словам Джил Мастертон, Голдфингер совершенно равнодушно воспринял свое поражение. Он велел ей пере-

дать Бонду, что будет в Англии через неделю и хотел бы сыграть с ним в гольф на поле в Сандвиче. И ничего больше — ни угроз, ни ругани. Еще он сказал, что будет ждать ее с обратным поездом. Джил собиралась вернуться к Голдфингеру. Бонд пытался отговорить ее, но она сказала, что ничего не боится. Что Голдфингер может ей сделать? А терять хорошую работу не хочется.

Бонд решил отдать ей те десять тысяч, которые Дюпон сунул ему, рассыпаясь в благодарностях. Он заставил ее взять деньги.

— Мне они не нужны, совершенно не представляю, куда их девать. Возьми эти деньги на случай, если придется спешно уезжать. Жаль, что здесь не миллион. Я никогда не забуду эту ночь и этот день.

Бонд посадил ее на поезд, крепко поцеловал и ушел. Это не было любовью, но когда Бонд отъезжал от вокзала, ему вспомнилось изречение: «Есть любовь, как пламя, есть любовь, как ржа. Но самая чистая, святая любовь — это вожделение». Никто из них ни о чем не сожалел. Согрешили ли они? Если да, то в чем их грех? Грех против целомудрия? Бонд усмехнулся. На этот случай тоже имелось изречение, причем святого — святого Августина: «Боже, сделай меня целомудренным! Но не сейчас!»

Зазвонил зеленый телефон.

— Есть три Голдфингера, сэр, но двое уже умерли, а третий — русский связной в Женеве. Владеет парикмахерской. Сует сообщения в правый карман, когда чистит клиента. Без ноги, потерял под Сталинградом. Этот подходит, сэр? На него еще много чего есть.

— Спасибо, нет. Это не тот.

— Мы могли бы пропустить его через информационный центр уголовно-следственной службы, сэр. У вас нет его фотографии?

Бонд вспомнил о сделанном снимке. Он даже не потрудился проявить пленку. Будет гораздо быстрее, если он составит фоторобот.

— Аппарат для составления фотороботов сейчас свободен?

— Да, сэр. Я могу поработать с вами, если хотите, сэр.

— Благодарю. Я сейчас спущусь.

Бонд передал дежурным операторам, где его искать, и спустился на первый этаж в информационный центр.

Ночью в большом здании было удивительно тихо, не считая мягкого ровного гудения работающей аппаратуры и звуков скрытой жизни — тихого треска печатной машин-

ки в одной из комнат, приглушенного голоса радио в другой, шелеста вентиляторов. Было ощущение, что находишься на борту военного корабля, стоящего на приколе в гавани.

Дежурный уже стоял возле аппарата в проекционном зале.

— Не могли бы вы дать мне описание основных черт, сэр? Это поможет при первоначальном подборе слайдов.

Бонд описал Голдфингера, сел и стал смотреть на экран. Ему потребовалось некоторое время, чтобы воссоздать это необычное лицо, но в конечном счете результат оказался вполне удовлетворительным. Бонд продиктовал ряд комментариев насчет загара, цвета волос, выражения глаз, и дело было сделано.

— Не хотелось бы мне встретиться с ним в темном месте,— хмыкнул дежурный.— Я передам это в уголовно-следственный отдел утром, как только они придут. Ответ будет скорее всего к обеду.

Бонд вернулся к себе на седьмой этаж. В другом полушарии было около полуночи, восточные станции заканчивали работу. Пока Бонд разобрался с поступившими сообщениями и написал отчет за ночь, пробило восемь часов. Он заказал в буфете завтрак и едва успел прикончить его, как зазвонил красный телефон. М! За каким лешим его принесло в такую рань?

— Да, сэр.

— Поднимитесь ко мне, ноль ноль семь. Я хочу с вами поговорить, прежде чем вы сдадите дежурство.

— Слушаюсь, сэр.

Бонд положил трубку, натянул пиджак и пригладил волосы рукой. Сообщив операторам, где он будет, взял папку с отчетом и поднялся на лифте на последний, восьмой этаж. Ни желанная мисс Манипенни, ни начальник Штаба еще не пришли. Бонд постучался в дверь кабинета М и вошел.

— Садитесь, ноль ноль семь.

М, как всегда, был занят набиванием и раскуриванием трубки. Он выглядел свежим и отдохнувшим. Выражение гладкой физиономии морского волка было на зависть живым и бодрым. Бонд остро ощутил жесткую щетину на своем подбородке и помятость собственного лица и костюма. Он сосредоточился.

— Ночь прошла спокойно?

М раскурил наконец свою трубку. Он смотрел на Бонда тяжелым, ясным взглядом.

— Очень спокойно, сэр. Станция «Эйч»...

М слегка приподнял левую руку.

— Неважно. Я прочту об этом в отчете. Давайте его сюда.

Бонд протянул папку с грифом «совершенно секретно». М отложил ее в сторону, улыбнувшись одной из своих редких, скорее всего сардонических улыбок.

— Времена меняются, ноль ноль семь. Я снимаю вас на данном этапе с ночных дежурств.

Ответная улыбка Бонда была слегка натянутой. Он почувствовал, как начинает учащенно биться его сердце, что часто с ним случалось в этом кабинете. М явно что-то ему приготовил.

— Я только-только начал втягиваться, сэр.

— Бросьте. У вас будет еще достаточно возможностей заняться этим позже. А сейчас что-то назревает. Странное дело. Не совсем по вашей линии, разве что с одной, весьма определенной стороны.— М отложил трубку.— А может, и ни с какой стороны.

Бонд промолчал, ожидая продолжения.

— Я вчера вечером ужинал с управляющим Английским банком. Всегда узнаешь что-нибудь новенькое, во всяком случае, это было новым для меня. Золото. Контрабанда золота, подделка и все такое. Никогда не думал, что Английский банк может так много знать о всякого рода жуликах. Видимо, охрана нашей валюты является частью их работы,— М вскинул брови.— Знаете что-нибудь о золоте?

— Нет, сэр.

— Ну что же, сегодня к вечеру узнаете. На четыре часа у вас назначена встреча с полковником Смизерсом в банке. Вам хватит времени, чтобы отоспаться?

— Да, сэр.

— Хорошо. Этот полковник Смизерс вроде как возглавляет следственный отдел банка. Исходя из того, что мне рассказал управляющий, это в некотором роде шпионская сеть. Должен признаться, я впервые узнал, что у них таковая имеется. Что лишний раз подтверждает, в каких поистине водонепроницаемых отсеках мы все работаем. Короче, Смизерс и его братия следят за событиями в финансовом мире, выискивая всякие нарушения, особенно всевозможные махинации с нашей валютой, золотым запасом и так далее. В свое время именно они занимались той историей с итальянцами, которые изготавливали поддельные соверены, причем делали их из настоящего золота с долж-

ным количеством карат и все такое прочее. Но, оказывается, соверен или наполеондор стоят значительно больше, чем равное им количество золота в расплавленном виде. Не спрашивайте, почему. Вам Смизерс это объяснит, если интересно.

В общем, банк натравил на эту публику целую армию юристов. С технической точки зрения это не является уголовным преступлением. Потерпев поражения в итальянских судах, мы все-таки сумели прищучить их в Швейцарии. Вы, я думаю, об этом читали. Затем дело, связанное с курсом доллара в Бейруте. В газетах было много шума в связи с этим. Я, собственно, не понял, в чем там загвоздка. Мы что-то там сделали, чтобы защитить нашу валюту, а шустрые мальчики из Сити раскрутили это дело. Короче, такими вот вещами и занимается Смизерс. А ко мне управляющий обратился вот почему: оказывается, в течение ряда лет из Англии уплывает много золота, и Смизерс никак не может найти концы. Только дедукция и нюх. Смизерс говорит, что уцепиться особенно не за что, но ему все же удалось уговорить управляющего обратиться к нам.

М помолчал, затем насмешливо глянул на Бонда.

— Никогда не задумывались о том, кто самые богатые люди в Англии?

— Нет, сэр.

— Угадайте. Сформулируем иначе: назовите самых богатых англичан.

Бонд порылся в памяти. Богатых людей было много, вернее, это были люди, кого газеты изображали таковыми. Но у кого из них действительно круглые суммы на счетах? Однако нужно было что-то сказать, и он нерешительно произнес:

— Ну, Сэссон, затем этот — судовладелец, судостроитель — Эллерман. Говорят, лорд Кодрэй очень богат, потом банкиры — Ротшильды, Баринги, Хамбросы. Был Уильямсон, торговец алмазами, Оппенгеймер в Южной Африке. Некоторые герцоги владеют кучей денег...

Бонд замолк.

— Неплохо, совсем неплохо. Но вы упустили главного в колоде. Человека, о котором я никогда слыхом не слыхивал, пока его не назвал управляющий. Он — самый богатый из всех, его зовут Голдфингер, Аурик Голдфингер.

Бонд не сдержался и громко захохотал.

— В чем дело? — изумился М.— Что в этом смешного, черт подери?

— Прошу прощения, сэр,— Бонд с трудом успокоился.— Дело в том, что этой ночью я составлял его фоторобот.— Он посмотрел на часы и сдавленным голосом продолжил: — В данный момент этот фоторобот пошел в информационный центр уголовно-следственного отдела, чтобы выяснить, нет ли у них чего-нибудь на него.

— Что за черт! — рассвирепел М.— Перестаньте вести себя как мальчишка и объясните толком!

— Дело было так, сэр...

И Бонд подробно поведал всю историю, не упустив ни малейшей детали.

М просветлел. Внимательнейшим образом выслушав Бонда, он откинулся на спинку стула, заложив руки за голову, и несколько минут смотрел в потолок.

Бонд чувствовал, что им снова овладевает безудержное веселье. Интересно, что пришлют из уголовки? Слова М вернули его к действительности.

— Кстати, а что вы сделали с десятью тысячами?

— Я отдал их девушке, сэр.

— Неужели? А почему не Белому кресту?

Фонд Белого креста был создан для оказания помощи семьям работников Секретной службы, погибших при исполнении служебных обязанностей.

— Виноват, сэр.

Бонд не был готов к этому вопросу.

— Хм!

М всегда отрицательно относился к женолюбию Бонда. Это травмировало его викторианскую душу, однако на сей раз он решил не развивать тему.

— Хорошо, ноль ноль семь, пока все. Остальное узнаете днем. Забавно получилось с этим Голдфингером. Странный малый. Я видел его пару раз в «Блейдс», он играет там в бридж, когда бывает в Англии. И это тот самый парень, чьей крови жаждет Английский банк.— М помолчал и, ехидно глянув на Бонда, добавил: — А теперь и вы тоже.

6. Лекция о золоте

Бонд поднялся по ступенькам, вошел через красивые двери в большой холл Английского банка и огляделся по сторонам. Под ногами лежала золотистая мозаика работы Бориса Анрепа, на двадцатифутовых арочных окнах росли зеленая травка и герань, слева и справа все было выложено полированным хонтонвудским камнем, а над всем этим витал запах огромных денег.

Один из атлетически сложенных служащих, одетых в розовые фраки, подошел к нему:

— Что вам угодно, сэр?

— Я к полковнику Смизерсу.

— Вы коммандер * Бонд? Сюда, пожалуйста.

Служащий повернул вправо между колоннами. Бронзовые двери скрытого за колоннадой лифта были открыты. Они поднялись на первый этаж и пошли по длинному коридору, застланному толстым бежевым ковром. Дубовые двери намного больше и элегантней обычных. Служащий постучал в последнюю из них.

За столом сидела женщина, выглядевшая так, как будто она только что приняла стакан двойного виски. Стенки были заставлены стеллажами из серого металла. Женщина что-то писала. Увидев вошедших, она улыбнулась несколько заговорщицкой улыбкой, взяла трубку и набрала номер.

— Пришел коммандер Бонд,— затем положила трубку и встала.— Прошу сюда.

Она пересекла комнату и открыла дверь, скрытую за зеленой занавесью, пропустив Бонда.

Полковник Смизерс поднялся из-за стола и серьезно произнес:

— Хорошо, что вы пришли. Присаживайтесь, пожалуйста.

Бонд сел.

— Курите?

Полковник Смизерс придвинул серебряную коробку с сигарами, сел сам и стал набивать трубку. Бонд достал сигареты и закурил.

Полковник Смизерс выглядел именно так, как должен выглядеть человек, которого зовут полковник Смизерс. Он явно был полковником, причем штабным. У него было гладкое лицо с серьезным от природы выражением, лицо, весьма соответствующее его имени. Однако очки в роговой оправе придавали ему вид умного, еще не очень разжиревшего королевского придворного.

Бонд физически ощущал скуку, царящую в этой комнате. Он подбадривающе произнес:

— Говорят, вы можете рассказать мне все о золоте.

— Я получил указание от управляющего и, насколько я понимаю, не должен ничего от вас утаивать. Конечно, вы понимаете,— полковник Смизерс смотрел на правое плечо

---

* Звание в ВМС Великобритании, примерно соответствующее капитану третьего ранга.— *Прим. перев.*

Бонда,— что большая часть того, что я скажу,— информация строго конфиденциальная.

Глаза его быстро пробежали по лицу Бонда. Лицо Бонда было каменным.

Полковник Смизерс ощутил повисшую паузу, чего Бонд и добивался. Он спохватился, сообразив, что сказал не совсем то, что нужно, и попытался исправить свою оплошность.

— Конечно, мне не следовало этого говорить человеку вашей профессии...

— Всем нам свойственно думать, что именно те тайны, которыми владеем мы, являются самыми главными,— сказал Бонд.— Вы, вероятно, правы, предостерегая меня. Чужие секреты всегда менее важны, чем свои собственные. Но вы не беспокойтесь, я буду обсуждать это дело только со своим шефом, больше ни с кем.

— Ладно, ладно. Очень мило с вашей стороны, что вы так это воспринимаете. Служа в банке, привыкаешь к сверхосторожности. Теперь,— полковник Смизерс заторопился перейти к делу,— к вопросу о золоте. Насколько я понимаю, вы в этой области не очень разбираетесь?

— Там видно будет.

— Ага, ладно, значит так. Главное, что нужно знать о золоте,— это самый ценный в мире товар, товар, который легче всего сбыть. Вы можете приехать в любой город мира, в любую деревушку, дать золотую монету и получить взамен услуги и товары. Так?

Голос Смизерса приобрел живую интонацию, глаза загорелись. Полковник явно сел на своего любимого конька. Бонд устроился поудобней. Он всегда любил слушать специалистов своего дела, любого дела.

— Следующее, о чем стоит помнить,— золото совершенно невозможно отследить. На соверенах нет серийных номеров. Если на слитках есть штампы, то их легко уничтожить или просто переплавить слиток. Поэтому происхождение золота, пути его обращения в мире практически невозможно отследить. В Англии, например, мы можем только подсчитать количество золота, хранящегося в сейфах нашего банка, других банков и на Монетном дворе, и грубо прикинуть, сколько золота на руках у ювелиров и ростовщиков.

— А почему, собственно, вас так волнует количество золота в Англии?

— Потому что золото и золотое наполнение валют являются основой наших кредитов. Мы можем определить

реальное золотое наполнение фунта, и другие страны могут это определить, зная, каков наш золотой запас. И моя основная работа, мистер Бонд,— добрые глаза полковника Смизерса вдруг неожиданно стали жесткими,— состоит в том, чтобы пресекать утечку золота из Англии, вообще из зоны стерлинга. Обнаружив утечку нашего золота в ту страну, где обменный курс более выгоден, чем наш официальный, я сообщаю об этом в отдел по борьбе с валютными махинациями уголовного департамента, с тем чтобы вернуть золото обратно в наши сейфы, заткнуть дыру и арестовать виновных. Беда в том, мистер Бонд,— полковник болезненно дернулся,— что золото привлекает самых крупных, самых хитроумных преступников. И их трудно, просто чрезвычайно трудно поймать.

— Может быть, это временное явление? Почему этот золотой дефицит должен быть продолжительным? По-моему, в Африке добывают много золота. Разве этого недостаточно? Разве это не самый обыкновенный черный рынок, который исчезает, как только исчезает дефицит? Помните, как это было с пенициллином после войны?

— Боюсь, вы не совсем правы, мистер Бонд. Все не так просто. Население Земли постоянно увеличивается на пять тысяч четыреста человек в час. Небольшой процент от этого количества становится золотодержателями, это люди, которые не доверяют деньгам, любят закапывать соверены в своем саду или хранить под кроватью. Еще небольшой процент нуждается в золоте для зубопротезирования, другие предпочитают драгоценности в золотой оправе, обручальные кольца. Этими людьми ежегодно изымаются из обращения тонны золота. Новые виды промышленности также нуждаются в золоте — провода, платы, амальгама. Золото обладает уникальными свойствами, которым находят все новое и новое применение. Это блестящий, ковкий, пластичный и самый плотный из известных металлов, за исключением платины. Возможности для его применения бесконечны. Но у него есть два недостатка: золото недостаточно прочно, оно быстро стирается, оставаясь в подкладке наших карманов, складках кожи. Каждый год за счет этого мировой запас золота незаметно убывает. Я сказал, что у золота два недостатка,— взгляд полковника Смизерса стал печальным.— Второй, и значительно более серьезный его недостаток — это то, что золото является, пожалуй, единственным лекарством против страха. Страх, мистер Бонд, изымает его из обращения и припрятывает на черный день. Я бы сказал, что весьма существенная часть

золота, добываемого в одном уголке земли, тут же закапывается обратно в землю в другом.

Красноречие Смизерса вызвало у Бонда улыбку. Этот человек жил золотом, думал о золоте, видел золото во сне. Ну что ж, это весьма достойный внимания объект, и Бонд решил, что он вполне может присоединиться к коллективу его почитателей. В свое время, когда ему пришлось заниматься делом о бриллиантах, Бонд в первую очередь занялся изучением мифов и легенд об этом кристалле, дабы понять, в чем заключалась его привлекательность.

— Что еще мне необходимо знать, прежде чем мы перейдем непосредственно к волнующей нас проблеме? — поинтересовался Бонд.

— Вам не надоело? Ну раз так, продолжим. Вы сказали, что добыча золота на сегодняшний день настолько велика, что его должно хватить всем желающим? К сожалению, это не так. На самом деле мировые запасы золота практически выбраны. Вы, конечно, можете подумать, что на планете еще найдется достаточно мест, где можно найти золото. И ошибетесь. Сейчас фактически неизученными остались только морское дно и воды морей и океанов, которые содержат большое количество золота. Люди выскребали золото из земли на протяжении тысячелетий. Древний Египет, Микены, Монтесума, инки владели колоссальными золотыми сокровищами. Крез и Мидас очистили от золота Ближний Восток, европейцы выработали все золото своего континента — в долинах Рейна и По, в Малаге и на равнинах Гранады. Опустошены Кипр и Балканы. Золотая лихорадка охватила Индию. Муравьи, таскающие из-под земли крупицы золота, вывели индусов на россыпи. Древние римляне очистили месторождения Уэльса, Девона и Корнуолла, в средние века люди добрались до залежей в Мексике и Перу. Затем открыли Золотой берег в Африке, и пришел черед Америки. Знаменитые золотые лихорадки на Юконе ознаменовали конец первого современного века золота. После этого пришла очередь Австралии, а месторождения на Лене превратили Россию в крупнейшего золотопроизводителя XIX столетия. Затем наступил второй современный век золота — открыли Витватерсранд. Этому способствовал новый метод получения золота при помощи цианидов, заменивших ртуть. Мы с вами сейчас живем в период третьего века золота, начавшегося с открытия приисков в Оранжевой провинции,— полковник Смизерс взмахнул руками.— Золото теперь просто прет из земли! Производительность Клондайка и других северных месторожде-

ний, изумившая в свое время весь мир, составляет теперь всего лишь двух-трехлетнюю производительность африканских месторождений! Для наглядности поясню, что за период с 1500 по 1900 год вся мировая добыча золота составила приблизительно восемнадцать тысяч тонн, а с 1900 года по настоящий день мы уже добыли сорок одну тысячу тонн! С такими темпами, мистер Бонд,— полковник наклонился вперед,— только, пожалуйста, нигде не ссылайтесь на меня, я не удивлюсь, если в ближайшие пятьдесят лет мы полностью исчерпаем все золото Земли!

Бонд, слегка ошарашенный этим потоком информации, сделал такую же серьезную и озабоченную мину, как у полковника.

— То, что вы рассказали, действительно впечатляет. А может, дела не так уж и плохи, как вам кажется? Ведется же морская добыча нефти. Может, найдут и способ морской добычи золота? Давайте перейдем к контрабанде.

Зазвонил телефон. Полковник Смизерс нетерпеливо схватил трубку.

— Смизерс слушает.

По мере того как он слушал, на лице его все явственней проступало раздражение.

— Я уверен, что передал вам все сведения о летних соревнованиях, мисс Филби. Следующий матч состоится в субботу с Дискаунт-хаузом...— он выслушал, что ему говорили на другом конце провода.— Что ж, если миссис Флейк не хочет стоять в воротах, ей придется сидеть на скамейке запасных. Это единственное вакантное место в команде, которое мы можем ей предоставить. Не могут же все играть в нападении... Да, сделайте, пожалуйста... Скажите, что я буду ей очень обязан, если она согласится сыграть разок, передайте, я уверен в том, что она прекрасно с этим справится, что она именно тот человек, который нам нужен и все такое. Спасибо, мисс Филби.

Полковник Смизерс достал платок и вытер лоб.

— Извините. Похоже, в этом банке спорт и доходы становятся чем-то вроде фетиша. Мне на шею повесили женскую футбольную команду. Можно подумать, мне мало хлопот с предстоящими ежегодными спортивными играми. Однако,— полковник махнул рукой, как бы отмахиваясь от всех внешних раздражителей,— как вы сказали, пора перейти к проблемам контрабанды. Для начала возьмем только Великобританию и зону стерлинга. Это уже очень много. В нашем банке работают три тысячи сотрудников, мистер Бонд, из них не менее тысячи в отделе валютного

регулирования, а из этой тысячи, как минимум, половина, включая и мое небольшое подразделение, занимается валютными махинациями, контрабандой и нарушениями валютного регулирования.

— Это много.— Бонд сравнивал с Секретной службой, весь штат которой составлял две тысячи человек.— Не могли бы вы привести пример контрабандной операции? С золотом, я имею в виду. Никак не могу понять, в чем заключаются эти махинации.

— Хорошо. Представьте, что у вас в кармане лежит золотой слиток размером с две пачки сигарет «Плейерс» весом около пяти фунтов с четвертью. Пока неважно, откуда он у вас: украли ли вы его или получили по наследству. Закон гласит, что вы должны продать слиток Английскому банку по цене двенадцать фунтов десять шиллингов за унцию, то есть стоимость его около тысячи фунтов. Но вас обуревает жадность. У вас есть друг, который едет в Индию, или у вас приятельские отношения с летчиком или стюардессой, летающими на Восток. Все, что от вас требуется, это распилить слиток на три пластины, а умельца, который это сделает, вы найдете быстро, зашить эти пластины размером меньше игральных карт в хлопчатобумажный пояс и заплатить вашему приятелю комиссионные за то, что он его на себя наденет. Вы можете совершенно спокойно выложить за это сотню — расходы окупятся. Ваш приятель летит в Бомбей и спокойненько идет к первому же торговцу драгоценными металлами на ближайшем базаре. Тот выкладывает за ваш пятифунтовый брусок тысячу семьсот фунтов, и вы становитесь гораздо богаче, чем если бы вы пошли официальным путем. Замечу,— Смизерс взмахнул трубкой,— это только семидесятипроцентная прибыль. Сразу после войны вы могли получить триста процентов. Стоило вам проделать с полдюжины этих маленьких операций, и вы сейчас могли бы спокойно уходить в отставку.

— Почему в Индии такие высокие цены?

На самом деле Бонда это не интересовало, но он подумал, что М может об этом спросить.

— Длинная история. Если вкратце, то в Индии нехватка золота значительно острее, чем где бы то ни было, особенно в торговле ювелирными изделиями.

— И каков же объем подобных операций?

— Колоссальный. Чтобы вы получили некоторое представление, скажу лишь, что только за 1955 год индийская секретная служба и таможня задержали сорок три тысячи

унций золота, и я сильно сомневаюсь, что это составляет хотя бы один процент от общего объема. Золото стекается в Индию со всего света. Сейчас изобрели новый способ доставки: пролетая на самолете из Макао, сбрасывают в условленном месте на парашюте тонну золота за рейс. Вроде того, как мы снабжали участников Сопротивления в войну.

— Ясно. А где еще можно получить хороший навар с моего слитка?

— Небольшой навар вы можете получить во многих странах, в Швейцарии например. Но игра не стоит свеч. Основной рынок — Индия.

— Ладно,— сказал Бонд.— Кажется, я понял. Теперь выкладывайте конкретно, в чем дело.

Он поудобнее расположился на стуле и закурил. Ему не терпелось услышать о мистере Аурике Голдфингере.

Глаза полковника Смизерса снова стали внимательными и острыми.

— Есть человек, приехавший в Англию в 1937 году. Он беженец из Риги, зовут Аурик Голдфингер. Когда он приехал, ему было только двадцать лет, но, видимо, он был очень умен, если сумел почувствовать, что русские очень скоро снова придут в Латвию. Он был ювелиром и золотых дел мастером, как его отец и дед, работавший у Фаберже. У него была небольшая сумма денег и, по всей видимости, тот самый пояс с золотом, о котором я упоминал. Украденный у отца, я думаю. Вскоре он получил гражданство. Он был совершенно безобидным малым с хорошей специальностью, поэтому легко получил необходимые бумаги. А потом он стал потихоньку скупать небольшие ломбарды по всей стране. Везде ставил своих людей, платил им хорошие деньги и менял названия на «Голдфингер». Затем начал продавать дешевые драгоценности и скупать старое золото. Голдфингер процветал. Он всегда выбирал самые выгодные места между богатыми и средними кварталами, никогда не прикасался к краденому и везде был в хороших отношениях с полицией. Живя постоянно в Лондоне, он раз в месяц объезжал все свои точки и изымал старое золото. Драгоценные камни его не интересовали, и он позволял своим управляющим делать с ними все, что им заблагорассудится.

Полковник хитро посмотрел на Бонда.

— Может показаться, что все эти медальоны, кресты и прочее золотишко составляют, в общем-то, мизер. В принципе, конечно, так оно и есть, но если вы владеете двумя десятками таких заведений, каждое из которых еженедель-

но приносит с полдюжины подобных вещичек, то получается вполне приличное количество. Потом началась война, и Голдфингеру, как и всем ювелирам, пришлось декларировать свой золотой запас. Я посмотрел по нашим досье, в общей сложности у него было пятьдесят унций, этого еле-еле хватало, чтобы снабжать его магазинчики обручальными кольцами и прочей мелочишкой. Естественно, ему это оставили. Он убрался в Уэльс — подальше от бомбардировок, но оставил функционировать столько магазинчиков, сколько смог. Должно быть, он неплохо поживился за счет «джи-ай», которые предпочитают передвигаться с золотыми в кармане. После войны Голдфингер снова выполз на свет божий, купил себе весьма претенциозный особняк в Рикалвере, что в устье Темзы, траулер и «Серебряную тень» — «роллс-ройс», бронированный лимузин, сделанный для какого-то южноамериканского президента, которого укокошили раньше, чем тот его получил. Он основал небольшое предприятие рядом со своей резиденцией, нанял немецкого металлурга из военнопленных, не пожелавшего вернуться на родину, и полдюжины корейцев, подобранных в Ливерпуле. Эти последние не говорят ни слова ни на одном цивилизованном языке, поэтому абсолютно безопасны для него. Все, что нам известно о его дальнейшей деятельности, это то, что в течение десяти лет он раз в год отправлялся на своем траулере в Индию и несколько раз в год на машине в Швейцарию. Голдфингер основал недалеко от Женевы филиал своей фирмы, лавочки его продолжают работать, все золото он по-прежнему собирает сам, используя одного из своих корейцев как шофера. Может быть, мистер Голдфингер и не самый честный человек на Земле, но он ведет себя абсолютно корректно и дружит с полицией, а учитывая общую сложную обстановку в стране, до недавнего времени никто не обращал на него внимания.

Полковник прервал свое повествование и виновато посмотрел на Бонда.

— Я вас не очень утомил? Просто хотел дать вам наиболее точный портрет этого человека — спокойного, осторожного, законопослушного и целеустремленного. Мы слыхом о нем не слыхивали, пока его не постигла маленькая неудачка. Летом 1954 года его траулер при возвращении из Индии потерпел крушение, и он продал его Доверской спасательной компании. Когда те начали разбирать судно, то нашли в трюме какую-то коричневую пыль, происхождение которой не смогли определить. Они отправили образец местному химику, и представьте их удивление,

когда тот сказал, что это золото. Я не буду морочить вам голову всякими формулами, просто, видите ли, золото можно растворить в смеси кислот, а потом восстановить при помощи сернистого ангидрида или щавелевой кислоты в виде коричневого порошка, который, в свою очередь, трансформируется в обычное золото при нагревании до тысячи градусов. Нужно быть поосторожней с хлорными испарениями, а так это несложный процесс. Один из сотрудников компании сообщил об этом таможне, а их рапорт, в свою очередь, пройдя через полицию и уголовный отдел, лег мне на стол вместе с копиями всех таможенных деклараций Голдфингера. В них этот порошок был обозначен как минеральная основа для удобрений, вполне возможная вещь, поскольку в современных удобрениях в малых дозах присутствует чуть ли не вся таблица Менделеева. Все сразу встало на свои места. Голдфингер превращал свое золото в порошок и переправлял его в Индию под видом удобрений. Но можно ли схватить его за руку? Нельзя! Я изучил его балансовые счета и налоги — у него двести тысяч фунтов, подоходный налог и налог с прибыли аккуратнейшим образом выплачивается, то есть обыкновенный процветающий ювелир. Мы направили двух сотрудников отдела по борьбе с валютными махинациями на его предприятие в Рикалвере: «Простите, сэр, инспекция министерства труда, отдел мелких предприятий. Мы должны проверить соблюдение правил техники безопасности».— «Пожалуйста, пожалуйста!» Голдфингер встретил их весьма любезно. Возможно, его предупредил кто-то из банка, а может, кто-нибудь еще, но предприятие занималось исключительно разработкой дешевых примесей для ювелирных изделий. Конечно, там имелись следы золота, были плавильные печи, способные поднимать температуру до двух тысяч градусов, и так далее, но в конце концов Голдфингер был ювелиром и владельцем плавильни, и все это вполне в рамках его деятельности. Поэтому ребята удалились ни с чем, а наши юристы сочли, что наличия этого золотого порошка в траулере недостаточно для возбуждения дела. И это все, за исключением того,— полковник Смизерс медленно выбил трубку,— что я дело не закрыл и начал собирать информацию во всем банковском мире.

Он замолчал. За окном шумела улица. Бонд тихонько глянул на часы. Было уже пять. Полковник Смизерс поднялся со стула, положил руки на стол и наклонился вперед.

— У меня, мистер Бонд, ушло пять лет на выяснение

того обстоятельства, что мистер Голдфингер является самым богатым человеком в Великобритании. В Цюрихе, Нассау, Панаме, Нью-Йорке у него в банках лежат золотые слитки на двадцать миллионов фунтов стерлингов, и эти слитки, мистер Бонд, отлиты не на Монетном дворе. На них нет никаких опознавательных знаков. Эти слитки мистер Голдфингер изготовил сам. Я был в Нассау и видел их — слитки на пять миллионов, которые он там держит в Королевском банке Канады. Как ни странно, но, видимо, как все художники, он не смог отказать себе в удовольствии оставить автограф на своей работе. Чтобы его увидеть, нужен микроскоп, но на всех голдфингеровских слитках стоит микроскопическая буква «Z». И все это золото, во всяком случае его львиная доля, принадлежит Англии. Банк не в силах что бы то ни было сделать, поэтому мы просим вас, мистер Бонд, помочь посадить Голдфингера за решетку и вернуть это золото Британии. Вам ведь известно о кризисе и высоком банковском проценте? Конечно, известно. Короче, мистер Бонд, Великобритании необходимо это золото, и чем быстрее, тем лучше.

7. Путевые размышления

Бонду было приказано доложиться начальству в шесть, что он и сделал. К этому времени М уже не выглядел розовым и свеженьким. Сев на стул напротив М, Бонд заметил, какие усилия тот приложил, чтобы на время отодвинуть навалившиеся на него за день проблемы и включиться снова в бондовское дело. М уселся поудобней и потянулся за трубкой.

— Ну?

Бонду была хорошо знакома псевдоагрессивность этого рявканья, поэтому он уложился в пять минут, доложив только основное. Когда он закончил, М задумчиво произнес:

— Допустим, нам придется этим заняться. Лично я ничего не понимаю во всех этих фунтах, банковских курсах и всем прочем, но, кажется, всех это весьма заботит. Я всю жизнь полагал, что сила фунта зависит от того, насколько все мы хорошо работаем, а не от количества имеющегося у нас золота. У немцев после войны золота было немного, а посмотри, чего они достигли за десять лет! Как бы то ни было, это, видимо, очень простой ответ для политиков или, что вероятней, очень сложный. Ладно, ну а по поводу этого малого, Голдфингера, есть какие-нибудь идеи? Как к нему подобраться? Предложить ему обстря-

пать для него какое-нибудь грязное дельце или что-то в этом роде?

— Я бы не стал собирать о нем сведепия, просить его о работе и все такое, сэр. Мне кажется, этот человек уважает только тех, кто жестче и умней его самого. Один раз я переиграл его, и единственной его реакцией было предложение сыграть со мной как-нибудь при случае партию в гольф. Возможно, именно это и следует сделать?

— Чудесное времяпрепровождение для одного из лучших моих людей,— с едким сарказмом произнес М.— Ладно. Валяйте. Но если то, что вы сказали, верно, вам необходимо во что бы то ни стало обыграть его снова. Легенда у вас какая-нибудь есть?

— Я об этом не думал,— пожал плечами Бонд.— Может быть, так: мне надоело в «Юниверсал экспорт» — бесперспективно. Сейчас я в отпуске, подыскиваю более подходящий вариант. Подумываю об эмиграции в Канаду — в Англии надоело. Что-нибудь в этом роде. А может, буду действовать в зависимости от расклада. Мне думается, это не тот человек, которого можно легко обмануть.

— Хорошо. Докладывайте по мере развития событий. И не думайте, что меня это дело не интересует,— интонация М изменилась, как и выражение глаз. Они стали жесткими и требовательными.— Теперь я сообщу вам кое-какие сведения, которыми не располагает банк. Случилось так, что мне тоже известно, как выглядят слитки мистера Голдфингера. Не далее как сегодня я держал один такой в руках — с выцарапанной «Z» и все такое. Мы получили его в результате проведенной на той неделе операции, когда «возник» пожар в офисе директората «Редланд резиденс» в Танжере. Это двадцатый по счету подобный слиток, который нам попадается со времен войны.

— Но этот танжерский слиток изъят из сейфа СМЕРШа,— прервал Бонд.

— Вот именно. Я потом проверил — все остальные слитки также были изъяты у сотрудников СМЕРШа.

М помолчал, потом добавил:

— Знаете, ноль ноль семь, я не очень удивлюсь, если вдруг выяснится, что мистер Голдфингер является зарубежным банкиром, так сказать, казначеем СМЕРШа.

* * *

Бонд мчался по трассе на своем «астон-мартине DB-III», он поехал в объезд, чтобы избежать вечной пробки в Рочестере. Выскочив на свободное пространство,

Бонд снизил скорость, взял с сиденья большую металлическую коробку с сигаретами «Морланд», достал одну и закурил. Он специально выбрал этот путь, чтобы взглянуть поближе на рикалверские владения Голдфингера на Темзе.

Машина была из гаража Секретной службы. Ему предложили на выбор эту или «ягуар». Он предпочел DB-III. В принципе, любая из этих машин отвечала его легенде и соответствовала избранному им образу достаточно обеспеченного молодого человека несколько авантюрного склада, любящего красиво пожить. Но у DB-III были определенные преимущества: выигрышный серо-стальной цвет и кое-какие дополнительные устройства, которые могли пригодиться, например тумблеры, меняющие тип и цвет задних и передних фар на случай, если ему придется кого-нибудь преследовать в ночи или кто-нибудь будет преследовать его; усиленные стальные бамперы, задний и передний; длинноствольный «кольт» сорок пятого калибра под водительским сиденьем; замаскированный под радиоприемник специальный аппарат для слежения, именуемый «Гомером», и множество тайников, которые вряд ли обнаружили бы даже самые дотошные таможенники.

Теперь следовало обдумать версию, выдвинутую М. Она была вполне логичной. Русские славились своими вечными проблемами с выплатой денег сотрудникам. Их резидентам вечно не хватало средств, и люди жаловались Москве, что не могут даже поесть нормально. Возможно, СМЕРШ не мог выбить денег у МГБ, а может быть, МГБ не могло вытрясти валюту у Минфина, но это была вечная история — бесконечные денежные проблемы, результатом которых были упущенные возможности, нарушенные обязательства и опасно длинные радиопереговоры. Поэтому было бы вполне логично иметь за границей своего банкира, который бы поставлял валюту не только Центру, но и получал достаточную прибыль, чтобы обеспечивать загрансеть СМЕРШа без помощи Москвы. И не только это. Голдфингер к тому же наносил значительный ущерб валютно-финансовой системе вражеской державы. Если все действительно так, то это абсолютно в духе СМЕРШа — великолепно разработанный план, безошибочно осуществляемый выдающимся человеком. И этим, думал Бонд, мчась по серпантину дороги в Чатем, вполне можно было объяснить стремление Голдфингера иметь все больше и больше денег. Верность долгу, СМЕРШу, возможно, желание получить орден Ленина были вполне

достаточными побудительными мотивами для получения дополнительных десяти — двадцати тысяч долларов при благоприятных условиях. Голдфингер делал деньги не для себя, он делал их, чтобы завоевать мир! Риск быть пойманным за руку, как в случае с Дюпоном, ничего не значил. Почему? А чем, собственно, грозило ему привлечение его к суду Английским банком, если, допустим, провалится одна из его контрабандных операций? Двумя годами? Тремя?

Бонд снова прибавил скорость, продолжая следовать своим мыслям.

Значит, в 1937 году юный Голдфингер был заслан СМЕРШем в Англию с потайным поясом, набитым золотом. Он, видимо, проявил свои незаурядные способности в период обучения в специальной школе в Ленинграде. Вероятно, ему было сказано, что скоро начнется война, ему нужно закрепиться и начать спокойно аккумулировать средства. Голдфингер не должен был ни при каких обстоятельствах пачкать руки, встречаться с агентами, передавать сообщения. Видимо, какие-то условные знаки были оговорены: объявления в газетах, рекламные объявления и т. д., например: «Продается подержанный «бентли». Цена 5000 фунтов стерлингов» или тысяча, или две, и Голдфингер в условном месте оставлял слитки на одну, две, пять тысяч. Определенный мост, дерево, камень в какой-нибудь речушке в любой точке на территории Великобритании. И он никогда не возвращался вновь к использованному «почтовому ящику». Изъятие оттуда сокровищ было уже заботой Центра. Позже, после войны, когда Голдфингер стал процветающим бизнесменом, значительной фигурой, мосты и деревья перестали служить «почтовыми ящиками». Теперь ему назначали даты и называли номера камер хранения на вокзалах. Но по-прежнему действовал приказ, запрещающий Голдфингеру возвращаться и подвергать себя риску. Возможно, он раз в год получал инструкции, во время случайной встречи в парке, в письме, сунутом в карман во время путешествия на поезде. Но всегда фигурировали золотые слитки, одинаковые, безликие, происхождение которых было невозможно установить, если не считать микроскопической буковки «Z», которой он тщеславно метил свои изделия и которую унылый бульдог, именуемый полковником Смизерсом из Английского банка, случайно обнаружил.

Бонд ехал теперь между бесконечными фруктовыми садами Фавершема. Сквозь смог пробилось солнце, слева вда-

леке сверкала Темза, по которой шли танкеры, торговые суда, допотопные голландские баржи. Бонд свернул с Кентерберийского шоссе налево, поехал по дороге, идущей через мир бунгало — страну вечных каникул — Уитстабл, Херн-Бей, Бирчингтон, Маргейт. Он сбавил скорость до пятидесяти миль в час, сосредоточился, собирая мысли в единое целое, подобно тому, как два дня назад он собирал ночью фоторобот Голдфингера. Вливая ежегодно миллион, два в глотку СМЕРШа, продолжал размышлять Бонд, Голдфингер готовил запасы, трудился, откладывая полученную прибыль до той поры, когда в Кремле зазвучат фанфары и все золото пойдет в дело. И никто не подозревал, что Голдфингер — ювелир, металлург, обитатель Рикалвера и Нассау, уважаемый член клубов «Блейдс», «Ройал Сент-Марк» в Сандвиче — был одним из величайших заговорщиков всех времен и народов, что он финансировал по всему миру агентуру СМЕРШа («Смерть шпионам») — аппарата смерти Высшего Совета. Только М догадывался о том, что из себя представляет Голдфингер, и только Бонд об этом знал. И вот он, Бонд, волею случая и стечения обстоятельств, начавшихся с поломки самолета в другой части света, противостоит этому человеку. Бонд мрачно хмыкнул. Как часто в его профессии тоненькая ниточка совпадений вырастала в огромную паутину, закрывающую небо. И теперь ему снова предстояло очистить это небо. Интересно, чем? Сумкой с клюшками для гольфа?

Впереди появился небесно-голубой «форд» с желтыми крыльями. Бонд механически нажал на клаксон, дал два коротких вежливых гудка. Реакции не последовало. «Форд» продолжал ползти на скорости 40 миль в час. Кому может прийти в голову ехать быстрее, чем на этой вполне респектабельной скорости? И «форд» продолжал спокойно закрывать дорогу. Бонд сделал рывок, надеясь заставить водителя «форда» посторониться, однако в результате ему пришлось резко тормозить, поскольку реакции опять не последовало. Черт бы его побрал! Ну, конечно! Очередной «чайник», весь напрягшийся, судорожно вцепившийся в руль, да еще и в котелке! Ладно, подумал Бонд, шут с ним! Он притормозил и обогнал «форд» справа. Дурак чертов!

Проехав еще пяток миль, Бонд оказался в Херн-Бей, Мэкстоун остался правее. Над головой пролетели три самолета «Супер сейбрз» и исчезли за горизонтом, как бы нырнув вниз. Бонд слышал, как взревели при посадке двигатели и замолчали после приземления. Он доехал до раз-

вилки. Левый дорожный знак указывал на Рикалвер. Бонд притормозил, но останавливаться не стал: нечего здесь лишний раз мелькать. Он двинулся дальше, внимательно глядя по сторонам. Береговая линия была слишком открытой, чтобы можно было здесь что-либо сделать с траулером, кроме как держать его тут на приколе. Вероятно, для загрузки Голдфингер использовал Рамсгейт, тихий маленький порт, где таможенники и полицейские были по преимуществу озабочены поисками бренди, вывозимого из Франции. Между дорогой и берегом шла густая полоса деревьев, виднелись крыши и фабричная труба средней величины, из которой тянулась тоненькая струйка дыма или пара. Должно быть, это было именно то, что он искал. Скоро появились ворота, перекрывающие длинную дорогу. На них висела табличка «Тэнет Аллойз» и внизу «Вход воспрещен, кроме деловых визитов». Все выглядело вполне респектабельно. Бонд медленно ехал дальше. Больше смотреть было не на что, и он свернул вправо к Рамсгейту.

Наступил полдень. Бонд изучил свой двухместный номер с ванной комнатой на последнем этаже отеля «Ченнел пакет», разобрал багаж и спустился в бар. Там он выпил водки с тоником, съел пару великолепных сандвичей с ветчиной и большим количеством горчицы, сел в машину и неторопливо двинулся в клуб «Ройал Сент-Марк».

Бонд со своими клюшками прошел прямо в служебные помещения и увидел там Альфреда Блэкинга, приделывающего к тележке новое колесо.

— Привет, Альфред!

Тот резко поднял голову, и его загорелое лицо расцвело в широкой улыбке:

— Никак мистер Джеймс!

Они обменялись рукопожатиями.

— Прошло ведь лет пятнадцать — двадцать, нет? Что привело вас сюда снова, сэр? Только недавно мне кто-то говорил, что вы занимаетесь дипломатической работой или что-то в этом роде. Все время за границей. Я очень рад! По-прежнему настильный замах, сэр?

Альфред Блэкинг изобразил ровный настильный удар клюшкой.

— Боюсь, что да, Альфред. Так и не нашлось времени заняться этим. Как поживают миссис Блэкинг и Сэсил?

— Не могу пожаловаться, сэр. Сэсил участвовал в прошлогоднем чемпионате в Кенте. Я надеюсь, что в этом году он выиграет, если, конечно, будет побольше времени проводить на площадке.

Бонд прислонил сумку с клюшками к стене. Было приятно снова оказаться здесь. С тех давних пор в клубе ничего не изменилось. Будучи подростком, он целые дни проводил на этой площадке. Блэкинг всегда говорил: «Немного практики, мистер Джеймс, и вы станете великим игроком. Правда, станете. Только вам необходимо избавиться от этого настильного замаха и побороть желание загнать мяч подальше с глаз, когда в этом нет необходимости. Годдва, и я сделаю из вас чемпиона». Но что-то подсказывало Бонду, что ему в жизни не придется много играть в гольф. Да, со времени его последней игры на этом поле прошло около двадцати лет. Он никогда не заезжал сюда, даже когда был занят делом под кодовым названием «Лунный гребень» в Кингсдауне, что в десяти милях отсюда. Возможно, это просто сентиментальные чувства. После «Сент-Марка» Бонд достаточно часто играл в гольф по выходным, когда был в штаб-квартире, но всегда неподалеку от Лондона — в Хантеркоме, Суинли, Саннингдэйле, Беркшире. Его гандикап поднялся до девяти, но это была настоящая девятка.

— Как насчет игры, Альфред?

Блэкинг посмотрел на автостоянку за окном и покачал головой:

— Боюсь, что вряд ли, сэр. В это время года в середине недели мало кто приезжает.

— А с тобой?

— Извините, сэр, но я занят. Должен играть с членом клуба. Я с ним играю ежедневно в два часа. А Сэсил уехал на другую площадку потренироваться перед чемпионатом. Какая жалость! Ну надо же такому случиться! Сколько вы здесь пробудете, сэр?

— Недолго. Ладно, неважно. Я погоняю мяч с кэдди. А с кем ты играешь?

— С мистером Голдфингером, сэр.

Альфред выглядел удрученным.

— Голдфингер? Я с ним знаком. Мы с ним встречались в Штатах.

— Правда, сэр? — Альфред явно не мог поверить, что кто-то может быть знаком с Голдфингером. Он внимательно смотрел на Бонда, ожидал продолжения.

— Он хорошо играет?

— Так себе, сэр, где-то па уровне девятки.

— Он, должно быть, весьма серьезно к этому относится, раз играет с тобой каждый день.

— В общем, да, сэр.

На лице Блэкинга появилось хорошо знакомое Бонду выражение, означавшее, что профессионал не очень лестного мнения о каком-то члене клуба, но он был слишком хорошим служащим, чтобы сказать об этом вслух.

Бонд улыбнулся.

— Ты все такой же, Альфред. Иначе говоря, ты имеешь в виду, что, кроме тебя, с ним больше никто играть не будет, так? Помнишь Фаркерсона? Самый медлительный игрок во всей Англии. Я помню, как ты с ним играл двадцать лет назад. Ладно, давай, выкладывай, что там с ним не так, с этим Голдфингером?

— Это вы не изменились, мистер Джеймс,— засмеялся Блэкинг.— Вы всегда отличались наблюдательностью.

Он подошел ближе и понизил голос:

— Дело в том, сэр, что некоторые члены клуба считают, что мистер Голдфингер не совсем честно играет, подправляет мяч и все такое.

Блэкинг взял клюшку и начал ею постукивать по полу возле воображаемого мяча, глядя при этом в сторону воображаемой лунки:

— Посмотрим, можно ли пробить одним ударом? Как вы считаете, кэдди? — Альфред фыркнул.— Ну и конечно, к тому времени, когда он перестает постукивать по земле, мяч уже поднялся на дюйм и его вполне можно добросить одним ударом.

Лицо Блэкинга снова стало замкнутым, и он уклончиво добавил:

— Но это сплетни, мистер Джеймс. Я никогда ничего не замечал. Очень спокойный джентльмен, живет в Рикалвере. Когда-то он бывал здесь почти постоянно, но в последние годы проводит в Англии всего несколько недель. Звонит и спрашивает, не хочет ли кто-нибудь сыграть, и, когда никого нет, играет с Сэсилом или со мной. Сегодня утром он тоже звонил, интересовался, нет ли желающих. Иногда сюда заезжает кто-нибудь посторонний.

Альфред Блэкинг вопросительно посмотрел на Бонда.

— Может быть, вы сыграете с ним сегодня? А то жалко — приехали сюда впервые за столько лет и не поиграете? К тому же вы с ним знакомы... А то он может подумать, что я специально держу его за собой, а это нехорошо.

— Глупости, Альфред. Тебе тоже нужно зарабатывать на жизнь. Почему бы нам не сыграть втроем?

— Он не согласится, сэр. Говорит, это слишком долго, и я полностью с ним согласен. И не беспокойтесь обо мне, у меня полно работы на складе, и я с удовольствием ею

займусь.— Блэкинг глянул на часы.— Он должен явиться с минуты на минуту. У меня есть для вас кэдди. Помните Хоупера? — Он громко засмеялся.— Еще один человек, который будет рад снова увидеть вас здесь.

— Хорошо, спасибо, Альфред. Будет любопытно посмотреть, как этот малый играет. Но почему бы не сказать ему, что я заехал починить клюшку? Старый член клуба, играл здесь еще до войны. Держись естественно, не говори, что рассказывал мне о нем. А я пока останусь на складе и дам ему возможность сделать выбор, не оскорбляя меня. Вдруг ему моя физиономия не понравится, а? Договорились?

— Хорошо, мистер Джеймс, предоставьте это мне. А вот и его автомобиль, сэр.

Блэкинг указал на окно, в полумиле ярко-желтый лимузин сворачивал к клубу.

— Забавная колымага. Вроде тех, которые приезжали сюда, когда я был мальчишкой.

Бонд смотрел на старый «роллс-ройс» «Серебряная тень», важно плывущий по дороге. Красивая машина! На серебряном радиаторе и алюминиевом щите под лобовым стеклом ярко играло солнце. Багажник на крыше тяжелого лимузина — такого страшного двадцать лет назад и такого красивого теперь — был из отполированной латуни, так же как большой клаксон и две фары, глядящие на дорогу свысока. Весь лимузин, за исключением черной крыши и черных окантовок окон, был лимонно-желтого цвета. У Бонда мелькнула мысль, что этот южноамериканский президент явно скопировал его со знаменитого желтого экипажа, в котором лорд Лонсдэйл ездил в Дерби и Эскот.

За рулем виднелась фигура в плаще и фуражке песочного цвета, большое круглое лицо было наполовину закрыто защитными шоферскими очками. Рядом располагался коренастый человек в черном, в котелке, плотно сидящем на макушке. Оба смотрели прямо перед собой, сохраняя странную неподвижность, как будто они ехали в катафалке.

Машина приближалась. Казалось, что глаза сидящих в машине смотрят через стекло прямо в глаза Бонда. Он инстинктивно отступил в глубь помещения, улыбнулся, поймав себя на этом, взял чью-то клюшку и стал задумчиво постукивать ею по деревянному полу.

Часть II

СОВПАДЕНИЕ

8. Игра ва-банк

— Добрый день, Блэкинг. Все в порядке? — Голос звучал очень важно. — Я видел машину на стоянке. Я думаю, это не на игру.

— Я не уверен, сэр. Это один старый член клуба заехал починить клюшку. Не хотите ли, чтобы я его спросил, сэр?

— Кто это? Как его зовут?

Бонд жестко усмехнулся, напрягая слух, не желая упустить ни малейшей подробности.

— Мистер Бонд, сэр.

Повисла пауза.

— Бонд?

Голос не изменился, слышалась лишь вежливая заинтересованность.

— Я недавно встречал человека с такой фамилией. Как его имя?

— Джеймс, сэр.

— Да, да.

На сей раз пауза была продолжительной.

— Он знает, что я здесь?

Бонд физически ощущал, как Голдфингер проигрывает ситуацию.

— Он на складе, сэр, и, должно быть, видел, как вы подъехали.

Альфред не солгал ни разу в жизни, подумал Бонд, и не сейчас начнет.

— Неплохая мысль.

Теперь голос Голдфингера смягчился. Он явно чего-то хотел от Альфреда Блэкинга, хотел получить информацию.

— Какую игру этот парень играет? Какой у него гандикап?

— Он хорошо играл, когда был мальчишкой, сэр, а с тех пор я его не видел в игре.

— Хм.

Бонд чувствовал, что Голдфингер взвешивает полученную информацию, и был уверен, что тот клюнет. Он взял из своей сумки клюшку и начал натирать рукоятку мелом, чтобы выглядеть занятым. Скрипнула половица. Бонд отодвинулся в сторону, продолжая стоять спиной к двери.

— Кажется, мы с вами встречались.

Голос, прозвучавший в дверях, был нейтрален и тих. Бонд быстро глянул через плечо.

— Боже, вы меня напугали.— Он изображал узнавание.— Гоод... Голдман... Голдфингер?

Надеясь, что не переигрывает, Бонд сказал с легким оттенком неприязни и недоверия:

— Откуда вы свалились?

— Я говорил, что играю здесь. Помните?

Голдфингер проницательно смотрел на него широко открытыми глазами, и опять у Бонда возникло ощущение, что его череп просвечивают рентгеном.

— Нет.

— Разве мисс Мастертон не передала вам то, что я просил?

— Нет, а что это было?

— Я сказал, что буду здесь и хотел бы сыграть с вами в гольф.

— Ну что же,— произнес Бонд с холодной учтивостью,— когда-нибудь мы с вами сыграем.

— Я обычно играл с профессионалом. Буду вместо этого играть с вами.

Голдфингер просто констатировал факт. Вне сомнения, он клюнул. Теперь нужно аккуратно подсечь.

— Почему бы нам не сыграть в другой раз? Я приехал заказать клюшку. К тому же я давно не играл, и, скорее всего, нет кэдди.

Бонд был настолько груб, насколько это возможно. Было совершенно очевидно, что он абсолютно не желает играть с Голдфингером.

— Я тоже не играл некоторое время. (Чертов лжец, подумал Бонд.) А для того чтобы заказать клюшку, не нужно много времени.

Голдфингер обернулся назад.

— Блэкинг, у вас есть кэдди для мистера Бонда?

— Да, сэр.

— Тогда все в порядке.

Бонд резко засунул свою клюшку обратно в сумку.

— Ну ладно, хорошо.

Он придумал, как окончательно посадить Голдфингера на крючок, и грубо произнес:

— Но я должен предупредить, что предпочитаю играть на деньги. Я не могу тратить время на то, чтобы гонять мяч развлечения ради.

Бонду самому нравился изображаемый им типаж.

Сверкнули бледные глаза Голдфингера победным блеском, или это только показалось?

— Мне это подходит. Как вам угодно. Без гандикапа, конечно. Мне показалось, вы сказали, что у вас девять?

— Да.

— Где, могу я узнать? — осторожно спросил Голдфингер.

— Хантерком.

У него было девять и в Саннигдэйле, но площадка в Хантеркоме была легче. Девять в Хантеркоме вряд ли напугают Голдфингера.

— У меня тоже девять. Здесь. Значит, это будет игра на равных. Так?

— Вы для меня слишком сильный игрок,— пожал плечами Бонд.

— Сомневаюсь. В любом случае,— Голдфингер не церемонился,— я вам скажу, что я сделаю. Эта небольшая сумма денег, которую вы взяли у меня в Майами. Помните? Там было десять. Я люблю играть, поэтому мне будет полезно постараться. Я предлагаю двойную ставку или равноценную.

— Это слишком много,— равнодушно сказал Бонд. Затем, как бы передумав, посчитав, что сможет выиграть, он добавил: — Конечно, можно сказать, что это «легкие деньги». Может, у меня опять получится. А, ладно, хорошо. Дешево досталось — легко потерялось. Годится. Пусть будет десять тысяч долларов.

Голдфингер повернулся к выходу, в голосе его появились неожиданно мягкие интонации:

— Значит, все в порядке, мистер Блэкинг. Премного благодарен. Запишите сумму, которую я должен вам за игру, на мой счет. Очень жаль, что наша игра сегодня не состоится. Теперь позвольте мне заплатить кэдди.

Альфред Блэкинг взял клюшки Бонда, посмотрев на него очень пристально.

— Помните, что я вам сказал, сэр.— Один глаз его открылся и закрылся.— Я имею в виду ваш настильный замах, сэр. Нужно помнить о нем все время, сэр.

Бонд улыбнулся. У Альфреда были большие уши.

Он мог не уловить суммы ставки, но знал, что игра будет крупная.

— Спасибо, Альфред. Я буду помнить.

Бонд вышел из помещения и направился к машине. Человек в котелке протирал ветошью «роллс-ройс». Бонд скорее почувствовал, чем увидел, что тот остановился и наблюдает, как Бонд достает свою сумку на «молнии» и направляется с ней в клуб. У человека было круглое желтокожее лицо. Возможно, один из корейцев?

Бонд уплатил необходимый взнос стюарду Хэмптону и прошел в раздевалку. Здесь тоже ничего не изменилось, стоял тот же терпкий запах старых ботинок, носков и пота. И почему во всех наиболее известных гольф-клубах гигиенические стандарты традиционно близки к частным школам викторианской эпохи? Бонд сменил носки на вязаные гольфы, черный пиджак на свитер, проверил, на месте ли сигареты и зажигалка. Он был готов.

Бонд медленно вышел на улицу, мысленно готовясь к игре. Он сознательно втянул этого человека в игру с высокими ставками, теперь уважение Голдфингера к нему должно было возрасти и укрепиться его мнение о Бонде как о безжалостном авантюристе, который мог быть ему полезен. Бонд думал, что сможет обойтись тысячей фунтов, обычных для Нассау, но десять тысяч долларов! Никогда, наверное, не было таких высоких ставок за одну игру, не считая, может быть, американского чемпионата или Калькуттских игр, где болельщики, а не игроки делали ставки. Должно быть, личный счет Голдфингера понес существенный урон, и ему это не понравилось. Ему не терпелось получить свои деньги обратно, и когда Бонд предложил высокие ставки, он ухватился за это предложение. Так тому и быть. Но одно было совершенно очевидно — по тысяче причин Бонд не мог позволить себе проиграть.

Он зашел на склад и взял у Альфреда Блэкинга мячи и метки для них.

— Хоукер уже взял клюшки, сэр.

Бонд пересек площадку в пятьсот ярдов, ведущую к первым воротам. Голдфингер упражнялся на лужайке возле лунки, кэдди стоял рядом, подкатывая ему мячи. Голдфингер гнал мяч в лунку новым способом — короткой клюшкой между ногами. Бонд приободрился. Он не верил в эту систему, к тому же он знал, что тренироваться самому бесполезно, так как тренировочная лужайка «Сент-Марка» отличается и по скорости, и по фактуре от игровой площадки.

Бонд увидел легкую фигуру своего кэдди, беззаботно гоняющего воображаемый мяч ударной клюшкой Бонда.

— Добрый день, Хоукер.

— Добрый день, сэр.

Хоукер протянул Бонду клюшку и выбросил три использованных мяча. Его симпатичное лицо расплылось в приветливой улыбке.

— Как поживаете, сэр? Играли ли в гольф за эти двадцать лет? По-прежнему можете загнать мяч под крышу домика стартера?

Это замечание напомнило о том далеком дне, когда Бонд перед игрой всадил два мяча точнехонько в окно домика.

— Проверим.

Бонд взял клюшку, взвешивая ее на руке и прикидывая расстояние. Удары по мячу на тренировочной площадке прекратились. Бонд установил мяч, быстро замахнулся, поднял голову и отправил мяч почти под прямым углом. Он попытался еще раз, и теперь фут травы взлетел в воздух. Мяч пролетел ярдов десять. Бонд повернулся к Хоукеру, выражение лица которого стало более сардоническим.

— Все в порядке, Хоукер. Это просто шоу. А вот этот для тебя.

Он подошел к третьему мячу, медленно поднял клюшку и резко опустил. Мяч взлетел на сотню футов, элегантно завис, упал вниз на крышу домика и скатился на землю.

Бонд отдал клюшку обратно. Глаза Хоукера стали задумчиво веселыми. Он ничего не сказал, взял другую клюшку, протянул ее Бонду, и они вместе двинулись к первым воротам, беседуя о семействе Хоукера.

Голдфингер догнал их, спокойный и невозмутимый. Бонд поприветствовал его кэдди, подобострастного и разговорчивого человечка по имени Фоуллс, который никогда ему не нравился. Бонд взглянул на клюшки Голдфингера. Это были новые клюшки американского производства с кожаными чехлами клуба «Сент-Марк». Сумка черной кожи, из тех, что любят американские профессионалы. Клюшки в индивидуальных гнездах, их было легко доставать. Претенциозная экипировка, но лучшая из возможных.

— Разыграем?

Голдфингер достал монетку.

— Решка.

Выпал орел. Голдфингер взял клюшку и новый мяч.

— «Даплоп 65», номер один,— сказал он.— Всегда играю одними и теми же мячами. А вы?

— «Пенфолд».

Голдфингер язвительно посмотрел на Бонда.

— По жестким правилам?

— Конечно.

— Хорошо.

Голдфингер пошел к воротам, сделал пару прикидочных замахов. Этот тип замаха был хорошо знаком Бонду — отработанный механический замах человека, который изучал игру очень тщательно, прочитал все книжки и потратил пять тысяч фунтов на лучших профессиональных тренеров. Это ровный, сильный мах, который продержится всю игру. Бонд позавидовал ему.

Голдфингер примерился, клюшка в его руках описала ровную дугу, и мяч улетел на двести ярдов вперед. Это был великолепный удар, и Бонд знал, что Голдфингер будет повторять его снова и снова различными клюшками, ведя мяч по всем восемнадцати лункам.

Бонд занял его место, примерился и ровным настильным ударом послал мяч вперед. Тот перелетел мяч Голдфингера и прокатился по земле еще пятьдесят ярдов.

Оба удара были великолепны. Протянув клюшку Хоукеру и направляясь вслед за более нетерпеливым Голдфингером, Бонд ощутил прелесть хорошей партии в гольф прекрасным майским днем, когда жаворонки поют над самым красивым в мире побережьем.

В гольф играет множество самых разных людей, включая слепых, одноруких и даже безногих. Зачастую игроки одеваются весьма своеобразно, и никому это не кажется странным, потому что для гольфа не предусмотрено никаких определенных требований к внешности. Это одна из его маленьких прелестей. Голдфингер, однако, позаботился о своей экипировке; все было настолько тщательно подобрано и так хорошо сидело, будто Голдфингер специально заказывал костюм своему портному: «Оденьте меня для гольфа, знаете, так, как одеваются в Шотландии». Бонд обычно мало обращал внимание на ошибки в светских правилах, однако в отношении Голдфингера все было по-другому. С первой встречи все в этом человеке раздражало Бонда, и утонченная элегантность его одежды также была частью злобного животного магнетизма, исходящего от Голдфингера.

Голдфингер снова нанес свой механический четкий удар. Пятерка.

Бонд пошел к своему мячу. Он хорошо помнил поговорку «Выигрывать никогда не поздно», поэтому, исходя из

удачного положения мяча, решил не обострять, а просто продвинуться вперед.

Ударив по мячу, он сразу понял, что дело плохо. В гольфе разница между хорошим ударом и плохим так же мала, как между красивой и симпатичной женщиной — вопрос миллиметров. В данном случае клюшка ударила по мячу на миллиметр ниже, чем нужно, и мяч улетел соответственно не туда, куда нужно.

Бонд никогда долго не переживал по поводу своих плохих ударов, он забывал о них и обдумывал следующие. Он сменил клюшку на ударную и прикинул расстояние. Двадцать ярдов. Требовался простейший удар, однако и на сей раз ему не повезло — теперь он задел вместе с мячом песок. Голдфингер спокойно пробил по мячу, который остановился в трех дюймах от лунки и, не дожидаясь, когда ему дадут другую клюшку, повернулся к Бонду спиной и направился к следующим воротам.

Бонд поднял свой мяч и взял у Хоукера другую клюшку.

— Какой, он сказал, у него гандикап, сэр?

— Девять. Самый высокий. Придется постараться наверстать во втором круге.

— Еще не вечер, сэр,— ободряюще промолвил Хоукер.

Однако Бонд знал, что ему придется туго. Проигрывать всегда рано.

Голдфингер уверенно продвигался вперед по площадке, Бонд шел за ним следом, проигрывая по очкам.

— Как ваша агорафобия? Это открытое пространство вас не беспокоит? — внезапно спросил Бонд.

— Нет.

Бонд заметил, что Голдфингер по мелочам жульничает, однако в гольфе единственный способ борьбы с нечестным игроком — это никогда с ним не играть, но сейчас был не тот случай. Бонд не собирался снова играть с этим человеком, однако затевать спор типа «Вы сделали — нет, я не делал» тоже не стоило, пока он не поймает Голдфингера на чем-то крупном. Сейчас ему оставалось только стараться выиграть при любых обстоятельствах.

Бонд сосредоточился на мяче, но в момент удара справа раздался шум. Мяч полетел не туда.

Разъяренный Бонд обернулся к Голдфингеру и кэдди.

— Извините, уронил клюшку,— выпрямляясь и равнодушно глядя на него, произнес Голдфингер.

— Не делайте этого больше,— коротко сказал Бонд, протягивая клюшку Хоукеру, который сочувствующе пока-

чал головой. Они пошли дальше в молчании, внезапно нарушенном Голдфингером:

— В какой фирме вы работаете?

— «Юниверсал экспорт».

— И где она расположена?

— Лондон. Риджент-парк.

— А что вы экспортируете?

Бонд напрягся. Осторожно, будь внимателен. Это работа, а не игра. Ладно, пусть он мешает тебе играть, но нужно в первую очередь думать о своей «легенде» и не позволять ему вынудить тебя совершить ошибку.

— О, всё, начиная от швейных машинок и кончая танками.

— А на чем вы специализируетесь?

Бонд ощутил внимательный взгляд Голдфингера.

— Я занимаюсь продажей стрелкового оружия. Провожу бóльшую часть времени, занимаясь сбытом различных железок шейхам и раджам — всем тем, кто, по мнению Форин офис, не будет из них палить в нас.

— Интересная работа,— равнодушно сказал Голдфингер.

— Не очень. Подумываю об уходе. Как раз приехал сюда отдохнуть недельку и поразмышлять на эту тему. Не вижу для себя перспективы в Англии. Пожалуй, поеду в Канаду.

— Неужели?

Они дошли до мячей, и снова, как только Бонд собрался нанести удар, справа раздалось на этот раз позвякивание. Бонд оглянулся. Голдфингер стоял к нему спиной, задумчиво глядя на море и «машинально» позвякивая мелочью в кармане.

Бонд улыбнулся.

— Не могли бы вы не звенеть деньгами, пока я не ударю?

Голдфингер не обернулся и не ответил, но звук прекратился.

Бонд постепенно набирал очки, догоняя соперника.

На шестом участке, именуемом в просторечии «Девой», мяч Голдфингера попал в низинку. Удачно, подумал Бонд, чертовски трудно будет выбить его оттуда с нужной точностью. С замиранием сердца следил он за клюшкой, медленно и плавно идущей вниз. Подняв лишь небольшой песочный шлейф, мяч вылетел из глубокой ямки, один раз подпрыгнул и замер.

Бонд проглотил слюну. Каким образом, черт возьми, Голдфингеру это удалось? Теперь ему требуется предельная точность, чтобы получить максимальное количество очков. Три тысячи чертей! Мимо лунки на дюйм — и мяч откатывается еще на ярд в сторону.

Бонд был зол на себя. Он сам, без всяких помех не попал в эту лунку. Ему действительно пора собраться и начать играть.

— Вы видели, что он проделал на «Деве», сэр? — тихо спросил Хоукер.

— Да, черти б его драли. Это был потрясающий удар.

— О, значит, вы не видели, что он сделал, сэр? — удивился Хоукер.

— Нет, а что именно? Я был слишком далеко.

Голдфингера и его кэдди не было видно за склоном. Хоукер молча пошел к низинке, каблуком выдавил ямку и кинул туда мяч. Затем встал вплотную к наполовину закопанному мячу, сдвинув ноги и взглянув на Бонда.

— Помните, он подпрыгнул, чтобы посмотреть направление к лунке, сэр?

— Да, помню.

— Теперь смотрите, сэр.

Хоукер подпрыгнул, как Голдфингер, затем снова посмотрел на Бонда, указывая на мяч у своих ног. Тяжелый удар двух ног сзади мяча вышиб его из ямки и бить по нему теперь было легче легкого.

Мгновение Бонд молча смотрел на кэдди, затем произнес:

— Спасибо, Хоукер. Дайте мне мяч и клюшку. Кто-то будет вторым в этой игре, и будь я проклят, если этим вторым буду я.

Теперь Бонд едва глядел на Голдфингера, не испытывая ничего, кроме холодной, злой решимости. Впервые с начала игры к нему вернулась самоуверенность. Единственное, что ему требовалось, это знамение свыше, и все будет в лучшем виде.

— Кстати, что случилось с прелестной мисс Мастертон? — спросил Бонд Голдфингера, нагнав его.

— Она от меня ушла,— Голдфингер смотрел прямо перед собой.

Рад за нее, подумал Бонд.

— Хотелось бы снова ее увидеть. Где ее можно найти?

— Не могу сказать,— и Голдфингер ушел вперед за своим мячом.

Бонд сейчас проигрывал всего одно очко, и наступил момент, когда малейшая допущенная им ошибка означала конец игры и проигрыш.

— Я думаю, вы его догоните, сэр,— тихо сказал Хоукер.

— Это не моя заслуга, Хоукер, а Альфреда Блэкинга,— Бонд достал сигареты, угостил кэдди и закурил сам.— Осталось три лунки, нужно быть повнимательнее. Понимаете, о чем я?

— Не беспокойтесь, сэр, я не спущу с него глаз.

Бонд удачно пробил к центру площадки, а Голдфингер на этот раз взял слишком вправо, и мяч улетел к кустам. Бонд постарался сдержать радость и не считать своих цыплят раньше времени.

Теперь, выиграв на этом участке, ему нужно было набрать только пол-очка, чтобы выиграть игру. Он молился, чтобы мяч Голдфингера пришел в негодность, а еще лучше потерялся.

Хоукер ушел вперед. Он положил сумку и очень старательно, даже слишком старательно, по мнению Бонда, занимался поисками мяча Голдфингера.

Место было плохое — высокая трава, густые заросли. Им очень повезет, если мяч найдется. Внезапно Бонд на что-то наступил. Дьявольщина! Неужели мяч? Он наклонился. Да, это был «данлоп 65».

— Вот он,— произнес Бонд недовольно.— О нет, простите. Вы ведь играете номером один, не так ли?

— Да,— раздался нетерпеливый голос Голдфингера.

— Ну, а это номер семь.

Бонд поднял мяч и направился к Голдфингеру.

— Не мой,— и Голдфингер продолжил поиски.

Мяч был хороший, почти новый. Бонд сунул его в карман и стал искать дальше. Он глянул на часы. Отведенные по правилам на поиски пять минут почти истекли. Еще полминуты, и он сможет объявить эту лунку за собой. По жестким правилам, сказал Голдфингер. Хорошо, друг мой, ты их получишь!

— Боюсь, время почти истекло.

Голдфингер хмыкнул и начал было что-то говорить, как раздался крик его кэдди.

— Я нашел, сэр, вот «данлоп» номер один!

Бонд пошел следом за Голдфингером туда, где стоял на маленьком возвышении кэдди, указывая пальцем вниз.

Бонд наклонился и осмотрел мяч. Да, почти новый «данлоп» номер один и на редкость удачно лежащий прямо на

линии. Это было чудо. Больше, чем чудо. Бонд перевел тяжелый взгляд с Голдфингера на кэдди.

— Просто на редкость счастливый удар,— произнес он.

Кэдди пожал плечами. Глаза Голдфингера были спокойными и ничего не выражающими.

— Похоже, что так.— Он повернулся к своему кэдди.— Думаю, Фоуллс, здесь мы обойдемся легким ударом.

Бонд задумчиво пошел прочь, затем обернулся, чтобы посмотреть удар. Он был отменным, точнехонько в цель.

Бонд направился к Хоукеру, который глядел на приземляющийся мяч, жуя длинную травинку. Бонд кисло улыбнулся и спросил ровным сдержанным тоном:

— Мой большой друг попал точно или рядом?

— Точно, сэр,— бесстрастно ответил Хоукер.

Бонд взял свой мяч. Теперь дело снова было дрянь. Опять ему придется драться за очки, и это после того, как выигрыш был практически у него в кармане.

— Просто чудо, что мяч нашелся,— сказал Бонд идущему рядом Хоукеру.

— Это не его мяч, сэр.

Хоукер просто констатировал факт.

— Что вы имеете в виду? — голос Бонда звучал напряженно.

— Деньги делают многое, сэр. Скорее всего, пятерка. Фоуллс, должно быть, кинул этот мяч через штанину.

— Хоукер! — Бонд резко остановился и огляделся. Голдфингер со своим кэдди был в пятидесяти футах, медленно двигаясь вперед.— Вы можете в этом поклясться? Откуда такая уверенность?

Лицо Хоукера искривилось в какой-то застенчивой улыбке, но в глазах светился воинственный свет.

— Потому что его мяч лежал под вашей сумкой, сэр.

Увидев изумленное лицо Бонда, он извиняющимся тоном добавил:

— Извините, сэр, но я должен был это сделать после всего того, что он делал вам. Я не собирался об этом говорить, но пришлось, поскольку он опять вас обманул.

Засмеявшись, Бонд восхищенно сказал:

— Ну, Хоукер, вы действительно фрукт! Вы, значит, собирались самолично выиграть мне игру,— и зло добавил: — Однако этот человек переходит все границы. Мне необходимо его умыть, просто необходимо. Теперь давайте думать.

Они медленно пошли дальше. Левой рукой Бонд машинально крутил в кармане брюк найденный в кустах мяч.

Внезапно его осенило. Вот оно! Он придвинулся к Хоукеру, оглянувшись на соперника. Голдфингер доставал клюшку из сумки, стоя спиной к Бонду.

— Нате, возьмите это,— Бонд сунул мяч в руку Хоукера и тихо вымолвил: — Будьте первым на площадке у лунки, а когда достанете мячи из лунки, отдайте этот мяч Голдфингеру. Ясно?

Хоукер продолжал спокойно идти, лицо его оставалось бесстрастным.

— Понял, сэр,— сказал он обычным тоном.

Бонд достал сигареты и глянул на Голдфингера.

— Ну, теперь держись, сукин ты сын!

Как и было задумано, Хоукер наклонился и достал мячи. Один он отдал Бонду, а второй протянул Голдфингеру. Затем они пошли дальше, Голдфингер, как всегда, впереди. Бонд заметил, как Хоукер сунул руку в карман. Ну, раз Голдфингер ничего не заметил...

Когда игра идет к концу, пристально осматривать мяч не будешь, движения становятся более или менее автоматическими, обдумываешь удары, прикидываешь направление ветра, размышляешь о дальнейшей тактике и прочих вещах, необходимых для выигрыша или хотя бы ничьей.

Бонд с нетерпением ждал продолжения игры. Наверняка Голдфингер не заметил подмены. «Данлоп» номер семь слишком похож на номер один. Неужели этот замах никогда не кончится? Крак! Мяч полетел дальше по красивой дуге.

Сердце Бонда пело. Попался, стервец! Попался!

Теперь он мог не волноваться — Голдфингер уже проиграл, угодил, так сказать, в собственную яму.

Угрызения совести Бонда не мучили. Дважды Голдфингер безнаказанно обманул его. За все художества его следовало наказать. В конце концов, это только справедливо. К тому же это нечто большее, чем просто игра в гольф. Долг Бонда — выиграть. Зная психологию Голдфингера, он просто обязан добиться этого. Если Голдфингер проиграет, то счет становится два — ноль в пользу Бонда. Совершенно неприемлемая ситуация для человека, который считает себя всемогущим, думал Бонд.

В этом типе, Бонде, должен сказать себе Голдфингер, что-то есть. Он обладает качествами, которые я могу использовать. Это авантюрист с кучей всяких трюков в запасе. И это тот человек, который мне нужен — для чего? Бонд не знал. Возможно, ни для чего, ведь его представления о Голдфингере могут быть ошибочны, но совершенно

очевидно, что другого способа достать этого человека нет.

Бонд позволил Голдфингеру выиграть, эффектно промахнувшись в последнем ударе, после чего подошел к лунке и достал оттуда оба мяча, стараясь держать их на виду.

Голдфингер подошел к нему, лицо его победно сияло.

— Что ж, спасибо за игру. Кажется, я в конечном счете действительно слишком сильный для вас соперник.

— У вас твердая девятка,— произнес Бонд с довольно кислым видом.

Он глянул на мячи, чтобы отдать мяч Голдфингера его владельцу, и изобразил удивление.

— Привет,— Бонд окинул Голдфингера острым взглядом.— Вы, кажется, играли «данлопом» номер один, не так ли?

— Да, конечно.

Голдфингер шестым чувством ощутил надвигающуюся катастрофу, и выражение триумфа слетело с его лица.

— А что? В чем дело?

— Ну,— извиняющимся тоном сказал Бонд,— похоже, вы играли не тем мячом. Вот мой «пенфолд», а вот «данлоп» номер семь.

Он протянул оба мяча Голдфингеру, который выхватил их у него и начал судорожно вертеть в руках.

Краска медленно сползла у него с лица, он переводил взгляд с мячей на Бонда и обратно, силясь что-то сказать.

— Плохо, что мы играли по строгим правилам. Боюсь, это означает, что вы проиграли,— мягко произнес Бонд, спокойно глядя Голдфингеру в глаза.

— Но, но...

Этого момента Бонд ждал. Внезапно гнев исказил обычно безмятежное лицо Голдфингера.

— Это «данлоп» номер семь, который вы нашли в кустах. Ваш кэдди подсунул мне его! На семнадцатой площадке. Он специально его мне подсунул, чертов...

— Эй, спокойно,— голос Бонда звучал мягко.— Если вы не будете поаккуратнее в выражениях, то рискуете быть привлеченным за клевету. Хоукер, вы дали мистеру Голдфингеру не его мяч?

— Нет, сэр.

Лицо Хоукера было бесстрастным, голос звучал равнодушно.

— Если хотите знать мою точку зрения, сэр, то я думаю, ошибка произошла на семнадцатом участке, когда джентльмен нашел мяч далеко за линией. Семерка очень похожа на единицу. Я думаю, так дело было, сэр. Это бы-

ло бы чудом, если бы мяч джентльмена улетел так далеко, где его нашли.

— Совершенная чушь! — Голдфингер вспыхнул от возмущения и сердито повернулся к Бонду.— Вы видели, что мой кэдди нашел «данлоп» номер один?

Бонд с сомнением покачал головой.

— Боюсь, я внимательно не приглядывался,— голос его стал резким и деловым.— И вообще, это дело игрока — следить за своим мячом, не так ли? Я не думаю, что можно кого-то винить в том, что вы играли чужим мячом. Как бы то ни было,— он направился к клубу,— спасибо за игру. Надо будет сыграть как-нибудь еще.

Голдфингер, гордо освещенный заходящим солнцем и оставляющий за собой длинную черную тень, медленно двинулся за Бондом, задумчиво глядя ему в спину.

9. В особняке Голдфингера

Есть богачи, использующие свое богатство как дубинку. Бонд, сибаритствуя в ванне, думал о том, что Голдфингер относится именно к таким. Он являл собой тип человека, считающего, что может купить всех и вся. Объявляя ставку в десять тысяч долларов — мелочь для него и явно состояние для Бонда,— Голдфингер рассчитывал ошеломить его. И в другом случае ему бы это удалось. Нужно иметь железные нервы, чтобы спокойно вести игру, зная, что от каждого твоего удара зависит твое благосостояние. Профессионалам, играющим ради куска хлеба с маслом для своих семей, хорошо знакомо это неприятное ощущение холодного дыхания работного дома в затылок, поэтому они ведут правильный образ жизни, не пьют, не курят. В результате обычно выигрывает тот, у кого менее развито воображение.

Однако в данной ситуации Голдфингер не мог знать, что вечное напряжение было естественным состоянием Бонда и чувство опасности, наоборот, расслабляло его. Не мог он также знать, что Бонд и собирался играть с ним по высшей ставке, имея в своем распоряжении фонды Секретной службы на случай проигрыша. Голдфингер, привыкший дергать за веревочки, не заметил, что на сей раз кукловодом был не он.

Или заметил? Бонд задумчиво вылез из ванны и вытерся. Сейчас мощный компьютер, сидящий в большой круглой голове, должен был работать на полную мощность, размышляя о Бонде, понимая, что Бонд его обманул, и спра-

шивая себя, каким образом Бонд, дважды возникнув из ниоткуда, дважды же его обыграл. Верно ли Бонд повел игру? Удалось ли ему вызвать к своей персоне должный интерес, или чувствительный нос Голдфингера почуял жареное? Если так, то продолжения не будет, Бонду придется выйти из игры, а М изобретать новые подходы к Голдфингеру. Когда станет ясно, попалась ли рыбка на крючок? Эта большая рыбина будет долго обнюхивать приманку... Хорошо было бы дать ей укусить разок, чтобы она знала, что наживка именно та, какая требуется.

В дверь спальни постучали. Бонд завернулся в полотенце и открыл. В холле стоял посыльный.

— Да?

— Вам телефонограмма от мистера Голдфингера, сэр. Он передает свои наилучшие пожелания и спрашивает, не будете ли вы столь любезны приехать сегодня вечером к нему на ужин. Вилла «Грэйндж» в Рикалвере, сэр. К восемнадцати тридцати. Переодеваться не нужно.

— Пожалуйста, поблагодарите мистера Голдфингера за приглашение и скажите, что я буду счастлив отужинать с ним.

Бонд затворил дверь, подошел к окну и уставился на спокойное вечернее море.

— Ну-ну. Не поминай дьявола...— Бонд улыбнулся,— или потом поднимайся и иди с ним ужинать.

В шесть часов Бонд спустился в бар и заказал водку с тоником и ломтиком лимона. В баре было пустовато, только американские военные летчики из Мэнстоуна пили виски со льдом и болтали о бейсболе. Интересно, подумал Бонд, когда эти ребята болтались сегодня весь день в небе Кента, и в частности над площадкой, где они играли с Голдфингером, была ли у них на борту парочка водородных бомб? Не напивайтесь, кузены, зло пожелал им Бонд, расплатился и вышел.

Он медленно ехал в Рикалвер, наслаждаясь тихим вечером и ощущением растекающегося по телу тепла от выпитой водки. Ужин обещал быть интересным. Приближался момент, когда ему нужно будет продать себя Голдфингеру. Малейшая ошибка — и он выйдет из игры, причем еще сильно осложнит работу тому, кто его заменит. Оружие он не взял — было бы смертельной ошибкой дать Голдфингеру хотя бы малейший повод для подозрения. На мгновение он ощутил дурноту. Однако не стоит опережать события — войны объявлено не было, даже наоборот. Когда они покидали гольф-клуб, Голдфингер был весьма любезен, даже

медоточив. Он поинтересовался, куда прислать деньги, и Бонд дал ему адрес «Юниверсал экспорт». Голдфингер также спросил, где Бонд остановился, и тот назвал ему гостиницу, добавив при этом, что пробудет в Рамсгейте всего лишь несколько дней, пока не определится со своими планами на будущее. Голдфингер выразил надежду сыграть как-нибудь еще партию, но, к сожалению, он завтра должен лететь во Францию и не знает определенно, когда вернется обратно. Самолетом? Да, из Лидса. Что же, спасибо за игру. И вам спасибо, мистер Бонд. Светлые глаза еще раз просветили Бонда, словно рентгеном, как бы намереваясь получше запечатлеть его в памяти, и большой желтый лимузин скрылся из виду.

Бонд успел внимательно рассмотреть шофера. Это был коренастый плосколицый японец или, что вероятнее, кореец с диким, почти сумасшедшим взглядом узких глаз, место которым было скорее в японском боевике, чем в «роллс-ройсе» солнечным днем в графстве Кент. Вид его верхней губы навел Бонда на мысль о том, что у этого человека незаращение нёба, так называемая волчья пасть, но поскольку тот не произнес ни слова, у Бонда не было возможности убедиться в правильности своих умозаключений. В своем узком, в обтяжку черном костюме и нелепом котелке он напоминал японского борца на отдыхе. Но вид его не вызывал улыбки. Если кому-нибудь и захотелось бы улыбнуться, глядя на него, то что-то необъяснимо зловещее, таящееся в ярком блеске его начищенных черных ботинок и в черных тяжелых перчатках, заставило бы человека изменить решение. Бонду почудилось что-то знакомое в силуэте корейца, но только когда машина отъехала и Бонд увидел его со спины, он сообразил, что это был водитель небесно-голубого «форда», упрямо взбиравшегося на Херн-Бей около полудня сегодня утром. Откуда он ехал? Бонд вспомнил, о чем говорил полковник Смизерс. Возможно, это тот самый кореец, который ездит по стране, забирая золото из принадлежащих Голдфингеру лавочек? Не был ли багажник маленькой машины набит недельным урожаем часов, колец, медальонов, золотых крестов? Глядя вслед удаляющейся «Серебряной тени», Бонд решил, что «да» будет правильным ответом.

Бонд свернул с основной магистрали на боковую и поехал среди высоких вечнозеленых деревьев до поворота на гравиевую дорогу, ведущую к дому, носящему название «Грэйндж»,— тяжелому, некрасивому особняку начала века с застекленными галереями и солнечной гостиной,

запах застоявшегося солнца, каучуконосов и дохлых мух которой Бонд мысленно почувствовал еще до того, как выключил двигатель. Бонд вышел из машины и остановился, глядя на дом, уставившийся на него пустыми чисто вымытыми окнами-глазами.

Из-за дома доносился какой-то шум, тяжелое ритмичное пыхтение, как-будто там задыхалось какое-то огромное животное. Бонд решил, что звук доносится с завода, труба которого, подобно пальцу, торчала там, где по идее должны были находиться конюшня и гаражи.

Казалось, дом замер в ожидании, он ждал от Бонда каких-то действий, враждебных действий, на которые незамедлительно последовал бы ответный удар. Бонд расправил плечи, отбрасывая мрачные мысли, поднялся по ступенькам к двери с матовыми стеклами и позвонил. Звонка он не услышал, но дверь медленно распахнулась. На пороге стоял шофер-кореец с котелком на голове. Он равнодушно смотрел на Бонда, держа дверь левой рукой, а правой, вытянутой наподобие семафора, указывал в направлении холла.

Бонд прошел мимо него, с трудом подавив желание либо наступить на ногу в начищенном ботинке, либо двинуть изо всех сил кулаком в затянутый в черное живот. Этот тип вполне соответствовал тому, что Бонд слышал о корейцах, да и вообще ему просто хотелось сделать что-нибудь такое, что могло бы поколебать тяжелую, наэлектризованную атмосферу, царящую в этом доме.

Мрачный холл являлся одновременно и гостиной. За решеткой большого камина потрескивал огонь, два кресла и софа бесстрастно смотрели на пламя. Между ними на низеньком диване стоял поднос, плотно уставленный бутылками. Огромное пространство, окружающее этот маленький очаг жизни, было заставлено массивной добротной и дорогой мебелью периода Второй империи. За этой музейной экспозицией темные панели уходили вверх, к галерее, куда можно было подняться по крутой винтовой лестнице, видневшейся слева. Пол был выложен паркетом той же эпохи.

Бонд стоял, осваиваясь с окружающей обстановкой, когда кореец тихо подошел к нему, протянув свою руку-семафор в сторону подноса и кресел. Бонд кивнул и остался стоять на месте. Кореец прошел мимо него и исчез за дверью, которая, как предположил Бонд, вела к комнатам слуг. Тишина, усугубляемая мерным металлическим тиканьем прадедушкиных часов, сгустилась еще больше.

Бонд прошел вперед, встал спиной к слабому огню и воинственно оглядел помещение. Ну и сарай! Какое ужасное, гиблое место для жилья! Как можно жить в этом богатом морге, расположенном среди вечнозеленых деревьев, когда буквально в сотне ярдов свет, воздух и широкие горизонты? Бонд закурил. Какие у Голдфингера могут быть увлечения? Как он развлекается? Как занимается сексом? А может, ему просто всего этого не надо, охота за золотом удовлетворяет все его страсти?

Где-то зазвонил телефон. Послышался приглушенный голос, затем шаги, и дверь под лестницей распахнулась. Голдфингер вошел в холл и тихо прикрыл за собой дверь. На нем был лиловый бархатный вечерний сюртук. Медленно пройдя по натертому деревянному полу, не протягивая руки и улыбаясь одними губами, он произнес:

— Очень мило, что вы приняли мое приглашение, мистер Бонд. Вы были в одиночестве, я тоже один, и мне пришло в голову, почему бы нам с вами не обсудить цены па зерно.

Это была реплика из тех, которыми обычно обмениваются между собой богатые люди. Бонда позабавила мысль, что он оказался временным членом корпорации.

— Мне было очень приятно получить ваше приглашение. Свои проблемы мне обдумывать уже надоело, а заняться в Рамсгейте особенно нечем.

— Да, действительно. Но сейчас я должен извиниться перед вами. Меня задержал телефонный звонок. У одного из моих сотрудников — кстати, у меня работают корейцы — небольшие неприятности с местной полицией. Мне придется поехать и утрясти это дело. Какой-то инцидент на ярмарке, насколько я понял. Корейцы легко выходят из себя. Меня отвезет мой шофер, и я вернусь максимум через полчаса. А пока я буду вынужден оставить вас в одиночестве, предоставить вас самому себе. Пожалуйста, не стесняйтесь, напитки на подносе. Если хотите, вот журналы. Надеюсь, вы извините меня? Уверяю вас, это не больше чем па полчаса.

— Все в порядке, не беспокойтесь.

Бонд чувствовал какой-то подвох, но не мог понять, в чем дело.

Голдфингер направился к двери.

— Но я должен включить вам свет, здесь очень темно.

Он протянул руку к панели, за которой, видимо, находились выключатели. Теперь помещение было освещено, как съемочная площадка киностудии. Это было уди-

вительное превращение. Полуослепший Бонд проводил взглядом уходящего Голдфингера. Через минуту раздался шум мотора удаляющегося автомобиля, но это был не «роллс-ройс». Инстинктивно Бонд подошел к двери и открыл ее. Гравиевая дорога была пустынна. Вдали виднелись сигнальные огни машины, поворачивающей влево на основную магистраль в сторону Маргейта. Бонд вернулся в дом и закрыл дверь. Некоторое время он тихо стоял, прислушиваясь. Если не считать тиканья часов, тишина была полной. Он подошел к двери под лестницей и открыл ее. Длинный темный коридор вел внутрь дома. Бонд наклонился вперед, все чувства его были обострены до предела. Тишина, мертвая тишина. Бонд закрыл дверь и задумчиво оглядел ярко освещенный холл. Его оставили в доме одного, оставили наедине со всеми имеющимися здесь тайнами. Почему? Бонд налил себе джина с тоником. Телефонный звонок действительно был, но его легко можно организовать с завода. История со слугой звучала вполне правдоподобно, и со стороны Голдфингера было разумно поехать, чтобы лично разобраться с этим делом. Голдфингер дважды упомянул, что Бонд останется один в течение получаса, и в это время он будет «предоставлен самому себе». Это могло быть и вполне невинное замечание, а могла быть и провокация, попытка подтолкнуть Бонда на то, чтобы он совершил какой-нибудь промах. Следит ли за ним кто-нибудь? Сколько здесь этих корейцев и чем они заняты? Бонд глянул на часы. Прошло пять минут. Он принял решение. Ловушка это или нет, но такой шанс упускать никак нельзя. Он быстренько осмотрит окрестности. Вполне невинная прогулка, которой легко найти логичное объяснение. С чего начать? С завода. Легенда? У него по пути сюда забарахлил автомобиль, наверное, что-то с помпой, и он хотел выяснить, нет ли там механика, который мог бы ему помочь. Слабовато, конечно, но сойдет. Бонд допил джин и решительно вышел в коридор.

Здесь имелся выключатель. Бонд включил свет, длинный коридор упирался в стену с двумя дверями. Бонд немного послушал у левой двери и различил звуки кухни. Он решительно открыл правую дверь и оказался, как и предполагал, в гараже. Единственное, что казалось здесь странным, это яркое дуговое освещение. Дальняя стена, видимо, была заводской, и ритмичный грохот агрегата слышался теперь совсем близко. Заметив в противоположной стене низкую деревянную дверь, Бонд подошел к ней,

оглядываясь по сторонам. Дверь оказалась незапертой. Он осторожно открыл ее. За дверью оказался маленький пустой офис, освещенный голой лампой, свисающей с потолка. Стол с бумагами, часы, пара стеллажей и телефон. Еще одна дверь вела из офиса в цех, рядом было окно, позволявшее наблюдать за рабочими. Вероятно, это была комната мастера. Бонд подошел к окну и посмотрел. Он не знал, что, собственно, он ожидал увидеть, но на первый взгляд там стояло обычное оборудование небольшого металлоперерабатывающего предприятия. Прямо перед ним зияли открытые пасти двух доменных печей с погашенными огнями. Рядом располагались формы для расплавленного металла, у стены стояли разнокалиберные и разноцветные металлические листы. Стальной стол с пилой, видимо алмазной, для разрезания листов, а слева в тени — мощный мотор. Пять человек в комбинезонах — из них четверо корейцев — трудились над «роллс-ройсом» Голдфингера. Он стоял, сверкающий и совершенно целый, не считая снятой правой дверцы, которая лежала рядом в разобранном виде. Бонд увидел, как двое рабочих взяли тяжелый лист металла цвета алюминия и подошли с ним к дверце. На полу лежали два клепальных молотка. Скоро, подумал Бонд, рабочие все поставят на место и покрасят в соответствующий цвет. Все это выглядело вполне невинно. Возможно, Голдфингер сегодня днем повредил дверцу, и теперь ее срочно чинят к его завтрашней поездке. Бонд быстро, но внимательно изучил обстановку, отвернулся от окна и вышел, мягко прикрыв за собой дверь. Черт побери, ничего такого, за что можно зацепиться. А теперь какую историю ему придумать? Что он не стал отрывать людей от работы, может, потом, после ужина, если у кого-нибудь из них будет время...

Бонд неторопливо проделал обратный путь и вернулся в холл без всяких приключений.

Он глянул на часы. Оставалось еще десять минут. Теперь — второй этаж. Все домашние секреты обычно прячутся в спальнях и ванных комнатах. Это места личного пользования, где аптечки, трюмо и тумбочки приоткрывают интимные стороны жизни владельца, раскрывают его слабости. Значит, так: у него сильно разболелась голова, и он пошел поискать аспирин. Бонд разыграл небольшой спектакль для невидимой аудитории, потер виски, посмотрел на галерею, решительно прошел к лестнице и поднялся наверх. Галерея вела в ярко освещенный коридор. Бонд двинулся по нему, открывая под-

ряд все двери и заглядывая внутрь. Все это были отдельные спальни с незастланными кроватями. В них стоял запах пыли, окна были закрыты. Откуда-то появился огромный рыжий кот и шел за Бондом по пятам, мяукая и обтираясь о брюки. Последней была та комната, которую он искал. Бонд вошел и закрыл за собой дверь.

Везде горели лампы. Может, в ванной комнате находится кто-то из слуг? Бонд осторожно заглянул. В ванной тоже горел свет, но никого не было. Просторная комната. Помимо ванны и унитаза, здесь находились различные тренажеры. В аптечке, кроме различных слабительных не было ничего. Бонд вернулся в спальню. Типично мужская комната, удобная, обжитая, со множеством встроенных шкафов. Даже запах здесь стоял какой-то нейтральный. Возле кровати небольшой книжный шкаф, книги исторические и биографические, все на английском языке. В ящике тумбочки лежала книжка парижского издательства «Палладиум» под названием «Скрытая сторона любви» в желтой обложке.

Бонд снова посмотрел на часы. Еще пять минут. Пора уходить. Он в последний раз осмотрел комнату и направился к двери, но внезапно остановился. Что он почти подсознательно отметил сразу же, как вошел? Он напрягся. Что-то его насторожило. Что именно? Цвет? Предмет? Запах? Звук? Да, звук! Там, где он стоял, слышен был тонкий, почти неуловимый звук, похожий на комариный писк. Откуда он идет? В этой комнате присутствовало что-то такое, что так хорошо было знакомо Бонду. Ощущение опасности!

Бонд осторожно подошел к встроенному шкафу возле двери и открыл его. Да, звук шел именно отсюда, из-за спортивных костюмов, лежащих на трех полках. Бонд резко сдвинул вещи в сторону. Увидев то, что за ними скрывалось, он заскрипел зубами.

В верхней части шкафа неторопливо перематывалась 16-миллиметровая кинопленка, уходящая за фальшивую перегородку. Бобина была наполовину пуста. Глаза Бонда округлились при виде трех кинокамер, объективы которых были направлены бог знает куда — в холл, в гараж, в эту комнату — и следили за каждым его шагом с того самого момента, как Голдфингер покинул дом, предварительно включив все оборудование и конечно же ослепительно яркий свет. Почему Бонд не догадался о назначении этого освещения? Почему ему не хватило элементарного воображения, чтобы увидеть ловушку, почувствовать ее? Легенды он придумал, как же! Кому они теперь нужны, когда

он провел полчаса, вынюхивая по разным углам под объективами этих камер, да еще вдобавок абсолютно впустую! Он не обнаружил ничего интересного, не раскрыл никаких тайн. Идиотская трата времени! А теперь он у Голдфингера в руках. Ему конец, он безнадежно погорел. Но как же все-таки спасти положение? Бонд застыл, уставившись на медленно бегущую ленту.

Думать! Думать! Мысли мчались, отбрасывая один вариант спасения за другим. Что ж, во всяком случае, открыв шкаф, часть пленки он засветил. А почему бы не засветить ее всю? Но можно ли будет это объяснить чем-то иным, кроме его, Бонда, действий? Из-за приоткрытой двери в спальню раздалось мяуканье. Кот! Почему бы этого не сделать коту? Хилое, конечно, но хоть какое-то алиби. Бонд открыл дверь, взял кота на руки и вернулся к шкафу. Кот мурлыкал. Бонд вытянул всю пленку, удостоверился, что она засвечена, и положил на кучу кота. Легко выбраться он не сможет, а если повезет, то устроится поудобнее и уснет. Бонд оставил приоткрытой дверь спальни и побежал по коридору. У лестницы он затормозил и медленно спустился вниз. Пустой холл зевал, глядя на его игру. Бонд прошел к камину, налил себе джина и взял один из номеров «Филда». Найдя статью Бернарда Дарвина о гольфе, он пробежал ее глазами, чтобы запомнить содержание, удобно устроился в одном из глубоких кресел и закурил.

Что же ему удалось узнать? Весьма немного. Он выяснил, что Голдфингер страдает запорами, имеет извращенный ум и подверг Бонда элементарной проверке. Весьма ловко, надо отметить. Дилетантом он явно не был. Техническое исполнение вполне отвечало стандартам СМЕРШа. Голдфингеру определенно есть что скрывать. Что же теперь? Для того чтобы кот попал в комнату и заинтересовался шуршанием пленки, Голдфингеру нужно было оставить открытыми обе двери. Маловероятно, почти невозможно. Голдфингер будет уверен на девяносто процентов, что это дело рук Бонда. Но только на девяносто. Остается десять процентов сомнений. Будет ли Голдфингер знать о Бонде больше, чем раньше? Он ведь знает, что Бонд хитрый и находчивый малый, что он любопытен, возможно, и вор? Он, конечно, догадается, что Бонд был в спальне, но остальные его действия, в чем бы они ни заключались, останутся для него тайной, тайной на засвеченной пленке.

Бонд поднялся, взял пачку журналов и бросил их на пол возле кресла, на котором сидел. Единственное, что ему оставалось,— это всячески отрицать свою вину и запомнить

на будущее, ежели таковое у него имелось, что надо быть собраннее и не совершать ошибок. Во всем мире не хватит рыжих котов, чтобы вытащить его из истории, в которую он влип.

Бонд не услышал ни шума подъезжающей машины, ни звука открывающейся двери, но по легкому дуновению вечернего ветерка он понял, что Голдфингер снова в холле.

10. На Все Руки

Бонд бросил «Филд» и поднялся. Входная дверь с шумом закрылась. Бонд повернулся и сказал с вежливым удивлением:

— Привет. Не слышал, как вы подъехали. Ну, как дела?

Лицо Голдфингера было не менее вежливым. Они вполне могли сойти за старых друзей или соседей, привыкших заезжать друг к другу выпить рюмочку-другую.

— О, все разрешилось довольно просто. Мой малый сцепился в пивной с американским летчиком, обозвавшим его проклятым япошкой. Я объяснил полицейским, что корейцы не любят, когда их принимают за японцев. Они отпустили его, сделав предупреждение. Приношу извинения за столь длительное отсутствие. Надеюсь, вы не скучали. Пожалуйста, наливайте себе еще.

— Благодарю. Но мне показалось, что вы отсутствовали не больше пяти минут. Я тут штудировал статью Дарвина о гольфе. У него интересные взгляды по некоторым вопросам...

И Бонд стал пространно пересказывать статью, делая свои комментарии. Голдфингер терпеливо стоял, пока Бонд не закончил. Затем произнес:

— Да, это сложное дело. Конечно, вы играете не так, как я, проще. С моей школой мне приходится пользоваться всеми дозволенными клюшками. А теперь, если позволите, я поднимусь к себе, сполосну руки, и мы пойдем ужинать. Я быстро.

Бонд наполнил свой бокал, сел и взял следующий журнал. Под прикрытием журнала он проследил, как Голдфингер поднимается по ступенькам и исчезает в коридоре. Все его последующие действия можно было легко себе представить. Бонд обнаружил, что держит журнал вверх ногами, перевернул его и тупо уставился на картинку с изображением Бленхеймского дворца, ожидая развития событий.

Сначала сверху не доносилось ни звука, затем послышался шум воды и скрип закрывающейся двери. Бонд взял бокал, отпил большой глоток и поставил бокал рядом. Когда Голдфингер спустился вниз, Бонд листал журнал, небрежно стряхивая пепел сигары в камин.

Голдфингер направился к нему. Бонд опустил журнал и поднял глаза. В руках Голдфингер держал рыжего кота. Подойдя к камину, он наклонился и нажал кнопку звонка.

— Вы любите кошек? — спросил он, повернувшись к Бонду и глядя на него спокойным и равнодушным взором.

— Пожалуй, да.

В проеме двери появился шофер, по-прежнему в своем дурацком котелке и перчатках. Он бесстрастно смотрел на Голдфингера. Хозяин согнул палец, шофер, повинуясь жесту, быстро подошел и встал в круг света возле огня. Голдфингер повернулся к Бонду.

— Мой мастер на все руки.

Он тонко улыбнулся.

— Это что-то вроде шутливого прозвища. На Все Руки, покажи свои руки мистеру Бонду.

Голдфингер снова улыбнулся.

— Я зову его На Все Руки, потому что это наиболее полно характеризует его функции.

Кореец медленно стянул перчатки, подошел к Бонду на расстояние вытянутой руки и поднял руки ладонями вверх. Бонд встал и посмотрел на них. Руки были большие и мускулистые, все пальцы казались одинаковой длины, жесткие, как бы костяные.

— Поверни их и покажи мистеру Бонду ребра ладоней.

Ребра ладоней тоже выглядели, как кость. Бонд поднял брови и глянул на Голдфингера.

— Сейчас нам с вами кое-что продемонстрируют,— сказал Голдфингер и указал на толстые перила лестницы, которые были размером приблизительно шесть на четыре дюйма.

Кореец послушно подошел к лестнице, поднялся на несколько ступенек, встал по стойке смирно и уставился на Голдфингера, как послушный пес. Голдфингер быстро кивнул. Кореец безмятежно поднял руку и резко опустил ее, как топор, на толстую полированную деревяшку. Раздался треск, и перила проломились ровно посередине. Рука еще раз поднялась и опустилась. Теперь перила развалились на две части и по полу разлетелись щепки. Кореец выпрямился, ожидая дальнейших приказаний. Лицо его рас-

краснелось и светилось от гордости. Голдфингер кивнул, и кореец вернулся к камину.

— Внешняя сторона стопы у него такая же. На Все Руки — каминная доска.

Голдфингер указал на толстую полку из резного дерева над камином на высоте семи футов, то есть на шесть дюймов выше котелка корейца. Шофер пробормотал что-то невнятное.

— Да, можешь снять плащ и шляпу,— Голдфингер повернулся к Бонду.— У бедняги волчья пасть, и я сомневаюсь, что его понимает кто-нибудь, кроме меня.

Очень полезно иметь раба, подумал Бонд, который может общаться с миром только через переводчика.

На Все Руки снял плащ и котелок, положил их на пол, закатал брюки до колен и встал в боевую стойку дзюдоиста. Казалось, что его не сдвинет с места даже атакующий слон.

— Вам лучше отойти в сторону,— сверкнул зубами Голдфингер,— этот удар ломает человеку хребет, как цветочный стебелек.

Голдфингер отодвинул в сторону диванчик с подносом, освобождая корейцу путь. Однако тот стоял лишь в трех шагах от цели. Каким образом он сможет достать высоко висящую каминную полку? Бонд смотрел как зачарованный.

Узкие глаза на плоской желтой маске горели теперь жестоким холодным огнем. Да, при встрече с подобным монстром не остается ничего другого, как встать на колени и ждать смерти, подумал Бонд.

Голдфингер поднял руку. Ноги в кожаных ботинках как бы вросли в землю. Кореец сделал шаг на согнутых в коленях ногах и взлетел, соединив в воздухе ноги, как в балете, но подняв их гораздо выше, чем любой танцовщик. Тело его откинулось назад и вниз, правая нога вылетела вперед, как из пушки. Раздался громкий треск, кореец грациозно приземлился на руки, резко оттолкнулся и оказался снова на ногах.

На Все Руки замер по стойке смирно. Глаза его сияли победным блеском при виде трехдюймового куска дерева, выбитого им из каминной полки.

Бонд смотрел на корейца с изумлением. Всего две ночи назад он, Бонд, работал над своим учебником самообороны без оружия! Да в сравнении с тем, что он только что видел, все, что читал, все, что он умел, было меньше, чем ничто! Это не был человек из плоти и крови, это была жи-

вая дубинка, возможно, самое опасное животное на Земле. Бонд почувствовал, что необходимо воздать должное этому уникальному человеку. Он протянул руку.

— Легонько, На Все Руки,— голос Голдфингера прозвучал, как удар бича.

Кореец наклонил голову и взял руку Бонда в свою, держа пальцы прямо, лишь чуть согнув в пожатии большой палец. У Бонда возникло впечатление, что он держит доску, а не руку человека. Кореец выпустил его ладонь и пошел к своей одежде.

— Прошу прощения, мистер Бонд, я признателен вам за ваш жест,— лицо Голдфингера выражало одобрение.— Но На Все Руки сам не знает своей силы, особенно когда он «включается», а руки у него как тиски. Он мог бы превратить вашу ладонь в кисель, сам того не желая.

Кореец уже оделся и стоял, почтительно держа руки по швам.

— Что же, На Все Руки, ты хорошо поработал. Вижу, ты в отличной форме. Это тебе,— Голдфингер бросил кота корейцу, легко поймавшему животное.— Он мне надоел. Можешь съесть его на ужин.

Глаза слуги довольно блеснули.

— И скажи на кухне, чтобы подавали.

Кореец кивнул и удалился с котом в руках.

Бонд с трудом скрыл охватившее его отвращение. Он прекрасно понял значение этой демонстрации, говорившей: «Вы видели мое могущество, мистер Бонд. Я мог бы легко вас убить или покалечить. Скажем, На Все Руки демонстрировал свое искусство, а вы случайно оказались у него на дороге. Я был бы ни при чем, а На Все Руки отделался бы мягким приговором. Но вместо вас будет наказан кот. Не повезло ему, конечно».

— Почему он все время в котелке? — спросил Бонд.

— На Все Руки!

Кореец, уже подошедший к двери, замер.

— Шляпа,— Голдфингер указал на деревянную панель у камина.

Держа кота под мышкой, На Все Руки повернул обратно. Пройдя полпути, он, не замедляя шага, снял котелок, взял его за поля и изо всей силы метнул вперед. Котелок на полдюйма вошел в панель, на мгновение завис, затем упал и покатился по полу.

Голдфингер вежливо улыбнулся.

— Легкое, но очень мощное оружие, мистер Бонд. Боюсь, что фетр немного попорчен, но На Все Руки все по-

чинит. Он удивительно ловко орудует шилом и шнуром. Как вы догадываетесь, такой удар проламывает человеку череп или перерубает шею. Очень удобное и великолепно сделанное оружие, не правда ли?

— Да, несомненно,— Бонд столь же любезно улыбнулся.— Очень полезный малый.

На Все Руки подобрал свой котелок и исчез. Послышался удар гонга.

— А вот и ужин! Пойдемте!

Голдфингер направился к двери справа от камина, нажал на скрытую за панелью кнопку, дверь распахнулась, и они вошли.

Маленькая столовая вполне соответствовала богатому убранству холла. Она была ярко освещена. Огоньки свечей в высоких канделябрах отражались в серебряных бокалах. Они сели друг напротив друга. Двое желтолицых слуг в белых куртках разносили блюда с сервировочного стола. Первое блюдо было с рисом. Заметив нерешительность Бонда, Голдфингер ободряюще произнес:

— Все в порядке, мистер Бонд, это креветки, а не кот.

— А...

— Пожалуйста, попробуйте вино. Надеюсь, оно придется вам по вкусу. Это «Пиаспортер голдтронхейм» пятьдесят третьего года. Наливайте сами, а то эта публика может с таким же успехом налить вам в тарелку, а не в бокал.

Перед Бондом в ведерке со льдом красовалась тонкая бутылка. Он немного налил и попробовал. Нектар, амброзия. Бонд воздал должное хозяину. Голдфингер коротко кивнул.

— Я не пью и не курю, мистер Бонд. Считаю, что курение не только самая глупая из человеческих привычек, но и абсолютно противоестественная. Можете вы представить себе корову или другое животное, набирающее полный рот вонючего дыма и выпускающее его через ноздри? Фу! — Голдфингер обнаружил редкую для него эмоциональность.— Это очень вредная привычка. А что касается пития, то, будучи в некотором роде химиком, мне не удалось пока обнаружить напитка, в котором отсутствовал бы какой-нибудь яд, причем зачастую смертельный. Небольшое количество некоторых из них, взятое в чистом виде, убило бы вас. В тех мизерных количествах, в которых они наличествуют в спиртном, они тоже дают болезненный эффект, в просторечии именуемый похмельем.

Голдфингер помолчал, затем продолжил:

— Раз уж вы пьете, я дам вам один хороший совет, мистер Бонд. Никогда не употребляйте напиток, именуемый «Наполеон», особенно если он выдержан в деревянных бочках. В этой жидкости содержится больше ядовитых веществ, чем в любой другой. Следующий по вредности — старый бурбон.

— Благодарю вас. Я запомню. Возможно, именно поэтому я в последнее время предпочитаю водку. Кажется, ее подвергают угольной фильтрации?

Бонд был доволен, что, пользуясь своими познаниями, почерпнутыми из прочитанного когда-то, он теперь смог дать Голдфингеру более или менее достойный ответ.

Голдфингер внимательно посмотрел на него.

— Кажется, вы кое-что понимаете в этой области. Изучали химию?

— Так, чуть-чуть.

Пора было начинать игру.

— Ваш шофер произвел на меня колоссальное впечатление. Где он научился этому фантастическому искусству? Это какая-то разновидность корейской борьбы?

Голдфингер, вытерев рот салфеткой, щелкнул пальцами. Слуги убрали со стола, поставили на него жареную утку и бутылку «Мутон Ротшильд» сорок седьмого года для Бонда, после чего вернулись к сервировочному столу и замерли.

— Вы слышали о каратэ? — спросил Голдфингер.— Ну так вот, На Все Руки — один из трех человек в мире, обладающих высшим даном по каратэ. Вы видели один из самых простых приемов, мистер Бонд.— Голдфингер вынул изо рта ножку, которую обгладывал.— Могу вам сказать, что, если бы На Все Руки нанес удар по одной из семи точек на вашем теле, вы были бы сейчас покойником,— и Голдфингер с удовольствием вновь принялся за ножку.

— Интересно,— сказал Бонд.— Мне известно только пять способов убить На Все Руки одним ударом.

Голдфингер, казалось, не слышал реплики. Он выпил воды, сел поудобнее и, пока Бонд наслаждался великолепным жарким, продолжил:

— Каратэ, мистер Бонд, основывается на теории, что человек обладает пятью ударными поверхностями и имеет тридцать семь уязвимых мест. Уязвимых для мастера каратэ, чьи кончики пальцев, ребра ладоней и ноги жестки, как стебель кукурузы, а он значительно более крепок и гибок, чем кость. Всю свою жизнь, мистер Бонд, На Все Руки ежедневно тренируется в течение часа, отрабатывая удары либо на мешке с неочищенным рисом, либо на деревянном

столбе, обмотанном в несколько слоев толстым канатом. Затем еще час он занимается физической подготовкой, напоминающей больше балет, чем гимнастику.

— А когда он тренируется в метании котелка?

Бонд не собирался поддаваться этой психологической обработке.

Голдфингер, недовольный, что его прервали, нахмурился.

— Этим я никогда не интересовался,— серьезно ответил он.— Но вы можете быть абсолютно уверены, что На Все Руки всегда тренируется очень тщательно. Однако вас интересует происхождение каратэ. Оно родом из Китая. Бродячие буддийские монахи легко становились жертвами бандитов и грабителей. Буддизм запрещает владеть оружием, поэтому им пришлось разработать этот вид самообороны. Позже, когда жителям Окинавы было запрещено носить оружие, они усовершенствовали это искусство до его современного вида. Они определили пять ударных поверхностей: кулак, ребро ладони, кончики пальцев, пятка и локоть — и задубили их до крепости кукурузного стебля. Особенность каратэ еще в том, что в момент удара каратист всегда сохраняет равновесие. На Все Руки способен делать удивительные вещи. Я видел, как он разбил три полудюймовые доски, сложенные одна на другую, ребром ладони. А что он может делать ногами, вы сами видели.

Бонд отпил глоток великолепного кларета.

— Это плохо отражается на вашей мебели.

Голдфингер пожал плечами.

— Я мало живу в этом доме. Мне показалось, что подобное шоу развлечет вас. Надеюсь, вы согласны, что На Все Руки заработал своего кота?

Глаза Голдфингера остро глянули через стол на Бонда.

— Он любит кошатину?

— Для него это большой деликатес. Он распробовал их мясо в молодости, когда в Корее был голод.

Бонд решил, что пришло время копнуть глубже.

— Зачем вам такой человек? Вряд ли он является подходящим компаньоном?

— Видите ли, мистер Бонд,— Голдфингер щелкнул пальцами, подзывая слуг,— я состоятельный человек, очень состоятельный. А чем ты богаче, тем больше нуждаешься в охране. Обыкновенный телохранитель или детектив — это, как правило, бывший полицейский. Такие люди бесполезны. У них замедленная реакция, устаревшие методы, и их легко подкупить. Но что самое главное, они с уважением

относятся к человеческой жизни. Это неприемлемо для меня, если я хочу выжить. Моим корейцам подобные чувства не свойственны. Именно по этой причине японцы использовали их в качестве надзирателей в лагерях для военнопленных. Мои служащие хорошо справляются со своими обязанностями, не могу пожаловаться. И они тоже. Им хорошо платят, они обеспечены жильем. Когда им нужна женщина, для них из Лондона привозят уличных девок, которым также хорошо платят, а потом отвозят обратно. Как правило, эти женщины некрасивы, но они белые, а ведь все, что требуется моим ребятам — подвергнуть белую расу самым гнусным унижениям. Иногда, конечно, случаются эксцессы, но,— светлые глаза бесстрастно глядели на стол,— деньги — надежный саван.

Бонд улыбнулся.

— Вам понравился афоризм? Я сам его придумал.

Подали великолепное суфле и кофе. Они молча ели, оба как бы удовлетворенные и успокоенные этой доверительной беседой. Во всяком случае, именно так все это подействовало на Бонда. Голдфингер явно позволил себе немного приоткрыться, не сильно, чуть-чуть, но он продемонстрировал Бонду одну из своих скрытых сторон, ту, которая, как он считал, является для Бонда наиболее привлекательной: свой лик безжалостного и хладнокровного магната. В конце концов, вполне возможно, что шныряние Бонда по дому, о чем Голдфингер должен был, как минимум, подозревать, открыло в Бонде кое-что привлекательное для Голдфингера. Например то, что Бонд на самом деле негодяй с внешностью джентльмена. Сейчас должна была последовать еще одна проверка, а затем, если повезет, предложение.

Бонд откинулся на стуле и закурил.

— У вас великолепный автомобиль. Должно быть, последняя модель этой серии?

— Совершенно верно. Однако я кое-что усовершенствовал, добавил пять листов на рессоры и поставил тормоза на задние колеса. Передних тормозов оказалось недостаточно.

— Да? А почему? Ведь максимальная скорость не выше пятидесяти миль в час? Не может же машина быть настолько тяжелой?

Голдфингер приподнял бровь.

— Вы так полагаете? Между тонной бронированной обшивки и тонной бронированного стекла существует разница.

— А, понятно,— улыбнулся Бонд.— Вы действительно очень о себе заботитесь. Но как же вы перелетаете через Ла-Манш? Ваша машина не проламывает днище самолета?

— Я фрахтую весь самолет. Компания «Сильвер-сити» знает мой лимузин. Я летаю регулярно дважды в год.

— Тур по Европе?

— Да, отдыхаю, играю в гольф.

— Здорово. Всегда об этом мечтал.

Но Голдфингер не ухватил приманку.

— Ну что ж, теперь вы можете себе это позволить.

— А, вы об этих десяти тысячах... Но они могут мне понадобиться, если я решу перебраться в Канаду.

— Вы полагаете, что сможете там хорошо заработать? Хотите иметь много денег?

— Очень хочу,— голос Бонда звучал решительно.— А иначе вообще не стоит работать.

— К сожалению, как правило, на составление большого капитала уходит много времени. Обычно, когда сколачивается нужная сумма, человек уже слишком стар, чтобы наслаждаться этим.

— В том-то и дело. Поэтому я вечно ищу, где можно добиться желаемого побыстрее. А здесь ничего не выйдет, налоги слишком большие.

— Верно. И законы очень жестокие.

— Знаю. Уже уяснил на собственном опыте.

— Неужели?

— Да. Занялся как-то торговлей героином. Еле ноги унес. Надеюсь, это между нами?

Голдфингер пожал плечами.

— Кто-то сказал, мистер Бонд, что закон есть кристаллизованные предрассудки общества. Я согласен с этим. И больше всего это относится к торговле наркотиками. Да и в любом случае я не собираюсь помогать полиции.

— Значит, дело было так...— и Бонд рассказал мексиканскую эпопею, поменявшись ролями с Блэкуэлом, а закончил словами: — Я еще дешево отделался, но это не прибавило мне популярности в «Юниверсал экспорт».

— Да, пожалуй. Интересная история. Кажется, вы не без способностей. А продолжать заниматься этим бизнесом вы не хотите?

— Слишком сложно,— пожал плечами Бонд.— Судя по этому плантатору, крупные дельцы в этой сфере сразу мельчают, когда начинает пахнуть жареным. Когда дела пошли вразнос, он и не пытался сопротивляться. Разве что словесно.

— Что же, мистер Бонд,— Голдфингер встал, и Бонд последовал его примеру,— это был интересный вечер. Не думаю, что я займусь героином. Существуют гораздо более безопасные способы делать деньги. Вы должны удостовериться, что обстоятельства вам благоприятствуют, и поставить все на кон. Выигрывать двойные ставки нелегко, да и нечасто выпадает такая возможность. Хотите еще один мой афоризм?

— С удовольствием.

— Ну что же, мистер Бонд,— Голдфингер улыбнулся покровительственной улыбкой магната.— Самый безопасный способ удвоить деньги — это сложить их пополам и сунуть в карман.

Бонд, словно вышколенный служащий банка, внимающий управляющему, улыбнулся, но комментарий оставил при себе. Этот афоризм был недостаточно хорош. Увы, кажется, он ничего не добился. Однако инстинкт подсказывал, что пережимать не стоит.

Они вернулись в холл. Бонд протянул руку.

— Благодарю за великолепный ужин. Однако пора ехать. Может быть, мы с вами встретимся еще когда-нибудь.

Голдфингер сжал протянутую руку и тут же отпустил, чуть ли не отбросил. Еще один «пунктик» миллионера, он подсознательно боится физического контакта. Голдфингер посмотрел на Бонда тяжелым взглядом:

— Я совсем этому не удивлюсь, мистер Бонд.

Всю обратную дорогу Бонд снова и снова прокручивал эту фразу. Он разделся и лег в постель, продолжая думать над ней. Она могла означать, что Голдфингер сам его найдет, но могла означать и обратное — Бонду следует найти Голдфингера. Орел — первое, решка — второе. Бонд встал, достал из кармана монетку и подбросил. Решка. Значит, ему придется искать встречи с Голдфингером. Быть посему. Но ему придется хорошенько подумать над предлогом для следующей «случайной» встречи. Бонд лег и мгновенно уснул.

11. Долгая погоня за тенью

На следующее утро ровно в десять часов Бонд позвонил начальнику Штаба:

— Говорит Джеймс. Я видел владения. Обошел все что можно, а вчера вечером ужинал с хозяином. Я практически уверен, что мнение управляющего абсолютно правиль-

ное. Что-то там не так. Для общего доклада пока недостаточно фактов. Владелец завтра вылетает на континент из Феррифилда. Мне бы хотелось поближе познакомиться с «роллсом» — думаю подарить ему небольшой переносной приемник, отправляюсь на его поиски сегодня немного попозже. Не могли бы вы попросить мою секретаршу зарезервировать мне место? Направление пока неизвестно. Я дам знать. У вас есть для меня что-нибудь?

— Как сыграли в гольф?

— Я выиграл.

На другом конце провода хмыкнули:

— Кто бы сомневался. Ставки были большие, верно?

— Откуда вы знаете?

— Из Скотленд-Ярда звонили вчера вечером. Им сообщили по телефону, что некто с вашей фамилией владеет крупной суммой недекларированных долларов. Они интересовались, работает ли у нас такой и правда ли это. Звонил парень из младших, поэтому об «Юниверсал» он не знает. Я сказал ему, чтобы он поинтересовался у комиссара. Сегодня утром он звонил опять, извинялся. Одновременно ваша секретарша обнаружила конверт с десятью тысячами в почте. Этот ваш малый весьма ловок, а?

Бонд улыбнулся. Весьма характерно для Голдфингера — попытаться убрать его, втянув в историю с долларами. Наверное, он позвонил в Скотленд-Ярд сразу после игры. Хотел, видимо, продемонстрировать Бонду, что, нанося Голдфингеру удар, рискуешь, как минимум, занозить руку. Но «крыша» в виде «Юниверсал экспорт» вроде сработала.

— Здóрово! Вот прохиндей! Можете передать управляющему, что на сей раз деньги пойдут Белому кресту. Все остальное сможете сделать?

— Конечно. Перезвоню через несколько минут. Будьте поосторожней за границей. Если соскучитесь и потребуется компания, сообщите нам. Пока.

— Пока.

Бонд повесил трубку и начал собираться. Сцену, происходящую сейчас в офисе, он представлял себе очень живо. Прослушивая запись беседы, начальник Штаба расшифровывал содержание беседы для мисс Манипенни: «Ноль ноль семь сказал, что, вероятно, Голдфингер замешан в каком-то преступном деле, но конкретно он пока не знает. Г. вылетает сегодня утром из Феррифилда со своим «роллсом», ноль ноль семь хочет лететь за ним. Скажем, через пару часов, чтобы дать возможность Г. отъехать подальше.

Забронируйте ему место, хорошо? Еще ноль ноль семь хочет, чтобы мы договорились с таможней, пусть дадут ему возможность осмотреть «роллс» и сунуть в него передатчик — пометьте себе, пожалуйста. Если ему понадобится помощь, он с нами свяжется». И так далее.

Бонд закончил сборы, получив подтверждение из Лондона, спустился вниз, расплатился и быстро выехал из Рикалвера.

Лондон сообщил, что Голдфингер вылетает спецрейсом в двенадцать дня. Бонд был в Феррифилде в одиннадцать, представился начальнику паспортного контроля и таможенникам. Его уже ждали. Бонд убрал свою машину в пустой ангар — подальше с глаз и, болтая с таможенниками, стал ждать Голдфингера. Таможенники приняли его за сотрудника Скотленд-Ярда, а Бонд не стал их разуверять.

Нет, сказал он, с Голдфингером все в порядке. Просто не исключена вероятность, что один из его сотрудников попытается кое-что вывезти. Естественно, эта информация строго конфиденциальна. Нельзя ли будет оставить его наедине с машиной минут на десять? Он хочет заглянуть в ящик с инструментами.

В одиннадцать сорок пять в дверь просунул голову один из таможенников и подмигнул Бонду.

— Приехали. В машине сидит шофер. Я попрошу их подняться на борт раньше, чем завезут машину. Расскажу сказочку насчет распределения веса на борту. Его старая развалюха нам хорошо знакома. Бронированная, весит порядка трех тонн. Когда все будет готово, вас позовут.

— Спасибо.

Комната опустела. Бонд достал из кармана хрупкий аппаратик, проверил его, сунул обратно и стал ждать.

В одиннадцать пятьдесят пять тот же таможенник позвал Бонда:

— Порядок. Они в самолете.

«Роллс-ройс» стоял перед зданием таможни. Рядом находилась еще одна машина — маленький серый «триумф TR-3». Бонд подошел к задней части «роллса», таможенник своим ключом открыл багажник. Бонд придвинул ящик с инструментами и стал их перебирать. При этом он быстро засунул внутрь миниатюрный передатчик. Теперь все в порядке. Он выпрямился, отряхивая руки.

— Ничего нет.

Таможенник закрыл багажник.

— Там полно пустот внутри, но добраться до них мож-

но, только распотрошив всю машину. Ну что, можно выпускать?

— Да, и спасибо вам.

Бонд вернулся в помещение. Минутой позже автомобиль двинулся к самолету, сверкая на солнце. Бонд наблюдал за погрузкой. Грузовой отсек закрылся, двигатели взревели, и самолет пошел на взлет.

Пока лайнер разгонялся по взлетной полосе, Бонд сел в свою машину и нажал скрытую в панели кнопку. Мгновение было тихо, затем раздался писк сигнала. Бонд уменьшил громкость. По мере удаления самолета писк затихал. Через пять минут смолк совсем. Бонд повертел настройку и снова поймал сигнал. Минут пять он следил за ним, пока самолет перелетал Ла-Манш, и выключил. Предупредив таможенников, что вернется к половине второго, Бонд направился в запримеченную им раньше пивную. Теперь, если он не станет удаляться от «роллс-ройса» больше чем на сто миль, «Гомер», маленький радиопередатчик, спрятанный им в машине Голдфингера, будет посылать сигнал на приемник Бонда. Ему остается только следить за настройкой и не дать сигналу пропасть. Это была простая форма слежки, позволяющая преследовать машину на значительном отдалении, что сводило к минимуму риск быть замеченным. По ту сторону канала Бонду надо будет определить, по какой дороге поехал Голдфингер, и держаться поближе к нему в больших городах, на ключевых перекрестках и развилках. Иногда, конечно, он будет ошибаться в направлении, и тогда ему придется устраивать гонки, чтобы исправить положение. Двигатель DB-III достаточно мощный для этого. Игра в догонялки по дорогам Европы могла оказаться забавной. Солнце ярко светило на голубом небосводе. По спине Бонда пробежал холодок. Он улыбнулся сам себе холодной и жесткой улыбкой. Голдфингер, подумал он, впервые в жизни у тебя будут неприятности. Крупные неприятности.

На опасном перекрестке возле Ле Туке всегда стоит полицейский. Да, конечно, он видел «роллс-ройс». Трудно не заметить такую машину. Аристократ среди автомобилей. Поехал направо, месье, к Аббевилю. Примерно час назад, но на вашей ракете...

Пройдя все формальности в аэропорту, Бонд сразу же поймал сигнал «Гомера». Но в каком направлении ехал Голдфингер — на север, в Нидерланды, Австрию или Германию, либо к югу,— определить было невозможно. Для точного определения нужно две оборудованные машины.

Бонд помахал рукой полицейскому и тронулся. Ему нужно было быстро нагонять. Голдфингер, видимо, уже проехал Аббевиль и приближался к развилке дорог Н-1 на Париж и Н-8 на Руан. Если он ошибется, то потеряет много времени и сильно отстанет.

Бонд ехал по скверной, разбитой дороге. Дорога до Аббевиля заняла у него пятнадцать минут. Писк «Гомера» стал громче. Голдфингер был впереди не больше чем в 20 милях. Но в каком направлении? Подумав, Бонд свернул на Париж. Некоторое время сигнал не менялся, затем стал затухать. Дьявольщина! Вернуться или быстро проехать вперед, свернуть на Руан и перехватить их там? Бонд терпеть не мог возвращаться. Не доезжая Бове, он свернул налево. Сначала дорога была отвратительной, но довольно быстро он выскочил на шоссе Н-30 и поехал к Руану вслед за сигналом «Гомера». В пригороде Руана он остановился и стал слушать, поглядывая на часы. Судя по звуку, он опередил Голдфингера. Но в этом месте была еще одна ключевая развилка, и если он снова ошибется, то взять след будет очень трудно. Голдфингер поедет либо в южном направлении — на Алансон, Ле-Ман и Тур, либо на юго-восток, минуя Париж на Эврё, Шартр и Орлеан. Позволить себе подъехать ближе к центру Руана и попытаться увидеть, на какую дорогу свернет «роллс-ройс», Бонд не мог. Приходилось ждать, пока «Гомер» не выйдет на прямую линию, а затем решать.

Только четверть часа спустя можно было с уверенностью сказать, что «роллс» ушел вперед. Бонд от развилки опять свернул влево, выжав газ до предела. Машина рванула вперед. Да, угадал, писк «Гомера» перешел в вой. Бонд снова взял след. Он сбросил скорость до пятидесяти миль, отрегулировал звук приемника и катил вперед, размышляя о том, куда бы это мог направляться мистер Голдфингер.

Пять часов, шесть, семь. Солнце клонилось к закату, а «роллс-ройс» все шел и шел вперед. Они уже проехали Дрё и Шартр, приближались к Орлеану. Если Голдфингер собирался заночевать в Орлеане, то «роллс» сделал весьма неплохой пробег — более 250 миль за шесть часов. Голдфингер явно не был меланхоличным, когда дело доходило до езды. Совершенно очевидно, что крупных городов он по возможности избегал. Бонд начал потихоньку сближаться.

Вдалеке светились задние огни машины. Бонд переключил противотуманные фары на дальний свет. Впереди шла маленькая спортивная машина. «MG»? «Триумф»? «Остин

хейли»? Это был темно-серый «триумф» с двумя пассажирами. Бонд выключил свет и обогнал машину. Впереди замаячили еще огоньки. Бонд выключил фары, оставив гореть только подфарники. Машина шла в миле от него. Бонд чуть-чуть прибавил скорость и на расстоянии в четверть мили на мгновение включил дальний свет. Да, это был «роллс». Бонд отстал на милю и так и держался, поглядывая в зеркало на огни идущего сзади «триумфа». На подъезде к Орлеану Бонд съехал на обочину и позволил ему обогнать себя.

Орлеан Бонду не нравился никогда. Это был скучный серый город без веселья и блеска. Он жил историей и Жанной д'Арк, используя Деву для выколачивания денег у туристов.

Бонд глянул на часы. Голдфингер, вероятнее всего, остановится в пятизвездной гостинице, где ему подадут филе камбалы и жареного цыпленка. Значит, в «Аркадах» или «Модерне». Бонд предпочел бы остаться за городом и переночевать на берегу Луары в «Оберж де ля Монтеспан», поев фаршированной щуки. Однако придется быть поближе к дичи. Подумав, он решил остановиться в «Отель де ля гар» и поесть в привокзальном ресторане.

Когда возникали какие-либо сомнения, Бонд всегда предпочитал останавливаться в привокзальных гостиницах. Обычно они были вполне сносными, всегда имелось место для машины, а в ресторанах кормили, как правило, великолепно. К тому же там всегда можно было узнать, чем живет город. А от проходящих поездов веяло духом романтики и трагедии.

«Гомер» пищал в одной тональности уже десять минут. Бонд отметил про себя пути, ведущие к трем гостиницам, и осторожно поехал в город, медленно двигаясь вдоль реки по освещенным набережным. Он был прав. «Роллс» стоял возле «Аркад». Бонд свернул и поехал к вокзалу.

«Отель де ля гар» оказалась именно такой гостиницей, как он и предполагал,— дешевой, старомодной и комфортабельной. Бонд принял ванну, сходил к машине убедиться, что «роллс» на месте, и двинулся в ресторан, где съел два своих любимых блюда: яйца, взбитые со сметаной, и большую камбалу (Орлеан расположен недалеко от моря, и рыба в Луаре зачастую пахнет тиной), а на закуску — хороший камамбер. Он выпил охлажденное розовое анжуйское и заказал коньяк с кофе. В десять тридцать он вышел из ресторана, проверил «роллс» и час гулял по вечернему Орлеану. Затем еще раз проверил «роллс» и лег спать.

В шесть утра «Серебряная тень» продолжала стоять на месте. Бонд рассчитался, выпил кофе на вокзале, проехал по набережной и припарковал машину на боковой улочке.

На сей раз ошибиться было нельзя. Либо Голдфингер поедет через мост на юг, в направлении Ривьеры, либо на север вдоль Луары. Бонд вылез из машины и прислонился к парапету, поглядывая между платанами в сторону гостиницы. В восемь тридцать из «Аркад» вышли двое. «Роллс» тронулся. Бонд проводил его взглядом, пока тот не скрылся из виду, сел в машину и поехал следом.

Он ехал вдоль Луары, освещенной лучами раннего солнца. Это был один из его самых любимых уголков на Земле. Особенно сейчас, когда фруктовые деревья усыпаны белыми цветами, река еще полноводна после зимних дождей, а долина юна, зелена и готова к любви. Он как раз размышлял на эту тему, когда на подъезде к Шатонеф сзади раздался предупредительный гудок и его обогнал маленький «триумф». Машина шла с открытым верхом, и за рулем виднелась симпатичная женская мордашка, частично скрытая большими темными очками. Хотя Бонду удалось рассмотреть только профиль, красивый рот и развевающуюся прядку смоляных волос, выбившихся из-под розовой косынки в горошек, этого было достаточно, чтобы понять, что девушка красива. Гордая посадка головы выдавала привычку к поклонению, ну, и свою роль несомненно играло сознание того, что на нее смотрит мужчина в великолепном автомобиле.

Это могло бы произойти сегодня, подумал Бонд. Луара просто создана для таких вещей. Он ехал бы следом за девушкой, пока не настиг ее во время обеда, познакомился с ней в пустом ресторанчике у реки, за столиком на воздухе, под виноградной лозой. Жаркое с ледяным «Вувре», осторожное взаимоизучение, затем езда друг за другом до самого вечера на юг — там должно находиться место, где они договорятся поужинать в сумерках. Оливы, стрекочущие цикады, открытие, что они нравятся друг другу и что конечная цель их поездки может и подождать... Затем следующий день. (Нет, нет, не сегодня! Я вас недостаточно хорошо знаю. К тому же я устала.) Они оставили бы ее машину в гараже и поехали на его автомобиле в неспешное (торопиться некуда) романтическое путешествие на запад, подальше от больших дорог. Что это за местечко, куда он всегда хотел съездить из-за названия? Да, Меж Двух Грудей, местечко возле Ле-Бо. Возможно, там даже нет гостиницы... Что же, тогда они поедут в Ле-Бо, что в

устье Роны. Там они заняли бы смежные номера (не двойной, еще рано для этого) в великолепной гостинице «Боманьер», съели бы лангуста и, возможно,— такова уж традиция подобных вечеров — пили бы шампанское. А затем...

Бонд улыбнулся своей фантазии, особенно многоточию в конце. Не сегодня. Сегодня у тебя работа. Сейчас — только Голдфингер, любовь в другой раз. Единственный запах, который ты должен чувствовать,— это запах дорогого лосьона, которым пользуется Голдфингер, а не... Интересно, какие у нее духи? Англичанки часто пользуются неподходящими духами. Он понадеялся, что это что-нибудь легкое, воздушное. «Зеленый ветер» Болмэйна, например, или «Ромашки» Карона.

Бонд на всякий случай включил приемник и поехал вперед, размягченный своими мечтами о девушке, оттачивая детали. Конечно, он вполне может с ней встретиться еще, они двигаются в одном направлении. Она, наверное, провела ночь в Орлеане. Интересно где? Вот досада! Минуточку! Бонд мгновенно очнулся от грез. Он вспомнил.

Этот «триумф» он уже видел раньше. В Феррифилде, перед отлетом. Девушки он, правда, не заметил и на номер внимания не обратил, но машина была та же, это точно. А если это так, то она едет за Голдфингером вот уже три тысячи миль, и это вряд ли простое совпадение. А ведь это она ехала с потушенными фарами прошлой ночью! Так что же происходит?

Бонд прибавил скорость. Он приближался к Неверу, и в любом случае ему нужно было держаться поближе к Голдфингеру перед следующей развилкой. Он убьет одним выстрелом двух зайцев, а заодно выяснит, что же нужно этой девице. Если она будет держаться между ним и Голдфингером, то ситуация потребует серьезного анализа. Эта девица будет чертовски мешать. И так довольно сложно «вести» Голдфингера, а еще один преследователь между ними значительно усложнит задачу.

Девушка ехала впереди, в двух милях от «роллса». Увидев сверкание бампера, Бонд резко снизил скорость. Так-так! Кто она такая? Что за чертовщина? Лицо Бонда стало напряженно задумчивым.

Маленький кортеж продолжал свой путь к сердцу Франции. В Мулене Бонд чуть не потерял след, ему пришлось разворачиваться и быстро нагонять. Голдфингер резко повернул налево и двигался теперь к Лиону и Италии либо к Макону и Женеве. Бонду пришлось отчаянно гнать, а в результате он чуть не влип. Все это время он не очень обра-

щал внимание на «Гомера», рассчитывая на «триумф», чтобы успеть вовремя затормозить, поэтому рев, в который перешел писк, застал его врасплох. Бонду пришлось резко тормозить, чтобы не влететь в «роллс», стоящий в миле от него на обочине. Слава богу, в этом месте рос кустарник, за который он мог спрятать машину!

Взяв в руки морской бинокль, Бонд вышел из автомобиля. Ну да, так и есть! Голдфингер сидел внизу на маленьком мостике и завтракал. Бонд почувствовал, что его рот наполняется слюной. Интересно, когда он сам сможет поесть? Он посмотрел на «роллс». Сквозь заднее стекло виднелся силуэт корейца. «Триумфа» нигде не было. Если девушка по-прежнему висела у Голдфингера на хвосте, то она не могла успеть сориентироваться, видимо, ей пришлось на большой скорости, пригнувшись, проскочить мимо. Теперь она была где-то впереди и ждала в укрытии. Или нет? Может, воображение завело его слишком далеко? Возможно, она сейчас едет на итальянские озера к своей тете, друзьям, любовнику.

Голдфингер поднялся и пошел к машине. Бонд быстро нырнул за кусты. «Роллс» тронулся. Он проводил его внимательным взглядом, пока тот не скрылся.

Это был симпатичный мостик через славную речушку, он соединял какой-то городок с магистралью. На нем стоял номер 79/6. Очень легко найти. Бонд быстро сбежал вниз. В воде плескались рыбки. Бонд скрупулезно изучил место, где сидел Голдфингер. Вот оно. Кусок дерна, лежащий у стенки. Бонд поднял его. Земля в том месте была свежевскопанной. Бонд разрыл ее пальцами.

Всего один гладкий на ощупь кирпичик. Чтобы поднять его, нужно приложить усилие. Бонд стряхнул землю с желтой поверхности, завернул тяжелый золотой слиток в платок, сунул его за пазуху и вернулся на дорогу.

12. «Если вы тронете меня еще раз...»

Бонд был доволен собой. Теперь на Голдфингера рассердится много народа. При помощи двадцати тысяч фунтов можно провернуть немало грязных дел. Теперь придется перекраивать планы, откладывать заговоры, возможно, будут спасены и жизни. И даже если СМЕРШ будет проводить расследование, что вряд ли, поскольку люди там все-таки реалисты, спокойно воспринимающие потери, то можно предположить, что слиток нашел какой-нибудь бродяжка.

Бонд открыл тайник под пассажирским сиденьем и бросил туда слиток. Опасная штука. Придется связаться с ближайшей станцией и отдать золото им. Пусть отправят в Лондон по дипломатическим каналам. Нужно быстро доложить, поскольку эта штуковина подтверждает многое. М, возможно, захочет предупредить Второе бюро, пусть проследят за мостом и выяснят, кто придет. Но Бонд очень надеялся, что этого не произойдет. Он не хотел никаких осложнений сейчас, когда он подбирался к Голдфингеру все ближе и ближе. Наоборот, ему нужно было, чтобы небо над головой Голдфингера оставалось ясным и безоблачным.

Путешествие продолжалось. Нужно было подумать и о других вещах. Он не должен выпускать из виду «роллс» перед Маконом, чтобы не ошибиться на развилке дорог, одна из которых шла на Лион, другая на Женеву. Еще нужно разобраться с этой девицей и по возможности убрать ее с дороги. Красивая или нет, но она явно мешала. А еще ему нужно остановиться и купить себе попить-поесть. Был уже час дня, и вид завтракающего Голдфингера разбудил в нем аппетит. К тому же пора было заправиться и проверить воду и масло.

Писк «Гомера» усилился. Бонд приближался к Макону. Придется, несмотря на риск, подъехать поближе. Большое движение на дороге скроет его машину, а знать точное направление — через Сону на Бург или на Лион, было совершенно необходимо.

Вдали на улице Рамбюто сверкнул желтый лимузин, проехал по мосту через железную дорогу и пересек маленькую площадь. Бонд видел, как прохожие оборачивались вслед сверкающему «роллсу». Вот и река. Свернет Голдфингер вправо или поедет через мост? Прямо. Значит, Швейцария! Бонд поехал в предместье Сен-Лорана. Теперь к мяснику, пекарю и в винный магазин. Бонд глянул в зеркало. Так-так! Маленький «триумф» висел у него на хвосте на расстоянии одного фута. Интересно, давно она здесь? Бонд был так поглощен преследованием «роллса», что ни разу не посмотрел назад с момента въезда в город. Она, должно быть, пряталась в одной из боковых улочек. Все ясно! Теперь, конечно, ни о каком совпадении и речи быть не может. Нужно что-то делать. Извини, солнышко! Придется тебя слегка стукнуть. Постараюсь сделать это как можно мягче. Ну, держись! Бонд резко остановился перед лавкой мясника и сдал назад. Раздался звон и скрежет. Бонд выключил двигатель и вышел из машины.

Он обошел автомобиль. Девушка с перекошенным от злости красивым личиком уже поставила одну великолепную ножку в шелковом чулке на дорогу. Мелькнуло белое бедро. Девушка сняла свои очки и встала, расставив ноги и уперев руки в бока. Красивый рот был зло сжат.

Задний бампер «астон-мартина» плотно въехал в то, что осталось от фар и решетки радиатора «триумфа». Бонд любезно улыбнулся:

— Если вы тронете меня еще раз, вам придется на мне жениться.

Он не успел договорить, как раздался звук пощечины. Бонд поднял руку и потер щеку. Вокруг собралась небольшая толпа. Оттуда раздавались подбадривающие выкрики:

— Давай, девушка, так его! А теперь — в нокаут!

Пощечина не смирила гнев девушки.

— Идиот чертов! Вы что натворили?!

Если бы симпатичные девушки постоянно пребывали в ярости, они были бы красавицами, подумал Бонд, а вслух произнес:

— Должно быть, у вас паршивые тормоза.

— У *меня* тормоза?! Что вы, черт побери, несете? Вы в меня въехали.

— Случайно. Я не знал, что вы так близко.

Пора было ее успокоить.

— Приношу глубочайшие извинения. Я оплачу вам ремонт и все остальное. Это просто несчастный случай. Давайте посмотрим, как сильно повреждена машина. Попытайтесь отъехать. Не обращайте внимания, если бамперы сцепились.

Девушка решительно села за руль. Мотор взревел, автомобиль вздрогнул, но не двинулся с места.

— Ну вот! Идиот несчастный! Сломал мне вентилятор.

На это Бонд и рассчитывал. Он сел в машину и отъехал от «триумфа». Куски «триумфа», освобожденные от бампера «астона», посыпались на землю. Бонд снова вышел из машины. Толпа к этому времени уже поредела. Среди оставшихся оказался человек в комбинезоне механика, он предложил вызвать аварийку. Бонд подошел к «триумфу». Девушка уже стояла на дороге и поджидала его. Выражение ее лица изменилось, стало решительным и собранным. Бонд отметил, что темно-синие глаза девушки внимательно изучают его.

— Все не так уж плохо. Скорее всего, просто отошел контакт. Думаю, к завтрашнему утру вам все сделают. Вот сто тысяч франков. Их должно хватить и на ремонт, и на

гостиницу, и на звонки друзьям, и на все остальное. Пожалуйста, возьмите, и на этом покончим. Я с удовольствием остался бы с вами до утра, чтобы лично убедиться, что все в порядке, но, к сожалению, у меня на вечер назначена важная встреча, и я никак не могу ее пропустить.

Ее «нет» прозвучало холодно и решительно. Девушка сложила руки за спиной и ждала.

— Но...

Чего она ждет? Полицейских? Хочет привлечь его за неосторожное вождение?

— У меня тоже встреча сегодня вечером, и мне тоже необходимо там быть. Мне нужно в Женеву. Вы не отвезете меня? Это недалеко, всего около сотни миль. На вашей машине мы там будем через пару часов. Отвезете? Пожалуйста!

В голосе ее слышалось отчаяние. Не угроза, не жалоба, только отчаяние.

Бонд впервые глянул на нее не как на симпатичную девушку, хотевшую, возможно (во всяком случае, это было единственное объяснение, которое Бонд мог дать, чтобы свести все к общему знаменателю), обратить на себя внимание Голдфингера или имевшую какой-то компрометирующий материал, который она могла использовать для шантажа. Но она не казалась способной ни на то, ни на другое. Лицо ее было слишком характерным, слишком открытым. И на искусительницу она мало походила. На ней была белая рубашка мужского покроя с расстегнутым воротом и подвернутыми длинными рукавами. Маникюр отсутствовал, а единственным украшением было золотое кольцо на пальце (интересно, настоящее или фальшивое?). Талия перетянута широким черным кожаным ремнем с двойной пряжкой, юбка в темно-серую клетку выше колен. Ноги обуты в дорогие сандалии, очень удобные для вождения. Единственной яркой вещью была розовая косынка, которую она сняла с головы и держала в руке вместе с очками. Все это выглядело вполне привлекательно, но в то же время создавалось впечатление униформы, а не наряда молодой девушки. Было что-то мужское в ее внешности и манере поведения. Она вполне могла бы быть членом английской женской лыжной сборной или отдавать много времени охоте и верховой езде, подумал Бонд.

К тому же, несмотря на то что она была очень красива, девушка явно относилась к той категории женщин, которые равнодушны к своей внешности. Она даже не попыталась привести в порядок волосы, поэтому они торчали в разные

стороны, как им заблагорассудится. Ее смоляные волосы резко контрастировали с бледным лицом, которое казалось как бы заключенным в темную раму. У нее были огромные синие глаза под темными бровями и чувственный рот, а высокие скулы и тонко очерченный подбородок придавали ей решительный и независимый вид. Фигура ее излучала ту же независимость. Она гордо несла свое тело, ее великолепные груди стояли высоко и свободно под шелком рубашки. Поза ее, с широко расставленными ногами и руками за спиной, была помесью вызова и провокации.

Вся картина, казалось, говорила: «Ну, ты, симпатичный ублюдок, не надейся, что сможешь так легко от меня отделаться. Ты меня в эту историю втянул, ты меня и вытащишь! Ты можешь быть очень привлекательным, но у меня свои заботы, и я знаю, чего хочу».

Бонд взвесил все «за» и «против». Насколько она может ему помешать? Как скоро он сможет от нее отделаться и заняться своими делами? Велик ли риск? На другой чаше весов были любопытство (ему хотелось знать, кто она, какую цель преследует), та сказка, которую он себе выдумал и которая теперь становилась реальностью, и, наконец, обычная проблема «девушки в трудном положении» — вечная просьба женщины о помощи.

— Я с удовольствием отвезу вас в Женеву,— коротко сказал Бонд, открывая багажник своей машины.— Давайте переложим ваши вещи. Пока я буду выяснять насчет гаража, вот вам деньги — купите, пожалуйста, нам поесть. Себе — все, что захотите, а мне толстый кусок лионской колбасы, хлеб, масло и пол-литра вина.

Глаза их встретились. Девушка взяла деньги.

— Спасибо. Себе я возьму то же самое.

Она подошла к «триумфу» и открыла багажник.

— Нет-нет, не беспокойтесь. Я сама,— извлекла оттуда сумку с клюшками для гольфа, наглухо застегнутую, и маленький дорогой чемоданчик. Она перенесла все это к «астон-мартину» и, опять отказавшись от помощи, поставила рядом с вещами Бонда. Проследив, как Бонд запирает багажник, она вернулась к «триумфу» и достала большую кожаную сумку через плечо.

— Какое имя и адрес мне давать? — спросил Бонд.

— Что?

Бонд повторил вопрос, прикидывая, в чем она соврет — в имени или в адресе? Или все вместе?

— Я буду ездить туда-сюда, так что лучше всего дать гостиницу «Берг» в Женеве, фамилия Сомс. Тилли Сомс,—

ответила девушка не задумываясь и направилась в мясную лавку.

Четверть часа спустя они уже ехали в Женеву.

Девушка сидела прямо и смотрела на дорогу. Писк «Гомера» был едва слышен, должно быть, «роллс» ушел миль на пятьдесят вперед. Бонд увеличил скорость. Они проскочили Бург и реку через мост Пон-д'Эн. Теперь они были в предгорье Юры, через которое вел серпантин. Бонд полетел по нему с такой скоростью, как будто принимал участие в гонке «Альпийские испытания». Стукнувшись пару раз о его плечо, девушка ухватилась за ручку под дверью и ехала, как его штурман. Однажды, после особенно крутого виража, когда они чуть не свалились в пропасть, Бонд глянул на нее. Рот девушки слегка приоткрылся, ноздри раздулись, глаза блестели. Ей явно это нравилось. Они поднялись на перевал и поехали вниз к швейцарской границе. «Гомер» ревел. Надо бы потише, подумал Бонд, не то влетим в них на таможне. Он уменьшил звук и съехал на обочину. Они сидели в машине и задумчиво жевали, почти в абсолютном молчании, ни один не желал заводить разговор, занятый своими мыслями. Через десять минут они тронулись в путь. Бонд спокойно и уверенно вел машину вниз по серпантину, любуясь молодыми елями по обочинам.

— Что это за шум? — спросила девушка.

— Да магнето шумит, особенно на скорости. Началось еще в Орлеане. Вечером займусь.

Она, казалось, вполне удовлетворилась этой белибердой.

— А куда вы, собственно, направляетесь? Надеюсь, я не очень нарушила ваши планы?

— Вовсе нет,— дружелюбно ответил Бонд.— На самом деле я тоже еду в Женеву. Но я вряд ли останусь там сегодня, вечером мне, возможно, придется ехать дальше. Все будет зависеть от результатов встречи. А вы как долго там пробудете?

— Не знаю. Я играю в гольф. В Давонне проходит женский открытый чемпионат Швейцарии. У меня вообще-то уровень не тот, но я подумала, что попробовать стоит. Потом я собиралась поиграть на других площадках.

Годится. Вполне. Почему бы этому не быть правдой? Но Бонд был уверен, что это не все.

— И много вы играете? Какая ваша основная площадка?

— Много. В Темпле.

Вопрос был абсолютно банальным. Был ли ответ правдив, или она назвала первую пришедшую на ум площадку?

— Вы где-то живете неподалеку?

— У меня в Хенли живет тетя. А вы что делаете в Швейцарии? У вас отпуск?

— Бизнес. Экспорт-импорт.

— А...

Бонд внутренне улыбнулся. Их беседа походила на театральный диалог. Голоса были ровные и вежливые, как на сцене. Он вполне мог представить себе излюбленную мизансцену английских театров: комнату, залитую солнцем, пару, сидящую по краям дивана, она разливает чай. «Вам с сахаром?»

Они спустились в предгорье. Длинная прямая дорога шла вперед к французской таможне.

Девушка не предоставила ему ни малейшего шанса заглянуть в ее паспорт. Как только машина остановилась, она пробормотала что-то насчет усталости и исчезла в дамской комнате. Бонд прошел таможню и возился с багажом, когда она появилась с проштампованным паспортом. На швейцарской таможне ей что-то срочно понадобилось в чемодане, и Бонд не успел посмотреть ее документы.

Они быстро доехали до Женевы, и Бонд затормозил у входа в «Берг». Носильщик взял ее вещи. Стоя на ступеньках, девушка протянула руку.

— До свидания,— ее невинные глаза смотрели прямо.— И спасибо. Вы великолепно ведете машину,— тут она улыбнулась.— Странно, что вы случайно дали задний ход в Макопе.

— Это редко случается,— пожал плечами Бонд.— Но я рад, что так вышло. Если я покончу со своими делами, может, мы могли бы встретиться?

— Это было бы славно,— тон говорил об обратном.

Девушка повернулась и скрылась за вертящейся дверью.

Бонд побежал к машине. А ну ее к дьяволу! Теперь нужно отыскать Голдфингера, затем заскочить в маленький офис на набережной Уилсона. Он включил «Гомера» и подождал пару минут. Голдфингер был где-то рядом, но постепенно удалялся. Он мог ехать либо по правому, либо по левому берегу озера. Судя по звуку, он был, как минимум, в миле от города. В каком направлении? Налево к Лозанне? Направо к Эвиану? Бонд уже выехал на левую дорогу и решил положиться на свое чутье.

Желтый лимузин возник перед ним не доезжая Копэ, маленького местечка на берегу озера, ставшего знаменитым благодаря мадам де Сталь. Он быстро спрятался за

кустами, а когда выехал оттуда, «роллс» исчез. Бонд двинулся вперед, глядя на левую сторону. У въезда в деревушку стояла высокая стена с большими крепкими металлическими воротами. В воздухе висела пыль. Вверху на стене была скромная табличка с надписью желтыми буквами по синему фону «Энтерпрайз Аурик А. Г.». Лиса ушла в нору!

Бонд проехал дальше, пока не увидел съезд налево. Он двинулся в этом направлении и выехал на дорогу, идущую через виноградники к лесу за Копэ и замку мадам де Сталь. Бонд остановил машину среди деревьев. По идее он должен сейчас находиться над территорией «Энтерпрайз Аурик». Взяв бинокль, Бонд пошел по тропинке по направлению к деревне. Вскоре справа он увидел железное заграждение, обмотанное колючей проволокой. Сотней ярдов ниже оно упиралось в высокую каменную стену. Бонд медленно пошел вдоль него в поисках лазейки, которую, несомненно, должны были проделать местные ребятишки, чтобы лазать за орехами. И он нашел ее — два прута были сдвинуты, чтобы маленькое тельце могло протиснуться между ними. Бонд налег на одну из железяк всем своим весом, расширил лаз и проник на территорию.

Он шел среди деревьев, аккуратно ставя ноги, чтобы не наступить на сухую ветку. Деревья постепенно редели. Возле небольшой мызы виднелись невысокие корпуса. Бонд спрятался за толстым пнем и посмотрел вниз. На открытой площадке прямо посередине стоял запыленный «роллс-ройс». Бонд взял бинокль и стал внимательно рассматривать территорию.

Дом представлял из себя добротное квадратное здание из красного кирпича, двухэтажное, с аттиком. Вероятно, четыре спальни, две гостиные. Стены были частично закрыты зарослями вьющихся лиан в полном цвету. Симпатичный дом. Бонд мысленно представил себе белую внутреннюю отделку, запах комнат, согретых солнцем. Черный ход выходил во двор, где стояла «Серебряная тень». С той стороны, откуда смотрел Бонд, двор был открыт, по бокам его закрывали два цеха, на стыке которых торчала высокая труба, увенчанная устройством, похожим на навигационный радар наподобие тех, которые можно увидеть на мостике любого корабля. Аппарат медленно вращался. Бонд совершенно не представлял, для чего могла понадобиться эта штука на крыше маленького предприятия, затерянного среди деревьев. Внезапно тишина и покой этого

мирного пейзажа были нарушены. Где-то часы пробили пять. По этому сигналу черный ход открылся, и появился Голдфингер, по-прежнему в светлом дорожном костюме, но уже без шлема. За ним следовал маленький невзрачный человечек с усиками щеточкой и в роговых очках. Голдфингер выглядел вполне довольным. Он подошел к машине и похлопал по ее капоту. Человечек вежливо засмеялся. Он достал из правого кармана свисток и посвистел. Дверь правого цеха распахнулась, оттуда вышли четверо рабочих в комбинезонах и направились к машине. Из открытой двери доносился шум — это работал тяжелый агрегат, его ритм был хорошо знаком Бонду по Рикалверу.

Четверка расположилась вокруг машины. По сигналу маленького человечка, видимо мастера, ее начали разбирать на части.

Когда рабочие сняли двери, капот и стали снимать брызговик, Бонд сообразил, что они методично снимают с машины броню.

Почти одновременно с тем как Бонда осенила эта мысль, в двери дома появился На Все Руки в своем вечном котелке и издал какой-то звук. Сказав что-то мастеру, Голдфингер ушел в дом, оставив рабочих доделывать свое дело.

Пора было уходить. Бонд еще раз внимательно огляделся, запоминая место, и исчез среди деревьев.

* * *

— Я из «Юниверсал экспорт».

— Слушаю.

За столом на стене висел портрет королевы работы Аннигони. На других стенах висели плакаты, рекламирующие трактора фирмы «Фергюсон» и другую сельскохозяйственную технику. Из большого открытого окна доносился шум машин, проходящих по набережной Уилсона. Где-то прогудел паром. Бонд выглянул в окно и какое-то время смотрел, как паром идет по озеру. От парома шла волна, будоражащая спокойную гладь. Бонд снова глянул в вопрошающие глаза бесстрастно вежливого бизнесмена.

— Мы надеялись начать с вами совместное дело.

— Какое именно?

— Крупное.

Лицо человека расплылось в улыбке:

— Вы ноль ноль семь, не так ли? Кажется, я вас уз-

нал. Чем могу быть полезен? Только вот что,— голос его стал озабоченным.— Давайте побыстрее. После того дельца с Дюмоном здесь стало жарковато. Меня обложили и местные, и красные. Конечно, все тихо-мирно, но мне думается, что лишнее внимание вам ни к чему.

— Я почему-то так и думал. Вот,— Бонд расстегнул рубашку и извлек тяжелый золотой кирпичик.— Отправьте его, хорошо? И при возможности передайте следующее...

Агент застенографировал информацию, продиктованную Бондом, и положил листок в карман.

— Да, серьезная штука. Я выхожу на связь в полночь. А это,— он указал на слиток,— уйдет в Берн, в диппочту. Еще что?

— Слышали что-либо об «Энтерпрайз Аурик» в Копэ? Знаете, чем они занимаются?

— Я знаю все производства в окрестностях. Пришлось. В прошлом году пытался продать им кое-какие инструменты. Они делают металлическую фурнитуру, высококачественную. Их клиентами являются швейцарские железные дороги и авиакомпании.

— Знаете, какие авиакомпании?

Агент пожал плечами.

— Я слышал, они делали всю работу для «Мекки», крупной чартерной линии на Индию, терминал в Женеве. «Мекка» — основной конкурент «Транс Индии». Принадлежит частному капиталу. Вообще-то, я слыхал, что «Аурик и К°» является одним из пайщиков, поэтому ничего удивительного, что они получили контракт.

Лицо Бонда искривила медленная ехидная улыбка. Он встал и протянул руку.

— Вы, конечно, об этом не догадываетесь, но сейчас за одну минуту вы сложили головоломку. Премного благодарен. Удачи в тракторном бизнесе. Может, когда и встретимся.

Выйдя на улицу, Бонд быстро сел в машину и поехал по набережной в «Берг». Значит, вон оно как! Два дня он преследовал «Серебряную тень» по всей Европе. Бронированный «роллс-ройс». Он видел, как на него крепили броню в Кенте, наблюдал, как ее снимали в Копэ. Эти листы уже плавились в печах, из них сделают семьдесят кресел для авиакомпании «Мекка». Через несколько дней в Индии их снимут и заменят на алюминиевые. А Голдфингер получит сколько? Полмиллиона фунтов стерлингов? Миллион?

«Серебряная тень» вовсе не была серебряной, о нет! Это была «Золотая тень» — две тонны золота. Хорошего, высокопробного золота!

13. Дела, творящиеся темными ночами

Бонд поселился в гостинице «Берг», принял ванну и переоделся. Взвесил в руке свой «вальтер», размышляя, стоит взять его с собой или нет, и решил, что не стоит. Он не собирался попадаться кому-либо на глаза на территории «Энтерпрайз Аурик». Если же, к несчастью, его застукают, то вступать в драку было бы непростительной ошибкой, которая могла сорвать все дело. На этот случай им была выработана версия, довольно хилая, правда, но по крайней мере позволяющая сохранить «легенду». Придется довольствоваться ею. Бонд выбрал пару ботинок, особенных ботинок, которые были значительно тяжелее, чем казались.

В холле он поинтересовался, проживает ли в гостинице мисс Сомс, и совсем не удивился, когда дежурный администратор сказал, что такой здесь нет. Интересно, выехала ли она до того, как приехал Бонд, или зарегистрировалась под другим именем.

Бонд поехал через мост Мон-Блан по ярко освещенной набережной в «Баварию», скромную эльзасскую пивную, место встречи сильных мира сего в период Лиги наций. Сидя у окна с кружкой светлого «лёвенбрау» и бутылкой водки, он размышлял о Голдфингере. Теперь уже его род занятий не вызывал никаких сомнений. Он финансировал шпионскую сеть, вероятно СМЕРШа, и наживал капитал на контрабанде золота в Индию, страну, где ему обеспечивалась максимальная прибыль. Потеряв свой траулер, он нашел новый путь. Сначала он приучил всех к своему бронированному лимузину, что скорее всего было расценено как эксцентрическая выходка богача. Многие английские автомобилестроители экспортировали такие лимузины. Раньше их покупали индийские раджи, теперь — аравийские шейхи и латиноамериканские президенты. Голдфингер выбрал «Серебряную тень», потому что после усовершенствования ее шасси стали достаточно прочными, а корпус позволял легко приделать металлические щиты. Возможно, Голдфингер переправлялся на этой машине через Ла-Манш, чтобы привыкли таможенники Феррифилда. Затем он у себя в Рикалвере заменил

броню на золото, восемнадцатикаратное белое золото. Его сплав с никелем и серебром достаточно прочен, цвет вполне подходящий, и в случае попадания в аварию или если оцарапается корпус, никто не заметит ничего подозрительного. Затем — Швейцария и маленький заводик. Там рабочие аккуратно снимают золотые листы, переплавляют их, делают самолетные сиденья, которые устанавливают на самолеты авиакомпании «Мекка» под наблюдением одного из голдфингеровских людей, получающего за это определенную мзду с каждого рейса. Во время таких рейсов — один, два, три в год? — самолет берет на борт лишь легкий груз и несколько пассажиров. В Бомбее или Калькутте самолет загоняют в ангар авиакомпании и там меняют сиденья на алюминиевые. А золотые идут золототорговцам, и Голдфингер получает свои стерлинги либо в Нассау, либо еще где-то. На каждой операции у него стоили двухсотпроцентная прибыль, и все начинается снова, от сети магазинчиков, скупающих золотые изделия в Британии, дальше по цепочке Рикалвер — Женева — Бомбей.

Да, думал Бонд, глядя на блестящую воду озера, именно так это все и выглядело — перманентная контрабандная карусель с минимальным риском и максимальной прибылью. Как должен был веселиться Голдфингер, нажимая на клаксон и проезжая мимо восхищенных полицейских трех стран! Он, казалось, обладал вечной тайной — философским камнем, золотым пальцем. Если бы он не был таким неприятным человеком и не работал на СМЕРШ, Бонд испытывал бы восхищение перед столь выдающимся мошенником, деятельность которого была настолько масштабной, что привела в волнение даже Английский банк. Но в данной ситуации Бонд хотел только уничтожить Голдфингера, заполучить его золото и посадить его самого за решетку. Страсть Голдфингера к золоту была слишком всепоглощающей, слишком безжалостной, слишком опасной, чтобы позволить ему действовать и дальше.

Было восемь часов вечера. «Энциан», дистиллированная огненная вода, причина хронического алкоголизма швейцарцев, потихоньку согревала желудок Бонда и снимала напряжение. Он заказал еще двойную порцию водки, капусту и графин вина.

Так, а что с девушкой, этой симпатичной шутницей, возникшей вдруг по пути? Что же ей, черт побери, нужно? Эта ее история с гольфом. Бонд встал и пошел к телефону, висящему в будке в конце зала. Он позвонил в «Журналь

де Жепев» спортивному редактору. Тот информацию дал, но был очень удивлен. Нет. Конечно, в Швейцарии летом проводятся многие чемпионаты, когда заканчиваются национальные розыгрыши. То же самое происходит и в других европейских странах. Они любят привлекать как можно больше английских и американских игроков, это увеличивает посещаемость. Не за что, месье.

Бонд вернулся к столу и приступил к ужину. Вполне достаточно. Кем бы она ни была, она явно дилетантка. Ни один профессионал не воспользуется «легендой», которую можно разрушить одним звонком. В глубине мозга Бонда — абстрактно, поскольку девушка ему нравилась и возбуждала его,— сидела мыслишка, что она могла быть агентом СМЕРШа, следящим за Голдфингером, Бондом или ими обоими. Она обладала некоторыми качествами тайного агента — независимостью, сильным характером, способностью действовать самостоятельно. Но эта версия отпадала. У нее явно отсутствовала подготовка.

Бонд заказал кусочек грюйера, ржаной хлеб и кофе. Нет, она все-таки оставалась загадкой. Бонд только молился, чтобы у нее не оказалось каких-нибудь персональных идей, связанных с Голдфингером или с ним самим, которые сорвали бы ему всю операцию.

А его задание было так близко к завершению! Все, что оставалось,— это воочию убедиться в правильности его предположений. Один взгляд на цех в Копэ, одна крупинка золотой пыли — и он может этой же ночью ехать в Берн и там передать все это в посольство. Потом Английский банк тихо-мирно заморозит все счета Голдфингера во всем мире, и, возможно, уже завтра специальное подразделение швейцарской полиции постучит в дверь «Энтерпрайз Аурик». Последует конфискация. Голдфингера отправят в Брикстон, и начнется спокойное, довольно сложное дело в одном из судов — Мэйдстоуне или Льюисе,— специализирующихся на контрабанде. Голдфингер получит несколько лет, его натурализацию аннулируют, а его золото, нелегально экспортированное, вернется в сейфы Английского банка. СМЕРШ будет скрежетать зубами и добавит еще один лист в пухнущее досье Бонда.

Пора было двигаться. Бонд расплатился, сел в машину, пересек Рону и медленно поехал по набережной. Для его целей ночь была не очень подходящей. Луна освещала дорогу, выглядывая из-за облаков, не было ни малейшего ветерка, который помог бы ему скрытно прокрасться через лес к строениям. Что ж, торопиться некуда. Они, вероят-

по, будут работать всю ночь. Ему придется быть крайне осторожным. Бонд мысленно представил себе место предстоящих действий, которое он хорошо запомнил в предыдущий визит.

Он ехал той же дорогой, что и днем. Съехав с основной магистрали, он погасил дальний свет, оставив только подфарники. Развернув машину в обратную сторону, Бонд выключил двигатель. Некоторое время он тихо сидел, прислушиваясь. В звенящей тишине слышно было лишь потрескивание остывающего двигателя и тиканье часов на приборной панели. Бонд вылез из машины, закрыл дверцу и бесшумно двинулся вниз по узкой тропинке между деревьев.

Теперь стал слышен звук работающего генератора. Казалось, он был наполнен скрытой угрозой. Бонд пролез между металлическими прутьями и остановился, вслушиваясь. Пуфф... Пуфф... Пуфф... Огромная железяка стучала прямо в мозгу. Бонд ощутил дрожь, знакомую каждому человеку со времени его первой в жизни игры в прятки в темноте, и усмехнулся своей животной реакции на опасность. Какие первобытные ассоциации вызывал этот звук работающего механизма, идущий из-под крыши с длинной трубой? Дыхание динозавра в пещере? Бонд напрягся и шаг за шагом начал продвигаться вперед, избегая наступать на маленькие ветки, ставя ноги так аккуратно, как будто шел по минному полю.

Деревья редели. Скоро он дойдет до места, которое облюбовал днем. Он присмотрелся и замер, сердце бешено заколотилось. Возле его пня, распластавшись на земле, лежал человек.

Бонд глубоко и медленно задышал, стараясь унять волнение. Он вытер вспотевшие ладони о штаны, медленно опустился на четвереньки и пополз вперед.

Человек зашевелился, чуть изменив позу. Легкий ветерок качнул кроны деревьев, и мелькнувшая луна на мгновение осветила лежащего. Бонд успел заметить черные волосы, черный свитер, узкие черные брюки. И еще — металлический блеск.

Бонд медленно наклонил голову и посмотрел вниз между раздвинутыми руками. Под ним лежала та девушка, Тилли. Она наблюдала за строениями внизу. Рядом с ней — готовая к стрельбе винтовка, видимо, до этого спрятанная среди клюшек для гольфа. Вот дура чертова!

Бонд медленно расслабился. Не важно, кто она и что ей нужно. Он прикинул расстояние, рассчитывая каждый

шаг, траекторию прыжка. Левая рука — на шею, правая — на винтовку. Пошел!

Бонд приземлился девушке на спину. От удара у нее перехватило дыхание. Пальцы Бонда нашли и зажали сонную артерию, другая рука легла на винтовку. Он ощупал ее, убедился, что предохранитель не снят, и отшвырнул оружие в сторону.

Затем он ослабил хватку и убрал руку с горла девушки, предварительно зажав ей рот. Он чувствовал, как тело под ним дергается, требуя кислорода. Девушка была без сознания. Бонд осторожно завел ей руки за спину и крепко сжал. Девушка забилась и начала брыкаться. Бонд навалился животом ей на ноги, прижимая их к земле, отметив про себя крепость ее мускулатуры. В руку, зажимавшую рот, пытались вцепиться зубы. Бонд приник к уху девушки и зашептал:

— Тилли, ради бога! Успокойтесь! Это я, Бонд. Я ваш друг. Это очень важно. Вы ничего не знаете и не понимаете. Успокойтесь и выслушайте меня!

Зубы перестали скрести по ладони, тело расслабилось, сопротивление стихло. Немного спустя девушка кивнула.

Бонд сполз с нее и лег рядом, по-прежнему не отпуская ее руки.

— Отдышитесь. Только ответьте. Вам нужен Голдфингер?

Бледное лицо отвернулось в сторону, и девушка произнесла:

— Я хотела убить его.

Хм, еще одна девица, которую Голдфингер направил на путь истинный. Бонд отпустил ее руки. Все тело девушки сотрясалось от усталости и нервного напряжения, плечи вздрагивали. Бонд протянул руку и стал успокаивающе и нежно гладить ее по голове. Глаза его были устремлены на спокойный, неизменный пейзаж внизу. Неизменный? Что-то было не так. Радар на крыше. Он больше не двигался, остановившись в их направлении. Бонд не придал этому значения. Девушка больше не плакала. Бонд снова приник к ее уху. Волосы Тилли пахли жасмином. Он прошептал:

— Не волнуйтесь, мне он тоже нужен. И я смогу причинить ему гораздо больше вреда, чем вы. Меня прислали из Лондона специально по его душу. Что он вам сделал?

Она прошептала очень тихо:

— Он убил мою сестру. Вы ее знали — Джил Мастертон.

— Как это произошло? — резко спросил Бонд.

— Раз в месяц он спит с женщинами. Джил мне рассказала об этом, как только поступила к нему на службу. Он их гипнотизирует, а потом он... он покрывает их золотом.

— Боже! Но зачем?

— Не знаю. Джил говорила, что он помешан на золоте. Мне кажется, что он думает... ну, думает, что таким образом он овладевает им. Ну, вроде как женится на золоте, в буквальном смысле. Его корейский слуга красит их, оставляя непокрытым только позвоночник. Джил не могла этого объяснить. Я выяснила, что в этом случае они не умирают. Если покрасить все тело, то кожа перестает дышать — поры закупориваются. И тогда человек умирает. Потом кореец их чем-то отмывает, Голдфингер платит им тысячу долларов и отправляет домой.

Бонд представил себе монстра На Все Руки с горшочком золотой краски, горящие глаза Голдфингера, устремленные на сверкающую живую скульптуру.

— Что произошло с Джил?

— Она позвонила и попросила приехать. Она лежала в реанимации в госпитале Майами. Голдфингер вышвырнул ее. Она умирала. Врачи не могли понять, в чем дело. Она успела рассказать мне, что произошло, что он с ней сделал. В ту же ночь она умерла.— Голос девушки звучал сухо, без интонаций.— Вернувшись в Англию, я пошла к Трэйну, крупнейшему специалисту-дерматологу, и он объяснил мне про закупорку пор. Такая вещь случилась однажды с актрисой кабаре, изображавшей серебряную статую. Он рассказал мне в деталях об этом случае и показал результаты вскрытия. И тогда я поняла, что случилось с Джил. Голдфингер покрасил ее всю. С ног до головы. Он убил ее. Это была месть. Месть за то, что она пошла с вами.

Помолчав, девушка грустно продолжала:

— Она рассказала мне о вас. Вы... вы ей нравились. Она просила меня, если я вас встречу, отдать вам вот это кольцо.

Бонд закрыл глаза, пытаясь справиться с накатившей на него волной отвращения. Еще смерть! Еще кровь на его руках! Теперь это последствия небрежного жеста, совершенно ненужной бравады, приведшей к приятно проведенному времени с красивой девушкой, которая ему понравилась. А под конец даже больше, чем понравилась.

И этот мелкий укол, нанесенный им Голдфингеру, был возвращен ему сторицей.

«Она от меня ушла»... Спокойные слова, произнесенные два дня назад в Сандвиче. Как должен был веселиться Голдфингер, произнося их! Бонд сжал кулак так, что ногти впились в ладонь. Он во что бы то ни стало повесит на Голдфингера это убийство, пусть даже это будет последним деянием в его жизни. Что же до него самого... Бонд знал, что эту смерть он не сможет списать на специфику своей работы. Гибель Джил будет на его совести до конца дней.

Девушка между тем сняла с пальца кольцо — руки, держащие золотое сердце,— и протянула его Бонду. Узенький золотой кружочек сверкнул в лунном свете.

Звук, донесшийся до слуха Бонда, был чем-то средним между шипением и свистом. Раздался глухой стук, и перед глазами Бонда затрепетало алюминиевое оперение стальной стрелы, впившейся в дерево. Золотое кольцо Джил, нанизанное на стрелу, с тихим звоном скользнуло вниз по древку.

Медленно и почти равнодушно Бонд повернул голову. Ярдах в десяти, наполовину в тени, наполовину на свету стоял в стойке дзюдоиста человек в котелке. В руках он держал натянутый лук, нацеленный в промежуток между лицами Бонда и Тилли.

— Не двигайтесь,— выдохнул Бонд и громко произнес: — Привет, На Все Руки. Великолепный выстрел!

На Все Руки приподнял стрелу вверх. Бонд поднялся на ноги, прикрывая собой девушку.

— Он не должен видеть винтовку,— произнес Бонд, чуть шевеля губами, и обратился к На Все Руки, стараясь говорить спокойно и отчетливо.— Славное местечко облюбовал себе мистер Голдфингер. Я бы с удовольствием перекинулся с ним при случае парой слов. Сегодня, пожалуй, поздновато. Ты можешь сказать ему, что я приду завтра,— он повернулся к девушке.— Пойдем, дорогая. Мы уже нагулялись по лесу, пора возвращаться в гостиницу.

Бонд сделал шаг в направлении чащи. На Все Руки переступил с ноги на ногу, и наконечник стрелы смотрел теперь Бонду в живот.

— Ургх,— На Все Руки мотнул головой в сторону дома.

— О, ты считаешь, что он захочет нас увидеть сейчас? Хорошо. Но ты уверен, что мы его не потревожим? Пойдем, дорогая.

Бонд пошел налево от дерева, уходя дальше от лежащего в траве ружья.

Пока они медленно спускались вниз, Бонд тихо говорил девушке:

— Запомните, вы — моя подружка. Я привез вас с собой из Англии. Изображайте удивление и интерес к нашему небольшому приключению. Мы попали в скверный переплет, но не пытайтесь ничего предпринять,— Бонд мотнул головой назад.— Этот человек — убийца.

— Если бы вы не встряли...— зло сказала девушка.

— К вам это тоже относится,— Бонд был резок. Затем смягчился.— Извините, Тилли, я не хотел. Но я сомневаюсь, что вам удалось бы завершить задуманное.

— У меня был четкий план, к полуночи я была бы уже за границей.

Бонд не ответил. Кое-что привлекло его внимание. Радар на высокой трубе снова начал вращаться. Так вот что выдало их присутствие, обнаружило их! Должно быть, эта штука — акустический детектор. Поистине, это не человек, а ящик с сюрпризами! Бонд не склонен был недооценивать Голдфингера. Может, стоило попробовать освободиться? Возможно, возьми он с собой «вальтер»... Нет. Бонд знал, что ему с корейцем не справиться. Теперь уже не справиться. Этот монстр был сама смерть. Был бы Бонд вооружен или нет, значения не имело: пытаться напасть на корейца все равно что атаковать танк.

Как только они вошли во двор, из двери черного хода выбежали еще двое корейцев, вероятно слуги из Рикалвера, и направились к ним. В руках у них были дубинки.

— Стоять!

У обоих на лицах были те самые улыбочки, которые столь живописно описывали Бонду люди станции «Джей», побывавшие в японских лагерях для военнопленных.

— Мы — обыскивать. Спокойно, иначе...— человек, произнесший эти слова, рубанул дубинкой по воздуху.— Руки вверх!

Бонд медленно поднял руки.

— Не реагируйте ни на что, что бы они ни делали,— сказал он девушке.

На Все Руки подошел ближе и грозно стоял рядом, наблюдая за обыском, который был сделан весьма профессионально. Бонд хладнокровно смотрел на руки, шарящие по телу девушки, на ухмыляющиеся физиономии.

— Хорошо. Пошли.

Их повели через дверь по каменному коридору в узкий холл перед входом в основное здание. В доме пахло именно так, как Бонд и предполагал: плесенью, благовониями и летом. Они подошли к белым дверям, и На Все Руки постучал в одну из них.

— Да?

На Все Руки распахнул дверь и втолкнул Бонда и девушку внутрь.

Голдфингер сидел за большим столом, заваленным документами. Рядом стояли металлические стеллажи с досье, на низеньком столике на расстоянии вытянутой руки — коротковолновый передатчик. Там же были панель управления и аппарат, похожий на барограф. Бонд решил, что вся эта техника связана с обнаружившим их радаром.

Голдфингер был одет в пурпурный смокинг и белую шелковую рубашку с открытым воротом, откуда виднелась рыжая растительность на груди. Он сидел, выпрямившись на стуле с высокой спинкой, его светло-голубые глаза были устремлены на Бонда. На девушку он даже не взглянул. В его глазах не было удивления, не было ничего, кроме холодной суровости.

— Послушайте, Голдфингер, какого черта! — взревел Бонд.— Вы натравили на меня полицию из-за каких-то десяти тысяч долларов. Мне очень захотелось узнать, зачем вам это понадобилось! Я поехал за вами следом с моей девушкой, мисс Сомс. Мы с ней прошли по лесу, я знаю, мы нарушили право собственности, но мне необходимо было вас поймать, пока вы опять куда-нибудь не удрали, не могу же я вечно за вами гоняться. А тут является эта ваша обезьяна и чуть не пристреливает нас своими стрелами! Потом еще пара ваших вшивых корейцев хватает нас и обыскивает! В чем дело, черт побери?! Если вы не дадите мне удовлетворительного ответа и не принесете извинения, я натравлю на вас полицию!

Спокойный, холодно равнодушный взгляд Голдфингера не изменился. Казалось, он не слышал этого взрыва негодования рассерженного джентльмена. Узкие губы чуть раздвинулись, и он произнес:

— Мистер Бонд, в Чикаго говорят: «Однажды — это случайность, дважды — совпадение. Трижды — враждебные действия». Майами, Сандвич, теперь Женева. Я хочу выжать из вас правду.

Он медленно перевел глаза за голову Бонда.

— На Все Руки. Комната испытаний.

Часть III

ВРАЖДЕБНЫЕ ДЕЙСТВИЯ

14. Комната испытаний

Реакция Бонда была чисто рефлекторной, никакой причины для этого не было. Он сделал быстрый шаг вперед и бросился через стол на Голдфингера. Его тело проехало по столу среди бумаг, и он врезался головой прямо в грудь Голдфингера. Удар заставил Голдфингера пошатнуться. Бонд откинулся назад на край стола, оттолкнулся и ринулся снова вперед. Стул опрокинулся, оба упали на пол, пальцы Бонда вцепились в горло Голдфингера и надавили со всей силой.

Затем весь дом обрушился на Бонда, кусок дерева ударил его в основание черепа, он скатился с Голдфингера на пол и затих.

* * *

Круги света, среди которых вращался Бонд, постепенно превратились в один циклопий глаз. Вокруг горящего зрачка было что-то написано. Это было послание, важное послание для него. Он должен его прочесть. Осторожно, разбирая по буковке, Бонд прочитал — Акционерное общество «Мазда». Что это означало? В лицо Бонда плеснула тугая струя воды. Вода залила ему глаза и рот. Отплевываясь, он попытался пошевелиться. И не смог. В глазах его просветлело, в мозгу тоже. Основание черепа болело ужасно. В глаза Бонду светила мощная многоваттная лампа. Он лежал на чем-то вроде стола, руки и ноги его были привязаны к ножкам. Он пощупал поверхность пальцами — полированный металл.

Бесцветный и равнодушный голос Голдфингера произнес:

— Теперь можно начинать.

Бонд повернул голову на голос. В глазах рябило от света. Он сильно сжал веки и открыл глаза снова. Голдфингер сидел в плетеном кресле. Он снял с себя смокинг

и был в одной рубашке. На шее у него были видны красные полосы. На столе рядом с ним находились различные приспособления, металлические инструменты и панель управления. По другую сторону стола сидела Тилли Мастертон. Она была привязана к стулу за запястья и щиколотки. Тилли, сидевшая ровно и прямо, как школьница в классе, была очень красива, но выглядела обалдевшей и несколько пришибленной. Она смотрела на Бонда отсутствующим взглядом. Либо загипнотизирована, либо накачана наркотиками.

Бонд повернул голову вправо. В нескольких футах от стола стоял кореец. Голый по пояс, он по-прежнему был в котелке. Грудные мышцы были величиной с большие тарелки, а живот выглядел впалым под широченной грудной клеткой. Бицепсы и предплечья были толстыми, как бедра. Раскосые глаза маслились от удовольствия. Рот, полный черных зубов, был растянут в плотоядной ухмылке.

Бонд приподнял голову и глянул по сторонам, превозмогая боль в затылке. Они находились в одном из цехов. Горели электрические печи, откуда-то доносился звук работающего генератора, приглушенный шум пресса и далекий рокот электростанции.

Бонд посмотрел на стол, к которому был привязан. Посередине полированной поверхности стола шла узкая щель. В конце, между его раздвинутыми ногами, была установлена циркулярная пила.

Бонд уставился на маленькое послание, написанное на лампе. Голдфингер заговорил спокойным тоном, как будто вел светскую беседу. Бонд постарался включиться и стал слушать.

— Мистер Бонд, слово «боль» * происходит от латинского «poena», что означает «наказание», то есть расплату. Вы теперь должны заплатить за любопытство, проявленное в отношении моей деятельности и, как я предполагаю, отнюдь не с дружественной целью. Как говорят, любопытной Варваре на базаре нос оторвали. На сей раз мне придется «оторвать нос» двум Варварам, поскольку, я боюсь, девушку тоже придется отнести к категории врагов. Она сказала, что остановилась в «Берге». Одного телефонного звонка хватило, чтобы выявить ложь. Я послал На Все Руки туда, где вы прятались, и он нашел там винтовку и кольцо, которое я опознал. А под гипнозом она

* Pain (*англ.*).

рассказала и все остальное. Эта девушка пришла сюда, чтобы убить меня. Возможно, и вы тоже. Вы оба провалились. Теперь пришло время для «роена». Мистер Бонд,— голос звучал устало и равнодушно,— у меня в свое время было много врагов. Я очень удачлив и неимоверно богат, а богатство, позвольте познакомить вас с еще одним моим афоризмом, не прибавляет друзей, но сильно увеличивает количество врагов.

— Вот это сказано очень точно.

Голдфингер проигнорировал реплику.

— Если бы вы были свободны от государственной службы, с вашим розыскным талантом вам удалось бы обнаружить по всему миру останки тех, кто желал мне вреда или кто пытался убрать меня.

Как я уже сказал, таких людей было много, и вы, мистер Бонд, увидели бы, что их останки похожи на то, что остается от ежей, размазанных на дороге колесами автомобилей.

— Очень поэтическое сравнение.

— Я поэт в своих действиях, мистер Бонд, а не в словах. Всем своим действиям я стараюсь придать наиболее оптимальную форму. Но это просто к слову. Я хотел донести до вас, что тот день, когда вы впервые встали на моем пути, был вашим самым несчастным днем, ведь хоть и незначительно, вы повредили маленькому проекту, над которым я работал. В тот раз кто-то другой получил «роена», которая предназначалась вам. Око за око, но в тот раз не ваше. Вам повезло, и если бы вы обратились за консультацией к оракулу, он бы сказал вам: «Мистер Бонд, вам очень повезло. Держитесь подальше от Аурика Голдфингера. Это очень могущественный человек. Если бы мистер Голдфингер хотел уничтожить вас, ему достаточно было бы шевельнуть мизинцем».

— Вы очень живо излагаете ваши мысли.

Бонд повернул голову. Большая огненная мячеподобная голова слегка наклонилась вперед. Круглое луновидное лицо было бесстрастным и равнодушным. Рука потянулась к панели управления и нажала на рычаг. В конце стола, на котором лежал Бонд, раздался металлический скрежет, быстро перешедший в гудение, а потом в почти неслышный свист. Бонд отвернулся. Насколько быстро он умрет? Может ли он каким-то образом избежать смерти? Один его друг пережил пытки в гестапо. Он рассказывал Бонду, как пытался покончить с собой, задержав дыхание. Сверхчеловеческим усилием воли задержав дыхание на пе-

сколько минут, он впал в бессознательное состояние, но вместе с потерей сознания отключилась и воля. И врожденный инстинкт, тяга к жизни заставила легкие снова заработать. Но попробовать можно. Ничто другое не поможет ему не чувствовать боли, пока не наступит благословенное небытие. Смерть была единственным выходом. Он знал, что не сможет умолять Голдфингера и потом спокойно жить, даже если, что весьма маловероятно, от Голдфингера можно откупиться правдой. Нет, ему нужно придерживаться своей хилой легенды и надеяться на то, что тем, кто после него пойдет по следу Голдфингера, повезет больше. Кого выберет М? Наверное, 008, второго по списку убийцу в их маленьком отделе из трех человек. Он был сильным агентом, более осторожным, чем Бонд. М узнает, что Голдфингер убил Бонда, и даст 008 разрешение убить его в ответ. 258-й в Женеве введет его в курс дела, закончив отчетом Бонда о первом визите в «Энтерпрайз Аурик». Да, судьба настигнет Голдфингера, если Бонд будет держать язык за зубами. Если же он расколется, Голдфингер выйдет сухим из воды. Этого допустить нельзя.

— Ну, мистер Бонд, хватит любезничать,— голос Голдфингера стал резким.— Пойте, как говорят мои чикагские друзья, и вы умрете быстро и безболезненно. И девушка тоже. А не запоете, ваша смерть будет как один долгий крик. А девушку я отдам На Все Руки, как кота, на ужин. Что вы предпочитаете?

— Не будьте идиотом, Голдфингер. Я сказал друзьям в «Юниверсал», куда я иду и почему. Родители девушки знают, что она поехала со мной. Я навел справки об этом вашем предприятии перед тем, как идти сюда. Наш путь легко проследить. «Юниверсал» — могущественная фирма. Полиция вами займется через несколько дней после нашего исчезновения. Давайте договоримся. Вы делаете глупейшую ошибку. Мы с девушкой абсолютно невинные люди.

— Боюсь, вы не понимаете, мистер Бонд,— произнес Голдфингер скучным тоном.— Что бы вам ни удалось узнать обо мне, а я думаю, узнали вы немного, это капля в море. Я связан с огромными предприятиями. Отпустить кого-нибудь из вас было бы верхом глупости. Это не подлежит обсуждению. Что касается полиции, то я буду счастлив принять их у себя. Те из моих корейцев, кто умеет разговаривать, будут молчать, так же как и мои электрические печи, где мы сожжем вас и все ваши принадлежности при температуре две тысячи градусов.

Нет, мистер Бонд, выбирайте. Может быть, я подтолкну вас к принятию решения (скрежет пилы усилился). Теперь пила приближается к вашему телу со скоростью дюйма в минуту. А пока,— он глянул на На Все Руки и поднял палец,— небольшой массаж. Для начала только первой степени. Вторая и третья степени более убедительны.

Бонд закрыл глаза. Тяжелый звериный запах корейца обволакивал его. Большие жесткие пальцы методично и аккуратно начали обработку. Нажим здесь одновременно с нажимом там, внезапное сжатие, пауза, затем быстрый резкий удар. Бонд сжал зубы, рискуя сломать челюсть. От боли у него перед глазами заходили круги. Скрежет пилы становился все громче. Этот звук напомнил Бонду о давних летних вечерах дома в Англии. Дом? Вот его дом, этот кокон опасности, в котором он предпочитает жить. А здесь он будет похоронен, в углу плавильной печи с температурой 2000°С. Боже, упокой душу джентльмена из Секретной службы! Какую бы эпитафию он себе выбрал? Каким должно быть его знаменитое последнее слово? У человека нет выбора при рождении, но он может сам выбрать, какой смертью ему умирать. Да, это хорошо должно выглядеть на надгробной плите — не «Уметь жить», а «Уметь умереть».

— Мистер Бонд,— в голосе Голдфингера появилась напряженная нотка.— Неужели это так необходимо? Только скажите мне правду. Кто вы? Кто вас сюда направил? Что вам известно? Потом все будет очень просто. Вам обоим дадут по таблетке. Никакой боли. Все равно что принять снотворное. А иначе это будет так грубо, грубо и мучительно. Разве это честно с вашей стороны по отношению к девушке? Разве это соответствует кодексу чести английского джентльмена?

На Все Руки остановился. Бонд медленно повернул голову на голос и открыл глаза.

— Голдфингер, мне больше нечего сказать, потому что нечего говорить. Если мое предложение вас не устраивает, я сделаю другое. Девушка и я будем работать на вас. Как насчет этого? Мы с ней способные люди. Вы могли бы нас хорошо использовать.

— И получить нож, даже два в спину? Благодарю покорно, мистер Бонд, нет.

Бонд решил, что пора замолчать. Пора было собирать всю волю в кулак и держаться, пока не умрет. Бонд вежливо сказал:

— В таком случае вы можете пометить самого себя.

Он выдохнул весь воздух из легких и закрыл глаза.

— Даже я не могу этого,— ответил с юмором Голдфингер.— Теперь, поскольку вы выбрали путь стоика, а не слизняка, я должен получить как можно больше от вашего решения. Придется сделать ваш путь как можно более тернистым. На Все Руки, вторая степень.

Пила приближалась. Теперь Бонд ощущал ветерок между колен от ее вращения. Руки снова коснулись его тела.

Бонд считал медленный пульс, который заполнил, казалось, все тело. Он был похож на тяжелый ритм электростанции в другом конце завода, но постепенно замедлялся. Если бы он мог затихать побыстрее. Что за идиотская воля к жизни, которая отказывается подчиняться мозгу? Что заставляет мотор работать, когда бак уже пуст? Но ему нужно освободить голову от мыслей, как тело от кислорода. Он должен превратиться в вакуум, глубокий колодец небытия.

Свет по-прежнему пробивался сквозь веки. По-прежнему он ощущал нарастающее давление в висках. По-прежнему жизнь билась у него в ушах.

Сквозь стиснутые зубы пытался прорваться крик.

Умирай, черт возьми, умирай, умирай, черт возьми, умирай, умирай, умирай...

15. Последнее и главное

Крылья ангелов, райский хор, песнь небесных глашатаев — что еще следовало ему помнить о рае? Все полностью соответствовало услышанному им во младенчестве: ощущение полета, тьма, звучание миллионов арф. Ему действительно стоит попытаться запомнить хотя бы кое-что. Так, теперь посмотрим, что дальше, за вратами рая...

Глубокий отеческий голос зазвучал в ушах:

— Говорит капитан. (Ну-ну. Кто это? Святой Петр?) Мы идем на посадку. Пристегните, пожалуйста, ремни и погасите сигареты. Спасибо.

Должно быть, их много, отправляющихся вместе. Интересно, а Тилли тоже здесь? Бонд смущенно дернулся. Как ему представить ее другим? А может, это большое пространство со странами и городами? У него, вероятно, там будет не больше шансов встретить какую-нибудь из своих бывших девушек, чем на Земле. Но все-таки была куча публики, с которой он предпочел бы не встречаться... А может быть, поскольку здесь так много любви, это не имеет

значения? Возможно, здесь человек любит всех девушек, однажды встреченных? Хм. Тяжелое дело.

И с этими неземными мыслями Бонд снова погрузился в бессознательное состояние.

Следующее, что он ощутил, было приятное чувство покачивания. Он открыл глаза, но тут же закрыл их снова, ослепленный солнцем. Голос сзади над ним произнес:

— Глянь-ка, друг. Этот скат значительно более мокрый, чем кажется.

Почти одновременно последовал сильный толчок. Уверенный голос сказал:

— И ты мне это говоришь! Какого черта они не положат резиновое покрытие?

Прекрасный способ излагать свои мысли в таком месте, зло подумал Бонд. Поскольку я новенький, они считают, что их никто не слышит.

Раздался звук открывающейся двери, и что-то ударило Бонда по локтю.

— Эй! — воскликнул он и попытался дотянуться до локтя, чтобы потереть его, но руки не подчинялись ему.

— Надо же. Эй, Сэм, позови-ка дока. Этот, кажется, очухался.

— Щас! Положи-ка его пока рядом с другими носилками.

Бонд почувствовал, как его подняли. Стало прохладнее. Он открыл глаза и увидел над собой типичную круглую бруклинскую физиономию. Глаза поймали его взгляд и улыбнулись. Металлические ножки носилок коснулись пола.

— Как дела, мистер?

— Где я?

В голосе Бонда слышались панические нотки. Он попытался встать и не смог. Все тело его покрылось потом. Боже! Неужели это еще прежняя жизнь? При мысли об этом его охватила тоска, и слезы потекли по его щекам.

— Эй, эй! Спокойно, мистер. С вами все в порядке. Это Айдлуайлд, Нью-Йорк. Вы в Америке. Уже все хорошо, слышь?

Мужчина выпрямился. Он явно принимал Бонда за беженца.

— Давай, Сэм, двигай. Этот парень в шоке.

— Ладно, ладно,— и оба голоса удалились, что-то беспокойно бормоча.

Бонд обнаружил, что может вертеть головой. Он огляделся. Он находился в белом помещении, видимо как-то свя-

занном с медицинской частью аэропорта. Здесь стоял ряд узких кроватей, солнце светило в высокие окна, но было прохладно, работал кондиционер. Он лежал на носилках, стоящих на полу. Рядом с ним стояли еще одни. Бонд повернул голову: на вторых носилках лежала Тилли. Она была без сознания. Ее бледное лицо, обрамленное темными волосами, смотрело в потолок.

Дверь в покой отворилась. Доктор в белом халате вошел и придержал ее. Голдфингер, выглядевший оживленным и доброжелательным, быстро прошел между кроватями. За ним следовал На Все Руки. Бонд закрыл глаза. Боже! Значит, вот оно как.

Шаги остановились возле его носилок, и голос Голдфингера произнес:

— Что же, доктор, они, несомненно, выглядят неплохо. Вот одно из преимуществ, которые дают деньги. Когда друг или кто-то из персонала заболел, можно обеспечить ему наилучший медицинский уход. Нервный срыв у обоих. И в течение одной недели! Вы можете в это поверить? Но мне некого винить, кроме себя самого: заставил их слишком много работать. Теперь мой долг снова поставить их на ноги. Доктор Фош (кстати, лучший специалист в Женеве) высказался вполне определенно. «Лучшее для них лекарство — отдых, мистер Голдфингер,— сказал он.— Отдых, отдых и еще раз отдых». Он дал им транквилизаторы, и теперь они едут в Харкнесс-павильон.

Голдфингер добродушно засмеялся:

— Что посеешь, то и пожнешь, а, доктор? Поставив в Харкнесс рентгеновское оборудование на миллион долларов, я совершенно не рассчитывал получить что-нибудь взамен. Но в данном случае? Мне стоило только позвонить, и для них тут же нашли две прекрасные палаты. Теперь,— послышался шорох банкнот,— спасибо вам за беспокойство и помощь с иммиграционным отделом. К счастью, у них обоих действующие визы, и я думаю, что иммиграционный отдел удовлетворился тем, что мистер Аурик Голдфингер гарантирует — ни один из них не собирается силой свергнуть правительство Соединенных Штатов.

— Да, конечно, и спасибо, мистер Голдфингер. Все, что могу для вас... Как я понял, на улице стоит ваша личная машина «скорой помощи».

Бонд открыл глаза и посмотрел на врача. Он увидел симпатичного молодого человека в очках и с короткой стрижкой. Бонд спокойно и абсолютно искренне сказал:

— Доктор, с девушкой и со мной абсолютно все в по-

рядке. Нас накачали наркотиками и доставили сюда против нашей воли. Никто из нас не работает и никогда не работал на Голдфингера. Я предупреждаю вас, что нас похитили. Я требую начальника иммиграционного отдела. У меня есть друзья в Вашингтоне и Нью-Йорке, они поручатся за меня. Прошу вас мне верить.

Бонд не сводил глаз с врача, пытаясь убедить его в своей правоте.

Доктор забеспокоился. Он повернулся к Голдфингеру. Голдфингер покачал головой, чуть-чуть, чтобы не обидеть Бонда, и беспомощно вздернул брови.

— Видите, что я имел в виду, доктор? Вот так уже несколько дней. Полный нервный спад в сочетании с манией преследования. Доктор Фош сказал, что так часто бывает. Ему потребуется провести несколько недель в Харкнессе. Но я доведу его лечение до конца, чего бы это ни стоило. Думаю, сейчас на него повлияло незнакомое окружение. Может быть, успокоительный укол...

Врач наклонился к своему чемоданчику.

— Надеюсь, вы правы, мистер Голдфингер. Поскольку Харкнесс займется этим случаем...

Послышался звон инструментов.

— Это ужасно грустно — видеть в таком состоянии человека, который был одним из лучших моих помощников.— Голдфингер улыбнулся Бонду ласковой отеческой улыбкой. Голос его был преисполнен заботы.— С тобой все будет в порядке, Джеймс. Расслабься и поспи. Боюсь, что перелет был для тебя слишком тяжел. Успокойся и предоставь все мне.

Бонд чувствовал тампон на руке. Помимо воли с губ его посыпался поток ругательств. Затем в руку вонзилась игла. Бонд вскрикнул и кричал, кричал, пока врач, склонившись над ним, деликатно и терпеливо стирал пот с его лба.

* * *

Теперь он находился в серой маленькой комнатке без окон. Комната освещалась лампой, висящей посередине потолка. Вокруг лампы были расположены вентиляционные решетки, и в комнате стоял нейтральный запах воздуха, подаваемого через кондиционер. Бонд обнаружил, что может сесть. И сел. Он чувствовал себя немного пришибленно, но хорошо.

Он вдруг почувствовал, что ужасно голоден и хочет пить. Когда он в последний раз ел? Два, три дня назад?

Бонд спустил ноги с кровати. Он был абсолютно голый. Внимательно себя осмотрев, он не обнаружил никаких повреждений, кроме следов от инъекций. На Все Руки действовал очень аккуратно. Бонд встал, преодолевая головокружение, и сделал несколько шагов по комнате. Он лежал на кровати типа судовой койки, с ящиками под ней. Единственной мебелью, помимо койки, был пустой стол и деревянный стул. Все чисто, функционально, по-спартански. Бонд встал на колени и выдвинул ящики. В них лежало все содержимое его чемодана, кроме часов и пистолета. Даже его тяжелые ботинки, которые он обул, отправляясь на «Энтерпрайз Аурик», были здесь. Он повернул один из каблуков и нажал. Широкое обоюдоострое лезвие выскочило из подошвы. Если держать ботинок за каблук, он вполне походил на кинжал. Бонд проверил второй ботинок, вернул каблуки на место и оделся. Обнаружив свои сигареты и зажигалку, закурил. В помещении было две двери, одна из которых с ручкой. Бонд открыл ее. Она вела в маленькую, хорошо оборудованную ванную комнату и туалет. Его банные и бритвенные принадлежности были аккуратно разложены по местам. Рядом лежали вещи Тилли. Бонд тихо открыл вторую дверь из ванной комнаты. За ней располагалась такая же комната, как у него. На кровати, разметав свои черные волосы, лежала Тилли Мастертон.

Бонд на цыпочках приблизился к ней и посмотрел. Она спокойно спала, улыбаясь во сне. Бонд вернулся в ванную, тихо закрыв дверь, и посмотрел на себя в зеркало. Щетина больше смахивала на трехдневную, чем на двухдневную. Он начал приводить себя в порядок.

Полчаса спустя, когда Бонд уже сидел на кровати и размышлял, дверь без ручки резко распахнулась и на пороге появился На Все Руки. Глаза его равнодушно глянули на Бонда и внимательно обежали комнату. Бонд резко сказал:

— На Все Руки, я хочу есть, и быстро. Еще бутылку бурбона и содовую со льдом, а также пачку «Честерфилда» и либо мои собственные часы, либо другие не хуже. Давай, быстро! Топ-топ! И скажи Голдфингеру, что я хочу его видеть, но не раньше, чем поем. Давай! Двигай! Не стой как истукан! Я голоден.

На Все Руки дико глянул на Бонда, как бы обдумывая, что бы ему переломать. Он открыл рот, издав нечто среднее между рыганием и рычанием, сплюнул на пол и вышел, резко закрыв дверь. Однако ожидаемого треска не последо-

вало. Дверь в последний момент закрылась мягко и беззвучно, с двойным щелчком.

Эта стычка вернула Бонду хорошее настроение. По какой-то причине Голдфингер раздумал убивать его. Скоро станет ясно, зачем они понадобились ему живыми, но раз так, он предпочитает играть по своим правилам, согласно которым нужно поставить На Все Руки и других корейцев на место, которое, по мнению Бонда, было значительно ниже обезьян в иерархии млекопитающих.

К тому времени, когда один из корейцев принес великолепный завтрак, включая все заказанное, и его часы, Бонд не узнал ничего нового, кроме того, что его комната расположена недалеко от воды и от железнодорожного моста. Если исходить из того, что он в Нью-Йорке, это либо Гудзон, либо Ист-Ривер. Железная дорога была электрической и походила на подземку, но Бонд плохо знал географию Нью-Йорка, чтобы определиться точно. Часы его стояли. На вопрос, который час, он ответа не получил.

Бонд очистил весь поднос и сидел с сигаретой, потягивая виски с содовой, когда дверь открылась и вошел Голдфингер. Один. На нем был строгий костюм бизнесмена, он выглядел благодушным и довольным. Голдфингер закрыл за собой дверь и стал спиной к ней, внимательно глядя на Бонда, который, продолжая курить, вежливо смотрел на него.

— Доброе утро, мистер Бонд. Я вижу, вы стали самим собой. Надеюсь, вы предпочитаете быть здесь, чем быть покойником. Чтобы избавить вас от необходимости задавать вопросы, я скажу вам, где вы находитесь и что с вами произошло. Затем я сделаю вам предложение, на которое хочу получить прямой ответ. Поскольку вы более разумный человек, чем многие другие, я ограничусь лишь небольшим предупреждением. Не пытайтесь разыгрывать драму и нападать на меня с ножом, вилкой или бутылкой. Если вы предпримите подобную попытку, я вас застрелю вот из этого,— в руке Голдфингера оказался малокалиберный пистолет, который он сразу убрал обратно в карман.— Я очень редко прибегаю к оружию, однако, когда мне приходилось это делать, мне никогда не требовалось больше одной пули, чтобы убить человека. Я стреляю в правый глаз, мистер Бонд. И никогда не промахиваюсь.

— Не волнуйтесь. Я не настолько меток в метании бутылок,— сказал Бонд. Он сел, закинув ногу на ногу.— Продолжайте.

— Мистер Бонд,— любезно продолжил Голдфингер,— я

эксперт не только по металлу, но и во многих других областях. Кстати, замечу, что чистота металла, ценность его по отношению к человеческому материалу значительно выше. Но иногда встречаются экземпляры, которым можно найти применение. На Все Руки, например. Простой материал, годный только для ограниченного использования. В последний момент у меня дрогнула рука, я не решился уничтожить такой стойкий материал, каким являетесь вы. Я знаю, что совершил ошибку. Во всяком случае, я предприму меры, дабы оградить себя от последствий моего шага. Вы кое-что сказали и это спасло вам жизнь. В другое время я бы на это не пошел, но случилось так, что сейчас я занимаюсь одним делом, в котором вы оба можете мне немного помочь. Поэтому я рискнул. Я дал вам обоим наркотик, оплатил ваши счета в гостинице, забрал ваши вещи из «Берга», где мисс Мастертон была зарегистрирована под своей настоящей фамилией. От вашего имени я послал «Юниверсал экспорт» телеграмму. Вам предложили работу в Канаде, и вы полетели туда выяснить условия. Мисс Мастертон вы взяли с собой в качестве секретаря. Детали вы сообщите позже. Довольно неудачная телеграмма, но она сгодится на тот короткий период, на который мне нужны ваши услуги. (Не сгодится, подумал Бонд, если ты не включил туда условную фразу, подтверждающую для М подлинность телеграммы. Теперь Секретной службе известно, что он работает «под колпаком», и колесо закрутится очень быстро.) И если вы думаете, мистер Бонд, что можно проследить ваше местонахождение, что принятые мною меры недостаточны, то позвольте вам сказать, что меня больше не интересует ни ваше подлинное лицо, ни могущество вашей фирмы. Вы и мисс Мастертон просто исчезли. Как и я, и весь мой персонал. В аэропорту их направят в Харкнесс, в Пресвитерианский госпиталь. А там никогда не слышали ни о мистере Голдфингере, ни о его пациентах. В ФБР и ЦРУ на меня досье нет, поскольку у меня нет уголовного прошлого. Конечно, в иммиграционной службе есть сведения о моих приездах и отъездах, но это мало поможет. Что касается моего нынешнего местоположения и вашего, мистер Бонд, то мы находимся в складских помещениях Корпорации скоростных перевозок, в прошлом вполне респектабельного концерна, купленного мною через подставных лиц. Эти помещения переоборудованы, причем очень тщательно, под тайную штаб-квартиру для операции, о которой я упомянул вначале. Вы и мисс Мастертон будете находиться здесь. Здесь вы будете жить

и работать и, возможно, хотя лично я сомневаюсь в склонности мисс Мастертон к этому, будете заниматься любовью.

— И в чем должна состоять наша работа?

— Мистер Бонд,— впервые со дня знакомства Бонд увидел на круглом, всегда бесстрастном лице Голдфингера признаки оживления, глаза его загорелись, узкие губы изогнулись в блаженной улыбке.— Мистер Бонд, всю свою жизнь я был влюблен. Влюблен в золото. Я люблю его цвет, блеск, его волшебную тяжесть. Я люблю все его свойства, я научился на ощупь определять его вес. Я люблю его теплое бульканье, когда оно плавится, превращаясь в золотой сироп. Но больше всего, мистер Бонд, я люблю власть, которую золото дает его владельцу, исполняя все желания и чаяния и при необходимости покупая тела, мозги, даже души. Да, мистер Бонд, всю свою жизнь я работал на золото, и в ответ оно работало на меня и на все то, что я совершал. Я спрашиваю вас,— Голдфингер пристально посмотрел на Бонда,— есть ли на Земле еще вещество, которое способно так отблагодарить своего владельца?

— Многие становились богатыми и могущественными без единой унции золота. Но идея ваша мне понятна. Сколько вам удалось собрать и что вы с ним делаете?

— Я владею золотом на сумму порядка двадцати миллионов фунтов стерлингов, это примерно равно золотому запасу небольшого государства. Сейчас оно все в Нью-Йорке. Я держу его там, где оно мне нужно. Мое золото, как удобрение, я раскидываю его то здесь, то там на земле, и, где бы я его ни кинул, оно дает цветы и плоды. Я собираю урожай и иду дальше. В данный момент я собираюсь подтолкнуть, заставить действовать с помощью моего золота одно американское предприятие. Поэтому золотые слитки сейчас в Нью-Йорке.

— Как вы выбираете поле деятельности? Что вас привлекает?

— Я выбираю те дела, которые увеличивают мой запас золота. Я инвестирую, занимаюсь контрабандой, краду. Позвольте привести сравнение: представьте себе историю в виде поезда, идущего сквозь время. Птицы и звери, потревоженные шумом проходящего состава, разлетаются, разбегаются в испуге или укрываются, думая, что спрячутся. Я же вроде ястреба, который летит за поездом. Вы, несомненно, могли наблюдать подобное, например, в Греции — летящего ястреба, готового схватить добычу, напуганную ходом поезда, ходом истории. Вот простой пример: исторический прогресс привел к появлению на свет человека, от-

крывшего пенициллин. Одновременно история создает мировые войны. Много народу умирает или боится умереть. Пенициллин может их спасти. Путем подкупа некоторых военных организаций на континенте я скупаю запас пенициллина. Я смешиваю его с каким-нибудь безвредным порошком или растворяю и продаю лекарство с огромной прибылью тем, кто в нем нуждается. Понятно, что я имею в виду, мистер Бонд? Вы караулите добычу, внимательно за ней следите, затем хватаете ее. Но, как я уже сказал, я сам не ищу такие дела, я позволяю поезду истории вспугивать добычу и гнать ее для меня.

— А последнее предприятие что собой представляет? Какое отношение имеем к нему мы с мисс Мастертон?

— Настоящее дело, мистер Бонд, самое последнее. И самое крупное.

Глаза Голдфингера стали пустыми, как бы устремленными внутрь. Голос сделался тихим, почти благоговейным.

— Человеку удалось покорить Эверест и достичь океанских глубин. Он запустил ракеты в космос и расщепил атом. Он изобретал, создавал, выдумывал во всех сферах человеческого бытия, и везде он победил, побил рекорды, совершил чудеса. Я сказал — во всех сферах, но есть одна, которую проигнорировали, мистер Бонд. Это та сфера человеческой деятельности, которую обычно именуют преступлением. Так называемые преступления века, совершенные отдельными людьми (я, конечно, не имею в виду идиотские войны, неумное взаимное уничтожение),— это просто мелочь: какие-то паршивые ограбления банков, мошенничество, подделки. А ведь здесь, всего в нескольких сотнях миль отсюда, имеется великолепная возможность совершить величайшее преступление в истории человечества. Подмостки готовы, огромный приз ждет. Не хватает только актеров. Но постановщик уже на месте, мистер Бонд.— Голдфингер постучал себя в грудь.— И он набрал труппу. Сегодня вечером для исполнителей главных ролей будет готов сценарий. Затем начнутся репетиции, и через неделю поднимется занавес для единственного, уникального спектакля. А потом зазвучат аплодисменты, аплодисменты величайшему преступлению всех времен. И, мистер Бонд, мир будет сотрясаться от аплодисментов еще много столетий.

Большие светлые глаза Голдфингера горели мрачным огнем, щеки его раскраснелись. Но он по-прежнему выглядел уравновешенным, раскованным и абсолютно убежден-

ным. В нем нет ничего от психопата, подумал Бонд. У него на уме какой-то фантастический план, но он изучил условия и выяснил, что они благоприятны.

— Ну ладно, выкладывайте, что это за дело и какова наша роль?

— Это ограбление, мистер Бонд. Ограбление, требующее абсолютно точного исполнения. Будет много писанины, много административной работы. Я собирался заняться этим сам, пока вы не предложили мне свои услуги. Теперь всем этим займетесь вы, а мисс Мастертон будет вашим секретарем. Вы уже частично подготовлены к этой работе всей вашей жизнью. После удачного завершения операции вы получите миллион фунтов стерлингов золотом, а мисс Мастертон — полмиллиона.

— Вот это дело,— воскликнул Бонд с энтузиазмом.— И что же мы должны сделать? Украсть кусочек радуги?

— Да,— кивнул Голдфингер,— именно это мы и сделаем. Мы украдем пятнадцать миллиардов долларов в слитках, примерно половину мирового запаса золота. Мы, мистер Бонд, ограбим Форт-Нокс.

16. Тайное совещание

— Форт-Нокс,— Бонд с серьезным видом покачал головой.— Не многовато ли для двух мужчин и одной девушки?

Голдфингер нетерпеливо передернул плечами.

— Пожалуйста, мистер Бонд, умерьте на ближайшую неделю ваше чувство юмора. Потом можете смеяться сколько хотите. Под моим началом будет около сотни мужчин и женщин. Это люди из шести самых мощных гангстерских группировок Соединенных Штатов. И они составят самый сильный и боеспособный отряд из всех созданных в мирное время.

— Хорошо. Сколько людей охраняет Форт-Нокс?

Голдфингер медленно покачал головой. Он стукнул в дверь, она распахнулась, и на пороге показался На Все Руки, готовый к бою. Увидев, что встреча проходит вполне мирно, он замер в ожидании.

— У вас возникнет еще много вопросов, мистер Бонд, и на все вы получите ответ сегодня днем. Начало в четырнадцать тридцать. Сейчас ровно полдень.

Бонд глянул на часы и перевел стрелки.

— Вы и мисс Мастертон будете присутствовать на встрече, во время которой я сделаю предложение глава-

рям шести группировок, о которых я говорил. Без сомнения, они зададут те же вопросы, которые хотите задать вы. Там и получите объяснения. Затем вы с мисс Мастертон приступите уже к конкретной работе. Если вам что-то понадобится, скажите. Для этого я приставлю к вам На Все Руки, ну и, конечно, он будет постоянно настороже. Не делайте глупостей, иначе вас тут же убьют. И не тратьте попусту время, пытаясь убежать или связаться с внешним миром. Я вас нанял и хочу получить максимальную отдачу. Договорились?

— Всегда мечтал стать миллионером,— сухо сказал Бонд.

Голдфингер даже не посмотрел на него, он внимательно изучал свои ногти. Затем, кинув на Бонда последний тяжелый взгляд, он вышел и закрыл за собой дверь.

Бонд остался сидеть, глядя в закрытую дверь. Затем он резко провел руками по волосам и лицу, произнес «нуну» и пошел через ванную в комнату, где спала девушка. Он постучал.

— Кто там?

— Я. Можно?

— Да,— прозвучал невеселый голосок.— Входите.

Она сидела на краю постели, обуваясь. На ней был тот же наряд, что и при первой их встрече. Выглядела она совершенно спокойной и собранной, нисколько не удивленной окружающим. Ее глаза, глянувшие на Бонда, были холодными и решительными.

— Вы нас в это втравили, вы и вытаскивайте.

— Вполне возможно,— вежливо ответил Бонд.— Вытащил же я вас из могилы.

— Ну да, после того как туда положили.

Бонд задумчиво смотрел на нее. Решив, что будет, пожалуй, не очень галантно ошарашивать ее новостями на голодный желудок, он сказал:

— Так мы ни к чему не придем. Мы попали в этот переплет вместе, нравится нам это или нет. Что вы хотите на завтрак или на ленч? Сейчас четверть первого. Я уже поел, теперь пойду закажу еду вам, вернусь и все расскажу. Отсюда только один выход, и тот охраняется На Все Руки, этой корейской обезьяной. Так что — завтрак или ленч?

Она слегка смягчилась.

— Спасибо. Вареные яйца и кофе, пожалуйста. И тосты с вареньем.

— Сигареты?

— Нет, спасибо, я не курю.

Бонд вернулся в свою комнату и постучал в дверь без ручки. Она слегка приоткрылась.

— Ладно, На Все Руки, я пока не собираюсь тебя убивать.

Дверь открылась шире. Лицо корейца было невозмутимым. Бонд отдал распоряжения, налил себе бурбона с содовой и присел на край кровати, размышляя, как бы ему привлечь девушку на свою сторону. Он ей не понравился с самого начала. Было ли это только из-за сестры? Почему Голдфингер отпустил это замечание насчет ее «наклонностей»? Он и сам чувствовал что-то отталкивающее, враждебное. Она была красива, физически желанна. Но была в ней холодная, жесткая основа, которую Бонд не мог понять и определить. А, ладно, главное — заставить ее помочь ему. Иначе эта жизнь в заключении станет просто невыносимой.

Бонд вернулся к ней в комнату, оставив все двери открытыми, чтобы услышать, когда принесут еду. Девушка по-прежнему неподвижно сидела на кровати. Бонд прислонился к дверному косяку, потягивая виски. Затем, глядя ей в глаза, сказал:

— Чтоб вы знали, я из Скотленд-Ярда. Мы занимаемся этим человеком, Голдфингером. Он об этом не знает и считает, что нас никто не найдет в ближайшую неделю. Видимо, он прав. Он сохранил нам жизнь, потому что хочет, чтобы мы поработали на него, помогли ему совершить задуманное им преступление. Это серьезное дело. Весьма хитроумное. Но будет много подготовительной и бумажной работы, и мы с вами должны этим заниматься. Вы умеете стенографировать и печатать?

— Да,— глаза ее оживились.— А какое преступление?

Бонд рассказал ей.

— Конечно, это смешно, и думаю, что несколько вопросов и ответов убедят гангстеров, если не убеждают Голдфингера, что это совершенно неосуществимо. Но я не уверен. Голдфингер удивительный человек. Насколько я его знаю, он никогда ничего не предпринимает, если обстоятельства не благоприятствуют его целям. И я не думаю, что он сумасшедший, во всяком случае не больше, чем другие гении — ученые и прочие. А в том, что он гений в своей, может быть, несколько специфической области, сомневаться не приходится.

— И что же вы собираетесь делать?

Бонд понизил голос:

— Что *мы* будем делать, вы имеете в виду. *Мы* пойдем на это. И без дураков. Без всяких трюков и фокусов. Мы бу-

дем отрабатывать обещанные нам деньги по высшему классу. Помимо того, что мы спасем себе жизнь, которая для него значит меньше, чем ничего, это наша единственная надежда, точнее, моя, поскольку это моя работа, получить шанс сорвать его планы.

— И как вы собираетесь это сделать?

— Не имею ни малейшего представления. Может, что-нибудь подвернется.

— И вы хотите, чтобы я вам помогала?

— А почему нет? Есть другие предложения?

Она потеребила губу.

— А почему я, собственно, должна делать то, что вы хотите?

— Право, не самое подходящее время изображать суфражистку,— пожал плечами Бонд.— Либо так, как я сказал, либо вас убьют после завтрака. Решайте сами.

Девушка дернула плечом, лицо ее искривилось в брезгливой гримасе.

— А, ладно, так и быть.

Внезапно глаза ее метнули молнию.

— Только не пытайтесь ко мне прикоснуться, или я вас убью.

Раздался щелчок открываемой двери. Бонд глянул вниз на Тилли Мастертон.

— Интересный вызов. Но не волнуйтесь, я его не приму.

Он повернулся и вышел из помещения.

Один из корейцев прошел мимо него с подносом в руках. В его комнате второй кореец устанавливал переносную печатную машинку «Ремингтон» в углу, подальше от кровати. В дверном проеме стоял На Все Руки. Он держал лист бумаги. Бонд подошел к нему и забрал бумагу.

Это было указание Голдфингера, написанное шариковой ручкой. Почерк был четкий, аккуратный, легко читаемый, без вычурпости. Бумага гласила:

«Отпечатайте десять экземпляров.

Совещание под председательством мистера Голда.

Секретари:	Дж. Бонд Мисс Тилли Мастертон.
Присутствуют:	
«Пурпурная банда», Детройт	— Хельмут М. Спрингер
«Теневой синдикат», Майами и Гавана	— Джед Миднайт
«Машина», Чикаго	— Билли (Улыбочка) Ринг

«Паутина», Лас-Вегас — Джек Стрэп
Сицилианский союз — мистер Соло
«Бетопомешалки», Гарлем, Нью-Йорк — мисс Пусси Галоре.

Повестка дня:

Обсуждение проекта операции под кодовым названием «Большой шлем».

(Прохладительные напитки)».

В конце была приписка: «Вы с мисс Мастертон должны быть готовы к 2 часам 20 минутам. Вы оба будете вести протокол. Форма одежды — деловая». Бонд улыбнулся. Когда кореец вышел, он сел за машинку и начал печатать, показывая девушке, что намерен выполнять свою задачу. Боже, ну и сброд! Даже мафия присутствует! Интересно, как Голдфингеру удалось их на это подбить? И кто, черт возьми, такая Пусси Галоре?

К двум часам бумаги были готовы. Бонд отнес их Тилли вместе с блокнотом для стенографирования и карандашами. Прочитав ей записку Голдфингера, он добавил:

— Постарайтесь запомнить имена, по-видимому, их будет легко персонифицировать. Но в конце концов мы можем и спросить для протокола, верно? Пойду переоденусь.

Он улыбнулся:

— Осталось двадцать минут.

Девушка кивнула.

* * *

Идя по коридору следом за На Все Руки, Бонд слышал шум реки. Видимо, коридор шел вдоль русла. Где-то у ног взревел двигатель грузовика, удаляясь предположительно в сторону Вест-Сайда. Должно быть, они находились в верхней части длинного двухэтажного строения. Серые стены коридора пахли свежей краской, боковых дверей не было, освещение шло из люков в полу. Дойдя до конца коридора, На Все Руки постучал, открылась дверь, и они оказались в большом, залитом солнцем помещении. Зал находился в торце здания, и большое окно выходило на реку и на район Джерси. Здесь все было готово к проведению конференции. Голдфингер сидел спиной к окну за большим круглым столом, покрытым зеленой скатертью, на котором стоял графин с водой и были разложены карандаши и бумага. Вокруг стола размещались девять удобных кресел, перед шестью из которых лежали пакеты, запечатанные красным сургучом. Справа вдоль стены стоял длинный сервировоч-

ный стол, заставленный серебряными и хрустальными фужерами. В ведерках охлаждалось шампанское, выстроились в ряд другие бутылки. Среди закусок Бонд разглядел две большие вазы с черной икрой и несколько блюд с гусиным паштетом. На стене напротив, над столом с бумагами и большим листом картона висела доска.

Голдфингер смотрел, как они идут к нему по толстому винно-красному ковру. Он указал на стул слева от себя Тилли Мастертон, справа — Бонду. Они сели.

— Бумаги?

Голдфингер взял готовые листы, прочитал лежащий сверху и вернул девушке. Он сделал круговой жест рукой, и она, повинуясь, встала и положила по экземпляру перед каждым креслом. Голдфингер нажал на скрытый в столе звонок. Двери в конце комнаты открылись, и появился один из корейцев.

— Все готово?

Кореец кивнул.

— Ты понял, что сюда не должен войти ни один человек, кроме указанных в списке? Хорошо. Некоторые из них, а возможно и все, придут с сопровождающими. Все сопровождающие останутся за дверью. Проследи, чтобы у них было все, что они захотят. Карты и кости на месте? На Все Руки,— Голдфингер глянул на корейца, стоящего рядом со стулом, на котором сидел Бонд.— Иди и займи свое место. Сигнал помнишь?

На Все Руки поднял два пальца.

— Верно. Два звонка. Можешь идти. Проследи, чтобы все выполняли свои обязанности как должно.

— Сколько у вас народу? — поинтересовался Бонд.

— Двадцать человек: десять корейцев и десять немцев. Все очень квалифицированные. В этом здании делается многое.— Голдфингер положил руки на стол.— Так, теперь о ваших обязанностях. Мисс Мастертон, вы будете записывать все важные моменты, все, что может потребовать моего внимания. Не обращайте внимания на споры и пререкания. Ясно?

Бонд обрадовался, что Тилли Мастертон перестала глупить и выглядела очень по-деловому. Она кивнула.

— Конечно.

— Мистер Бонд, меня будет интересовать ваше впечатление о выступлениях. Я многое знаю об этих людях. На своих территориях они лидеры. Они пришли сюда, потому что я их купил. Им ничего обо мне неизвестно, поэтому необходимо их убедить, что я знаю что говорю и что

под моим руководством операция пройдет успешно. Остальное довершит их алчность. Но, возможно, кто-нибудь захочет выйти из игры, и это скорее всего проявится. На этот случай мною предусмотрены специальные меры. Но они не очень надежны. Во время переговоров вы будете помечать в вашем списке плюсами и минусами фамилии тех, кто, по вашему мнению, поддерживает или не поддерживает мою идею. Мне будут видны ваши пометки, и ваше мнение будет учтено. И помните, мистер Бонд, что, если кто-нибудь из них предаст или выйдет из игры, мы все можем быстро оказаться на всю оставшуюся жизнь за решеткой.

— Кто эта Пусси Галоре из Гарлема?

— Это единственная женщина в Америке — предводитель банды. Это женская банда, а мне для операции потребуются женщины. Она очень толковая. В свое время была акробаткой, работала на трапеции вместе со своей труппой, которая называлась «Пусси Галоре и ее акробакошки»,— Голдфингер даже не улыбнулся.— Поскольку дела шли плохо, она сделала из них взломщиц, точнее форточниц. Труппа очень быстро выросла в гангстерскую банду. Это лесбийская организация, называющаяся теперь «Бетономешалки». Их уважают даже крупные американские группировки. Выдающаяся женщина.

Из-под стола раздался тихий звонок. Голдфингер выпрямился. Дверь резко распахнулась, и в помещение вошли пятеро мужчин. Голдфингер поднялся и поприветствовал их кивком головы.

— Меня зовут Голд. Рассаживайтесь, пожалуйста.

Мужчины тихо подошли к столу и сели. Пять пар глаз холодно и внимательно смотрели на Голдфингера. Голдфингер сел и спокойно начал:

— Джентльмены, в этих упаковках перед вами лежат золотые слитки стоимостью пятнадцать тысяч долларов каждый. Также перед вами лежит повестка дня, где все указано. Может быть, пока не подошла мисс Галоре, я представлю вас своим секретарям — мистеру Бонду и мисс Мастертон? Никаких записей вестись не будет, кроме замечаний, которые вы сделаете по деталям операции. Здесь нет микрофонов. Теперь, мистер Бонд, справа от вас сидит Джед Миднайт из «Теневого синдиката», действующего в Майами и Гаване.

Мистер Миднайт был крупным жизнерадостным человеком с улыбчивым лицом, но медленными осторожными глазами. Одет в светло-голубой летний костюм и белую шелковую рубашку, вышитую зелеными нитками. Большие зо-

лотые часы у него на руке весили не меньше полуфунта.

Он улыбнулся Бонду и произнес:

— Привет.

— Затем идет мистер Билли Ринг, главарь знаменитой чикагской «Машины».

Бонд подумал, что за всю жизнь не видел никого, кто бы меньше соответствовал имени Билли. Лицо этого человека было кошмарным, и его владелец, зная об этом, наблюдал за реакцией Бонда. Это было бледное грушевидное младенческое лицо с розовой кожей и небольшой мягкой щетиной цвета соломы. Глаза, которые по идее должны были быть светло-голубыми, на самом деле были темно-карими. Белки глаз подчеркивали черноту зрачка и придавали гипнотическое свойство тяжелому умному взгляду, который не смягчал даже нервный тик правого века, дергающегося в такт пульсу. Когда-то в начале карьеры Ринга кто-то разрезал ему нижнюю губу (возможно, он слишком много болтал), и теперь на его лице играла вечная фальшивая улыбка, похожая на ту, которую вырезают в тыкве на праздник Хэллоуин. Ему было около сорока. Бонд расценил его как безжалостного убийцу.

Бонд доброжелательно улыбнулся тяжелому взгляду мистера Ринга и перенес внимание на человека, которого Голдфингер представил как Хельмута Спрингера из детройтской «Пурпурной банды».

У мистера Спрингера был остекленевший взгляд, какой бывает либо у очень богатых людей, либо у покойников. Глаза мельком скользнули по Бонду, и взгляд снова устремился внутрь. Все остальное в мистере Спрингере полностью соответствовало облику «элегантного мужчины», одетого с иголочки. Он производил впечатление человека, который обнаружил, что попал не туда: обладатель билета первого класса, оказавшийся в купе третьего класса, или человек из дворца, по ошибке посаженный в яму.

Мистер Миднайт, прикрыв рот рукой, тихо шепнул Бонду:

— Не обманывайтесь насчет Герцога. Он, конечно, одет, как князь, и дочка его учится в фешенебельном заведении, но на деньги, полученные вымогательством.

Бонд благодарно кивнул.

— Мистер Соло из Сицилианского союза.

У мистера Соло была темная толстая физиономия, отмеченная печатью множества пороков и грехов. Он блеснул на Бонда сильными стеклами очков и снова занялся своими ногтями, которые обрабатывал перочинным ножом. Это был

крупный, коренастый мужчина, наполовину боксер, наполовину метрдотель, и угадать, что у него па уме и чем он занимается, было совершенно невозможно. Однако у американской мафии был только один главарь, и поскольку мистер Соло занимал это место, то он получил его либо силой, либо хитростью, подумал Бонд. И удерживал его с помощью силы и устрашения.

Мистер Джек Стрэп из «Паутины» обладал неким шармом завсегдатая казино. Ему было около пятидесяти. Одежда на нем была крикливой и дорогой. Стрэп докуривал сигару. Он курил ее так, будто жевал, время от времени тихонько стряхивая пепел на ковер. За этим скрывалось сильное напряжение. Казалось, он знает, что его глаза могут испугать, и, не желая пугать Бонда, он придал им некий шарм, слегка сощурив уголки.

Дверь снова открылась, и в комнату вошла женщина в костюме мужского покроя и высоких сапогах. Она медленно подошла к столу и остановилась возле пустого кресла. Голдфингер встал. Она внимательно посмотрела на него, обежала глазами остальных и, произнеся усталое «привет», обращенное ко всем сразу, села.

— Привет, Пусси,— сказал Стрэп, и все остальные, кроме Спрингера, который едва кивнул, разразились приветствиями.

— Добрый день, мисс Галоре. Мы только что покончили с формальностями. Повестка дня лежит перед вами вместе с золотым слитком в пятнадцать тысяч долларов. Я прошу вас принять его как компенсацию за нарушение ваших планов, вызванное этим совещанием.

Мисс Галоре открыла свой пакет и взвесила на руке блестящий желтый кирпичик.

— Весь целиком? — недоверчиво спросила она Голдфингера.

— Весь целиком.

Мисс Галоре встретилась с ним взглядом.

— Извините за вопрос.

Бонду она понравилась. Он чувствовал тот сексуальный вызов, который представляют из себя для мужчин красивые лесбиянки. Его развлекло ее поведение, недвусмысленно говорящее Голдфингеру и остальным: «Все мужчины — ублюдки и сволочи. Не пытайтесь пробовать на мне всякие ваши мужские штучки. Мне это до лампочки. Я в другой команде». Бонд прикинул, что ей немного за тридцать. Лицо ее было чуть скуластым, с красивой линией подбородка. Глаза того редкого фиолетового цвета, который называют

фиалковым, открыто смотрели на мир из-под черных бровей. Волосы, такие же черные, как у Тилли Мастертон, подстрижены ежиком. Бонд подумал, что она великолепна, и, похоже, то же думала и Тилли Мастертон, которая смотрела на мисс Галоре влюбленными глазами. С Тилли Мастертон все было ясно.

— Теперь я должен представиться,— сказал Голдфингер,— мое имя не Голд. Путем различных махинаций, в основном незаконных, я за двадцать лет собрал значительный капитал. Сейчас он составляет порядка шестидесяти миллионов долларов (вокруг стола пробежал уважительный шумок). В основном моя деятельность связана с Европой, но, возможно, вам будет интересно узнать, что я основал «Голден поппи дистрибьюторс», сеть магазинов, работающих в Гонконге. (Мистер Стрэп тихонько присвистнул.) «Хэппи лэндинг трэвел эйдженси», туристическое агентство, услугами которого вы наверняка пользовались в экстренных случаях, также было создано мной и мне же принадлежало, пока я его не распустил. (Мистер Хельмут Спрингер вставил в свой рыбий глаз монокль, чтобы получше рассмотреть Голдфингера.) Я упомянул эти небольшие концерны только для того, чтобы показать вам, что, хотя вы меня и не знаете, я часто в прошлом действовал вам на пользу. («Кто бы мог подумать!» — пробормотал Джед Миднайт с чем-то похожим на благоговение в голосе.) Таким образом, джентльмены и... э... мадам, я узнал о вас и смог вас пригласить сегодня сюда, вас, являющихся, как я выяснил на собственном опыте, сливками преступного мира Америки.

На Бонда речь Голдфингера произвела впечатление. Голдфингер сумел в три минуты привлечь всех на свою сторону. Теперь все присутствующие смотрели на него с глубочайшим вниманием. Даже глаза мисс Галоре восхищенно горели. Бонд не имел представления, что из себя представляли названные Голдфингером предприятия, но, судя по восторженным лицам их бывших клиентов, они работали как часы. Теперь все внимали словам Голдфингера так, будто он был самим Эйнштейном.

На лице Голдфингера не проявилось никаких эмоций. Отмахнувшись, он продолжал:

— Я упомянул две моих фирмы, работа которых оказалась удачной. Они были небольшими. Было много других, значительно крупнее. Ни одна из них не провалилась, и, насколько мне известно, мое имя не значится ни в одном досье ни в одной полиции мира. Я говорю это, чтобы вы

поняли, что я хорошо владею своей, то есть нашей, профессией.

А теперь, джентльмены и мадам, я хочу предложить вам сотрудничество в одном деле, которое обеспечит каждому из вас через неделю круглую сумму в биллион долларов.— Голдфингер поднял руку.— В Европе и в Америке разное арифметическое определение биллиона. Я его употребил в значении «тысяча миллионов, то есть европейский миллиард». Я достаточно ясно выразился?

17. Преступление преступлений

На реке проревел гудок парохода. Другой проревел в ответ. Послышался шум моторов.

Джед Миднайт, сидящий справа от Бонда, прочистив горло, произнес:

— Мистер Голд, или как вас там, не волнуйтесь насчет точности определений. Биллион долларов — это куча денег в любом исчислении. Продолжайте.

Мистер Соло поднял свои сонные глаза и посмотрел через стол на Голдфингера.

— Это очень большая деньги, да. Но какая будет большая ваша часть, мистер?

— Пять биллионов.

Джек Стрэп из Лас-Вегаса издал резкий смешок:

— Слушайте, ребята, что значит несколько биллионов среди друзей? Если мистер... э... Некто может привести меня к биллиону долларов, я с радостью дам ему лишний кусок, даже огромный кусок за его работу. Давайте не будем препираться по этому поводу, а?

Мистер Хельмут Спрингер постучал своим моноклем по лежащему перед ним слитку. Все посмотрели на него.

— Мистер... э... Голд,— произнес он голосом семейного юриста,— вы тут называете большие цифры. Насколько я понимаю, речь идет о сумме порядка одиннадцати миллиардов долларов.

— Точная сумма около пятнадцати миллиардов,— уточнил Голдфингер.— Вообще-то я говорю о сумме, которую, я думаю, мы сможем вынести.

Билли Ринг издал восторженный вопль.

— Спокойно, спокойно, мистер Голд,— Спрингер вставил монокль в глаз, чтобы лучше видеть реакцию Голдфингера.— Но в таком количестве золото или деньги есть только в трех местах в Соединенных Штатах. Это Федеральный монетный двор в Вашингтоне, Федеральный

резервный банк в Нью-Йорке и Форт-Нокс в Кентукки. Вы подразумеваете, что мы должны... э... взять один из них? Если так, то какой именно?

— Форт-Нокс.

Среди хора стенаний прозвучал решительный голос Миднайта:

— Мистер, я только в Голливуде встречал парней с такой же штукой, что у вас. Там это называют ви́дение. А ви́дение, мистер, это талант принимать круги перед глазами за гигантские проекты. Вам надо бы поговорить с вашим психушником или пройти курс лечения,— Миднайт с сожалением покачал головой.— Как жаль. Так приятно было подержать этот миллиард.

Пусси Галоре произнесла низким, усталым голосом:

— Извините, мистер, но ни одна из моих кошечек не сможет взять такой банк.— И она собралась встать.

— Теперь, джентльмены и... э... мадам, слушайте меня внимательно. Ваша реакция не является для меня неожиданной. Позвольте разъяснить: Форт-Нокс не отличается от прочих банков, просто он значительно больше, и соответственно его охрана лучше и сложней. Единственное новшество в моем проекте, что это большой банк. И ничего больше. Форт-Нокс не более неприступен, чем другие крепости. Несомненно, все мы считали, что броневик Бринка неприступен, до тех пор пока полдюжины решительных парней не взяли там миллион в 1950 году. Невозможно совершить побег из «Синг-Синга», и тем не менее люди оттуда бегут. Нет, нет, джентльмены, Форт-Нокс — это такой же миф, как и остальные мифы. Могу я изложить свой план?

Билли Ринг, разговаривая, шипел сквозь зубы, как японец:

— Слушай, дядя, может, ты не знаешь, но в Форт-Ноксе дислоцируется третья бронетанковая дивизия. Если это миф, тогда почему бы русским не завоевать Соединенные Штаты их хоккейной командой, когда она приедет в следующий раз?

Голдфингер тонко улыбнулся.

— Если позволите, я внесу небольшое уточнение и изложу, какие именно воинские подразделения дислоцируются в Форт-Ноксе. Третья бронетанковая дивизия представлена только одним подразделением, но там также находится шестой бронетанковый полк, пятнадцатая бронетанковая группа, сто шестидесятая саперная группа и примерно полдивизии, собранной из всех армейских частей Соединенных Штатов. Также там находится весьма внуши-

тельное количество людей из всех прочих вспомогательных войск, подчиненных Центру бронетанковых войск. Вдобавок к этому там находятся силы полиции в количестве двадцати офицеров и ста рядовых. Короче, общая численность личного состава Форт-Нокса— шестьдесят тысяч человек, из которых двадцать тысяч — боевые подразделения того или другого рода войск.

— И кто скажет им «бу»? — поинтересовался Джек Стрэп, не выпуская сигары изо рта. Не дожидаясь ответа, он с отвращением вынул обглоданный окурок и раздавил его в пепельнице.

Рядом с ним Пусси Галоре поцыкала зубом.

— Слушай, Джеки, купи себе что-нибудь получше. Эта штука воняет, как горящая помойка.

— Заткнись, Пусси,— весьма негалантно изрек Стрэп. Однако мисс Галоре была настроена оставить последнее слово за собой, поэтому она ласково произнесла:

— Знаешь что, Джеки? С таким мужчиной, как ты, я бы пошла. Честно говоря, я как-то написала песню о тебе. Хочешь узнать название? Она называется «Если бы мне пришлось начать сначала, я бы начала с тобой».

Миднайт разразился грудным смехом, Ринг заржал, Голдфингер легонько постучал по столу, призывая к спокойствию:

— Теперь, пожалуйста, послушайте, что я надумал, джентльмены.

Он встал, подошел к доске и повесил на нее карту, подробную карту Форт-Нокса и ближайших окрестностей. Все развернулись к ней. Голдфингер указал на место хранения золота.

— Остальной план хранилища я покажу чуть позже. Теперь, джентльмены, позвольте указать на ключевые позиции. Вот железная дорога, идущая из Луисвилла. Нас интересует не Бранденбургский вокзал, а место, примыкающее к хранилищу. Отсюда в хранилище доставляют золото с Монетного двора. Еще золото доставляют, варьируя способ доставки без всякого графика в целях безопасности, в бронированных машинах по шоссе Дикси и самолетами на Годман эйрфилд. Как вы видите, хранилище изолировано от этих дорог и стоит без какого-либо естественного прикрытия в центре поляны площадью приблизительно пятьдесят акров. К нему ведет одна-единственная дорога через бронированные ворота на Буллион-бульваре. Проехав ворота, машины едут по вот этой окружной дороге, огибающей хранилище, к заднему входу, где их и разгружают. Эта до-

рога, джентльмены, выложена стальными листами. В случае необходимости листы поднимаются и превращаются во второй стальной этаж. Этого не видно, но, насколько мне известно, есть еще подземный тоннель, идущий между Буллион-бульваром и Вайн Гроув-роуд. Он служит дополнительной дорогой к хранилищу сквозь стальные двери, выходящие из стены тоннеля в нижний этаж хранилища.

Голдфингер замолк, отошел от карты и оглядел присутствующих.

— Итак, джентльмены, вот хранилище, вот основные подступы к нему, за исключением основного входа, который ведет только в приемную и служебные кабинеты. Вопросы есть?

Вопросов не было. Все выжидающе смотрели на Голдфингера. Снова он овладел их вниманием. Оказалось, этот человек знает о Форт-Ноксе значительно больше, чем простой смертный.

Голдфингер вернулся к доске и развернул следующую карту с подробным планом хранилища.

— Итак, джентльмены, вы видите двухэтажное прочное здание из стали и бетона. Крыша укреплена на случай бомбежки. Центральное хранилище сделано из гранита со стальными укреплениями. Если точнее, это шестнадцать тысяч кубических футов гранита, четыре тысячи кубических ярдов бетона, семьсот пятьдесят тонн легированной стали и шестьдесят тонн обычной. Так. Внутри здания двухэтажный железобетонный сейф. Двери стальные, весят более двадцати тонн. Крыша такая же, как верхняя. На обоих уровнях он окружен по периметру коридором, ведущим к самому сейфу и в офисы, прилегающие к внешней стене здания. Ни один человек не знает комбинацию, открывающую дверь. Старшие сотрудники могут каждый в отдельности набирать комбинации, известные только им. Естественно, здание оснащено самым современным и совершенным защитным оборудованием. Внутри сильная охрана и снаружи очень мощное подкрепление, которое может быть получено в любое время из дислоцированных частей. Вы следите за ходом моих мыслей? Далее, в сейфе лежат золотые слитки, как я уже говорил, порядка пятнадцати миллиардов долларов. Каждый слиток вдвое толще лежащего перед вами. Они без упаковки.— Голдфингер оглядел сидящих за столом.— И это все, джентльмены и мадам, что я могу вам сказать и что, по моему мнению, нам необходимо знать о хранилище Форт-Нокса. Если нет вопросов по этому пункту, я приступаю к краткому изложению того,

как можно проникнуть в это хранилище и забрать содержимое.

В комнате повисла тишина. Глаза участников сборища были внимательными и настороженными. Джек Стрэп нервным движением извлек из кармана сигару и сунул ее в рот.

— Если ты зажжешь эту штуку, клянусь, я огрею тебя своим слитком,— произнесла Пусси Галоре, взяв в руку указанный предмет.

— Спокойно, детка,— буркнул Стрэп, не разжимая рта.

Джед Миднайт решительно изрек:

— Мистер, если вы можете взять эту лавочку, вы заслужите наивысшую награду. Выкладывайте дальше. Либо это большая лажа, либо это преступление века.

— Хорошо, джентльмены,— равнодушно ответил Голдфингер.— Вы узнаете план.

Он замолчал и внимательно заглянул в глаза каждому из сидящих за столом:

— Но я надеюсь, вы понимаете, что теперь должна соблюдаться строжайшая секретность. Все, что будет сказано, можно принять за горячечный бред. То, о чем я сейчас скажу, сделает всех присутствующих здесь участниками самого грандиозного заговора в истории Соединенных Штатов. Могу я считать, что все мы связаны клятвой об абсолютном молчании?

Почти инстинктивно Бонд посмотрел на Хельмута Спрингера из Детройта. Пока другие громко подтверждали свое согласие, мистер Спрингер прикрыл глаза. Его претенциозное «Вы имеете мое честное слово» звучало диссонансом. Для Бонда все это выглядело на редкость фальшиво. Около фамилии Спрингера он поставил маленький минус.

— Что ж, хорошо.

Голдфингер вернулся к своему месту у стола. Он сел, взял в руки карандаш и заговорил задумчиво:

— Первое и в некотором роде самое трудное — это вопрос транспортировки. Миллиард в золотых слитках весит около тысячи тонн, и для его перевозки потребуется сотня десятитонных грузовиков или порядка двадцати шестиколесных транспортеров. Я бы порекомендовал последнее. У меня есть список компаний, где можно взять транспортеры напрокат, и я бы посоветовал, раз уж мы будем с вами партнерами, немедленно связаться с этими компаниями на ваших территориях. Не сомневаюсь, что вы захотите использовать своих шоферов,— Голдфингер позволил себе тень улыбки.— И конечно, практически неиссякаемым ис-

точником водителей является «Тимстер юнион». Возможно, вы захотите также набрать из «Нигро ред болл экспресс» бывших военных водителей, служивших в американской армии во время войны. В любом случае все эти детали требуют четкого планирования и координации действий. Будут, конечно, трудности с проверками на дорогах, но я думаю, вы договоритесь между собой о наиболее подходящих путях передвижения. Транспортная авиация также нам понадобится, поэтому будут приняты необходимые меры, чтобы одна полоса на посадочном поле Годмэн оставалась постоянно свободной. Как каждый будет вывозить свою часть, это его дело. Что до меня,— Голдфингер окинул аудиторию холодным взглядом,— то я сначала воспользуюсь железной дорогой. Учитывая, что мои транспортные проблемы еще сложнее ваших, я не стану утомлять вас подробностями.

Голдфингер не стал дожидаться комментариев и продолжал тем же ровным тоном:

— В сравнении с транспортными вопросами, все остальные проблемы относительно просты. Для начала я предлагаю временно вывести из игры все население — и военное, и гражданское — Форт-Нокса. Необходимые меры уже приняты, и теперь все зависит только от моего сигнала. Вкратце: город обеспечивается водой из двух резервуаров и двух очистных сооружений, а наблюдает за всем этим главный инженер, который с удовольствием примет суперинтенданта и его заместителя из муниципальной службы водообеспечения Токио, которые хотели бы ознакомиться с работой больших резервуаров, с тем чтобы построить такое же сооружение в новом районе пригорода Токио. Главный инженер будет весьма польщен проявленным со стороны японских джентльменов интересом и покажет им все, что они пожелают. Эти два джентльмена, которые, конечно, являются моими служащими, принесут с собой небольшое количество препарата, синтезированного немецкими химиками во время войны. Он легко растворяется в воде, не имеет ни запаха, ни вкуса и погружает человека, выпившего хотя бы глоток, в состояние глубокого сна дня на три, после чего человек просыпается свежим и отдохнувшим. Так как на дворе июнь, а в июне в Кентукки ни одна живая душа не может прожить и суток, не выпив полстакана воды, можно считать, что к сроку на ногах окажется несколько убежденных алкоголиков, но в остальном я гарантирую, что к моменту нашего появления в городе основная часть населения будет спать глубоким сном.

— Это что за сказочка? — глаза мисс Галоре блестели от возбуждения.

— «Пусси в сапогах»,— сказал Джек Стрэп уверенным голосом.— Продолжайте, мистер. Пока звучит хорошо. Как мы попадем в город?

— Мы приедем спецпоездом, который выйдет из Нью-Йорка в ночь перед днем «X». Нас будет примерно сто человек, и мы прибудем как представители Красного Креста. Мисс Галоре, я надеюсь, сможет обеспечить необходимое количество комплектов формы медицинских сестер. Именно для исполнения этой небольшой, но очень важной роли она и приглашена на эту встречу.

— Принято, будет сделано! — с энтузиазмом воскликнула мисс Галоре.— Мои девочки будут выглядеть потрясающе! Как считаешь, Джеки?

Она ткнула Стрэпа локтем в бок.

— По-моему, они будут значительно лучше смотреться под цементным покрывалом,— нетерпеливо буркнул Стрэп.— Что ты верещишь? Продолжайте, мистер.

— В Луисвилле, что в тридцати пяти милях от Форт-Нокса, я со своими помощниками попрошу дизельный локомотив, так как у нас будет очень хрупкая аппаратура. Скажем, что нам необходимо сделать пробы воздуха на подступах к Форт-Ноксу, поскольку к этому времени новость о неизвестной эпидемии уже несомненно достигнет других мест, и возникнет, надо полагать, некоторая паника в прилегающих районах, да и по всей стране. Сюда полетят спасательные самолеты, и задача операторов Годмэн эйрфилд объявить аэропорт закрытым и заворачивать все самолеты в Луисвилл. Но, возвращаясь немного назад, добавлю, что вскоре после отъезда из Луисвилла я с моими ребятами избавлюсь от машиниста и его помощника самым гуманным способом, возможным в данной ситуации. (Свежо предание, подумал Бонд.) Я сам поведу состав, мне известно устройство подобных локомотивов, и проведу поезд через Форт-Нокс к хранилищу.

Голдфингер замолк и обвел присутствующих серьезным взглядом. Удовлетворенный тем, что он увидел, он так же ровно продолжил:

— К этому времени, джентльмены и мадам, ваши транспортные караваны должны быть на месте. Ответственный за транспорт разместит их в окрестностях в соответствии с выработанным планом. Люди, которые должны работать в аэропорту, поедут на грузовиках в Годмэн и захватят его, а мы зайдем в хранилище, перешагивая через спящие тела... э... украшающие ландшафт. Ясно?

Темные глаза мистера Соло сверкнули.

— Конечно, пока все ясно,— мягко произнес он.— Теперь, может быть, вы,— он надул щеки и дунул в сторону Голдфингера,— сделаете вот так и двадцатитонная дверь рухнет. Да?

— Да,— спокойно ответил Голдфингер,— почти что так.

Он поднялся и подошел к столу у доски, взял лежащий там большой лист картона, аккуратно перенес его за большой стол и положил перед собой. Лист казался очень тяжелым. Голдфингер сел и продолжил:

— Пока десять моих сотрудников будут готовиться к вскрытию сейфа, остальные команды войдут в хранилище и отнесут в безопасное место как можно больше спящих людей.

Бонду показалось, что в следующих словах Голдфингера заключалась скрытая угроза.

— Я уверен, все вы, джентльмены и мадам, согласны, что лишние жертвы нам ни к чему. Пока, как вы заметили, не было несчастных случаев, разве только двух железнодорожников слегка стукнули по голове.— Не дожидаясь реакции, он продолжил: — Далее,— он положил руку на картон,— когда вам, джентльмены, и вашим подручным потребуется оружие, кроме обычного стрелкового, где вы сможете его взять? В казармах, джентльмены. Вы получаете автоматы и прочее тяжелое вооружение от интендантов ближайших военных баз. Вам это удается с помощью либо давления, либо шантажа, либо подкупа. Я сделаю то же самое. Есть единственное оружие, достаточно мощное, чтобы взломать сейф Форт-Нокса, и я получил его после долгих поисков на одной военной базе в Германии. Оно обошлось мне в миллион долларов. Это, джентльмены, ядерная боеголовка для управляемой ракеты.

— Гос-споди Христе! — руки Джеда Миднайта вцепились в край стола возле Бонда.

Лица сидящих вокруг стола побледнели. Бонд почувствовал, как натянулась кожа у него на лице. Чтобы снять напряжение, он достал из кармана пачку «Честерфилда» и закурил. Медленно погасив зажигалку, он убрал ее в карман. Боже всемогущий! Во что он вляпался! Бонд припомнил все, что ему было известно о Голдфингере. Первая встреча с голым загорелым человеком на крыше флоридского «Кабана клуба». Его первое столкновение с ним. Разговор с М. Встреча в банке, где вопрос стоял о поимке контрабандиста золотом, очень крупного контрабандиста, работающего на русских, но все-таки вполне обычного преступника, которого Бонд обыграл в гольф, затем хладно-

кровно и ловко преследовал, человека, практически ничем не отличающегося от простых смертных. Но это...

Теперь это был не кролик в своей норе и даже не лиса, а королевская кобра — самое опасное существо на Земле! Бонд перекрестился. На сей раз это была схватка святого Георгия с драконом. И святому Георгию нужно было шевелиться и придумать что-нибудь, пока дракон не снес яйцо, которое он сейчас так бережно вынашивает. Бонд кисло улыбнулся. Что предпринять? Что, черт побери, он мог сделать?

Голдфингер поднял руку.

— Поверьте мне, джентльмены и мадам, эта штука совершенно безопасна. Ничего с ней не случится, даже если я ударю по ней молотком. Ничто не может взорвать ее, если она не заряжена, а этого не произойдет до срока.

Бледное лицо Билли Ринга блестело от пота, голос его слегка дрожал:

— Мистер, а что с этим... ну... то, что называют осадки?

— Их будет совсем немного, мистер Ринг, и на очень узком пространстве. Это последняя модификация — так называемая «чистая» атомная бомба. Защитные скафандры будут розданы всем участникам операции, которые войдут в здание. Они будут первыми в цепочке, по которой золото переправят в грузовики.

— А осколки, мистер? Летящие куски бетона, стали и тому подобное? — голос Миднайта шел откуда-то из живота.

— Мы спрячемся за щитом первой стальной перегородки хранилища, мистер Миднайт. Все будут в наушниках. Возможны незначительные повреждения грузовиков, но на этот риск придется пойти.

— А спящие? — глаза мистера Соло были ясными.— Может, они спать чуть долго?

Мистера Соло явно мало волновали спящие парни.

— Мы перенесем как можно больше спящих в безопасное место. Придется также, я боюсь, причинить небольшой ущерб городу. По моим подсчетам, количество жертв не должно превысить количества погибающих в дорожно-транспортных происшествиях на дорогах Форт-Нокса. За три дня. Наша операция лишь поддержит статистику ДТП на постоянном уровне.

— Очень мило с нашей стороны,— нервы Миднайта почти пришли в норму.

— Еще вопросы? — бесстрастно поинтересовался Голдфингер.

Он изложил исходные данные, произвел оценку результатов задуманного предприятия. Теперь пора было переходить к голосованию.

— Детальная проработка будет сделана. В этом мои сотрудники,— он указал на Бонда и мисс Мастертон,— помогут мне. Эта комната будет нашей штаб-квартирой, куда доступ каждому из вас будет открыт в любое время суток. Кодовое название операции «Большой шлем», им необходимо пользоваться, говоря о проекте. Я бы посоветовал каждому из вас вкратце посвятить в дело одного из ваших лейтенантов, но только одного и самого верного. Остальных тренировать как для обычного ограбления банка. Конечно, в день «X» придется посвятить в подробности большее количество людей. Я знаю, что если вы, джентльмены и мадам, согласитесь участвовать в проекте, то будете рассматривать его как боевую операцию. Конечно, все попытки нарушения секретности должны пресекаться в корне. Теперь, джентльмены и мадам, я попрошу вас дать ответ от имени ваших организаций. Кто из вас хочет принять участие в гонке? Приз огромный, риск минимальный. Мистер Миднайт? — Голдфингер повернул голову вправо. Бонд увидел рентгеновский луч, пронизавший его соседа.— Да? — и после паузы: — Или нет?

18. Секретное приложение

— Мистер Голд,— звонко произнес Джед Миднайт.— Вы, несомненно, самое большое явление в сфере преступности с тех пор, как Каин изобрел убийство и шлепнул Авеля.

Он помолчал и продолжил:

— Я сочту за честь выступить вашим компаньоном в этом предприятии.

— Благодарю вас, мистер Миднайт. Вы, мистер Ринг?

По поводу Ринга у Бонда были некоторые сомнения. Он поставил плюсы перед всеми фамилиями, кроме Ринга и Хельмута Спрингера. Рингу он поставил знак вопроса, а Спрингеру минус. Он пришел к этому выводу, наблюдая за выражением глаз, ртов, рук, но вечная фальшивая ухмылка на лице Улыбочки не позволяла прочесть мысли последнего. Его правый глаз мигал в постоянном ритме метронома, а руки он прятал под столом. Теперь Билли Ринг их оттуда вытащил и сложил перед собой, как кошачьи лапы. Некоторое время он разглядывал пальцы, затем обратил свою кошмарную физиономию к Голдфингеру. Тик в правом

глазу прекратился. Два ряда зубов стали двигаться, как у куклы-чревовещателя.

— Мистер,— у него были трудности с «м», «б» и «г», и, произнося их, он приподнимал верхнюю губу, как лошадь, берущая с руки кусочек сахара.— Уже давно мы с моими друзьями занимаемся вполне легальными делами. Я имею в виду, что прежние дни с телами, остывающими по всей земле, остались в сороковых годах. Мы с компаньонами занимаемся девочками, «травкой», бегами. Видите ли, мистер,— Улыбочка приподнял руки и снова опустил,— мы считаем, что старое ушло. Большой Джим Колоссимо, Джонни Торрио, Дайон О'Баннион, Аль Капоне — где они все, а? Да, в те времена народ палил друг в друга с такой скоростью, что зачастую требовалась программка, чтобы следить за действием актеров.

Значит, народ от этого устал — те, кто уже не устал до смерти, если вы понимаете, что я имею в виду, и в пятидесятых годах, когда я встал во главе, все единодушно решили покончить с пальбой. И что же теперь, мистер? Теперь приходите вы и просите меня и моих друзей помочь вам в самой большой перестрелке в истории! Так что же я отвечу на ваше предложение, мистер... э... Некто? Что я скажу, мистер? Все имеет свою цену, да? И за миллиард игра стоит свеч. Отложим бумажки и достанем игрушки. Мы — за.

— Улыбочка, ты чертовски долго говорил это свое «да»,— прокомментировал Миднайт.

— Благодарю за интереснейшее выступление,— сердечно произнес Голдфингер.— Я счастлив приветствовать вас и ваших компаньонов. Мистер Соло?

Перед тем как ответить, мистер Соло полез в карман пиджака, извлек оттуда электробритву и включил ее. Комната наполнилась жужжанием, как будто разворошили осиное гнездо. Мистер Соло откинул голову и стал медленно водить бритвой по щекам и шее, высматривая решение на потолке. Внезапно он выключил бритву, выпрямился и дернул головой вперед, как атакующая змея. Черные дула-глаза угрожающе смотрели на Голдфингера, медленно перемещаясь по его лицу. Половина физиономии мистера Соло теперь выглядела голой. Вторая половина была темной от неистребимой итальянской щетины, росшей с большой скоростью. Бонд предположил, что ему приходится бриться каждые три-четыре часа. Теперь Соло решил заговорить. Он сказал мягким голосом, вызывающим дрожь:

— Я наблюдал за вами, мистер. Для человека, говорящего о таких вещах, вы очень спокойны. Последний такой

спокойный человек, которого я знал, успокоился полностью от удара лопасти винта вертолета. О'кэй, о'кэй,— Соло сел на место, подняв руки, как бы сдаваясь.— Значит, я согласен, да. Но, мистер,— он сделал паузу, чтобы придать вес своим словам,— либо мы получаем миллиард, либо вы покойник. Согласны?

Губы Голдфингера иронично дрогнули:

— Благодарю вас, мистер Соло. Ваши условия вполне приемлемы. Я сильно надеюсь остаться живым. Мистер Хельмут Спрингер?

Глаза Спрингера выглядели еще более мертвыми, чем обычно. Он важно произнес.

— Я все еще детально обдумываю ваше предложение. Продолжайте опрос, пока я приму решение.

— Все тот же старина Хел,— нетерпеливо прокомментировал Миднайт.— Ждет того, что он называет озарением. Им руководят сообщения из рая на ангельской волне. Мне кажется, он не слышал человеческого голоса уже лет двадцать.

— Мистер Стрэп?

Джек Стрэп искоса глянул на Голдфингера.

— Мне думается, мистер, что вы знаете условия и удачно ими пользуетесь. Думаю, если мы поставим необходимые мышцы и пистолеты, нам воздастся сторицей. Я — за!

Стрэп выключил свой шарм, и глаза его, ставшие опять пугающими, устремились, как и глаза Голдфингера, к мисс Пусси Галоре.

Мисс Галоре прикрыла свои фиалковые глаза, чтобы не встречаться взглядом ни с тем, ни с другим. Она сказала с видимым безразличием, обращаясь ко всем сразу:

— Дела не так уж хороши в моем уголке леса.

Она постучала длинными ногтями, покрытыми серебряным лаком, по лежащему перед ней слитку.

— Не сказала бы, что меня очень прельщают банки. Скажем, я недостаточно, самую малость, подготовлена. Но я согласна. Мне и моим девочкам тоже нужно кушать.

Голдфингер позволил себе доброжелательную улыбку:

— Это великолепно, мисс Галоре. А теперь,— он повернулся,— мистер Спрингер, мы хотим узнать ваше мнение.

Спрингер медленно поднялся, зевая, как оперный завсегдатай. Затем слегка откашлялся, достал платок из тонкого батиста и промокнул губы. Его стеклянные глаза неторопливо оглядели всех и наконец остановились на Голд-

фингере. Медленно качнув головой из стороны в сторону, как если бы он разминал затекшие мышцы, строгим голосом, словно менеджер банка, отказывающий в займе, Спрингер изрек:

— Я боюсь, мистер Голд, что ваше предложение не встретит одобрения у моих коллег в Детройте.

Он слегка кивнул всем присутствующим.

— Мне остается только поблагодарить за столь интересное предложение. Всего доброго, джентльмены и мадам.

При ледяном молчании Спрингер аккуратно убрал свой носовой платок в левый карман безукоризненно сшитого пиджака, повернулся к двери и вышел.

Дверь закрылась с резким щелчком. Бонд заметил, как рука Голдфингера незаметно скользнула под стол. Он догадался, что На Все Руки получил сигнал. Сигнал к чему?

— Рад, что он ушел,— неприязненно сказал Миднайт.— Язва, а не человек. Ну-с, а теперь,— он резко поднялся и повернулся к Бонду,— как насчет выпить?

Все остальные встали и тоже направились к буфету. Бонд оказался между Пусси Галоре и Тилли Мастертон. Он предложил им шампанское. Мисс Галоре одарила его холодным взглядом.

— Исчезни, Симпатяга. Нам, девочкам, нужно пошептаться. Правда, милочка?

Мисс Мастертон вспыхнула, затем, резко побледнев, пролепетала:

— О да, пожалуйста, мисс Галоре.

Бонд ехидно улыбнулся ей и отошел.

Джед Миднайт заметил эту сцену. Он приблизился к Бонду и сочувствующе сказал:

— Мистер, если это ваша куколка, то присматривайте за ней получше. Пусси всегда получает девочек, которых захочет. Она поглощает их гроздьями, как виноград, понимаете? — Миднайт мотнул головой.— Боже, как они меня утомляют, эти лесбиянки. Увидите, скоро она заставит эту девицу делать все, что захочет.

— Я прослежу,— ответил Бонд.— Но я мало что могу поделать. Она очень независима.

— Вот как? — в голосе Миднайта прозвучала заинтересованность.— Что ж, может, тогда я попытаюсь поломать это дело.

Он поправил галстук.

— Я могу приударить за этой Мастертон. У нее просто великолепные природные данные. До встречи.

Он ухмыльнулся Бонду и направился к женщинам.

Поглощая шампанское и бутерброды с икрой, Бонд размышлял о том, как великолепно Голдфингер провел совещание, когда распахнулась дверь и один из корейцев, быстро подойдя к Голдфингеру, что-то зашептал ему. Лицо Голдфингера сразу стало серьезным, и он постучал вилкой по бокалу с «виши».

— Джентльмены и мадам.— Он обвел всех печальным взглядом.— Я получил плохие новости. С нашим другом, мистером Хельмутом Спрингером, случилось несчастье. Он упал со ступенек. Смерть наступила мгновенно.

— Хо, хо! — смех Ринга не был похож на смех. Скорее дырка на лице.— И что сказал по этому поводу Слэппи Хэпгуд, его горилла?

— Увы, мистер Хэпгуд также упал с лестницы и умер от полученных травм,— грустно сказал Голдфингер.

Мистер Соло посмотрел на Голдфингера с возросшим уважением и тихо произнес:

— Вам лучше починить эту лестницу, мистер, пока мы с моим другом Джулио не пошли по ней.

— Починкой займутся тотчас же,— серьезно ответил Голдфингер.

Лицо его стало озабоченным.

— Боюсь, что этот несчастный случай будет плохо воспринят в Детройте.

— Не думайте об этом, мистер,— дружелюбно произнес Джед Миднайт.— Они там обожают похороны. К тому же это сильно упрощает им жизнь. Старина Хел вряд ли еще долго продержался бы. В последний год они подкладывали под него угольки. Верно, Джеки? — обратился он к стоящему рядом Стрэпу.

— Точно, Джед,— послушно ответил Стрэп.— Ты все верно сказал. Мистера Хельмута Спрингера пора было убрать.

«Убрать» на языке мафии — это значит убить. Когда Бонд наконец добрался до постели, это словечко не выходило у него из головы. На Все Руки получил сигнал, двойной звонок, и Спрингера и его телохранителя убрали. Бонд не мог этому помешать, даже если бы и захотел, а мистер Хельмут Спрингер ничего для него не значил и к тому давно заслужил, чтобы его убрали. Но 59 тысяч 998 человек тоже могут убрать, и он, только он один может этому помешать.

Когда высокое собрание разошлось и главари удалились по своим делам, Голдфингер отпустил Тилли, а Бонда задержал. Он велел ему записывать и в течение двух часов

разрабатывал все до мельчайших деталей. Когда он дошел до отравления резервуаров (Бонду пришлось составить точное расписание, чтобы все люди в Форт-Ноксе к положенному времени «отключились»), Бонд поинтересовался подробностями о препарате и времени его действия.

— Вас это не должно волновать.

— Почему? Ведь от этого зависит все.

— Мистер Бонд,— глаза Голдфингера были далекими, отрешенными.— Я скажу вам правду, поскольку вы не сможете никому рассказать. Начиная с этого момента На Все Руки будет постоянно рядом с вами, и полученные им распоряжения очень определенны и конкретны. Поэтому я могу вам сообщить, что все население Форт-Нокса будет мертво или покалечено к полуночи дня «X». Вещество, которое растворят в резервуарах,— это высококонцентрированная форма GB.

— Вы сумасшедший! Неужели вы действительно собираетесь убить шестьдесят тысяч человек?

— Почему нет? Американские водители делают это каждые два года.

Бонд смотрел на Голдфингера с ужасом и изумлением. Это не может быть правдой! Он не может этого сделать!

— Что такое GB? — напряженно спросил Бонд.

— GB — одно из наиболее сильных отравляющих веществ нервно-паралитической группы. Оно было разработано вермахтом в 1943 году, но ни разу не применялось из-за боязни ответственности. На самом деле это гораздо более действенное оружие массового уничтожения, чем водородная бомба. Его недостаток в трудности его применения по отношению к населению. Русские захватили весь германский запас в Дюхернфурте, на границе с Польшей. Мои друзья смогли достать мне необходимое количество. Идеальный способ его применения в густонаселенном месте — через воду.

— Голдфингер, вы поганая... сволочь.

— Не будьте ребенком. У нас много работы.

Позже, когда они подошли к проблеме вывоза золота из города, Бонд предпринял еще одну, последнюю попытку:

— Голдфингер, вы не сможете вывезти все это. Никто из них не сможет вывезти свою сотню тонн золота оттуда, не говоря уже о пятистах тоннах. Вы окажетесь на шоссе с несколькими золотыми слитками, зараженными гамма-излучением, и со всей американской армией на хвосте. И ради этого вы собираетесь убить шестьдесят тысяч человек? Это

же фарс. Даже если вы и сможете утащить оттуда пару тонн золота, где вы его спрячете?

— Мистер Бонд,— терпение Голдфингера было безграничным.— Случилось так, что советский крейсер класса «Свердловск» в это время зайдет в Норфолк, Вирджиния, с дружественным визитом. В день «X» он уходит из Норфолка. Сначала поездом, потом на машинах мое золото к полуночи дня «X» будет доставлено на борт крейсера, и мы пойдем в Кронштадт. Все очень тщательно проработано, предусмотрены малейшие детали. Я вынашивал эту операцию пять лет. Теперь время пришло. Я свернул свою деятельность в Англии и Европе. Эти бренные останки моей предыдущей жизни пусть остаются тем, кто скоро начнет разнюхивать обо мне. Я эмигрирую, мистер Бонд, и заберу с собой золотое сердце Америки. Конечно, это единственное представление будет не без огрехов, для репетиций недостаточно времени. Мне нужны эти тупые гангстеры с их оружием и людьми, но я не могу посвящать их в план до последнего момента. Они будут делать ошибки. Вероятно, им будет крайне сложно вывезти их долю. Некоторых поймают, кого-то убьют. Меня это не волнует. Эти люди — жалкие дилетанты, которые нужны, образно говоря, для массовки. Они случайные актеры, мистер Бонд, найденные на улице. Что будет с ними потом, после окончания спектакля, меня абсолютно не интересует. Теперь к делу. Мне потребуется семь экземпляров всех бумаг к ночи. На чем мы остановились?

Значит, вот оно что, судорожно соображал Бонд, это не только операция Голдфингера и стоящего за ним СМЕРШа. Это Россия против Америки, а на острие — Голдфингер! Было ли это военной операцией — кража чего-то, принадлежащего другой стране? Но кто узнает, что золото в России? Никто, если все пройдет так, как рассчитывает Голдфингер. Ни один из гангстеров ни о чем не подозревает. Для них Голдфингер — такой же, как они, тоже гангстер, только чуть значительней обычного. А слуги Голдфингера, водители золотого каравана? Сам Бонд и Тилли Мастертон? Некоторых убьют, включая и его с девушкой. Некоторые, корейцы в частности, уплывут на крейсере. Не останется никаких следов, никаких свидетелей. Голдфингер опустошит Форт-Нокс, как кровавый Морган опустошил Панаму. Нет никакой разницы, разве что оружие и техническое исполнение современные.

И во всем мире существовал только один человек, способный предотвратить это. Но как?

* * *

Следующий день был заполнен бумажной работой. Каждые полчаса от Голдфингера поступали запросы на расписание для того, копии для этого, расчеты, временные таблицы. Принесли еще одну пишущую машинку, карты, литературу — все, что Бонд просил. Но ни на секунду На Все Руки не ослабил внимания и, открывая дверь, не спускал с Бонда глаз. Бонд и девушка явно не входили в команду, они были опасными рабами и только.

Тилли Мастертон трудилась не меньше. Она работала, как автомат — быстро, эффективно, аккуратно, но была совершенно некоммуникабельна. С холодной вежливостью она отвечала на попытки Бонда сблизиться, поделиться с ней своими мыслями. К вечеру он не узнал о ней ничего, кроме того, что она была неплохой фигуристкой, занималась спортом в свободное от работы время. А работала она в «Юнилеверс». Затем начала выступать в шоу на льду. Ее хобби — стрельба из винтовки и пистолета, она член двух стрелковых клубов. У нее мало друзей, она никогда не была влюблена или помолвлена. Жила одна в двухкомнатной квартире в Ярл-Корте. Ей двадцать четыре года. Да, она понимает, что они попали в скверный переплет. Но что-нибудь должно перемениться. Это дело с Форт-Ноксом — глупость. Оно, несомненно, провалится. Она считала Пусси Галоре «совершенно дивной» и явно рассчитывала на нее, чтобы выпутаться из этого дела. Женщины с их чутьем нужны в делах, требующих особо тонкого подхода. Они инстинктивно знают, что делать. Бонду не нужно о ней беспокоиться, с ней все будет в порядке.

Бонд пришел к выводу, что Тилли Мастертон относится к тем девушкам, у которых гормоны перепутались. Ему был знаком этот тип, и он считал, что такие женщины с их мужскими повадками были прямым следствием предоставления им права голоса и «равноправия полов». В результате пятидесятилетней эмансипации женственность исчезла или переходила к мужчинам. Результатом были сексуальные недоразумения, озабоченные и растерянные женщины, желающие играть доминирующую роль, и мужчины, желающие, чтобы их нянчили. Он их жалел, но совершенно не было времени ими заниматься. Бонд усмехнулся, вспомнив свои мысли о девушке, когда он ехал по долине Луары. Действительно, Меж Двух Грудей!

В конце дня от Голдфингера пришла последняя записка:

«Пятеро руководителей и я вылетаем завтра из аэропорта Ла-Гуардиа в одиннадцать утра чартерным рейсом с моими пилотами для воздушной рекогносцировки операции «Большой шлем». Вы поедете со мной. Мастертон останется на месте».

Бонд присел на край постели и уставился в стенку. Затем он встал и пошел к пишущей машинке. В течение часа, не разгибаясь, он печатал в один интервал, с обеих сторон листа полный и детальный отчет о планируемой операции. Он свернул листок в полоску, скатал полоску в цилиндр размером с мизинец и тщательно залепил его жвачкой. Затем напечатал на клочке бумаги:

«Срочно и важно. Гарантируется вознаграждение в пять тысяч долларов и не будет задано никаких вопросов нашедшему этот цилиндр и доставившему его в нераспечатанном виде Феликсу Лайтеру, детективное агентство Пинкертона, 154, Нассау-стрит, Нью-Йорк. Выплата наличными непосредственно при вручении».

Бонд обернул цилиндр в бумажку, по наружной стороне написал красными чернилами «Награда 5000 долларов» и приклеил маленький пакетик скотчем к внутренней стороне бедра.

19. Путешествие в холокауст

— Мистер, нас запрашивает авиаконтроль. Спрашивают, кто мы такие. Говорят, что это закрытое пространство.

Голдфингер поднялся с кресла и прошел в кабину пилотов. Бонд увидел, как он взял микрофон. Голос Голдфингера звучал ясно, перекрывая шум двигателя:

— Доброе утро, говорит мистер Голд из «Парамаунт пикчерс корпорейшн». Мы проводим разрешенную съемку территории для фильма о знаменитом рейде конфедератов в 1861 году, когда был захвачен генерал Шерман. Да, совершенно верно. В главных ролях Кэри Грант и Элизабет Тейлор. Что? Разрешение? Конечно, у нас есть разрешение. Одну минуточку, дайте взглянуть (Голдфингер, конечно, никуда не глядел), да, вот оно. Подписано шефом спецслужбы Пентагона. Конечно, командующий бронированным корпусом получит копию. О'кэй и спасибо. Надеюсь, фильм вам понравится. Пока.

Голдфингер убрал с лица легкомысленное выражение, отдал микрофон и вернулся в салон. Расставив ноги, он глянул на сидящих пассажиров.

— Ну, джентльмены и мадам, не считаете ли вы, что мы видели достаточно? Я думаю, что все ясно и соответствует имеющейся у каждого из вас карте города. Я не хочу опускаться ниже шести тысяч футов. Сделаем еще круг и уходим. На Все Руки, принеси прохладительные напитки.

Посыпался град вопросов, на которые Голдфингер отвечал по очереди. На Все Руки поднялся с кресла рядом с Бондом и пошел в хвост салона. Бонд пошел следом под настороженным взглядом корейца, зашел в туалет и закрыл за собой дверь. Там он сел и задумался. Никаких шансов осуществить задуманное на пути в Ла-Гуардиа у него не было. Он сидел рядом с На Все Руки на заднем сиденье «бьюика». Шофер запер двери и плотно закрыл окна. Голдфингер сидел впереди. На Все Руки чуть отодвинулся, его ручищи лежали на коленях. Всю дорогу он не спускал с Бонда глаз, пока они не подъехали к трапу самолета. Поднимаясь по трапу, он также был лишен возможности двинуться, зажатый между Голдфингером и На Все Руки. Ему не оставалось ничего другого, как зайти в самолет и сесть рядом с корейцем. А десятью минутами позже подъехали остальные. Никакого контакта с ними не было, кроме короткого обмена приветствиями. Они теперь вели себя иначе: никаких лишних слов, никаких шуточек. Это были мужчины, идущие на войну. Даже Пусси Галоре в черном дакроновом макинтоше, перетянутом черным кожаным ремнем, походила на молодого эсэсовца. Раз или два во время полета она оборачивалась к Бонду и задумчиво смотрела на него. Но она не ответила на его улыбку, возможно, не могла понять роль Бонда в этой истории, определить, кто он, собственно, такой.

По дороге обратно в Ла-Гуардиа будет то же самое. Значит, либо сейчас, либо никогда. Но где? В туалетной бумаге? Но ее могли взять либо слишком рано, либо не трогать еще неделю. Будут ли чистить пепельницы? Может быть, и нет. Но кое-что будут чистить наверняка.

Дверную ручку подергали. На Все Руки терял терпение. Может, Бонд собирался поджечь самолет.

— Иду, макака,— крикнул Бонд. Он встал, поднял сиденье, оторвал маленький пакетик от бедра и приклеил его к внутренней стороне сиденья. Его наверняка снимут, когда будут ставить самолет в ангар. Надпись «Награда 5000 долларов» была ясно видна. Ни один уборщик не сможет пройти мимо. Если, конечно, не увидят раньше. Но Бонд не думал, что кто-нибудь поднимет сиденье. Малень-

кое помещение было слишком тесным, чтобы стоять. Он тихонько опустил сиденье, налил немного воды в раковину, умылся, пригладил волосы и вышел.

На Все Руки был в ярости. Он оттолкнул Бонда в сторону, внимательно осмотрел кабинку и вышел, хлопнув дверью.

Бонд прошел на свое место. Теперь сигнал SOS был в бутылке, а бутылка пущена на волю волн. Кто ее обнаружит? И когда?

Все, включая капитана и второго пилота, побывали в туалете до конца рейса. И каждый раз, как кто-то выходил оттуда, Бонд уже ощущал холодное дуло пистолета на шее, резкие слова, треск разворачиваемой бумаги.

Но вот наконец они снова сели в «бьюик», проехали по Трайборо через Манхэттен, спустились вдоль реки, въехали через надежно охраняемые ворота на склад и приступили к работе.

Теперь началась гонка — гонка между спокойным, неторопливым, действенным механизмом, запущенным Голдфингером, и тоненьким запальным фитильком, зажженным Бондом. Что происходило там, за забором? Постоянно в последующие трое суток Бонд мысленно представлял себе ход событий: Лайтер докладывает своему шефу, совещание, короткий перелет в Вашингтон, ФБР, Гувер, армия, президент. Лайтер настаивает на том, чтобы приняли условия Бонда, чтобы не предпринимали никаких подозрительных шагов, не начинали расследование, ничто не двигалось с места до дня «Х», когда должен воплотиться в жизнь контрплан замыслам Голдфингера, чтобы захватить всех, не дать никому уйти. Примут ли они его план или не посмеют дать Голдфингеру хоть маленький шанс? Переговорили ли они с М? Настоял ли М на том, чтобы Бонда каким-либо образом вытащили? Нет, М зрит в корень, он согласится, что в данном случае жизнь Бонда не имеет значения. Ничто не должно помешать грандиозной операции. Конечно, придется захватить двоих «японцев» и выколотить у них кодированный сигнал, который будет ожидать Голдфингер, чтобы начать операцию.

Так ли все было, или это несбыточная мечта? Лайтер может находиться где-то в другом месте, он может выполнять какое-нибудь задание. «Кто это 007? Что это значит? Какой-то псих. Эй, Смит, проверь это дело, ладно? Съезди на склад и посмотри, что там. Извините, мистер, никаких пяти «штук» для вас. Вот машина, она отвезет вас обратно в Ла-Гуардиа. Боюсь, вас надули».

Или, что еще хуже, не произойдет вообще ничего. Может, самолет стоит где-нибудь и им еще не занимаются? Днем и ночью в голове Бонда вихрем носились мысли, пока он механически выполнял задания и смертоносная машина набирала ход. Пришел день «Х», вызвавший последний всплеск активности. Затем вечером пришла записка от Голдфингера:

«Первая стадия операции прошла успешно. Приступаем, как и планировалось, в полночь. Возьмите копии всех карт, расписаний, графиков операций. Г.».

Тесной группой, вместе с Бондом и Тилли Мастертон — он в белой одежде хирурга, она в форме медсестры — люди Голдфингера быстро прошли по пустому перрону к спецпоезду. Все, включая Голдфингера, были одеты в соответствующую одежду с нарукавными повязками полевой медицинской службы. Вся платформа была заполнена людьми из банд. Тишина и напряжение вполне соответствовали ситуации, когда спасательная команда отправляется в район катастрофы, а носилки и защитные комбинезоны добавляли драматизма картине.

Суперинтендант спокойно разговаривал со старшими врачами в лице Миднайта, Стрэпа, Соло и Ринга. Рядом стояли мисс Галоре и полдюжины бледных медсестер с опущенными, как перед разрытой могилой, глазами. Без макияжа, с экзотическими прическами, убранными под темно-синие косынки Красного Креста, они были хорошо подготовлены к своей роли. Они с блеском выполняли роль послушных, трудолюбивых, милосердных девушек, посвятивших себя облегчению человеческих страданий.

Когда суперинтендант увидал приближающегося Голдфингера с его бригадой, он поспешил навстречу.

— Доктор Голд? Боюсь, что новости не очень хороши. Думаю, вечерние газеты дадут публикации. Все поезда задержаны в Луисвилле, Форт-Нокс не отвечает на запросы. Но вас мы пропустим. Боже мой, доктор! Что там происходит? Люди, приезжающие из Луисвилла, говорят, что русские что-то там распылили в воздухе. Конечно,— он вопросительно глянул на Голдфингера,— я в это не верю. Но что там может быть? Пищевое отравление?

Лицо Голдфингера приняло торжественное выражение, и он сказал мягким тоном:

— Вот это мы и собираемся выяснить, мой друг. За тем нас туда и направляют. Я, конечно, могу высказать предположение, но подчеркиваю — лишь предположение, что это разновидность сонной болезни, трипаносомоз.

— Вот как? — название болезни явно произвело на суперинтенданта впечатление.— Поверьте мне, доктор, мы гордимся вами и вашими ребятами из Чрезвычайной спасательной службы,— он протянул руку, и Голдфингер пожал ее.— Желаю удачи, док. Теперь, если вы прикажете вашим людям пройти в вагоны, я отправлю вам состав как можно быстрее.

— Благодарю, суперинтендант. Мои коллеги и я не забудем оказанной вами помощи.

С коротким поклоном Голдфингер удалился. Его бригада двинулась следом.

— По вагонам!

Бонд оказался в пульмановском вагоне с Тилли Мастертон и кучей корейцев и немцев. Голдфингер был в голове вагона, мило беседуя со своими сатрапами. Мимо прошла мисс Пусси Галоре. Она проигнорировала Тилли Мастертон, но окинула Бонда своим обычным изучающим взглядом. Послышался шум закрывающихся дверей. Пусси Галоре остановилась, облокотилась на спинку сиденья впереди Бонда и посмотрела на него сверху вниз.

— Привет, Симпатяга. Давно не виделись. Похоже, дядюшка не очень-то отпускает тебя от своих штанов?

— Привет, Красотка,— ответил Бонд.— Эта одежда тебе к лицу. Я себя чувствую ослабевшим. Как насчет поухаживать за страждущим?

Фиалковые глаза внимательно изучали его.

— Знаете что, мистер Бонд? У меня такое ощущение, что в вас есть какая-то фальшь. У меня хорошо с интуицией, ясно? Что вы и эта вот кукла,— она мотнула головой назад,— делаете во всей этой каше?

— Работаем.

Поезд тронулся. Пусси Галоре выпрямилась.

— Может быть. Но если хоть что-то пойдет не так в этом деле, могу поспорить на свою долю, что только Симпатяга будет знать, где собака зарыта. Понял меня?

Не дожидаясь ответа, она прошла дальше и присоединилась к совещанию старейшин.

Это была длинная, трудная ночь. Чтобы не возбудить подозрения проводников, приходилось соблюдать правила игры.

Непрерывные совещания должны были выглядеть как серьезные медицинские коллоквиумы, значит — не курить, не сквернословить, не харкать. Соперничество между бандами жестко контролировалось. Холодное превосходство мафии, в частности в отношении Джека Стрэпа и его ве-

селых парней с Запада, могло вылиться в перестрелку, если бы главари не были постоянно начеку и не подавляли любые конфликты еще в зародыше. Все эти мелкие психологические факторы были учтены Голдфингером, и к ним были заранее готовы. Женщин из «Бетономешалок» аккуратно изолировали, спиртного не было, и главари постоянно занимали своих людей совещаниями, упражнениями на карте и длинными дискуссиями на тему об эвакуации добычи. Спорадически шпионили друг за другом и Голдфингера часто звали на роль третейского судьи, чтобы он определил, кому по какой дороге уходить к мексиканской границе, к пустыне или границе с Канадой. Для Бонда было открытием, что сотню самых отпетых головорезов Америки, да еще до предела взвинченных, можно заставить держаться так спокойно. Это было чудо, и чудо это совершил Голдфингер.

По мере того как поезд продвигался вперед по Пенсильвании, пассажиры впадали в беспокойный, тяжелый сон. Не спали лишь Голдфингер и На Все Руки. Они постоянно были настороже, и Бонду вскоре пришлось расстаться с мыслью о том, чтобы использовать один из спрятанных им ножей против На Все Руки и попробовать убежать, когда поезд замедлит ход.

Бонд обдумывал слова суперинтенданта, крутя их и так и здак. Суперинтендант явно принял за чистую монету то, что в Форт-Ноксе ЧП. Были ли полученные им из Луисвилла новости правдой или частью гигантского плана, необходимого, чтобы загнать всех участников заговора в один мешок? Если это план, то насколько тщательно он разработан? Сможет ли кто-нибудь уйти? Не будет ли совершено какой-либо досадной оплошности, которая вовремя даст понять Голдфингеру, что что-то не так? Или если это правда, если яд подействовал, что остается делать Бонду?

Бонд принял решение. В неразберихе часа «Х» он подберется поближе к Голдфингеру и перережет ему глотку одним из своих ножей. Чего он этим достигнет, кроме того что удовлетворит свое чувство мести? Подчинятся ли все они кому-нибудь другому? Кто может быть достаточно силен и хладнокровен, чтобы руководить? Соло? Может быть. Операция тогда, возможно, будет успешной, бандиты уйдут с золотом, все, кроме людей Голдфингера, которые без него не будут знать, что делать. А что еще может Бонд сейчас предпринять, если шестьдесят тысяч человек уже мертвы? Мог ли он каким-либо образом предотвратить это? Был ли у него раньше шанс убить Голдфингера? Стоило

ли попытаться устроить цирк на вокзале? Бонд уставился на свое отражение в окне, слушая звон колокольчиков и паровозный гудок, требующий для них свободного пути, и изматывая себя сомнениями, вопросами, угрызениями совести.

20. Самый богатый человек в истории

Красный рассвет медленно расцветал над бесконечной равниной черной травы, которая под лучами солнца постепенно превращалась в знаменитую голубую равнину Кентукки. В шесть часов поезд начал замедлять ход. Вскоре они проехали пригороды Луисвилла и остановились у практически безлюдного перрона.

Их встречала небольшая группа людей. Голдфингер, с черными кругами под глазами от бессонной ночи, подозвал одного из немцев, взял свой маленький чемоданчик и ступил на платформу. Прошло короткое серьезное совещание, говорил в основном суперинтендант Луисвилла, Голдфингер лишь изредка задавал вопросы и серьезно кивал, выслушивая ответы, после чего вернулся к поезду. Мистера Соло отправили выслушать его доклад. Тот встал в дверях вагона, и Бонд услышал скорбный голос Голдфингера:

— Боюсь, доктор, что оправдались наши худшие предположения. Я теперь пойду к локомотиву вот с этим (он поднял чемоданчик), и мы медленно двинемся в зараженный район. Скажите, пожалуйста, всем, чтобы они были готовы надеть маски. У меня маски для машиниста и кочегара. Все остальные железнодорожники сойдут с поезда здесь.

— Хорошо, профессор,— кивнул головой Соло и закрыл дверь. Голдфингер двинулся вперед по платформе со своим немцем-телохранителем и преисполненной уважения, пожимающей всем руки группкой.

После короткой паузы длинный состав тихо, почти благоговейно гуднул и двинулся прочь от станции, оставив на платформе группу официальных лиц, теперь пополнившуюся четырьмя сгорающими от стыда проводниками, поднявшими руки как бы в благословении.

Еще тридцать пять минут — полчаса езды! Медсестры принесли кофе и орешки, а тем, у кого сдавали нервы (Голдфингер предвидел все!), — декседрин. Медсестры были бледны и молчаливы. Никто не шутил, не острил, поезд был наполнен напряжением.

Через десять минут скорость резко упала и раздался скрежет тормозов. Кофе пролился. Поезд почти встал, затем дернулся и снова набрал скорость. Другой человек занял место покойного машиниста.

Спустя несколько минут по составу пронесся Стрэп.

— Осталось десять минут. Подъем, ребята! Командам А, В и С экипироваться. Все идет как надо. Спокойнее. Помните свои обязанности!

И он побежал дальше. Бонд услышал, как он повторяет указания в соседних купе.

Бонд повернулся к На Все Руки.

— Слушай, ты, обезьяна. Я иду в туалет, и, видимо, мисс Мастертон пойдет тоже.

Он повернулся к девушке.

— Как, Тилли?

— Да,— равнодушно сказала она.— Пожалуй, да.

— Иди первая.

Кореец, сидящий рядом с девушкой, вопросительно посмотрел на На Все Руки. Тот покачал головой.

— Если вы не пустите ее одну, я затею драку. Голдфингеру это не понравится,— повернувшись к девушке, Бонд добавил: — Иди, Тилли, я послежу за этими макаками.

На Все Руки издал серию тявканий и мычаний, которые второй кореец понял. Он встал и сказал:

— О'кэй. Но дверь не запирать.

Кореец прошел с девушкой, стал у двери и ждал, пока она не вышла.

На Все Руки проделал тот же маневр с Бондом. Войдя внутрь, Бонд снял свой правый ботинок, вынул оттуда нож и засунул его за пояс брюк. Один ботинок теперь был без каблука, но в этой суматохе никто ничего не заметит. Бонд умылся. Лицо, смотрящее на него из зеркала, было бледным, а серые глаза казались темными от внутреннего напряжения. Он вышел и уселся на свое место.

Они подъезжали к каким-то строениям, вблизи оказавшимся ангарами. Аэродром Годмэн! Локомотив мягко просигналил. Промелькнули новые виллы, часть нового жилого района. Они казались незаселенными. Теперь слева вилась черная лента Бранденбургской дороги. Бонд напрягся. Квадрат Форт-Нокса мягко вырисовывался в легкой дымке. Воздух был кристально чист — ни дымка, ни звука. Поезд притормозил. На дороге произошла тяжелая автомобильная катастрофа. Две машины столкнулись лоб в лоб. Тело мужчины наполовину вывалилось из разбитой

дверцы. Вторая машина лежала вверх колесами, как дохлый жук. Сердце Бонда заколотилось. Сигнальный маяк болтался туда-сюда. Из окна свешивалось что-то белое. Мужская рубашка? Тело человека, одетого в белую рубашку, голова свесилась ниже оконной рамы. Ряд современных бунгало. Посередине лужайки лежал лицом вниз человек в рубашке и брюках. Травяной покров был везде абсолютно ровный, только около мужчины трава была смята и сбита руками. Бельевая веревка, оборванная женщиной при падении. Женщина лежала среди белья рядом с натянутой струной, увешанной полотенцами и постельным бельем. Поезд на черепашьей скорости въезжал в город, и всюду, на каждой улице, в каждом переулке там и тут лежали человеческие фигуры — поодиночке и группами, в инвалидных креслах, посередине пешеходных переходов, в машинах, которые успели остановить, в витринах магазинов, куда они рухнули. Смерть! Везде мертвецы. Никакого движения, никакого звука.

По вагонам пошел шум. Появился Билли Ринг, как всегда улыбающийся. Он остановился возле Бонда.

— Здорово! — восторженно воскликнул он.— Старина Голди действительно выключил их всех! Жаль, конечно, что некоторым приспичило прокатиться, когда они отключились. Но, как говорят, не разбив яиц, не приготовишь яичницы. Верно?

Бонд улыбнулся одними губами.

— Верно.

Билли Ринг сложил от смеха свои изуродованные губы буквой «О» и удалился.

Поезд миновал Бранденбургский вокзал. Здесь была свалка тел — мужских, женских, детских. Платформа была усыпана телами: вверх лицом, вниз лицом, на боку. Бонд выискивал хоть малейший признак жизни — открытый смотрящий глаз, шевеление руки. Ничего! Стоп. Что это? Сквозь закрытые окна доносился тихий писк. Три коляски стояли возле билетных касс, матери лежали рядом на полу. Ну, конечно! Дети в колясках пьют молоко, а не воду.

На Все Руки поднялся на ноги, как и вся голдфингеровская команда. Лица корейцев были бесстрастны как всегда, только глаза их сверкали звериным блеском. Немцы были бледны и хмуры. Друг на друга никто не смотрел. Молча они подошли к выходу и выстроились в ожидании.

Тилли Мастертон коснулась рукава Бонда. Голос ее дрожал.

— Вы уверены, что они просто спят? Мне показалось, я видела что-то... что-то вроде пены у некоторых на губах.

Бонд тоже это видел. Пена была розовой. Он сказал:

— Думаю, что кто-то из них ел конфеты или что-то еще, когда уснул. Ты же знаешь этих американцев — они вечно что-то жуют.

Следующие слова он произнес еле слышно:

— Держись от меня подальше. Возможно, будет пальба.

Он посмотрел на нее, чтобы выяснить, поняла ли она.

Девушка тупо кивнула, не глядя на него, и пробормотала:

— Я буду держаться Пусси. Она присмотрит за мной.

Бонд улыбнулся ей и ободряюще шепнул:

— Хорошо.

Поезд остановился. Раздался паровозный гудок. Двери вагонов распахнулись, и боевые группы посыпались на платформу возле хранилища.

Дальше события развивались с военной четкостью. Различные подразделения строились в боевые порядки, сначала авангардная группа, вооруженная автоматами и пулеметами, затем группа с носилками, чтобы вынести спящих охранников из хранилища (явно лишний красивый жест, подумал Бонд), затем голдфингеровская команда подрывников — десять человек, затем группа водителей и регулировщиков, группа медсестер, теперь вооруженных пистолетами, они должны были остаться в арьергарде вместе с тяжело вооруженной группой резерва, в задачу которой входило урегулирование возможных конфликтов и попыток неожиданного вмешательства со стороны тех, кто, как сказал Голдфингер, «мог проснуться раньше времени».

Бонд и девушка вошли в командную группу вместе с Голдфингером, На Все Руки и пятью главарями. Они должны были оставаться на плоской крыше двух дизельных локомотивов, которые стояли, как и планировалось, таким образом, чтобы видны были все подступы к хранилищу. Они должны были держать наготове все карты, расписание. Бонду к тому же вменялось в обязанность следить по секундомеру за малейшими нарушениями графика и обращать на все отклонения внимание Голдфингера, который через «уоки-токи» держал связь с командирами подразделений. В момент взрыва они должны были укрыться за локомотивами.

Раздался двойной гудок, и, пока Бонд с девушкой взбирались на крышу первого локомотива, отряд направился

к хранилищу. Бонд насколько возможно приблизился к Голдфингеру. Голдфингер смотрел в бинокль, на груди у него был прикреплен микрофон. Но между ними стоял На Все Руки, надежная гора мяса, и его глаза, равнодушные к разворачивающейся драме, не выпускали из виду Бонда и девушку.

Бонд под прикрытием карты и прочих вещей прикидывал дюймы и углы. Он глянул на группу из четырех мужчин и женщины. Они, как завороженные, смотрели на разворачивающуюся перед их глазами сцену. Джек Стрэп восторженно воскликнул:

— Они прошли первые ворота!

Бонд, продолжая обдумывать свой план, быстро посмотрел на поле боя.

Зрелище было удивительное. В центре стоял приземистый квадратный мавзолей, на его стенах из полированного гранита играло солнце. На дорогах возле него стояли караваны грузовиков и транспортеров с опознавательными знаками каждой банды, водители дисциплинированно прятались за стальной стеной внешнего кольца. А за пределами этого мира движения стояли полная тишина и покой, как будто вся Америка затаила дыхание перед грандиозным преступлением. Снаружи лежали тела — охранники, караульные с автоматами в руках, у дальней стены — взвод солдат в полевой форме. Они лежали кто как, некоторые вповалку, упав друг на друга. Между Буллион-бульваром и главными воротами столкнулись два броневика и стояли теперь сцепившись, пулеметы нацелены один в землю, другой в небо. Из башни одного из броневиков свисало тело водителя.

Бонд безнадежно пытался найти хоть какие-то признаки жизни, какое-нибудь движение, указывающее на то, что все это — тщательно подготовленная засада. Ничего! Ни малейшего шороха. Ни звука не доносилось из зданий, образующих задний план. Только боевые отряды бандитов были заняты выполнением своих задач или стояли в ожидании.

Голдфингер спокойно произнес в микрофон:

— Последние носилки вон. Подрывникам приготовиться. Остальные — в укрытие.

Теперь силы прикрытия и люди с носилками заспешили на выход, чтобы успеть укрыться за стеной. У них было пять минут, чтобы освободить зону, прежде чем подрывники зайдут внутрь.

— Они на минуту впереди графика,— заметил Бонд.

Голдфингер глянул на него из-за спины На Все Руки. Бесцветные глаза, горевшие огнем, смотрели прямо в глаза Бонда. Рот Голдфингера искривился. Сквозь зубы оп произнес:

— Видите, мистер Бонд. Вы ошибались, а я был прав. Еще десять минут, и я буду самым богатым человеком на Земле, самым богатым человеком в истории человечества. Что вы на это скажете?

Его рот выплевывал слова.

— Я вам отвечу по истечении этих самых десяти минут,— вежливо ответил Бонд.

— Ответите? Может быть.

Оп посмотрел на часы и быстро заговорил в микрофон. Голдфингеровская группа с взрывателем вошла в ворота. Голдфингер посмотрел мимо Бонда на главарей банд, стоящих на крыше второго локомотива. Он торжествующе сказал:

— Еще пять минут, джентльмены, и нам нужно будет укрыться.— Он скосил глаза на Бонда.— Тогда наступит пора прощаться, мистер Бонд. И спасибо за помощь, оказанную вами и девушкой.

Краем глаза Бонд заметил движение, движение в небе. Это была сигнальная ракета. Когда она достигла верхушки своей траектории, донесся хлопок.

Сердце Бонда затрепетало. Быстрый взгляд позволил ему убедиться, что мертвые солдаты быстро возвращаются к жизни, пулеметы броневиков нацелены на ворота. Из ниоткуда взревел мегафон:

— Стойте на месте. Сложите оружие.

Одна из групп прикрытия открыла огонь, и тут же на них обрушились все силы ада.

Бонд схватил девушку за талию и прыгнул вниз. Смягчив падение с десятифутовой высоты рукой и удержав девушку на ногах толчком бедра, он побежал с ней вдоль состава, укрываясь за ним. Бонд слышал, как Голдфингер крикнул:

— Догони их и убей!

Очередь из автомата Голдфингера простучала по бетону слева от Бонда. Но, чтобы попасть, Голдфингеру нужно было стрелять с левой руки. Кого Бонд опасался, так это На Все Руки. Добежав с девушкой до края платформы, Бонд услышал шаги бегущего человека.

Девушка стала вырывать руку.

— Нет, нет! Стой! — зло крикнула она.— Я хочу быть поближе к Пусси. С ней я в безопасности!

— Заткнись, дура! — рявкнул Бонд.— Беги впереди собственного свиста, ясно?

Но она теперь висла на нем, мешала бежать. Внезапно она вырвала свою руку и попыталась влезть в вагон. Боже, подумал Бонд, идиотка! Он достал нож из-за пояса и повернул навстречу корейцу.

В десяти ярдах На Все Руки чуть затормозил свой бег, снял котелок и метнул вперед. Шляпа ударила девушку точно в основание черепа. Не издав ни звука, она рухнула вниз на платформу в ноги корейцу. Этого хватило, чтобы На Все Руки придержал удар, предназначенный Бонду. Бонд нырнул вперед, выбросив руку с ножом. Нож вошел где-то в области ребер, но могучая гора мышц выбила его из руки и он со звоном упал на платформу.

Теперь На Все Руки приближался к нему без оружия, в боевой стойке, готовый нанести удар рукой или ногой. Из раны у него текла кровь, глаза его были красны, как рубины, из открытого, тяжело дышащего рта текла струйка слюны.

Сквозь орудийные залпы и автоматные очереди донесся тройной гудок паровоза. На Все Руки яростно взревел и сделал выпад. Бонд нырнул в сторону. Что-то ударило его в плечо, и он полетел кувырком. Теперь, подумал он, приземлившись, последует последний, смертельный удар. Он неловко поднялся на ноги, втянув голову в плечи, чтобы смягчить удар. Но удара не последовало, и помутившиеся глаза Бонда увидели фигуру На Все Руки, удаляющуюся по платформе.

Первый локомотив уже тронулся. На Все Руки догнал его и вспрыгнул на подножку. На мгновение он повис, ища ногами опору, затем подтянулся, исчез в кабине, и локомотив набрал ход.

За спиной Бонда распахнулась дверь офиса, раздался топот ног и вопль «Сантьяго!» — Святой Иаков — воинственный клич Кортеса. Святым Иаковом Лайтер однажды в шутку окрестил Бонда. Бонд резко повернулся. Светловолосый техасец, одетый в свой мундир морского пехотинца времен войны, бежал по платформе впереди дюжины людей в хаки. На металлическом крюке, заменяющем ему руку, висела базука. Бонд побежал ему навстречу.

— Не подстрели мою лисицу, сукин ты сын,— сказал он.— Дай сюда.

Он вырвал базуку у Лайтера, лег на платформу, расставив ноги, и прицелился в локомотив, отошедший уже на

двести ярдов и приближавшийся к эстакаде через шоссе Дикси.

— Уйдите с дороги! — крикнул Бонд людям, оказавшимся на линии прицела. Базука вздрогнула, и десятифунтовый снаряд полетел к цели. Вспышка, синий дым. Куски уходящей машины полетели в стороны. Однако локомотив не остановился, пересек эстакаду и ушел за поворот.

— Неплохо для салаги,— прокомментировал Лайтер.— Может, ты и вывел из строя задний двигатель, но у этой штуки их два и она может двигаться на одном.

Бонд поднялся на ноги и тепло улыбнулся, глядя в орлиные глаза техасца.

— Ты, недоразумение господне,— сказал он саркастически.— Какого лешего ты не перекрыл эту линию?

— Слушай, чучело, если ты чем-то не доволен, то скажи об этом Президенту. Он лично руководит этой операцией. В воздухе сейчас самолет, они не дадут локомотиву уйти, и к полудню старина Голди будет у нас в холодной. Откуда мы знали, что он останется на поезде?

Он треснул Бонда по спине.

— Чертушка, рад тебя видеть! Мы с этими ребятами были специально определены тебе в охранники. Бегали тут всюду в поисках тебя, и нас лупили со всех сторон.

Он повернулся к солдатам.

— Верно, ребята?

— Точно так, капитан,— засмеялись они.

Бонд с уважением посмотрел на техасца, с которым вместе пережил много приключений, и серьезно сказал:

— Благословен будь, Феликс. Ты всегда спасаешь мне жизнь. На сей раз ты чуть не опоздал. Боюсь, что для Тилли Мастертон уже поздно.

Он пошел вдоль состава, Феликс следом за ним. Маленькая фигурка лежала там, где и упала. Бонд опустился на колени рядом с ней. Голова была вывернута под немыслимым углом, как у сломанной куклы. Все было ясно. Бонд пощупал пульс и поднялся.

— Бедная маленькая сучка. Она была не очень высокого мнения о мужчинах.

Он посмотрел на Лайтера.

— Феликс, я бы спас ее, если бы она следовала за мной.

Лайтер ничего не понял. Он положил руку Бонду на плечо и сказал:

— Конечно, малыш. Успокойся.

Он повернулся к своим людям.

— Двое из вас пусть отнесут девушку в помещение. О'Брайен, вызови «скорую помощь». Когда покончите с этим, зайди на командный пункт и расскажи подробности. Скажи, что мы нашли коммандера Бонда и я приведу его с собой.

Бонд стоял и смотрел вниз, на маленькую кучку костей и тряпок. Перед его глазами стояла красивая, гордая девушка с косынкой на голове в летящем «триумфе». Теперь ее не стало.

Высоко в небе вспыхнула ракета, достигла высшей точки и зависла. Затем донесся хлопок. Это был сигнал к прекращению огня.

21. Последний трюк

Это произошло два дня спустя. Феликс Лайтер быстро вел черный «стадиллак» по забитому машинами мосту Трайборо. До отлета самолета, которым улетал Бонд, вечернего рейса ВОАС на Лондон, было еще полно времени, но Лайтер явно поставил себе целью изменить низкое мнение Бонда об американских автомобилях. Теперь стальной крюк, который был у него вместо правой руки, переключил скорость, и низкий черный автомобиль втиснулся в узенькое пространство между огромным рефрижератором и «олдсмобилем», заднее стекло которого было почти сплошь залеплено различными этикетками.

Бонд дернулся по инерции и клацнул зубами. Когда маневр был закончен и недовольное гудение осталось где-то позади, Бонд ехидно заметил:

— Пора тебе уже пересаживаться из детской машины в скоростную карету. Эта езда на велосипеде в одиночку старит. В один прекрасный день ты остановишься, а когда ты остановишься, ты начнешь умирать.

Лайтер засмеялся:

— Видишь впереди зеленый свет? Спорим, я проскочу раньше, чем он переключится на красный?

Машина рванула вперед, как будто ее сильно пнули сзади. Громко сигналя, она неслась, лавируя в потоке машин со скоростью девяносто миль в час, проскочила светофор и плавно покатила по центральной линии.

— Когда-нибудь ты нарвешься на не того полицейского,— спокойно сказал Бонд.— И твое удостоверение агентства Пинкертона не поможет. Они тебя посадят не за то, что ты слишком медленно едешь, а за то, что ма-

шины сзади тебя сталкиваются между собой. Тебе нужна машина вроде старого доброго «роллс-ройса» «Серебряная тень» с бронированными стеклами, чтобы ты мог любоваться красотами природы,— Бонд показал на тяжелый лимузин, едущий рядом.— Максимальная скорость пятьдесят, может останавливаться и даже, при желании, давать задний ход. Сигнальные рожки. Вполне подходит твоему малохольному стилю. Кстати, скоро один такой будет продаваться — голдфингеровский. А что, собственно, произошло с Голдфингером? Они его еще не взяли?

Лайтер посмотрел на часы и перестроился в боковой ряд, сбросив скорость до сорока.

— Сказать по правде, мы слегка обеспокоены,— серьезно ответил он.— Газеты шпыняют нас, точнее гуверовскую клику, со страшной силой. Сначала они спустили на нас собак из-за того, что мы не взяли бандитов раньше. Мы не могли сказать, что мы-то здесь ни при чем, что это кое-кто в Лондоне, старая лиса М, настоял на этом. Газетчики кричали, что мы путаемся в собственных ногах и так далее. Должен заметить, Джеймс,— голос Лайтера приобрел извиняющиеся нотки,— мы не можем подобрать ключ. Они нашли локомотив. Голдфингер поставил его на автоматическое управление и пустил со скоростью тридцать миль в час. В каком-то месте он сошел со своим корейцем, а возможно, и с этой девицей Галоре и четырьмя бандитами, потому что они тоже испарились. Мы, конечно, нашли его грузовики, они стояли на шоссе при выезде из Элизабетвиля. Ни одного водителя. Так что Голдфингер со своей мощной командой где-то залег на дно. Они не могли попасть на крейсер «Свердловск» в Норфолке. Мы поставили в доках кучу агентов в штатском, и они сообщили, что крейсер ушел по расписанию, посторонние на борт не поднимались. Ни одна собака не появлялась вблизи склада на Ист-Ривер, никто не появлялся в Айдлуайлде или на границах — мексиканской и канадской. Могу поклясться, что этот Джед Миднайт вывез их каким-то образом на Кубу. Если они взяли пару-тройку грузовиков и гнали со страшной скоростью, то довольно быстро могли добраться до Флориды, до Дайтон-Бич например, а у Миднайта там все схвачено. Береговая охрана и авиация были подняты по тревоге, но ничего не обнаружили. Но они могли днем скрываться, а ночью отправиться на Кубу. Все этим сильно обеспокоены, а Президент буквально мечет икру.

Весь предыдущий день Бонд провел в Вашингтоне, топча толстые дорогие красные ковры. Произносились речи в Монетном дворе, Пентагоне, он провел довольно сложные четверть часа с Президентом, а оставшуюся часть дня работал со стенографистами в гуверовской конторе. Потом у него был короткий разговор с М по телефону из посольства. М рассказал, как развивались события в Европе. Как Бонд и рассчитывал, телеграмма Голдфингера в «Юниверсал экспорт» была восприпята как SOS. Предприятия в Рикалвере и Копэ были подвергнуты тщательному обыску, и там нашли дополнительные улики, подтверждающие контрабанду золотом.

Правительство Индии было уведомлено о самолете, в Бомбее его ждали, швейцарская спецбригада быстро нашла автомобиль Бонда и путь, по которому Бонда и девушку вывезли в Америку. Но здесь ФБР потеряло нить. М казался довольным тем, как Бонд справился с операцией «Большой шлем», но сказал, что Английский банк обеспокоен судьбой голдфингеровских двадцати миллионов. Голдфингер собрал их все в банках Нью-Йорка, но в день «Х» изъял оттуда и вывез в крытом грузовике в неизвестном направлении. Английский банк уже получил право на конфискацию этих денег в случае их обнаружения. Но поскольку это дело велось теперь казначейством США и ФБР, а М не имел никаких прав на территории США, Бонду лучше сейчас же вернуться в Англию и помочь утрясти это дело. Ах да, была еще просьба Премьер-министра разрешить Бонду принять американскую правительственную награду. Конечно, М пришлось объяснить Премьер-министру, что правила Секретной службы не позволяют этого, особенно в отношении иностранных государств, какими бы дружественными они ни были. Нехорошо, конечно, но М знал, что Бонд к этому готов. Правила ему известны. Бонд сказал «да», конечно, и «спасибо большое» и взял билет на ближайший же рейс.

Теперь, когда они спокойненько ехали в аэропорт, Бонд ощущал легкое чувство неудовлетворенности. Он не любил оставлять дела незаконченными. Ни один из крупных гангстеров не был схвачен, а сам он не выполнил два задания: не захватил Голдфингера и не нашел его золота. То, что операция «Большой шлем» сорвалась, можно было отнести к разряду чудес. Его записка была найдена всего за два дня до событий и доставлена Лайтеру за полчаса до отлета последнего на побережье. Дальше, правда, Лайтер развил кипучую деятельность — сначала к своему

шефу, затем в ФБР, где было досье Бонда. К тому же они связались с М через ЦРУ, и этого оказалось достаточно, чтобы уже через час дело было доложено Президенту. Дальше требовалось только разыграть грандиозный спектакль в Форт-Ноксе, в котором так или иначе были задействованы все его обитатели. Двоих «японцев» легко схватили, и химики подтвердили, что под видом джина в их флягах находится GB в количестве, достаточном, чтобы убить все население Форт-Нокса. Этих двоих быстро и весьма эффективно допросили и выбили из них необходимую информацию. Сигнал Голдфингеру был дан. Затем армия объявила тревогу. Все дороги к Форт-Ноксу были блокированы, поезда и машины задерживались, кроме состава с гангстерами. Все остальное было тщательно разыгранной мизансценой, вплоть до розовой пены на губах и кричащих младенцев для пущей достоверности.

Да, все, что касалось Вашингтона, было в лучшем виде, а вот что до Англии... Кого в Америке трогали проблемы Английского банка? Кого интересовало, что во всей этой катавасии погибли две английские девушки? Кого действительно волновало, что Голдфингер по-прежнему гуляет на свободе, если американские сокровища в целости и сохранности?

Они приехали в аэропорт, когда уже объявили посадку:

— «Пан Америкэн» объявляет об отправлении рейса PA-100. «Трансуорлд эйруейз» вызывает капитана Мерфи. Капитан Мерфи, пожалуйста. ВОАС объявляет о посадке рейса BA-491. Для пассажиров выход номер девять.

Бонд взял чемодан и попрощался с Лайтером:

— Ну что же, спасибо за все, Феликс. Пиши мне ежедневно.

Лайтер сильно сжал ему руку.

— Конечно, малыш. И не волнуйся. Скажи этой старой перечнице М, чтобы он скорее присылал тебя обратно. В следующий раз мы обязательно найдем время оторваться. Пора тебе навестить мой родной штат. Пока, значит.

Лайтер сел в машину и умчался. Бонд поднял руку. В заднем стекле прощально мелькнул металлический крюк Лайтера, и машина исчезла.

Бонд поднял чемодан и пошел на регистрацию ВОАС. У него было еще полчаса, он с удовольствием потолкался в толпе, выпил бурбон с содовой в ресторане и убил время, выбирая себе чтиво на дорогу. Купил книгу о гольфе, по-

следний роман Чандлера и посмотрел сувениры, чтобы привезти какую-нибудь мелочь секретарше.

Через несколько минут по радио мужской голос зачитал длинный список пассажиров ВОАС, которым нужно было подойти к регистрационной стойке компании. Бонд как раз покупал дорогую шариковую ручку, когда услышал свою фамилию.

— Мистера Джеймса Бонда, вылетающего рейсом ВОАС 510 на Гандер и Лондон, просят подойти к стойке. Мистер Джеймс Бонд, пожалуйста.

Наверное, хотят, чтобы он заполнил декларацию па деньги, заработанные им в Америке. Как правило, Бонд никогда этого не делал, и ему только раз пришлось объясняться по этому поводу в Айдлуайлде. Он вышел из магазинчика и пошел к стойке ВОАС. Служащий был вежлив.

— Могу я посмотреть ваш медицинский сертификат, мистер Бонд?

Бонд достал требуемое из паспорта и протянул служащему. Тот внимательно изучил бумагу.

— Мне очень жаль, но в Гандере выявлен случай заболевания тифом, и они настаивают, чтобы все транзитные пассажиры, у которых прививка сделана более полугода назад, повторили ее. Очень жаль, сэр, но они настаивают. Плохо, что у нас нет прямого рейса, но встречный ветер очень сильный.

Бонд ненавидел уколы и раздраженно буркнул:

— Послушайте, я по уши залит всякими вакцинами. Меня колют уже лет двадцать по любому поводу!

Он огляделся. Вокруг стойки ВОАС было на удивление безлюдно.

— А как другие пассажиры? Где они?

— Они все согласились, сэр. Им сейчас как раз делают прививки. Это займет не больше минуты, сэр, если вы соблаговолите пройти вот сюда.

— А, ладно,— Бонд нетерпеливо дернул плечом и пошел следом за служащим в офис ВОАС. Там находился врач в обычном белом одеянии с маской на лице и с готовым шприцем в руках.

— Последний?

— Да, доктор.

— О'кэй. Снимите пиджак и закатайте рукав, пожалуйста. Паршиво, что они там, в Гандере, такие щепетильные.

— Да уж, паршивей некуда,— согласился Бонд.— Чего они боятся? Распространения черной смерти?

Запахло спиртом и послышался сухой щелчок шприца.

— Спасибо.

Бонд опустил рукав и попытался взять со стула свой пиджак. Рука его потянулась за ним, но промахнулась и пошла вниз, вниз, вниз к полу. Тело нырнуло вслед за рукой вниз, вниз, вниз...

* * *

В самолете было включено все освещение. Похоже, много свободных мест. Почему же тогда он сидит рядом с кем-то еще? Бонд попробовал встать, чтобы поменять место. Его окатила волна дурноты. Он закрыл глаза и подождал. Удивительно! Его же никогда не укачивает. Он ощутил на лице холодный пот. Платок. Стереть его. Он снова открыл глаза и посмотрел на свои руки. Запястья были накрепко привязаны к ручкам кресла. Что произошло? Ему сделали укол, и он отключился или что-то в этом роде? Начал буянить, что ли? Что, черт побери, творится? Он посмотрел на соседа и замер в ступоре. Рядом сидел На Все Руки. На Все Руки в форме ВОАС!

На Все Руки равнодушно посмотрел на него и нажал кнопку вызова. Сзади послышался шорох юбки. Он поднял глаза. Это была Пусси Галоре, чистенькая и свежая в синей форме стюардессы!

— Привет, Симпатяга,— сказала она и посмотрела на него глубоким, изучающим взглядом. Откуда ему был знаком этот взгляд? Из прошлой жизни, столетие назад.

— Господи боже мой,— в отчаянии воскликнул Бонд.— Что происходит? Откуда вы свалились?

Девушка ласково улыбнулась:

— Подумать только, едят икру и пьют шампанское. Вы, британцы, несомненно, ведете жизнь аристократов, когда поднимаетесь на высоту двадцать тысяч футов. Никакой брюссельской капусты, а если здесь и есть чай, то мне его пока не удалось обнаружить. А теперь спокойно. Дядюшка хочет с тобой поговорить.

Она развернулась и исчезла в пилотской кабине.

Теперь Бонда уже ничто не могло удивить. Голдфингер в форме капитана ВОАС, великоватой для него, в фуражке, сидящей на затылке, закрыл за собой дверь пилотской кабины и направился по проходу к нему.

Он встал и хмуро посмотрел на Бонда.

— Что же, мистер Бонд. Судьба пожелала, чтобы мы довели игру до конца. Но теперь у вас не может быть козыря в рукаве. Ха!

В этом возгласе звучала смесь ярости, стоицизма и уважения.

— Вы действительно умудрились стать змеей на моей груди.— Большая голова покачнулась.— И зачем я сохранил вам жизнь? Почему не раздавил, как жука? Вы и девушка мне пригодились, здесь я был прав. Но я оказался сумасшедшим, если пошел на это. Да, сумасшедшим.— Голос упал и стал тихим и медленным.— А теперь, мистер Бонд, расскажите мне, как вы это сделали? Как вы передали информацию?

— Нам нужно поговорить, Голдфингер,— спокойно сказал Бонд.— Я вам кое-что расскажу. Но не раньше, чем меня развяжут, принесут бутылку бурбона, лед и пачку «Честерфилда». Затем, когда вы расскажете мне то, что меня интересует, я решу, что следует рассказать вам. Как вы изволили заметить, положение мое аховое или кажется таковым. Поэтому терять мне нечего, и если вы хотите от меня что-то услышать, это будет на моих условиях.

— Я не возражаю против ваших условий. Как дань уважения вашим талантам я позволю вам провести ваше последнее путешествие с комфортом. На Все Руки! Вызови мисс Галоре и развяжи веревки. Пересядь на другое сиденье. Он не может причинить вреда, сидя сзади, но не позволяй ему приближаться к двери. В случае необходимости убей его, хотя я предпочел бы доставить его к месту назначения живым. Понял?

— Аргх.

Пять минут спустя Бонд получил, что хотел. На столике перед ним стояла бутылка и лежали сигареты. Он налил себе виски. Голдфингер ждал, сидя в кресле через проход. Бонд взял стакан и начал потягивать из него. Он собирался сделать глоток побольше, когда увидел что-то. Бонд аккуратно поставил стакан, чтобы не сдвинуть бумажную подставку, прилипшую к дну, зажег сигарету, снова взял стакан, достал кусочки льда, переложил их обратно в ведерко и допил виски почти до конца.

Теперь можно было прочитать слова сквозь стеклянное дно. Он опять аккуратно поставил стакан. Текст гласил: «Я с тобой. П.».

Бонд устроился поудобнее.

— Ну-с, Голдфингер, в первую очередь я хочу знать, что происходит? Как вы попали в самолет? Куда он направляется?

Голдфингер закинул ногу на ногу. Не глядя на Бонда, он ответил спокойным тоном:

— Я взял три грузовика и поехал через всю страну к мысу Гаттерас. В одном из грузовиков был мой личный

капитал. В двух других находились водители, мой персонал и вожаки гангстеров, из которых мне нужна была только мисс Галоре. Я оставил кое-кого из персонала, выплатил остальным изрядные суммы и постепенно высадил их по дороге. На берегу я пригласил гангстеров на совещание в пустынное место, оставив под каким-то предлогом мисс Галоре с грузовиками. Четверых мужчин я перестрелял, на каждого, как обычно, по выстрелу. Вернувшись, я объяснил, что они предпочли взять деньги и действовать дальше самостоятельно. Теперь со мной было шесть человек, девушка и золото. Я нанял самолет до Ньюарка, штат Нью-Джерси, золотые пластины сошли за рентгеновские. Оттуда я проехал один по определенному адресу в Нью-Йорк, связался по радио с Москвой и рассказал о провале операции «Большой шлем». В разговоре я упомянул ваше имя. Мои друзья, которые, я думаю, известны вам, проходящие под общим названием СМЕРШ, узнали фамилию Бонд и сообщили мне, кто вы такой. Я сразу понял все то, что прежде никак не мог сложить в единое целое. Мне сказали, что СМЕРШ очень хотел бы с вами побеседовать. Я обдумал это дело. И постепенно разработал план, который сейчас вы видите в действии. Сойдя за вашего друга, я без труда выяснил номер рейса, трое из моих людей — бывшие летчики Люфтваффе, они уверили меня, что легко смогут вести этот самолет. Остальное детали. Холодным блефом, внушением и небольшой демонстрацией силы мы убедили весь персонал ВОАС в Айдлуайлде, экипаж самолета и пассажиров, что им должны быть сделаны инъекции, от которых они сейчас уже оправляются. Мы переоделись в форму, снятую с экипажа, загрузили золото в самолет, разобрались с вами, доставив вас сюда на носилках. В положенное время новый экипаж ВОАС со своей стюардессой поднялся на борт, и мы взлетели.

Голдфингер помолчал, затем решительно поднял руку.

— Конечно, не обошлось и без недоразумений. Нам приказали следовать по направлению Альфа к полосе четыре. Мы смогли найти ее, только следуя за самолетом KLM. У них в аэропорту свои порядки, и мы не всегда им четко следовали, мистер Бонд, но благодаря уму, хладнокровию и выдержке мы сумели справиться со всеми трудностями.

Насколько я понял из радиопереговоров, наш самолет скоро начнут разыскивать. Они уже запрашивали нас, почему мы отклонились от маршрута, затем запросили вы-

соту, на которой мы идем. Меня это мало волнует. Топлива нам хватит, а Москва уже дала «добро» на посадку в Восточном Берлине, Киеве или Мурманске. Мы летим по любому из этих маршрутов в зависимости от погодных условий. Неприятностей быть не должно. Если они возникнут, я сам поведу переговоры. Никто не решится сбить драгоценный самолет ВОАС. А таинственность и неразбериха послужат нам защитой, пока мы не окажемся в глубине воздушного пространства СССР и там исчезнем без следа.

С тех пор как Бонд услышал изложение в деталях операции «Большой шлем», он считал, что для Голдфингера нет ничего невозможного, ничего фантастического. Угон самолета в изложении Голдфингера был явлением обычным для него, это стояло в одном ряду с его методами контрабанды золота, с получением ядерных зарядов. При внимательном изучении, хотя все это и отдавало магией, даже гениальностью, становилось ясно, что в своей основе это были логические умозаключения. Единственная их странность — это масштабность. Даже такой мелкий трюк, как обман Дюнона, был блистательно проработан. Несомненно, Голдфингер — мастер преступлений, такой же великий в своей области, как Челлини и Эйнштейн в своих.

— А теперь, мистер Бонд из британской Секретной службы, как мы и договаривались... Что вы имеете мне сказать? Кто натравил вас на меня? Что они заподозрили? Как вам удалось помешать моим планам?

Голдфингер откинулся в кресле, сложил руки на животе и уставился в потолок.

Бонд выдал Голдфингеру укороченную версию истинного положения дел. Он не упомянул СМЕРШ, местонахождение почтового ящика, обнаруженного им, ничего не сказал о «Гомере», устройстве, возможно, еще не знакомом русским. В заключение он сказал:

— Так что, как видите, Голдфингер, вам просто повезло. Если бы Тилли Мастертон не встряла в Женеве, вы бы сейчас уже сидели в швейцарской тюрьме, ковыряя в зубах и ожидая отправки в Англию. Вы недооценили англичан. Они могут быть медлительными, но они доходят до цели. Вы считаете, что будете в безопасности в России? Я бы не был так уверен на вашем месте. Мы вытаскивали оттуда людей и раньше. Я подарю вам последний афоризм для вашей книги, Голдфингер: «Никогда не буди английского медведя».

22. Процедура НЛТ

Самолет летел в ночном небе. Свет был выключен. Бонд сидел в темноте и потел от страха, не зная, что предпринять.

Час назад Пусси принесла ему ужин. Под салфеткой был спрятан карандаш. Она отпустила ряд грубых шуточек, предназначенных для На Все Руки, и ушла. Бонд лениво пожевал немного и выпил изрядное количество виски, пока его воображение рыскало в поисках возможностей устроить вынужденную посадку в Гандере или еще где-нибудь в Новой Шотландии. В крайнем случае, может, поджечь самолет? Он поиграл с этой идеей, а также с идеей разбить иллюминатор. Обе показались нереальными и самоубийственными. Избавляя его от необходимости думать над ними дальше, человек, которого Бонд раньше видел у стойки ВОАС — это был один из немцев,— остановился около его кресла.

Он ухмыльнулся Бонду.

— ВОАС хорошо заботится о вас, не так ли? Мистер Голдфингер думает, что у вас могут возникнуть какие-нибудь бредовые идеи, и послал меня последить за хвостовой частью самолета. Так что сидите смирно и наслаждайтесь полетом, ладно?

Не дождавшись ответа, немец прошел в хвостовое отделение.

Что-то мелькнуло в мозгу Бонда, что-то связанное с предыдущими мыслями. Насчет иллюминатора. Что там произошло с самолетом, летевшим над Персией в 1957 году? Бонд посидел спокойно некоторое время, слепо глядя в спинку переднего кресла. Должно сработать! Не может не сработать!

Бонд написал на салфетке «Постараюсь сделать все возможное. Пристегнись. Дж.».

Когда Пусси пришла за подносом, Бонд уронил салфетку, затем поднял ее и протянул девушке. Он задержал ее руку и улыбнулся, глядя в изучающие глаза. Она наклонилась, взяла поднос и быстро поцеловала его в щеку, потом выпрямилась и грубо сказала:

— Я буду видеть тебя во сне, Симпатяга!

И ушла.

Бонд принял решение. Он тщательно продумал все свои последующие действия, расстояние было измерено, нож из ботинка спрятан у него под пиджаком, длинный конец ремня он обмотал вокруг левой руки. Все, что ему

требовалось,— это чтобы На Все Руки отвернулся от иллюминатора. Было весьма сомнительно, что тот уснет, но в конце концов может же кореец устроиться поудобнее. Бонд не спускал глаз с отражающегося в иллюминаторе профиля, но На Все Руки стоически сидел, не выключая лампочки, глаза его были устремлены в потолок, рот приоткрыт, руки свисали с подлокотников.

Прошел час, два. Бонд начал похрапывать, ритмично, равномерно, как он надеялся, заразительно. Теперь На Все Руки слегка изменил позу, защищаясь от раздражающего света лампочки. Он прижался левой щекой к креслу и отвернулся от иллюминатора.

Бонд продолжал похрапывать. Проскользнуть под носом у корейца не менее трудно, чем проскользнуть под носом у голодного мастифа. Медленно, дюйм за дюймом Бонд просовывал руку с ножом между стенкой и креслом На Все Руки. Просунул. Бонд вцепился крепче в ремень и изо всей силы ударил рукояткой по иллюминатору.

Он не имел ни малейшего представления, что произойдет, когда он разобьет иллюминатор. Единственное, что он знал из газетных сообщений о том самолете,— это то, что, когда разбился иллюминатор, поток воздуха из разгерметизированного салона вытянул через него наружу сидящего рядом пассажира.

Раздался страшный вой, почти стон, и Бонда вдавило в спинку кресла, на котором сидел На Все Руки, с такой силой, что ремень вырвало у него из руки. Из-за спинки он наблюдал за чудом. Тело На Все Руки как бы вытянулось в сторону черной воющей дыры. Раздался треск, когда голова корейца прошла через иллюминатор, а плечи ударились о раму, затем, как будто человеческое тело было пластилиновым, оно медленно, фут за футом всосалось с жутким свистящим звуком в дыру. Теперь На Все Руки был по пояс снаружи. Застряли мощные ягодицы, и человеческая паста втягивалась наружу очень медленно, но неумолимо, дюйм за дюймом. Затем с громким чмоканьем ягодицы исчезли в дыре, а следом мгновенно и ноги.

Наступил конец света. Самолет клюнул носом и резко пошел вниз. Последнее, что услышал Бонд перед тем как отключился, был рев двигателей, доносившийся через разбитый иллюминатор. Мелькали летящие подушки и покрывала. Затем тело Бонда, лишенное кислорода, отчаянно обнимая переднее кресло, утратило связь с реальностью.

Следующее, что ощутил Бонд,— это удар по ребрам. Он застонал. Снова что-то твердое врезалось в его тело. Превозмогая боль, он медленно встал на колени и посмотрел сквозь красную пелену. Весь свет был зажжен. Вокруг висела легкая дымка. Над ним с пистолетом в руке стоял Голдфингер, с мертвенно бледным лицом, освещенным желтым светом. Он снова отвел ногу и ударил. Бонд взревел от ярости. Перехватив эту ногу, он резко рванул ее, чуть не сломав колено. Голдфингер вскрикнул и рухнул, сотрясая самолет. Бонд выполз в проход и навалился на распростертое тело. Выстрел обжег ему лицо, но он двинул коленом Голдфингеру в живот, а левой рукой перехватил пистолет.

Впервые в жизни Бонд потерял над собой контроль. Кулаками и коленями он бил, бил и бил сопротивляющегося противника, снова и снова колотил головой по его блестевшей физиономии. Дуло снова развернулось к нему. Почти не глядя, Бонд ударил рукой и услышал звон металла где-то между сиденьями. Они вцепились друг другу в горло. Бонд вдавливал большие пальцы в артерию своего врага. Он давил всем своим весом, судорожно вбирая воздух. Отключится ли он сам раньше, чем тот умрет? Отключится или нет? Лоснящееся луновидное лицо менялось. Под загаром проступил пурпурный цвет. Глаза начали закатываться. Руки на шее Бонда ослабли и упали. Изо рта вывалился язык, и легкие издали ужасный булькающий звук. Бонд сел на неподвижную грудь противника и медленно, по одному разогнул свои одеревеневшие пальцы.

Он глубоко вздохнул, встал на колени, затем медленно поднялся на ноги. Мутным взглядом повел вокруг себя. Дальше по проходу Пусси Галоре висела в своем кресле, как тряпка. В середине прохода валялся охранник с рукой и головой, вывернутыми под странным углом. Поскольку он не был пристегнут, когда самолет пошел вниз, его попросту разбило о стену.

Бонд провел руками по лицу. Теперь он чувствовал ожог на щеке. С трудом опустившись на колени, он поискал маленький пистолетик. Это был «кольт» 25-го калибра. Он проверил магазин. Оставались три патрона и один в стволе. Полуползком, полушагом Бонд добрался до девушки, расстегнул ее пиджак и положил руку на грудь. Сердце билось в его ладони, как птичка. Отстегнув ремни, он положил ее лицом вниз и в течение пяти минут ритмично делал искусственное дыхание. Когда она застонала,

он встал, оставив ее лежать, и взял у охранника заряженный «парабеллум». Проходя через буфет, он обнаружил целую бутылку бурбона, катающуюся по полу среди обломков. Он поднял ее, открыл зубами и глотнул из горлышка. Крепкий напиток обжег глотку. Он заткнул бутылку и пошел вперед. Остановившись перед пилотской кабиной, он минуту подумал, затем, держа в каждой руке по пистолету, нажал на ручку и вошел.

Пять лиц, освещенных синим светом, повернулись к нему. Рты раскрылись, глаза побелели. Здесь шум двигателей не был так слышен. В воздухе витал сигаретный дым. Бонд стоял, расставив ноги, твердо держа оружие.

— Голдфингер мертв. Того, кто двинется или не выполнит приказ, я убью. Пилот — курс, высоту и скорость.

Пилот сглотнул. Чтобы ответить, ему понадобилось поднакопить слюны:

— Сэр, мы примерно в пятистах милях от Гус-Бей. Мистер Голдфингер приказал лететь как можно ближе к берегу. Он сказал, что мы вернемся назад и достанем золото. Наша скорость двести пятьдесят миль в час, высота две тысячи.

— Сколько времени вы сможете лететь на этой высоте? Расход горючего, наверное, очень большой.

— Да, сэр. Я думаю, что на такой скорости и высоте мы сможем лететь еще два часа.

— Время?

— Только что получили из Вашингтона, сэр,— быстро ответил штурман.— Без пяти пять утра. Рассвет на этой широте наступит через час.

— Где «Чарли»? Метеорологическое судно «Чарли»?

— Порядка трехсот миль к северо-востоку, сэр.

— Пилот, как вы считаете, мы дотянем до Гус-Бей?

— Нет, сэр, не дотянем примерно сотню миль. Мы можем долететь только до северного побережья.

— Ясно. Меняйте курс на «Чарли». Радист, свяжитесь с ним и дайте мне микрофон.

— Есть, сэр.

Пока самолет описывал широкую дугу, Бонд слушал треск и шумы радиоэфира, доносившиеся из усилителя над головой.

Он услышал тихий голос радиста:

— Океаническая станция «Чарли», вас вызывает «Спидберд-510». G-ALGY вызывает «Чарли», G-ALGY вызывает «Чарли»...

— G-ALGY, дайте ваши координаты,— раздался резкий голос.— Дайте ваши координаты. Это Гандер. Срочно. G-ALGY...

Прорезался Лондон. Восторженный голос что-то заверещал. Голоса теперь неслись со всех сторон. Сильный сигнал Гандера перекрывал всех.

— Мы поймали G-ALGY, они идут около 50° северной широты и 70° восточной долготы. Всем станциям замолчать. Повторяю, мы ведем G-ALGY...

Внезапно прорезался спокойный голос «Чарли»:

— Океаническая станция «Чарли» вызывает «Спидберд-510». «Чарли» вызывает G-ALGY. Слышите меня? Ответьте, «Спидберд-510».

Бонд сунул маленький пистолет за пояс и взял протянутый микрофон.

— «Чарли», говорит «Спидберд-510», угнанный вчера вечером из Айдлуайлда. Я убил человека, ответственного за это, и частично повредил самолет, разгерметизировав салон. Команду держу на мушке. До Гус-Бей не хватит топлива, поэтому садиться будем на брюхо поближе к вам.

Властный новый голос, возможно, голос капитана произнес:

— «Спидберд», говорит «Чарли». Поняли вас хорошо. Кто говорил? Повторяю, дайте имя говорившего. Конец.

Бонд ответил, улыбнувшись и представляя себе тот фурор, который вызовут его слова:

— «Спидберд» вызывает «Чарли». Говорит агент номер ноль ноль семь британской Секретной службы, повторяю, номер ноль ноль семь. Радио Уайтхолла подтвердит. Повторяю, свяжитесь с Уайтхоллом. Конец.

Повисла изумленная пауза. Голоса со всех сторон света пытались прорваться. Какая-то диспетчерская служба, вероятно Гандера, приказала им очистить эфир. «Чарли» снова заговорил:

— «Спидберд», это «Чарли», я свяжусь с Уайтхоллом и уберу зонды, но Лондон и Гандер хотят подробности...

— Извини, «Чарли»,— прервал Бонд,— но я не могу держать на мушке пять человек и вести светскую беседу. Дай мне погодные условия, и я отключусь, пока не сядем. Конец.

— О'кэй, «Спидберд», вас понял, ветер слабый, волнения почти нет, вы должны сесть нормально. Скоро возьму вас на радар, будем вести за вами постоянное наблюдение. Есть виски для одного и наручники для пятерых. Счастливо. Конец.

— Спасибо, «Чарли», добавьте чашку чая к этому меню, ладно? Я везу с собой симпатичную девушку. Говорит «Спидберд». Конец связи.

Бонд отдал микрофон радисту.

— Пилот, они уберут зонды и будут постоянно вести пас. Ветер и волнение слабые. Теперь успокойтесь и давайте попробуем вылезти из этой передрягп живыми. Как только мы сядем, я открою дверь. Того, кто попытается выйти из кабины раньше, я пристрелю. Ясно?

Из-за спины Бонда раздался девичий голосок:

— Я только что подошла, хотела присоединиться к коллективу. Но, пожалуй, воздержусь. Мне как-то пе улыбается перспектива быть пристреленной. Но ты можешь снова вызвать этого мужика и попросить два виски. От чая у меня икота.

— Пусси, брысь на место,— сказал Бонд, в последний раз оглядел кабину и вышел.

* * *

Два часа, а может, и два года спустя Бопд лежал в теплой каюте метеосудпа «Чарли», слушая сквозь дрему утреннюю радиопрограмму из Канады. Тело его болело. Оп вспоминал, как ушел в хвост самолета, заставил девушку надеть спасательный жилет, встать на колепи и закрыть голову руками, уткнувшись в сиденье. Сам встал за ней и над пей, крепко обнял ее и уперся спиной в спинку сиденья сзади него.

Она нервно отпускала шуточки по поводу двусмысленного положения, когда «Спидберд» на скорости 100 миль в час шлепнулся брюхом на воду, поднимая стену брызг. Удар оторвал хвост самолета. Золото, сложенное в багажном отделении, разломило самолет пополам, и Бонд с девушкой оказались в ледяной воде. Так они и плавали, полуоглушенные, в своих желтых спасательных жилетах, пока их не подобрали. К этому момепту на поверхности плавало лишь несколько обломков, а экипаж с тремя тоннами золота на шее шел ко дну Атлантического океана. Спасательная лодка еще некоторое время порыскала в волнах, но никто больше не всплыл.

С ними обращались паполовипу как с членами королевской семьи, наполовину как с марсианами. Бонд ответил на наиболее важные вопросы, а затем все это показалось слишком сложным для его измученного мозга. Теперь он лежал в тишине и покое, с удовольствием потягивал виски и думал о Пусси Галоре, о том, почему

она предпочла спрятаться под его крыло, а не Голдфингера.

Дверь из соседней каюты отворилась, и вошла Пусси. На ней не было ничего, кроме серого рыбацкого свитера, заканчивающегося значительно выше колен. Рукава свитера были закатаны. Она как будто сошла с картины Вертса.

— Меня утомили вопросы, не хочу ли я, чтобы меня растерли спиртом,— сказала она,— а я всем говорю, что если кто и будет меня растирать, то только ты, и если меня и будут чем-то растирать, то тобой.— И закончила неуверенным голосом.— И вот я здесь.

— Закрой дверь, Пусси,— решительно сказал Бонд.— Сними этот свитер и лезь в кровать, не то простудишься.

Она выполнила все, что ей было сказано, как послушный ребенок.

Устроившись в объятиях Бонда, Пусси спросила, глядя ему в глаза, голосом не гангстера, не лесбиянки, а обычным девичьим голосом:

— Ты будешь мне писать в «Синг-Синг»?

Бонд посмотрел в глубокие фиалковые глаза, которые не были теперь ни жесткими, ни властными. Он наклонился и легонько поцеловал их.

— Мне говорили, что ты любишь только женщин.

— Мне раньше никогда не попадался настоящий мужчина.— Голос ее снова стал жестким.— Я уроженка Юга. Знаешь, какое там определение девственницы? Это девушка, бегающая быстрее своего брата. Что до меня, то мне было двенадцать лет и я бегала медленнее, чем мой дядя. Это было не очень приятно, Джеймс. Ты вполне можешь себе это представить.

Бонд улыбнулся, глядя на бледное прекрасное лицо.

— Все, что тебе требуется,— это пройти курс НЛТ.

— А что это?

— Это? Нежная любовная терапия.

— Кажется, мне это нравится.

Она посмотрела на чувственный, жесткий рот Бонда, протянула руку и поправила черную прядь, упавшую ему на глаз. Заглянув в серые с дичинкой глаза, поинтересовалась:

— И когда приступим?

— Сейчас,— ответил он тихо и закрыл ее рот своим.

ОПЕРАЦИЯ «УДАР ГРОМА»

1. Не волнуйтесь, мистер Бонд

Это был один из тех дней, когда вся жизнь представляется сплошной цепью невосполнимых утрат. Начать с того, что ему было мучительно стыдно за себя — крайне редкое для Бонда состояние души. И еще он страдал от тяжелого похмелья. Голова раскалывалась от боли, конечности казались ватными и отказывались повиноваться, в глазах, как амебы в стоячей воде, плавали черные точки. Грудь разрывал кашель (рюмка тянет за собой сигарету). Ведь он чувствовал, что не следовало пить эту последнюю рюмку, лишняя рюмка всегда сигнализирует о себе, хотя вроде бы ничем не отличается от десятка предыдущих. Ее содержимое застревает в горле, оставляя горький привкус и ощущение перебора.

Ему категорически не следовало соглашаться еще на один роббер. Ставка в пять фунтов показалась ему ничтожной, и он решился. Даже сейчас Бонд ясно видел, как пиковая дама с глупой улыбкой Джоконды на толстой физиономии торжествующе легла на его валета. В итоге в большом шлеме у него оказалось минус сто очков, а у партнера плюс четыреста. С пьяных глаз он играл в двойном размере и в итоге потерял сто фунтов — для него деньги немалые.

Бонд повторно обработал асептическим карандашом порез на щеке, с отвращением разглядывая опухшую физиономию, пялившуюся на него из зеркала. Глупая скотина. Воистину истоки всех пороков — в безделье, а он бездельничает уже больше месяца. Перекладывает с места на место и нумерует какие-то идиотские папки или сочиняет докладные, которые с каждой неделей становятся все язвительнее. Дошло до того, что он швыряет телефонную трубку, если кто-нибудь пытается с ним спорить. В довершение всех несчастий его секретарша подхватила грипп, и ему прислали эту глупую и, что хуже всего, уродливую сучку с вечно набитым фруктовыми леденцами ртом, которая об-

ращается к нему «сзр». Опять понедельник, начинается еще одна унылая неделя.

В окно стучали капли майского дождя. Бонд с отвращением проглотил две таблетки от головной боли и потянулся за сигаретой. В спальне зазвонил телефон. Это был громкий и резкий звонок прямой связи с Секретной службой.

* * *

Ощущая, что сердце бьется сильнее, чем следовало бы, несмотря на спешку и раздражающее ожидание лифта, Джеймс Бонд придвинул стул, уселся и взглянул в такие знакомые ясные, безмятежные глаза. Он ничего не смог в них прочитать.

— Доброе утро, Джеймс. Извини, что пришлось вытащить тебя так рано. Предстоит трудный день, и мне хотелось бы потолковать с тобой, пока не началась гонка.

Волнение Бонда, вызванное предвкушением важных событий, мгновенно улетучилось. Когда М обращался к нему по имени, а не по номеру, это был плохой знак. Видимо, новым заданием здесь и не пахнет. Скорее всего, что-нибудь личное. В голосе М отсутствовало напряжение, которое обычно означало серьезное, волнующее известие. Скорее он звучал дружески, участливо, почти ласково. Бонд промямлил что-то невразумительное.

— В последнее время мы редко встречаемся, Джеймс. Как твои дела, как здоровье?

М взял со стола какой-то заполненный бланк и поднес к глазам, видимо собираясь прочитать.

Пытаясь угадать, что это за документ, и не понимая, к чему клонит начальство, Бонд ответил:

— Я в полном порядке, сзр.

— К сожалению, наши медики думают иначе, Джеймс,— мягко заметил М.— Сегодня получено последнее медицинское заключение, и я полагаю, тебе следует знать его содержание.

Бонд недовольно покосился на бумагу. Он изо всех сил старался держать себя в руках.

— Как вы сочтете нужным, сэр.

М изучающе посмотрел на Бонда и поднес бумагу ближе к глазам.

«Данный сотрудник,— начал он,— в основном здоров. К сожалению, его образ жизни не позволит ему долго оставаться в этом благополучном состоянии. Невзирая на неоднократные предупреждения, он позволяет себе ежедневно выкуривать до шестидесяти сигарет с чрезвычайно вы-

соким содержанием никотина (не известный нам турецкий сорт). В то время когда указанный сотрудник не выполняет ответственных заданий, его характеризует чрезмерное потребление крепких алкогольных напитков (примерно полбутылки с содержанием алкоголя тридцать — тридцать пять процентов ежедневно).

Обследование показывает, что начинает наблюдаться некоторое ухудшение здоровья. Язык обметан. Артериальное давление слегка повышено (сто шестьдесят на девяносто). Печень не прощупывается. В ходе подробных расспросов сотрудник признал возникновение частых болей в затылочной части головы. Имеют место спазмы травмированной дельтовидной мышцы. Полагаю, что появление многих симптомов является следствием образа жизни данного сотрудника.

Сотрудник не согласен с тем, что чрезмерное «расслабление», как он это называет, не может служить лекарством, которое снимает напряжение, являющееся результатом его профессиональной деятельности. Считаю, что так называемое «расслабление» способно лишь вызвать интоксикацию организма и в конечном итоге может поставить под вопрос целесообразность дальнейшего пребывания сотрудника на службе.

Рекомендую 007 на две-три недели сменить обстановку и образ жизни. Полагаю, что в этом случае он сможет восстановить свои функциональные возможности и высокие физические кондиции».

Закончив читать, М оперся ладонями о край стола и жестко взглянул на Бонда.

— Не очень радостная картина, не правда ли, Джеймс?

Бонд постарался скрыть закипающее раздражение.

— Я абсолютно в форме, сэр. Головные боли случаются у всех. Миозит бывает у любого игрока в гольф, особенно когда вспотеешь и пройдешься по ветерку. Аспирин и растирание легко избавляют от этих болезней. Так что ничего серьезного, сэр.

— Твоя главная ошибка, Джеймс,— заявил М сурово,— в том, что, полагаясь на лекарства, ты лишь подавляешь симптомы, загоняя болезнь вглубь. Отравление организма усиливается, и заболевание приобретает хроническую форму. Любая химия приносит нам только вред. Это в полной мере относится и к продуктам питания, во всяком случае к большей их части. Белый хлеб, из которого удалена вся клетчатка, рафинированный сахар, лишенный своего животворного естества, пастеризованное молоко без витами-

нов, их выкипятили. Все подверглось такой обработке, что лишилось естественных свойств.

М извлек из кармана записную книжку, сверился с записями, бросил прокурорский взгляд на Бонда и продолжил:

— Я уверен, что тебе неизвестно, какие вредные вещества содержит в себе белый хлеб из муки мелкого помола. Слушай! Мел, хлор, различные соли, всякие окиси и перекиси. Что ты скажешь по этому поводу?

— Я употребляю очень мало хлеба, сэр.

— Согласен,— явно теряя терпение, сказал М,— но есть ли там хлеб из муки грубого помола? Входят ли в твой рацион йогурт, сырые овощи, фрукты?

— Боюсь, что нет, сэр,— улыбнулся Бонд, заинтересованный неожиданной темой беседы.

— Не вижу здесь ничего смешного.— Для вящей убедительности М постучал указательным пальцем по крышке стола.— Запомни эти слова, мой мальчик. Нет лучшего способа поправить здоровье, чем вернуться назад, в объятия матери-природы. Все твои проблемы...

Бонд попытался вставить слово, но М жестом остановил его.

— ...являются результатом глубокой интоксикации организма, вызванной твоим образом жизни, противоречащим требованиям природы. К примеру, что тебе говорят эти имена: Бричер-Бреннер, Кнайпп, Прайсниц, Рикли, Шрот, Гроссман, Били?

— Ровным счетом ничего, сэр,— бодро отрапортовал Бонд, которого все это уже начинало забавлять.

— Вот так-то. А ты поступил бы мудро, если бы изучил труды этих людей. Это великие натуропаты, учение которых мы так легкомысленно игнорируем. К счастью,— глаза М горели неподдельным энтузиазмом,— у них есть маленькая группа учеников и последователей, практикующих в Англии, и излечение природой — это в наших возможностях.

Джеймс Бонд с любопытством взирал на М. Что произошло с шефом? Может быть, это и есть первые признаки старческого маразма? Однако внешне М выглядел лучше, чем когда-либо. Холодные серые глаза были прозрачны, как хрусталь, кожа сурового, строго очерченного лица излучала здоровье. Даже седеющие серо-стальные волосы как бы помолодели. В таком случае, откуда весь этот бред?

М подвинул к себе лежащие на столе бумажки — жест, означающий скорое окончание аудиенции.

— Пока все, Джеймс. Мисс Манипенни зарезервировала палату для тебя. Полагаю, двух недель хватит на то, чтобы ты вернул себе форму. Поверь, когда ты вернешься обновленным, то не узнаешь себя.

— Вернусь откуда, сэр?

— Место называется «Кустарники», владелец некто Уэйн, Джошуа Уэйн. Знаменитость в своей области. Шестьдесят пять лет, а выглядит так, как будто ему лишь вчера стукнуло сорок. Замечательный парень, он о тебе отлично позаботится. Великолепное современное оборудование, даже свой питомник лекарственных растений. А какая природа! Это рядом с Вашингтоном в Суссексе. О делах не беспокойся, полностью выкинь их из головы на пару недель. Я распоряжусь, чтобы ноль ноль девять взял на время твою работу.

Бонд не поверил своим ушам и пролепетал:

— Но, сэр... Хочу сказать, сэр, что я абсолютно здоров. Вы уверены, что так надо, сэр? Я хочу спросить: это в самом деле необходимо?

— Нет,— М одарил Бонда ледяной улыбкой,— это не просто необходимо, это жизненно важно, если, конечно, ты хочешь еще немного поработать у нас. Я не могу позволить себе роскошь держать человека с ущербным здоровьем.— М опустил взгляд на бумаги.— Это все, ноль ноль семь, вы свободны и не волнуйтесь, мистер Бонд,— сказал он тоном, не допускающим возражений.

Бонд поднялся, молча пересек кабинет и подчеркнуто аккуратно закрыл за собой дверь. В противоположном конце приемной мисс Манипенни подняла на него ласковый взгляд. Бонд подошел к ее столику и опустил на него кулак с такой силой, что пишущая машинка подпрыгнула, жалобно звякнув.

— Что за черт, Пенни? Похоже, что старик сильно ушибся, выпав из кресла. Что означает весь этот бред? Будь я проклят, если куда-нибудь двинусь. Он просто свихнулся!

Мисс Манипенни подарила Бонду счастливую улыбку.

— Управляющий был ужасно мил. Он обещал поселить тебя в пристройке в комнату, которая называется «Мирт». Он говорит, что это очень хорошая комната с окнами на питомник лечебных трав. Представляешь, у них свой питомник!

— Я уже знаю все и об их огороде, и об этих поганых травах. Но послушай, Пенни, будь пай-девочкой и скажи, что все это должно означать? Чего его так разбирает?

Мисс Манипенни, которая часто и безнадежно мечтала о Бонде, пожалела его. Подмигнув, она начала заговорщицким голосом:

— Я думаю, что это очередная переходная фаза. Но тебе не повезло, и ты влип в нее, когда она только начинается. Его главный пунктик — эффективность Секретной службы. Было время, когда мы все проходили ускоренные курсы физической подготовки. Затем откуда-то возник экстрасенс, ясновидящий, психоаналитик. Ты в это время был где-то за границей и упустил счастье пообщаться с ним. Так вот, все ответственные сотрудники должны были поделиться с ним своими сновидениями.

Надо сказать, что психоаналитик долго не выдержал. Наверное, какие-то сны спугнули его, а может, еще что-нибудь случилось. Мы жили некоторое время спокойно. Однако примерно месяц тому назад М скрутил радикулит, и кто-то из его приятелей в клубе, один из этих жирных пьяниц,— мисс Манипенни осуждающе скривила очаровательный ротик,— рассказал ему о клинике на природе. Приятель только что не молится на это заведение, говорит, что бывает там ежегодно, и всего за двадцать фунтов в неделю (в клубе они тратят больше за один вечер). За две недели он якобы полностью обновляет свой организм.

Ты знаешь его страсть все испытывать на себе. Так вот, он отправляется на десять дней в клинику и возвращается оттуда в полнейшем восторге. Вчера он затиранил меня рассказами, а сегодня с утренней почтой я получаю набор банок с патокой, зародышами пшеницы и еще бог знает с чем. Я не знаю, что делать со всем этим добром, и боюсь, что моему несчастному пуделю придется помучиться некоторое время. Но как бы то ни было, я еще никогда не видела М в такой великолепной форме. Он совершенно обновился.

— Это уж точно. Он выглядит, как благообразный старикан в рекламе слабительной соли. Но почему он начал свои эксперименты именно с меня?

— Ты, наверное, догадываешься о том, как высоко он тебя ценит, а если нет, то тем лучше. Ну, как бы там ни было, едва он увидел твое медицинское заключение, тут же немедленно распорядился, чтобы я забронировала для тебя палату.— Мисс Манипенни сморщила свой носик.— Это правда, Джеймс, что ты так много пьешь и куришь? Ты же знаешь: здоровье не купишь за деньги.

Бонд поймал ее полный материнской заботы взгляд. Он едва сдерживал себя и делал отчаянные усилия, чтобы не сорваться.

— Лучше умереть от выпивки, чем от жажды. Что же касается сигарет, то я их курю, потому что не знаю, куда деть руки.

Он слышал себя как бы со стороны, сквозь возвратившееся похмелье. Если он сейчас же не уйдет и не выпьет двойное бренди, то смерть неминуема.

Губы мисс Манипенни неодобрительно поджались.

— Что касается рук, то до меня доходили разные слухи.

— Пенни, не начинай хоть ты.

Бонд сердито направился к двери. Обернувшись, он бросил:

— Еще одно замечание, и я после возвращения так тебя отшлепаю, что ты сможешь печатать, лишь сидя на пуховике.

— Боюсь, Джеймс,— мисс Манипенни послала ему лучезарную улыбку,— что, пожив две недели на орехах и лимонном соке, ты окажешься не способен даже отшлепать кого-нибудь.

Бонд прорычал что-то нечленораздельное и выскочил вон из приемной.

2. «Кустарники»

Джеймс Бонд зашвырнул чемодан на заднее сиденье такси (это был старенький «остин» шоколадного цвета), а сам устроился впереди, рядом с рыжим прыщеватым юнцом в черной кожаной куртке. Юнец неторопливо извлек из нагрудного кармана куртки расческу, тщательно обиходил свою прическу, именуемую «утиный хвост», вернул расческу на место и лишь после этого запустил двигатель.

Все это действо с расческой должно было продемонстрировать Бонду, что водитель осчастливил его, посадив в свой автомобиль. Самоуверенность и душевная черствость — типичная черта послевоенного поколения. Этот мальчишка, размышлял Бонд, зашибает примерно 20 фунтов в неделю, презирает своих родителей и стремится во всем походить на Томми Стила. Вряд ли сам он в этом виноват, просто он рожден в обществе потребления, государстве благоденствия, в век атома и космических полетов. Жизнь представляется ему легкой и безмятежной.

— Далеко ли до «Кустарников»? — полюбопытствовал Бонд.

Молодой человек подобно заправскому гонщику и без всякой на то необходимости резко бросил машину на со-

седнюю полосу движения, тем же манером вернул ее обратно и ответил:

— Что-нибудь через полчаса,— и, поддав газу, четко, но крайне рискованно обошел на перекрестке многотонный грузовик.

— Вы творите просто чудеса на этой «Синей птице».

Водитель покосился на Бонда и, убедившись, что тот не издевается, позволил себе слегка смягчиться.

— Отец говорит, что это старое корыто служило ему верой и правдой двадцать лет и что оно поработает еще столько же на меня. Не хочет раскошеливаться. Но я подкапливаю, полдороги уже пройдено.

Бонд решил, что упражнения с расческой чересчур обострили его нетерпимость по отношению к юному поколению, и спросил:

— Что собираетесь взять?

— «Фольксваген». Микроавтобус. Буду обслуживать бега в Брайтоне.

— Хорошая идея. У них, в Брайтоне, куча денег.

— Точно,— в тоне молодого человека можно было расслышать проблески энтузиазма.— Я был там всего один раз, и пара жучков подрядила меня доставить их с ихними девками в Лондон. Десять гиней и пятерка навара, вынь да положь.

— Можно только позавидовать, хотя в Брайтоне не знаешь, что найдешь, что потеряешь. Надо смотреть в оба, чтобы не грабанули, а то и вовсе пришить могут. Там есть серьезные банды. Кстати, что новенького слышно об этой, как ее, «Ведро крови», что ли?

— Пока лежат на дне после известного дела. О нем писали во всех газетах.

Неожиданно водитель осознал, что беседует с пассажиром почти как с равным, и с интересом посмотрел на Бонда.

— Вы направляетесь в «Репейники» кого-нибудь навестить или как?

— «Репейники»?

— «Кустарники» — «Репейники»,— лаконично обронил молодой человек.— Вы вовсе не смахиваете на тех, кого я туда обычно доставляю. Все больше жирные тетки и дряхлые старикашки, которые не велят мне быстро ехать, чтобы не растрясти ихний ишиас или как это называется!

Водитель свернул с шоссе на Брайтон и устремился на запад. Появились буколические деревенские пейзажи, Пойнингз, Фалкинг, какие-то фермы, овечки на холмах.

Бонд рассмеялся:

— Я получил четырнадцать дней без права обжалования. Доктора считают, что это мне поможет. Приказано не волноваться. Кстати, что местные жители думают о клинике?

— Все держат их за кучу придурков и плевать хотят на все это заведение. Приезжают туда с мешками денег и ничего не тратят в округе. Может быть, чайные что-нибудь и зарабатывают, особенно если удастся еще и наколоть.— Он взглянул на Бонда.— Вы не поверите. Взрослые люди, некоторые из них большие шишки в Сити или еще где-нибудь, разъезжают по округе с пустым брюхом в своих «бентли», а как увидят чайную, сразу забегают, чтобы выпить чашечку-другую. Это все, что им дозволено. За соседним столиком они видят парня, который уписывает гренки с маслом и заедает сдобным пирогом. Голодное брюхо не выдерживает такого безобразия. Они тут же требуют гору всякой всячины и быстро-быстро пожирают. Очень похожи на мальчишек, пробравшихся в кладовку. Все время озираются по сторонам, не видит ли кто. Смотреть противно.

— Неоправданное легкомыслие, особенно если учесть, что они столько платят за свое излечение.

— Я так скажу,— кипел юнец от негодования,— если ты дерешь с меня двадцать гиней, так корми прилично три раза в день. Тогда понятно. Но за такие деньги давать лишь пустой кипяток! Бессмыслица какая-то, а им все сходит с рук.

— Наверное, там все-таки лечат,— заметил Бонд,— и расходы окупаются, если приходит исцеление.

— Наверное,— сказал молодой человек с сомнением.— Многие из них выглядят гораздо лучше, когда я их везу назад к поезду. А некоторые превращаются в настоящих старых козлов, посидев недельку на орехах и прочей дребедени. Как-нибудь надо будет попробовать,— закончил он с сальной ухмылкой.

— Что вы подразумеваете?

Молодой человек взглянул на Бонда, который, видимо, завоевал его доверие, особенно после светской беседы о Брайтоне, и сказал:

— Значит так. Здесь у нас в Вашингтоне есть одна девица. Та еще похотливая пташка. Вроде местной... этой... ну, вы понимаете, что я хочу сказать. Официантка в чайной под названием «Медовая пчелка» или, вернее, была ею. Все мы, мальчишки, прошли у нее выучку, вы понимаете, что я имею в виду, и всего за один фунт. Ей известна куча

всяких французских фокусов, и слух об этом достиг «Кустарников». Ну, старые козлы и стали ее клиентами. Вывозят в своих «бентли» в старый песчаный карьер тут неподалеку и дают ей жизни. Этот карьер всегда был ее любимым рабочим местом. Полли, Полли Грейс ее зовут. Они платят ей пять, а то и десять гиней за сеанс. Вот Полли и решила, что мы для нее слишком плохи. Или, вернее, что она стала слишком дорога для нашего рынка. Это вроде бы называется инфляцией. В прошлом месяце она свое место в «Пчелке» оставила, вы ни за что не поверите, купила за пару сотен классный «остин-метрополитен» и стала — как это, да — «мобильной». Как лондонские проститутки с Керзон-стрит, о которых толкуют в газетах. Сейчас она в отъезде, в Брайтоне или Льюисе, там, где легче подхватить клиента. Иногда Полли возвращается и тогда навещает карьер с козлами из «Репейников». Представляете? — Он злобно надавил на клаксон, смертельно испугав немолодую пару, мирно крутившую педали своего тандема.

— Все выглядит довольно скверно,—серьезно сказал Бонд,— правда, я не думал, что пациенты клиники склонны интересоваться такого рода занятиями, поддерживая существование лишь котлетками из орехов и вином из одуванчиков.

— Мы тоже так считали,— фыркнул водитель,— до тех пор пока один из моих приятелей, сын местного доктора, не потолковал со своим папашей, не прямо, конечно, а с подходом. И папочка объяснил, что такая диета: без выпивки, с хорошим отдыхом, массажами, горячими и холодными ваннами— и чего там у них еще? — хорошо очищает кровоток, тонизирует организм и способствует... вы понимаете, что я хочу сказать. Короче, старые козлы пробуждаются, и им опять хочется чего-нибудь остренького.

— Все-таки мне кажется, что существование этого заведения не лишено определенного смысла,— рассмеялся Бонд.

Справа от дороги возник щит с надписью «Кустарники» — ворота к здоровью. Убедительно просим соблюдать тишину». Дорога пересекла довольно широкую посадку елей и вечнозеленого кустарника, в долине между двумя холмами показалась высокая стена с внушительными воротами, украшенными бойницами. Рядом находился дом привратника, построенный в викторианском стиле. Меж тихих деревьев из печной трубы вилась тонкая струйка дыма.

За воротами оказалась покрытая гравием дорога, причудливо вьющаяся в зарослях лавра. Какая-то пара отпря-

нула с дороги, повинуясь реву клаксона. Справа открылся просторный зеленый газон, окаймленный аккуратным бордюром из цветов. По газону медленно перемещались человеческие фигуры, одиночки и пары, а дальше возвышалось чудовищно уродливое краснокирпичное здание викторианского стиля. Правда, от него к газону вел довольно модерновый застекленный солярий.

Машина остановилась у массивного портика, под крышей которого, как и на въездных воротах, были пробиты декоративные амбразуры. Рядом с лакированной арочной дверью с коваными железными петлями стояла высокая глазированная урна. Над ней висела дощечка «Просим не курить в помещении. Оставьте, пожалуйста, вашу сигарету здесь». Бонд вылез из такси и извлек свой чемодан. Десять шиллингов «на чай» были восприняты юнцом как нечто само собой разумеющееся.

— Спасибо. Если решите сорваться отсюда, вызывайте меня по телефону. Кстати, Полли здесь не одна такая, а на брайтонском шоссе есть чайная, где подают булочки с маслом. Пока.

Он нажал на газ и резко рванул с места, а Бонд, подхватив чемодан, обреченно поднялся по ступеням и открыл тяжелую дверь.

В просторном, обшитом дубовыми панелями зале было тепло и тихо. Из-за небольшой конторки его приветствовала миловидная строгая особа в белоснежном крахмальном халате. Бонд оставил свой автограф в регистрационной книге, и особа повела его через анфиладу уныло меблированных гостиных и по светлому стерильному коридору в дальнюю часть здания.

Там оказалась дверь, ведущая в пристройку — длинное одноэтажное дешевое строение с рядами палат по обе стороны от центрального прохода. Вместо номеров на дверях красовались надписи — названия различных растений. Они вошли в комнату, означенную словом «мирт», девушка объявила, что шеф примет Бонда через час, то есть в шесть часов, и оставила его в одиночестве. Это была самая заурядная комната, меблированная самой заурядной мебелью, правда, гардины выглядели довольно элегантно. На кровати лежало одеяло с электрическим подогревом. На комоде стояла ваза с тремя настурциями и лежала книга «Природацелительница», автор Аллан Мойль (ЧБАН). Бонд раскрыл книгу и выяснил, что это сокращение означает член Британской ассоциации натуропатов. Выключив центральное отопление, он широко распахнул окно. Так вот он —

знаменитый питомник целебных трав. Ряды безымянных растений вокруг центральной клумбы. И это все.

Бонд распаковал чемодан, устроился в кресле и начал читать о том, каким образом продукты распада выводятся из организма. Он почерпнул массу сведений о блюдах, названий которых никогда и не слыхивал. Его воображение особенно поразили калийный бульон и ореховый фарш. Он уже добрался до раздела, посвященного массажу, и начал размышлять над несколько безапелляционным заявлением автора о том, что в этом древнем искусстве следует выделять и различать поглаживание, потряхивание, постукивание, вибрацию, трение и растирание, как зазвонил телефон. Девичий голос сообщил, что мистер Уэйн будет счастлив принять его через пять минут в консультационном кабинете «А».

Мистер Уэйн оказался обладателем твердой сухой ладони, звучного голоса, густых благородных седин, прозрачных карих глаз под мягко очерченными бровями и искренней улыбки настоящего христианина. Он излучал доброжелательность и радость, видимо, по поводу свидания с Бондом. Короткие рукава белоснежного халата оставляли открытыми мускулистые руки. Лишь полосатые брюки, выглядывавшие из-под халата, вносили некоторую дисгармонию в общий облик. Он передвигался по комнате легким пружинистым шагом, излучая здоровье, сохранившееся, несомненно, от постоянного общения с матерью-природой.

Мистер Уэйн попросил Бонда раздеться до трусов и, увидев множество шрамов, воскликнул:

— О, боже мой, кажется, вы участвовали во многих войнах, мистер Бонд?

— В войне,— ответил Бонд индифферентно.

— Да, война — это так ужасно! Вдохните глубже, пожалуйста.

Мистер Уэйн прослушал Бонда, измерил артериальное давление, вес и рост. Он попросил своего пациента улечься на хирургическую кушетку и прошелся вдоль позвоночника и по суставам кончиками пальцев.

Пока Бонд одевался, врач что-то деловито писал, сидя за столом. Откинувшись на спинку стула, он произнес:

— Думаю, у вас нет особых причин для беспокойства. Слегка повышено давление, остеохондроз верхнего отдела позвоночника, что может быть причиной головных болей. Смещена правая подвздошная кость, несомненно в результате сильного ушиба,— мистер Уэйн поднял глаза на Бонда в ожидании подтверждения.

— Видимо, так,— сказал тот и подумал, что «сильный ушиб», возможно, произошел во время венгерских событий, когда Хейкель и его люди висели у него на хвосте и пришлось ночью на полном ходу выпрыгивать из экспресса.

Мистер Уэйн положил перед собой отпечатанную типографским способом карточку и начал вдумчиво отмечать на ней отдельные пункты.

— Итак, строгая диета в течение недели выведет все яды из кровотока. Затем массаж для поднятия тонуса, ингаляции, контрастные ванны и курс мануальной терапии. Не повредят и несколько сеансов растяжения. Но самое главное — полный покой. Выбросьте из головы все заботы, мистер Бонд. Насколько я понимаю, вы государственный чиновник, ну, так избавление на две недели от раздражающей бюрократической рутины принесет вам огромную пользу.

— Благодарю вас,— ответил Бонд и, заглянув в список, поинтересовался,— а что это за «растяжение»?

— У нас имеется медицинский прибор для растяжения позвоночника. Абсолютно безопасная и чрезвычайно благотворная для здоровья машинка.— Мистер Уэйн снисходительно улыбнулся.— Пусть вас не пугают рассказы некоторых пациентов, которые окрестили ее «дыбой», вы же знаете, какие встречаются шутники.

— Безусловно.

Бонд покинул кабинет и прошелся по клинике. Пациенты читали или тихо беседовали в гостиных. Пожилые люди, в большинстве своем женщины, принадлежащие к среднему классу, как определил Бонд. Теплый, спертый воздух помещения, старухи, облаченные в уродливые стеганые халаты, вызвали у него острый приступ клаустрофобии. Бонд поспешно пересек приемный зал и окунулся в восхитительную вечернюю свежесть. Он задумчиво брел по узкой ухоженной дороге, вдыхая терпкий, кисловатый запах лавра. Как он выдержит эту идиллию? Есть ли из этой дыры какой-нибудь выход, кроме выхода в отставку? Погруженный в свои мысли, он почти столкнулся с девушкой, которая неожиданно возникла из-за крутого поворота густо заросшей по обочинам дороги. И в тот момент когда она, одарив его улыбкой, шагнула в сторону, из-за поворота, срезая угол, на большой скорости вылетел «бентли». Девушка оказалась бы под колесами, если бы Бонд одним быстрым движением буквально не выдернул ее из-под капота машины.

Он опустил девушку на землю. Правая ладонь ощутила восхитительное тепло ее груди. Она с удивлением и возмущением смотрела на него, явно не понимая, что произошло. Лишь через мгновение она смогла оценить ситуацию и прошептала:

— Благодарю вас, большое спасибо.

Девушка повернулась к машине, которую пронесло юзом по гравию. Вальяжный мужчина неторопливо покинул водительское сиденье. На его лице не было и тени смущения или беспокойства.

— Прошу меня простить,— сказал он совершенно спокойно.— Надеюсь, вы не пострадали?

Вдруг тон его голоса совершенно изменился: он узнал девушку. Его слова теперь звучали приторно ласково.

— Ах, так это же мой лучший друг Патриция. Как поживаете, Пат? Все ли готово к моему приезду?

Мужчина был потрясающе красив. Бронзовый загар, аккуратные тонкие усики над жестким, мужественным ртом. Такие губы женщины часто целуют в своих снах. Некоторые черты лица говорили об испанском или латиноамериканском происхождении. Карие глаза смотрели смело, если не нагло. Их уголки были слегка приподняты, что придавало всему лицу необычное или, как бы сказали женщины, интригующее выражение. Высокий, атлетического сложения красавец был небрежно одет в твидовый пиджак от Андерсона и Шеппарда и белоснежную сорочку с бордовым в белый горошек галстуком. Темно-коричневый джемпер был связан из шерсти викуньи. Бонд подумал, что стоит этому привлекательному подонку свистнуть, и любая женщина заторопится к нему в постель. Не исключено, что он и живет за их счет, и живет припеваючи.

К девушке вернулось самообладание, и она сказала назидательным тоном:

— Вам следует быть более осторожным, граф Липпе. Вы же знаете, что пациенты и персонал постоянно ходят по этой дороге. Если бы не этот джентльмен,— Бонду была подарена улыбка,— вы бы меня переехали. У въезда висит знак, где крупными буквами написано, что водителей просят быть осторожнее.

— Извините, дорогая, но я крайне спешил. Я опаздываю на прием к нашему доброму мистеру Уэйну. Мне просто необходимо очистить организм от токсинов, которые накопились за две недели в Париже.

Повернувшись к Бонду, граф продолжал:

— Благодарю вас, дорогой сэр, у вас великолепная реакция. А теперь, если позволите...

Липпе сделал им ручкой, погрузился в свой «бентли» и отбыл в сторону здания клиники.

— Я тоже тороплюсь,— сказала девушка,— совсем опаздываю.

И зашагала в ту же сторону, куда направилась машина.

— Вы работаете в клинике? — поинтересовался Бонд.

Да, она работает в «Кустарниках» уже три года. Ей здесь все по вкусу. Как долго пробудет у них сэр? Они вели легкий разговор, приближаясь к зданию. Бонд отметил, что у девушки была ладно скроенная спортивная фигура теннисистки или фигуристки. Личико могло бы выглядеть вполне заурядным, если бы не большой чувственный рот и не выражение властности, которое нравится многим мужчинам.

Она была одета в дамский вариант халата, который Бонд видел на мистере Уэйне. Линии груди и бедер говорили о том, что под халатом ее не обременяют лишние одежды. Бонд не мог не спросить, не скучно ли ей и как она проводит свободное время.

На этот довольно избитый дебют она ответила улыбкой и оценивающим взглядом.

— У меня есть маленький автомобиль, и я частенько выезжаю на природу. Вы не представляете, какие здесь места, особенно для пешеходных прогулок. Мне некогда скучать. В клинике встречаешь очень интересных людей. Например, человек в машине — граф Липпе. Он приезжает каждый год и страшно интересно рассказывает захватывающие истории о жизни в Китае и на Дальнем Востоке. У него свое дело в Макао — это где-то рядом с Гонконгом, если я правильно запомнила.

— Память вас не подвела.

Итак, этот разрез глаз — подарок Востока. Если он выходец из Макао, то его предки скорее всего португальского происхождения.

В вестибюле девушка сказала:

— Еще раз благодарю. К сожалению, мне надо бежать. Надеюсь, вам у нас понравится,— и заторопилась к процедурным помещениям.

Бонд взглянул на часы и направился в цокольный этаж, где витал легкий запах оливкового масла и дезинфицирующего аэрозоля.

За дверью с надписью «Процедуры для джентльменов» его встретил мускулистый массажист, одетый в спортивные

брюки и облегающую рубашку с короткими рукавами.

Бонд разоблачился, обернул вокруг бедер банное полотенце и двинулся вслед за массажистом по длинному помещению, разделенному пластмассовыми занавесями на кабины.

В первой кабине возлежали бок о бок два пожилых клиента, плотно завернутые в электрические одеяла. С их багровых физиономий катились ручьи пота.

В соседнем отсеке Бонд увидел два массажных стола. На одном из них высилась желеобразная туша. Моложавая, но заросшая жировыми складками личность изрыгала глухие ругательства под беспощадно молотившими ее кулаками массажиста.

Бонд, у которого от всего увиденного уже голова пошла кругом, снял полотенце и улегся на соседний стол лицом вниз. Надо сказать, что такой глубокий и мощный массаж ему довелось испытать впервые в жизни.

Смутно, сквозь полудрему он услышал, как толстяк пыхтя сполз со стола, и его место тотчас занял новый пациент. Обращаясь к нему, массажист сказал:

— Боюсь, что вам придется снять часы, сэр.

Изысканно вкрадчивый, вежливый голос, который Бонд сразу узнал, произнес несколько капризно:

— Чепуха, мой милый. Я бываю здесь ежегодно, и меня ни разу не заставляли снимать часы. Так что я оставлю их на руке, с вашего позволения.

— Извините, сэр,— ответил массажист вежливо, но твердо,— наверное, вами занимался кто-то другой. Часы будут препятствовать кровотоку, когда я начну обрабатывать вашу руку. Если вы не возражаете, сэр.

На мгновение повисла тишина. Бонд ощутил, с каким трудом граф Липпе сдерживает гнев. Наконец с неожиданной, вовсе не соответствующей масштабу события и поэтому смехотворной яростью он выпалил:

— Снимите их сами...— ругательство не было произнесено, оно как бы повисло в воздухе, завершая фразу.

Со стороны инцидент выглядел, мягко говоря, странно. Любому понятно, что во время массажа часы следует снимать. Отказ графа выглядел каким-то детским капризом.

— Повернитесь, пожалуйста, на спину, сэр,— услышал Бонд голос своего массажиста. Теперь он мог повернуть голову и бросить взгляд на соседний стол. С него свободно свисала левая рука графа Липпе. На запястье, там, где обычно носят часы, белела полоска не тронутой солнцем кожи. В самом центре светлого круга Бонд разглядел та-

туировку — красный зигзаг, перечеркнутый двумя вертикальными линиями. Итак, граф Липпе не желал, чтобы кто-либо видел татуировку. Бонд лениво подумал, что было бы забавно позвонить в Справочный отдел и выяснить, что за типы носят этот тайный опознавательный знак на коже под наручными часами.

3. На «дыбе»

После часовой обработки Бонд чувствовал себя так, как будто его выпотрошили и пропустили через центрифугу. Он оделся и, посылая проклятья в адрес М, поплелся обессиленно в мир, который после всех унижений процедуры стал представляться ему вершиной цивилизованности.

У входа в главную гостиную стояли две открытые телефонные будки. Он вошел в одну из них, поднял трубку и назвал телефонистке тот единственный номер Секретной службы, которым разрешалось пользоваться при всех звонках извне.

Бонд знал, что все разговоры прослушиваются, и когда он попросил соединить его со Справочным отделом, в трубке повисла глухая тишина, которая означала, что на линии стоял «жучок».

Назвав свой номер начальнику отдела, он задал вопрос, присовокупив при этом, что субъект имеет, видимо, португальское происхождение с примесью восточной крови. Начальник попросил подождать, и когда через десять минут вновь поднял трубку, в его голосе слышался неподдельный интерес.

— Это так называемый знак Тонга, «Красные молнии Тонга». Странно, что его носит не чистокровный китаец. Организация имеет преступный, а не религиозный характер. Действует главным образом в Гонконге, штаб-квартира в Макао. Одно время мы им платили и получали первоклассную информацию из Пекина. Потом все полетело в тартарары, и в результате мы потеряли двух лучших агентов. Выяснилось, что они вели двойную игру, качая деньги и с другой стороны. Заварилась страшная каша, и пролилось немало крови. В основном они промышляют наркотиками, контрабандой золота в Индию и торговлей живым товаром высшего качества. Одним словом, Тонга — не мелкая рыбешка, и нам хотелось бы получить дополнительную информацию.

— Пока у меня нет ничего определенного. Я сам лишь сегодня впервые услышал о «Красных молниях». Если

узнаю что-нибудь новое, обязательно сообщу. Всего хорошего.

В задумчивости Бонд повесил трубку. Любопытно, какого черта этот тип торчит здесь, в «Кустарниках». Вдруг он уловил какое-то движение в соседней будке. Стоя спиной к выходу, граф Липпе снимал телефонную трубку.

Сколько времени он здесь? Слышал ли он запрос Бонда или только последнюю часть разговора? Где-то внутри пополз холодок, шевельнулось знакомое чувство — он совершил глупую, непоправимую и, главное, опасную ошибку. Но жизнь продолжалась. Бонд взглянул на часы. Уже половина восьмого, пора ужинать, желудок давал о себе знать. Он прошел через гостиную в солярий, где предстояло питаться. За длинной стойкой распоряжалась женщина с лицом профессиональной тюремщицы. Спросив имя и сверившись со списком, она плеснула в пластмассовую бульонную чашку половник овощного супа. Приняв чашку, Бонд спросил тревожно:

— И это все?

Без тени улыбки она сурово провозгласила:

— Вам еще повезло. На голодной диете вы не имели бы и этого. Запомните — суп в полдень и две чашки чая в шестнадцать часов.

Послав ей в ответ горькую улыбку, Бонд понес ужасный сосуд к маленькому столику у окна, выходящего на лужайку. Потягивая жидкое пойло, он наблюдал за сотоварищами по заключению, которые вяло и бесцельно слонялись по солярию. Кажется, он начинает их жалеть. А все потому, что он прошел посвящение и вступил в клуб. Он выскреб из чашки последний кубик разварной моркови и отрешенно направился в палату, размышляя о графе Липпе, отдыхе и больше всего о пустом желудке.

Минуло два дня. Бонд чувствовал себя прескверно. Его раздражала несильная, но постоянная головная боль. Белки глаз пожелтели, язык покрылся махровым белым налетом. Массажист объяснил, что это яды покидают организм и оснований для беспокойства нет. Бонд был настолько слаб, что даже не стал спорить. Ему было безразлично все, кроме апельсина со стаканом кипятка на завтрак, чашки жидкого супа на обед и, конечно, вечернего чая. Он сыпал туда ложками коричневый нерафинированный сахар — единственный сорт, получивший благословение мистера Уэйна.

На третий день, после массажа и контрастных сидячих ванн, в программе Бонда значилось: «Остеопатическая терапия и растяжение». Для этой экзекуции пришлось прой-

ти в отдаленную и очень тихую часть цокольного этажа. Открывая нужную дверь, он ожидал увидеть очередного поигрывающего мышцами волосатого «брата З», что означало, как ему удалось выяснить, «брат здоровья». Ловко придумали эти костоправы, закодировав себя подобным образом. Войдя в кабинет, Бонд остолбенел. Его встретила Патриция — девушка, которую он спас в день прибытия.

— Великий боже! — воскликнул Бонд.— Так вот чем вы здесь занимаетесь.

Девушка, очевидно, привыкла к такой реакции пациентов, хотя это ее и обижало. Без тени улыбки, деловитым тоном она произнесла:

— Почти двадцать процентов остеопатов и мануальных терапевтов — женщины. А теперь, пожалуйста, разденьтесь, снимайте все, кроме трусов.

Забавляясь ситуацией, Бонд выполнил приказ и, повинуясь очередному указанию, встал перед ней. Девушка осмотрела его со всех сторон, но в ее глазах был заметен лишь профессиональный интерес. Без каких-либо комментариев по поводу многочисленных шрамов она попросила Бонда улечься лицом вниз на кушетку и сильными, умелыми, хорошо тренированными пальцами начала обрабатывать позвоночник. Бонд даже несколько обиделся на такое безразличие со стороны миловидной девушки к полуобнаженному и вполне симпатичному, с его точки зрения, мужчине. Закончив свои манипуляции, она попросила его встать и поднять вверх руки. Когда она обхватила ладонями его шею, в ее зрачках, находившихся в нескольких дюймах от его глаз, не было ничего, кроме профессиональной сосредоточенности. Резко и очень сильно она рванула его на себя, чтобы раскрепостить шейные позвонки. Это уже переходило все границы. И когда она сказала, что можно опустить руки, Бонд обхватил ее за плечи, притянул к себе и влепил поцелуй прямо в губы. Она сделала быстрый нырок между его руками, освободилась и, выпрямившись, посмотрела на Бонда горевшими от возмущения глазами.

Бонд почувствовал, что сейчас последует пощечина, и, возможно, очень сильная, поэтому поспешил заявить:

— Вы правы в своем гневе, но как я мог поступить иначе? Лица с такими красивыми губами не должны допускаться к остеопатической практике.

Гнев в ее глазах чуточку поостыл.

— Тип, который сделал это в прошлый раз, укатил отсюда ближайшим поездом!

Бонд рассмеялся и сделал угрожающее движение в ее сторону.

— Если меня действительно вышвырнут из этой дыры, я немедленно готов вновь вызвать ваш гнев.

— Не глупите, собирайте вещи и быстро на растяжение. Продолжительность процедуры тридцать минут.— Она позволила себе улыбнуться.— Надеюсь, это несколько умерит ваш пыл.

— Иду, но при одном условии,— с напускной мрачностью заявил Бонд,— если вы согласитесь отужинать со мной в ближайший свободный день.

— Посмотрим, это целиком будет зависеть от вашего поведения на следующем сеансе.

Она ожидала его, стоя в открытых дверях. Бонд собрал свои вещи и вышел в коридор, почти столкнувшись с проходившим мимо человеком. Это был граф Липпе в спортивных брюках и ветровке жизнерадостного цвета. Слегка поклонившись, он улыбнулся девушке:

— Овечка пришла на заклание. Я только надеюсь, что вы не употребите сегодня всю вашу мощь.

Его восточные глаза обольстительно блестели.

— Готовьтесь, пожалуйста. Я моментально вернусь, лишь только уложу мистера Бонда на растяжение.

Бонд покорно проследовал за ней по коридору до двери, за которой оказалась маленькая прихожая, отделенная от основного помещения пластиковым занавесом. За занавесом обнаружилась необычная, обитая кожей, сверкающая хромом и алюминием разновидность хирургического стола. Бонду этот стол крайне не понравился. Пока девушка манипулировала с ремнями, прикрепленными к каждой из трех обитых кожей секций, Бонд с большим подозрением осмотрел хитроумное сооружение. Под столом на полу был закреплен довольно мощный электромотор. Надпись на пластинке сообщала, что перед вами находится «Механический растяжной стол «Геркулес». Кривошипный механизм соединял каждую из трех подвижных секций с мотором. Кроме того, на каждой секции особыми натяжными винтами крепились ремни, похожие на автомобильные ремни безопасности. В передней части сооружения примерно на уровне глаз пациента помещался большой циферблат, указывающий в фунтах силу растяжения. Максимум достигал двухсот, при этом все цифры, начиная со ста пятидесяти, были окрашены в красный цвет. Чуть ниже подголовника была горизонтально закреплена рукоятка, за которую пациент мог держаться во время процедуры. Она была покрыта какими-то темными пятнами. Утешая себя, Бонд подумал, что, наверное, это все-таки не кровь обитателей «Кустарников».

— Ложитесь, пожалуйста, лицом вниз,— девушка уже держала наготове ремни.

— Никуда я не лягу,— заупрямился Бонд,— по крайней мере до тех пор, пока мне толком не объяснят, как эта штуковина действует.

— Обыкновенный аппарат для растяжения позвоночника. Доктор обнаружил у вас небольшое смещение позвонков, имеется сдвиг подвздошной кости, одним словом, процедура вам показана. Никаких болезненных ощущений не возникнет, вы почувствуете лишь легкое растягивание. На некоторых оно действует настолько успокаивающе, что они засыпают.

— Данный пациент не уснет,— твердо пообещал Бонд.— Объясните, что означают вот эти красные цифры. Какую нагрузку вы намерены дать моему бедному хребту? И насколько вы уверены, что меня не разорвет на части?

— Не валяйте дурака. Ясно, что избыточное натяжение может представлять некоторую опасность. Но мы начнем с девяноста фунтов. Через пятнадцать минут я вернусь и, если все пойдет нормально, увеличим нагрузку до ста двадцати. А сейчас, пожалуйста, поторопитесь, меня ждет другой пациент.

Бонд с неохотой вскарабкался на стол, улегся лицом вниз, при этом его рот и нос погрузились в глубокую вмятину на подголовнике. Его голос глухо пробивался сквозь кожу.

— Знайте, если вы меня убьете, я затаскаю вас по судам.

Он ощутил, как ремни затянулись на спине ниже лопаток и на бедрах. Девушка наклонилась к рычагу управления рядом с циферблатом. Ее юбка коснулась лица Бонда. Мотор жалобно взвыл, ремни натянулись и ослабли, натянулись и ослабли. Ему казалось, что его тело растягивают огромные добрые руки. Ощущение было необычным, но его нельзя было назвать неприятным. Бонд с трудом поднял голову, стрелка на диске твердо стояла на цифре 90. Машина вдруг начала издавать звуки, напоминающие вопли механического осла: это попеременно включались шарнирные механизмы, сообщающие аппарату ритмическое движение.

— Все в порядке?

— Да.

И он услышал, как зашелестел занавес и хлопнула дверь.

Под гипнотизирующее монотонное гудение Бонд полностью отдался неустанному ритмическому движению. Он закрыл глаза и подумал, что глупо было так психовать по ничтожному поводу.

Примерно через четверть часа он опять услышал звук открывшейся двери и шелест занавеса.

— Надеюсь, все нормально?

— Великолепно.

В поле его зрения возникла девичья рука, которая слегка передвинула рычаг. Бонд поднял голову: индикатор показывал 120. Тяга стала гораздо сильнее, а голос машины значительно громче.

Девушка склонилась над ним, успокаивающе положила ладони на плечо и прокричала, стараясь перекрыть шум механизма:

— Осталось всего пятнадцать минут.

— Отлично,— сдержанно произнес Бонд. Он почувствовал увеличившуюся мощь гиганта, растягивающего тело. Шелест занавеса и стук двери на сей раз утонули в шуме машины. Бонд опять расслабился в ритмично работающих лапах.

Прошло, наверное, не более пяти минут, как легкое движение воздуха у лица заставило Бонда открыть глаза. Перед ним была рука, мужская рука, осторожно тянущаяся к регулятору нагрузки. Он смотрел на нее сначала зачарованно, а потом со все возрастающим ужасом, когда заметил, что рычаг медленно опускается вниз, и почувствовал, как ремни жестко врезались в тело. Он завопил изо всех сил что-то нечленораздельное.

Тело разрывала нестерпимая боль. Отчаянным усилием он приподнял голову. Стрелка на циферблате плясала у цифры 200. Бонд обессиленно уронил голову. Сквозь струйки пота, заливающие глаза, он заметил, как рука немного приподняла рычаг. Когда ее запястье оказалось у Бонда перед глазами, он увидел крошечный красный зигзаг, перечеркнутый двумя линиями. Мягкий голос спокойно произнес прямо ему в ухо:

— Надеюсь, вы перестанете вмешиваться в чужие дела, мой друг.

И Бонд остался наедине с оглушающим воем и грохотом машины, бешено пульсирующими секциями, намертво притянутый рвущими кожу ремнями. Он вскрикивал все слабее, пот стекал с кожаных подушек на пол. Крики постепенно стихли, и Бонд погрузился во тьму.

4. О чае и вражде

По мере того как к нему возвращалась жизнь, Бонд внимательно анализировал свои ощущения. Его поразило, что разжались тиски невыносимой, разрывающей тело боли. Конечно, позвоночник давал о себе знать, казалось, что по каждому позвонку кто-то прошелся деревянным молотком. Но это была боль изведанная, знакомая, и поэтому ее вполне можно было стерпеть. Тот опаляющий смерч, который полностью растворил в себе его личность, стих, он не помнил, что это было, что низвело его к уровню агонизирующего животного. Сквозь туман до него дошло журчание голосов.

— Как вы догадались, что произошло несчастье, мисс Фearинг?

— Шум. Грохот машины. Я ни разу не слышала ничего подобного. Он донесся до меня вскоре после того, как я закончила очередную процедуру. Вначале я подумала, что просто забыла закрыть за собой дверь, и ни о чем не беспокоилась. Но потом все-таки решила проверить. Вы представляете, индикатор показывал двести фунтов. Ну, я первым делом остановила мотор, расстегнула ремни и кинулась в хирургическое. Схватила корамин и ввела внутривенно один кубик — пульс едва прощупывался. После этого я позвонила вам.

— Вы поступили наилучшим образом, мисс Фиринг, и я уверен, что в случившемся нет ни грамма вашей вины.

Однако в голосе мистера Уэйна все-таки можно было уловить нотку сомнения.

— Все это крайне неприятно. Будем считать, что пациент сам по неосторожности передвинул регулятор. Бедняга, он же вполне мог себя убить! Не забудьте написать письмо в компанию, чтобы они поставили специальный предохранитель.

Кости целы, но имеются значительные поверхностные повреждения кожи, затронуты нервные окончания и, конечно, шок. Поручаю его вашим заботам, мисс Фиринг, под вашу личную ответственность. Покой, тепло, нежный массаж.

* * *

Покой, тепло, нежный массаж. Когда Бонд пришел в себя, он обнаружил, что лежит лицом вниз на собственной постели. Тело купалось в небывало приятных ощущениях. Снизу мягкая теплота электрического одеяла, сверху спокойное тепло инфракрасных ламп, и две ладони, покрытые

нежнейшим пухом, ритмично оглаживают его обиженное тело от шеи до подколенных ямочек. Роскошное ощущение всепроникающей нежности, Бонд утопал в ней. Сонным голосом он спросил:

— Так это и есть знаменитый «нежный массаж»?

Он услышал мягкий голос:

— Я поняла, что вы очнулись, изменился тонус кожи. Как вы себя чувствуете?

— Великолепно. Но состояние резко улучшится, когда мне пропишут двойное виски со льдом.

Девушка рассмеялась.

— Мистер Уэйн считает, что самым полезным для вас напитком будет чай из одуванчиков. Однако я думаю, одноразовый прием стимулирующего средства не принесет вреда. Я захватила бренди, а льда здесь сколько угодно. Я как раз собиралась соорудить охлаждающий компресс. Если вы в самом деле хотите выпить, я накину на вас халат, а вы постарайтесь лечь на бок. Я отвернусь.

Бонд слышал, как она откатила лампы в сторону.

Очень медленно и осторожно он повернулся на бок, появилась знакомая тупая боль, но уже не такая сильная. С трудом он свесил ноги через край кровати и наконец принял сидячее положение.

Перед ним стояла во всем белом такая чистая и буквально излучающая покой мисс Патриция Фearинг. В одной руке она держала пару тяжелых рукавиц из норкового меха, в другой — стакан. Бонд сделал глоток и услышал такое мирное, принадлежащее реальной жизни позвякивание кусочков льда о стекло. Какая же это замечательная девушка, подумал он. Вот с ней я и начну новую, оседлую жизнь. Круглые сутки она мне будет делать «нежный массаж» и время от времени давать выпить чего-нибудь крепкого, как сейчас. Какая же это будет красивая жизнь. Он улыбнулся, протянул стакан и сказал:

— Еще.

Она с облегчением рассмеялась. Все указывало на то, что пациент полностью вернулся к жизни.

— Хорошо, но это будет последняя порция. Вредно пить на пустой желудок. Что будет, если вы вдруг опьянеете?

Неожиданно в ней вновь проснулся медик.

— А теперь расскажите мне, что произошло. Вы нас очень напугали. Аппарат считается совершенно безопасным, и раньше не случалось ничего подобного. Вы случайно тронули рычаг?

Бонд бросил на нее открытый, честный взор.

— Так и есть. Я захотел устроиться поудобнее, неловко двинулся, рука сорвалась и задела за что-то твердое. Наверное, это и был рычаг. Дальше я ничего не помню. Мне ужасно повезло, что вы появились так скоро.

Девушка дала ему наполненный стакан.

— Все хорошо, что хорошо кончается. Слава богу, у вас не обнаружено серьезных повреждений. Через пару дней вы снова будете па ногах.

Немного выждав, она продолжала с некоторой неуверенностью в голосе.

— Кстати, мистер Уэйн просит вас, если можно, не рассказывать об этом печальном инциденте. Ему не хочется, чтобы пациенты волновались.

«Еще бы»,— подумал Бонд и представил себе газетные заголовки: «Пациент разорван в клочья в натуропатической клинике! Аппарат сходит с ума. Министерство здравоохранения вынуждено принять меры». Однако вслух он произнес:

— Не беспокойтесь, я буду нем как рыба, тем более что я сам виноват во всем.

Бонд прикончил бренди, возвратил стакан и, с трудом вернувшись в горизонтальное положение, сказал:

— Чудесно, на закуску неплохо бы еще немного норковой процедуры. Кстати, я предлагаю вам руку и сердце, вы единственная из всех моих знакомых знаете, как обращаться с мужчинами.

Она рассмеялась:

— Не говорите глупости и повернитесь на живот, вашей спине нужен массаж.

— Почему вы решили, что только спине?

* * *

Через два дня Бонд вернулся в призрачный мир натуропатии. Он уже привык получать с утра горячую воду и апельсин, разрезанный на равные дольки какой-то хитрой машиной под управлением надзирательницы за питанием. Привык к процедурам, горячему овощному супу и бесцельному послеобеденному блужданию вокруг дома, которое именовалось прогулкой. Как большое приключение он воспринимал автобусную поездку в ближайшую чайную. Какое счастье выпить животворную чашечку переслащенного нерафинированным сахаром густого черного чая. В обычной жизни Бонд ненавидел традиционную английскую процедуру чаепития, этот отупляющий обычай —

опиум народа. Однако в том состоянии, в каком он находился теперь, сладкое варево действовало на пустой желудок почти опьяняюще. По его оценке, три чашки чая соответствовали полубутылке шампанского в реальном мире.

Но самым удивительным было то, что физически Бонд себя чувствовал просто великолепно. Никаких головных болей или ломоты в суставах. Чистая кожа, прекрасный десятичасовой сон. Его перестало мучить утреннее чувство вины, которое столь разрушающе действует на организм. Он был настолько здоров, что даже начинал серьезно беспокоиться. А что, если произошло полное перерождение личности? Может быть, он утратил свою сущность и цель в жизни, превращается в мягкотелого идеалиста-мечтателя, который скоро начнет посещать тюрьмы и организовывать молодежные клубы, присоединится к маршу протеста против водородной бомбы? Он будет питаться только бифштексами из орехов и страдать от несовершенства мира. Бонд беспокоился бы значительно больше, если бы его не занимали всецело три идеи, явно принадлежащие прошлой жизни.

Во-первых, съесть огромное блюдо спагетти по-болонски с рубленым чесноком и запить его бутылкой самого дешевого кьянти. Он представлял, как восхитительно наполняется желудок и как торжествуют вкусовые сосочки, истосковавшиеся по острым ощущениям. Во-вторых, обнять крепко сбитое спортивное тело Патриции Фearинг. И наконец, в-третьих, найти пути и средства для того, чтобы выпустить потроха из графа Липпе.

Первые два желания могли подождать, хотя он и мечтал, что реализует их сразу же в день освобождения. С графом же следовало поторопиться, и работа по подготовке операции началась, как только Бонд приступил к обычным процедурам.

С профессиональной холодностью и энергией, которую знали вражеские агенты во всем мире, Бонд приступил к работе против графа. Он стал словоохотлив и любопытен. Болтая с Патрицией Феаринг о разных разностях, он интересовался: «Когда персонал обедает? А этот Липпе в прекрасной форме. Ах, он заботится о своей талии. Нет, я еще не видел турецких бань, но, может быть, туда действительно стоит заглянуть». И со своим массажистом: «Что-то я давненько не встречал этого малого, как бишь его — Риппер? Хиппер? Ах да, Липпе. Ежедневно в полдень? Может быть, и мне перейти на это время? Освобождается весь

день. И я хотел бы испытать на себе чудесное действие турецких бань. После массажа полезно хорошенько пропотеть».

Так постепенно, исподволь, фрагмент за фрагментом сложился план, согласно которому они должны были остаться один на один в звукоизолированном процедурном помещении.

Возможно, Липпе хотел лишь предупредить Бонда, но с той же степенью вероятности можно допустить, что его целью было убийство. Вряд ли Липпе знал, как действует на позвоночник тяга в 200 фунтов. Бонд задумчиво вылил остатки чая на горку сахарного песка, размешал и стал ложечкой есть густую кашицу.

Кто же этот человек? Во всяком случае, его тайна заслуживает внимания, если ради нее граф готов на убийство.

Бонд не собирался никому рассказывать о Липпе и его поступке. Этот инцидент на общем фоне растительного существования в «Кустарниках» выглядел невероятным и абсолютно нелепым. Профессионал, человек действия, выходивший с честью из многих переделок, оказался вульгарным раззявой. Он, ас разведки, правда несколько ослабленный диетой из кипятка и овощного бульона, позволил прикрутить себя к какому-то дергающемуся сооружению. Он дал возможность некоему проходимцу одним движением руки превратить его — героя сотен битв — в бесформенный студень. Совершенно исключено, чтобы коллеги узнали об этом. Если он не хочет превратить себя в посмешище до конца дней своих, то будет мстить молча, как и подобает настоящему мужчине.

На четырнадцатый, последний день пребывания в клинике Бонд точно знал время, место и способ, каким свершится возмездие.

В десять утра его в последний раз принял мистер Уэйн. Когда Бонд вошел в его кабинет, мистер Уэйн, стоя у распахнутого окна, занимался дыхательной гимнастикой. Завершив последний полный выдох (обязательно через нос), он повернулся к пациенту и широко, по-приятельски улыбнулся.

— Как жизнь, мистер Бонд? В каком цвете вам видится наш прекрасный мир? Надеюсь, не осталось никаких последствий от той маленькой неприятности? Нет. Ну, я так и думал. Человеческий организм — замечательная машина с огромным запасом прочности и компенсационными возможностями. Рубашку долой, посмотрим, что подарили вам наши «Кустарники».

Когда через десять минут Бонд направился на последнюю процедуру, он знал, что давление у него 132/84, потеря веса 10 фунтов, язык очистился, отложения солей исчезли.

В коридорах и процедурных кабинетах стояла глухая тишина. Из кабинок на фоне ритмичного пошлепывания иногда приглушенно доносился короткий обмен репликами. Непрерывный гул вентиляторов создавал впечатление, что вы находитесь где-то в чреве гигантского лайнера, стоящего у причала. Примерно в половине первого, когда Бонд лежал лицом вниз на массажном столе, он услышал шаги босых ног и до него долетел властный голос его будущей жертвы.

— Доброе утро, Бересфорд, для меня все готово? Дайте-ка побольше тепла сегодня. Последний сеанс, а еще осталось расплавить три унции, не так ли?

— Сделаем, сэр.

Перед глазами Бонда прошествовали спортивные туфли старшего дежурного, за которыми следовали босые ступни графа Липпе. Они направлялись в самый дальний кабинет, где находились так называемые электрические турецкие бани. Бонд слышал, как открылась и закрылась дверь. Через несколько минут вновь послышался звук открываемой двери, и дежурный, устроив графа Липпе, прошел назад. Еще через двадцать пять минут Бонд соскользнул со стола.

— Огромное спасибо, Сэм. Вы наполнили меня новой энергией. Думаю, что через пару месяцев я опять буду вашим гостем. Ну, сейчас я пойду принимать ванну, а вы марш, марш к вашим морковным котлеткам. Не беспокойтесь, я выберусь из этого подвала самостоятельно.

Бонд обернул полотенце вокруг бедер и двинулся по коридору. Теперь здесь кипела жизнь, стоял шум голосов «братьев З», которые наконец избавились от своих пациентов и спешили через служебный вход в кафетерий.

В помещении прогремел фельдфебельский бас Бересфорда:

— Окна, Билл! Твой следующий пациент мистер Данбир — ровно в два. Лэн, скажи прачечной, что после обеда нам понадобятся свежие полотенца. Тэд! Тэд! Ты здесь, Тэд? Тогда ты, Сэм, присмотри, пожалуйста, за графом Липпе в турецких банях.

Бонд, слушавший эту перекличку две недели, заметил, что некоторые служащие ужимали свое рабочее время и растягивали таким образом перерыв. Иные же оставались па рабочих местах до последней секунды. Из-за открытых

дверей пустой душевой Бонд ответил, подражая низкому голосу Сэма:

— Хорошо, мистер Бересфорд.

Бонд прислушался. Шаги спортивных туфель. Короткая остановка. Вздох. Звук открывшейся и закрывшейся двери служебного входа. Процедурное отделение опустело. В гробовой тишине мерно гудели вентиляторы. Во всем здании осталось два человека — Джеймс Бонд и граф Липпе.

Бонд выждал несколько секунд, вышел из душевой и неслышно открыл дверь, ведущую в турецкпе бани. Один раз с целью рекогносцировки он прошел через эту процедуру и поэтому хорошо представлял себе поле боя. Это помещение отличалось от других лишь тем, что здесь находился ящик из пластика и металла высотой в пять и шириной в четыре фута. Ящик герметически закрывался, и лишь передняя стенка откидывалась, чтобы пациент мог проникнуть внутрь сооружения. В крышке было сделано отверстие с высокими закраинами из губчатой резины, на которые опирались подбородок и затылок пациента, тело же подвергалось тепловому воздействию. Источником тепла являлись обыкновенные электрические лампы, расположенные в несколько рядов внутри ящика. Для контроля температуры на заднюю стенку была выведена рукоятка реостата. Конструкция парилки, как заметил еще в свое первое посещение Бонд, была разработана фирмой из Баварии. Пациент сидел спиной к входной двери. Услышав звук гидравлической дверной пружипы, граф Липпе сказал зло:

— Черт побери, Бересфорд. Скорее выпустите меня из этой коробки. Я мокрый, как свинья.

— Вы сами просили погорячее, сэр! — Дружелюбный тон Бонда неплохо передал интонацию Бересфорда.

— Не спорьте, открывайте скорее!

— Мне кажется, сэр, вы не полностью осознаете, какое огромное место занимает тепло во всей системе натуропатии. Жар плавит значительную часть токсинов как в кровотоке, так и в мышечной ткани, сэр. Пациепт с ярко выраженной интоксикацией, что характерно для вашего случая, сэр, получает огромную пользу при тепловой обработке.

Бонд неожиданно для себя обнаружил, как легко эта натуропатическая абракадабра льется с его языка. Он пе волновался за Бересфорда, тот имел железное алиби, находясь в служебном кафетерии.

— Вы сошли с ума! Повторяю, немедленно выпустите меня!

Бонд неторопливо изучал температурную шкалу на задней стенке. Стрелка показывала 65°. Сколько же ему дать? Максимум на шкале — 110°. Нет, так можно его заживо зажарить. В конце концов это лишь возмездие, а не убийство. Наверное, 90° будет достаточно.

— Полагаю, что часок настоящего тепла доставит вам истинное наслаждение, сэр,— сказал Бонд, устанавливая рукоятку реостата так, чтобы стрелка показывала 90°, и, кончив кривляться, резко бросил своим обычным голосом:

— Если произойдет возгорание, подавайте на клинику в суд.

Истекающая потом голова сделала безуспешную попытку повернуться. Бонд направился к дверям. Граф Липпе снова заговорил, но тон его был уже совсем другим. В нем Бонд уловил ярость и отчаяние. Ровным голосом, стараясь не выдать затаенную ненависть, граф произнес:

— Плачу вам тысячу, и мы квиты.

Услышав скрип дверной пружины, он отчаянно закричал:

— Десять тысяч! Пятьдесят...

Бонд плотно прикрыл за собой дверь и быстро зашагал по коридору. Откуда-то издалека глухо донесся первый вопль о помощи. Бонд прикрыл ладонями уши. Самое худшее, что может грозить графу,— это неделя в настоящей больнице. Но почему граф так разволновался? Человек, который предлагает пятьдесят тысяч, или очень богат, или у него есть какая-то чрезвычайно серьезная причина, не позволяющая ему терять неделю в лечебнице. Пятьдесят тысяч лишь за то, чтобы избежать умеренной боли,— это, конечно, слишком.

* * *

Джеймс Бонд был прав. Эта нелепая, детская проба сил двух закаленных бойцов в ирреальном мирке натуропатической клиники в Суссексе заставила отложить, хотя и не надолго, реализацию рассчитанного по секундам заговора. Заговора, который должен был потрясти правительства двух крупнейших государств Запада.

5. «Спектр»

Бульвар Оссман в VIII и IX районах тянется от улицы Фобур-Сент-Опоре к Опера. Это очень длинная и скуч-

ная улица, но, вероятно, одна из самых респектабельных в Париже. Не самая богатая — это качество отличает, например, авеню Йена,— ведь богатство не всегда идет рука об руку с респектабельностью. Слишком многие домовладельцы и обитатели авеню Йена носят фамилии, оканчивающиеся на «еску», «ович» или «штейн». Фамилии с такими окончаниями, безусловно, не могут принадлежать респектабельным людям. К тому же авеню Йена — главным образом жилой район, и лишь на редких латунных табличках там можно увидеть названия холдинговых компаний, зарегистрированных в Лихтенштейне, на Багамах или в кантоне Во в Швейцарии. Эти места часто избираются крупным капиталом в целях облегчения «необоснованного гнета» со стороны департамента государственных сборов, а короче, просто для того, чтобы убежать от налогов. Бульвар Оссман не таков. В массивных зданиях конца прошлого века с каменными или лепными орнаментами в стиле Второй империи расквартированы солидные учреждения. Здесь расположены правления компаний, принадлежащих крупным промышленникам Лилля, Лиона, Бордо, Клермон-Феррана. Да и местные, парижские, как говорят французы, grosses légumes — большие шишки в металлургии, производстве искусственного волокна и вина или в судоходстве находят прибежище на бульваре Оссман. Возможно, и здесь за солидным адресом скрывается мелкая рыбешка. В семье не без урода. Но справедливости ради следует признать, что такие «бумажные» магнаты водятся во всех финансовых центрах и даже на Уолл-стрит. Поэтому совершенно естественно, что в этой исключительно респектабельной компании, в которую приятное разнообразие вносят две церкви и музейчик французского шекспировского общества, вы сможете обнаружить и штаб-квартиры благотворительных обществ. У дверей дома номер 136-бис, например, на скромно поблескивающей медной пластинке было выгравировано «МБСУ», а чуть ниже красивой вязью — «Международное братство сопротивления угнетению». Если вы идеалист или торговец (конторской мебелью, например) и у вас пробудился интерес к данной организации, смело давите на тщательно отполированную фарфоровую головку звонка. Типичнейший французский консьерж распахнет перед вами дверь. Если вы пришли по серьезному делу и с добрыми намерениями, консьерж проведет вас через довольно пыльный вестибюль к дверям, расположенным рядом с вычурной решетчатой кабинкой древнего лифта. За дверями вы обнаружите то, что и ожи-

дали: типичнейшую обстановку типичнейшей парижской конторы. Большое темноватое помещение, стены цвета кофе с молоком, давно нуждающиеся в свежей краске, за дешевыми столами полдюжины служащих, пишущих либо стукающих на машинках. Вы наверняка увидите папки с входящими и исходящими номерами, старомодные телефоны, темно-зеленые металлические шкафы для хранения «дел» с выдвинутыми наполовину ящиками. Если вы достаточно наблюдательны, то обратите внимание на то, что в этой конторе, где, по-видимому, преобладает секретарский труд, нет ни одной женщины, а все сотрудники — мужчины примерно одного возраста, им от тридцати до сорока.

За дверью вас ожидает вежливый, но сдержанный прием, что тоже типично для перегруженного работой учреждения, где к тому же привыкли, что среди посетителей неизбежен определенный процент психопатов или бездельников. Однако когда выяснится серьезность ваших намерений, лицо ближайшего к дверям клерка просветлеет и на нем проступит желание оказать вам помощь.

— Задачи братства? Мы действуем, мсье, дабы сохранить идеалы борцов Сопротивления во время последней войны. Наши фонды? Формируются из скромных взносов членов братства, а также пожертвований ряда частных лиц, разделяющих наши идеалы. Возможно, в Сопротивлении участвовал кто-нибудь из ваших близких и вы хотели бы узнать о его судьбе? Конечно, мсье! Имя, пожалуйста. Грегор Карлски, был с Михайловичем, последнее известие летом 1943 года. Жюль! Карлски Грегор, Михайлович, 1943.

Жюль находит нужную папку, и наступает короткая пауза. Затем следует ответ, что Грегор мертв — убит при бомбежке штаба Михайловича в октябре 1943 года.

— Я глубоко сожалею, мсье. Чем еще могу быть вам полезен? В таком случае вы, возможно, не откажетесь захватить с собой образцы наших печатных изданий, там вы найдете все сведения об организации. Простите, что я не могу лично уделить вам больше времени. Сегодня выдался особенно трудный день, вы, наверное, знаете, что идет Международный год беженцев и к нам поступает очень много запросов со всех концов света. Всего доброго, мсье. Pas de quoi *.

Все произойдет так или примерно так. Вы обнаружите, что находитесь опять на бульваре и чувствуете удовлетво-

* Не стоит благодарности *(фр.)*.

рение, если не восхищение перед этой колоссальной, хотя и несколько туманной работой, выполняемой с огромным энтузиазмом и эффективностью.

На другой день после того как Бонд закончил курс лечения и реализовал две оставшиеся задачи — у Люсьена в Брайтоне (спагетти и кьянти) и с мисс Феаринг в меловых холмах на сиденье ее машины (все, о чем мечтал),— он отбыл в Лондон.

В Париже на семь часов вечера было назначено чрезвычайное собрание совета попечителей МБСУ.

Мужчины, а совет попечителей состоял только из лиц мужского пола, прибывали со всех концов Европы на автомобилях, поездами и самолетами. Поодиночке или парами, начиная с полудня, они входили в дом номер 136-бис, некоторые через парадный подъезд, иные же воспользовались черным ходом. Перед такого рода совещаниями каждый член совета получал извещение, где указывалось точное время прибытия и вход, через который ему надлежало войти в здание. Каждый раз распорядок менялся. У дверей входящих членов совета приветствовали два консьержа. Предпринимались и другие, менее явные меры предосторожности, например система внутреннего оповещения или телевизионное наблюдение за входами снаружи и изнутри. Больше того, на столе заседаний раскладывалась обильная документация о деятельности МБСУ, а клерки на первом этаже удваивали активность. Все было организовано таким образом, что в считанные мгновения совет попечителей мог изменить характер своей благородной деятельности и переключиться с решения тайных задач на борьбу за достижение целей, изложенных в печатной продукции МБСУ. Все выглядело не менее респектабельно, чем на типичных советах директоров на бульваре Оссман.

Ровно в семь часов двадцать руководителей вошли в обставленный по-деловому зал заседаний на третьем этаже. Одни вступили в зал решительным шагом, другие лениво, вразвалку, а кое-кто проскользнул застенчиво, бочком, это зависело от характера и темперамента. Председатель совета уже находился на своем месте. Обмена приветствиями не было, все присутствующие считали это лишним сотрясением воздуха, а учитывая характер деятельности, ненужным лицемерием. Участники совещания двигались гуськом вокруг стола и занимали места, помеченные их номерами. Номера от единицы до двадцати одного были их именем и фамилией, но и они в целях конспирации менялись на две единицы ровно в полночь первого числа каж-

дого месяца. В зале никто не курил. Алкоголь был табу, курение не поощрялось. Никто даже не взглянул на лежащую перед каждым фальшивую повестку дня заседания. Все смотрели на председателя, смотрели молча, не отрывая глаз, и с таким живым интересом, что у людей меньшего калибра это можно было бы принять за подобострастие.

Это было неудивительно. Каждый, увидев но́мера второго (таков был его номер в данном месяце), испытал бы по отношению к нему по меньшей мере чувство величайшего почтения. Это была личность. Такие люди могут вам встретиться два, от силы три раза в жизни. От него трудно было оторвать восхищенный взор. Эти редкостные творения природы обладают тремя основными качествами: во-первых, исключительной внешней привлекательностью, необъяснимым даром обаяния, во-вторых, полной внутренней раскованностью, естественностью, уверенностью в себе (что вселяет уверенность и в других) и, наконец, в-третьих, магнетической энергией, действующей на волю других. Стадо немедленно чувствует появление такого существа, а в первобытном племени тот, кто обладал этими свойствами, становился вождем. Некоторые гигантские фигуры истории наверняка обладали этими качествами: Александр Македонский, Чингисхан, Наполеон. Возможно, наличием этих свойств можно объяснить и ту гипнотическую власть, которую имел Адольф Гитлер (в остальном ничтожная личность) над самым одаренным народом Европы.

Без сомнения, номер второй обладал всеми указанными качествами и был для двадцати избранных верховным главнокомандующим и объектом поклонения, несмотря на весь цинизм, присущий им по роду их деятельности.

Его звали Эрнст Ставро Блофельд. Он родился от отца-поляка и гречанки-матери в Гдыне 28 мая 1908 года. Закончив курс экономики и политической истории в Варшавском университете, Эрнст продолжил образование в Варшавском техническом институте, обучаясь инженерному делу и радиотехнике. В возрасте двадцати пяти лет он занял скромный пост в центральном управлении Министерства почт и телеграфа — весьма странный выбор для столь одаренного юноши. Однако Блофельд был иного мнения, он создал оригинальную теорию будущего развития мира, сделав вывод, что власть принадлежит тому, кто располагает точной и своевременной информацией. Возможность узнать истинное положение дел как можно раньше лежит в основе правильных решений как в мирное время, так и

в годы войны. Обладание информацией делает человека влиятельным и приносит богатство.

Он экспериментально подтвердил правильность своей теории, внимательно изучая содержание телеграмм и радиограмм, проходивших через его руки, и изредка по-крупному играя, когда он был уверен в успехе, на Варшавской фондовой бирже.

В характере почтовых отправлений начали происходить серьезные изменения. Польша готовилась к войне, и через его отдел пошел мощный поток военных заказов и дипломатических телеграмм. Блофельд сменил тактику. Ценный материал сам шел к нему в руки, он таил полезнейшую информацию для врага. Действуя сначала неумело, а затем со все большим мастерством, он ухитрялся снимать копии с телеграмм, ориентируясь лишь на гриф «весьма срочно» или «совершенно секретно», так как содержание скрывалось за шифром. Затем потихоньку он методично начал формировать фиктивную агентурную сеть. Это были реально существующие люди: мелкие клерки посольств, служащие оружейных компаний, младший шифровальщик английского посольства, переводчик французского, личные секретари директоров крупных фирм. Он извлекал имена своих «агентов» из дипломатических справочников. Например, звонил на фирму и вежливо выяснял имя президента.

— Говорят из Красного Креста, хотелось бы обсудить с директором возможность небольшого взноса со стороны компании.

Или что-нибудь в этом роде.

Когда «сеть» была создана (он окрестил ее «Тартар»), состоялась тайная встреча с военным атташе германского посольства, который ознакомился с образчиком деятельности Блофельда. Атташе срочно свел его с представителем одного из отделов абвера, и с этого момента у Блофельда не было проблем.

Когда каша заварилась и начали поступать деньги (он принимал только американские доллары и настаивал на срочной оплате, ссылаясь на требования агентов), настал момент позаботиться о расширении рынка. Рассмотрев в качестве кандидатов русских, он решил с ними не связываться. Чехов отбросил как никудышных плательщиков. В конце концов он остановил свой выбор на американцах и шведах, после чего деньги потекли к нему рекой. Однако вскоре хорошо развитый инстинкт самосохранения подсказал Блофельду, что, действуя с таким размахом, он долго не продержится. Во-первых, возможен обмен информацией

между секретными службами Германии и Швеции, которые довольно тесно сотрудничали в некоторых областях. Во-вторых, на него могла выйти любая из контрразведок или их шифровальных служб. В-третьих, один из «агентов» мог умереть или сменить место службы, а он продолжал бы ссылаться на него как на источник свежей информации. Во всяком случае, у него уже было двести тысяч, а война слишком приблизилась к дому, чтобы он мог чувствовать себя уютно.

Блофельд мастерски осуществил свой уход со сцены. Он начал с сокращения масштаба операций, объяснив это ужесточением мер безопасности со стороны французов и англичан.

— Возможно, была «утечка» (следует укоризненный взгляд в сторону собеседника), секретарь президента компании отказался от сотрудничества, а этот вот тип стал заламывать слишком большие суммы.

Приятель, который работал на бирже, за тысячу долларов помог Блофельду перевести средства в акции «Ройал датч-Шелл» и поместить их в персональном номерном сейфе в одном из банков Швейцарии. Прежде чем сделать решающий шаг и сообщить своим связникам, что он сгорел и польская контрразведка наступает ему на пятки, Блофельд совершил вояж в Гдыню. Там, в церкви, где его когда-то крестили, он аккуратно вырезал из церковной книги страницу со своим именем и датой рождения. Священник дал ему книгу, тронутый грустной историей о друге детства — инвалиде, который просил уточнить некоторые данные. Там же, в Гдыне, он посетил подпольную мастерскую, которые имеются в любом большом порту, изготавливающую фальшивые документы. За две тысячи долларов он приобрел документы матроса канадского торгового флота и на ближайшем пароходе отчалил в Швецию.

Переждав некоторое время в Стокгольме, осмотревшись и проанализировав вероятный ход военных действий, Блофельд по своему польскому паспорту перелетел в Турцию, перевел деньги на счет в Оттоманском банке и стал дожидаться падения Польши. Когда это произошло, он немедленно попросил у турецкого правительства политического убежища и, немного потратившись, получил его. Блофельд решил на некоторое время осесть в Турции. Радио Анкары было очень радо воспользоваться услугами такого эксперта. Вскоре ему удалось создать новую «шпионскую сеть» под названием «Рахир», действовавшую по образцу «Тартара», но на более солидной основе.

Прежде чем развернуть торговлю своим товаром, Блофельд мудро выждал, чтобы не промахнуться. Надо было точно вычислить возможного победителя. Он окончательно поставил на союзников лишь после того, как Роммеля вышибли из Африки. Когда война кончилась, Блофельд купался в лучах славы, наслаждаясь богатством. На груди звенели многочисленные американские, английские и французские награды.

Настало время вновь сменить обстановку, и по шведскому паспорту на имя Сержа Ангстрёма он отправился в Южную Америку, чтобы отдохнуть, насладиться вкусной едой и подумать на досуге над новыми проектами.

И вот Эрнст Блофельд (он решил, что без опасений может возвратиться к своему имени) сидел в тихом зале на бульваре Оссман, неторопливо вглядываясь в лица всех двадцати своих сподвижников. Он хотел выявить того, кто не осмеливался встретиться с ним взглядом. Его глаза, два больших темных омута, окаймленных по-женски пушистыми и длинными ресницами, смотрели совершенно безмятежно. Этот мягкий взгляд очень редко выражал эмоции более сильные, чем умеренное любопытство по отношению к объекту наблюдения. Если ты ни в чем не виновен, эти глаза излучают теплое доверие, в котором ты можешь беззаботно купаться, чувствуя себя в надежных, добрых руках. Но они же срывают все покровы с виновного или неискреннего, человек становится прозрачен, как аквариум, сквозь стенки которого Блофельд может холодно исследовать его содержимое. Этот взгляд отделял зерна истины от плевел лжи. Этот взгляд можно было уподобить микроскопу или окну, за которым таился исключительно мощный, ясный ум. Ум, обостренный тридцатилетней борьбой, постоянным пребыванием в двух шагах от гибели и внутренней уверенностью человека, которому никогда не изменяла удача.

Крупное, белое, гладкое доброжелательное лицо не носило следов порока, болезней или возраста. Подбородок указывал на властный, решительный и независимый характер. Жесткие черные волосы были коротко подстрижены. Лишь рот вносил резкий диссонанс в черты этого лица, не будь его, оно вполне могло бы принадлежать философу или ученому. Этот рот с тонкими, всегда плотно сжатыми синеватыми губами, способными лишь к фальшивой, отталкивающей улыбке, рот, напоминающий плохо затянувшуюся рану, выдавал деспотизм, жестокость, презрение к людям. Все в Блофельде было огромно. Вес его превы-

шал 120 килограммов. Когда в молодости он увлекался штангой, это были килограммы мышц. Но за последние десять лет тело стало дряблым, и Блофельд вынужден был маскировать свое обширное брюхо. Он носил только двубортные пиджаки и широкие брюки.

Сегодня он был облачен в бежевый свободный пиджак великолепного покроя. Крупные кисти рук, способных в случае необходимости на молниеносное движение, спокойно и расслабленно покоились на столе. Он не курил, не пил, очень мало ел и никогда не был замечен в постели с особой какого-либо пола. Его пороки и физические недостатки оставались тайной за семью печатями для всех его знакомых.

Двадцать мужчин, смотревших на него в ожидании начала речи, являли собой забавную смесь разных национальных типов. Однако они обладали некими общими для всех качествами. Все в возрасте от тридцати до сорока лет, все в великолепной физической форме, у всех, за исключением двоих, взгляд ястребов или волков, готовых к нападению. Двое не вписывавшихся в это общество были учеными. Один — Котце, физик из Восточной Германии, перебежавший на Запад пять лет тому назад и получивший в обмен на свои секреты пенсию и убежище в Швейцарии, другой — Маслов, он же Кандинский, польский специалист по электронике, в 1956 году он подал в отставку с поста шефа исследовательского отдела фирмы «Филипс» в Эйндховене и с тех пор канул в неизвестность. Остальные в целях конспирации были разбиты на национальные группы из трех человек каждая. Здесь были три сицилийца, принадлежащие к высшим эшелонам сицилийской мафии; три француза с Корсики, члены Корсиканского союза, тайного общества, схожего с мафией и контролирующего почти всю организованную преступность во Франции; три бывших сотрудника НКВД сталинского периода, пострадавших в хрущевское время; три переживших войну агента гестапо; три молодых югослава и три турка из горных районов страны (турки равнин совершенно не годились для выполнения целей организации). Раньше все они участвовали в авантюре «Рахир», а теперь отвечали за реализацию плана «Кристалл» — транспортировку героина на Ближнем Востоке.

Все восемнадцать были высококлассными специалистами в области конспирации, осуществления тайных акций и умели при любых обстоятельствах держать язык за зубами. У всех них была еще одна исключительно важная особен-

пость — надежная легенда. Каждый имел действующий загранпаспорт с визами различных стран мира и абсолютно чистое досье как в Интерполе, так и в национальных правоохранительных органах. Именно это свойство — умение остаться вне всяких подозрений после многих лет преступной жизни — говорило о высочайшей квалификации членов организации.

Эрнст Ставро Блофельд был основателем и президентом этого коммерческого предприятия, специализировавшегося на терроре, вымогательстве, шпионаже и тайных убийствах.

6. Дыхание с ароматом фиалок

Блофельд был удовлетворен результатом изучения лиц членов организации. Как он и предполагал, лишь один человек не осмелился встретить его взгляд. Сообщения, которые поступили раньше, содержали лишь косвенные улики. Однако теперь Блофельд вынес окончательный приговор, интуиция не может его подвести. Он неторопливо убрал ладони со стола, одной рукой извлек из кармана изящную золотую бонбоньерку, положил ее перед собой. Другая рука осталась спокойно лежать на колене. Ногтем большого пальца он открыл крышечку, извлек карамельку с ароматом фиалки. У него была привычка освежить рот прежде чем начать говорить о неприятных вещах.

Блофельд сунул полупрозрачный шарик за щеку и начал речь мягким, глубоким, хорошо поставленным голосом:

— Я понимаю, что вы ждете сообщения о Большом Деле — плане «Омега» (он никогда не предварял свои выступления обращениями типа «господа», «друзья», «коллеги» и т. д., считая это ненужной мишурой). Однако соображения нашей безопасности требуют несколько иной проблематики.

Блофельд обвел глазами стол (та же пара глаз увильнула от его взгляда) и продолжил в спокойном повествовательном тоне:

— Надеюсь, вы согласитесь, что трехлетний опыт нашей совместной деятельности можно считать вполне успешным. Усилиями нашей немецкой секции мы благополучно и в полной тайне извлекли со дна Мондзее драгоценности Гиммлера. Турецкая секция с выгодой реализовала камни в Бейруте, что принесло организации семьсот пятьдесят тысяч фунтов стерлингов. Наша русская секция, не вызвав никаких подозрений, сумела похитить сейф со всем

содержимым из штаба МВД в Восточном Берлине. Продав сейф в США Центральному разведывательному управлению, мы получили полмиллиона долларов. Перехватив в Неаполе у семьи Пастори партию героина весом в тысячу фунтов и переправив его группе Файрпон в Лос-Анджелес, мы заработали восемьсот тысяч долларов. Секретная служба Англии выплатила нам сто тысяч фунтов за образцы штаммов бактерий, которые нам удалось выкрасть в Пльзене. Шантаж бывшего группенфюрера СС Зоннтага, скрывавшегося под именем Сантоса в Латинской Америке, принес жалкие сто тысяч долларов, к сожалению, практически все его состояние. И наконец, своевременная ликвидация Перинге — французского специалиста по тяжелой воде, который переметнулся к коммунистам, но благодаря нашей оперативности не успел ничего рассказать, заставила раскошелиться Второе бюро в Париже на миллиард старых франков. Таким образом, наш доход, не считая дивидендов от последней операции, округленно составил полтора миллиона фунтов стерлингов. Мы перевели их в швейцарские франки и венесуэльские боливары. Как вам известно, мы переводим все поступления в эти наиболее устойчивые валюты.

В соответствии с нашим уставом и с общего согласия доход распределялся следующим образом: десять процентов составляет оборотный капитал, десять процентов начисляется мне, остальные восемьдесят процентов делятся на равные доли, которые составляют прибыль членов организации — всего шестьдесят тысяч фунтов, или двадцать тысяч в год. Я понимаю, что мы заслуживаем гораздо большего, и успешная реализация плана «Омега» полностью оправдает наши надежды. Это должно принести солидное состояние, которое позволит нам, если мы того пожелаем, свернуть деятельность организации и направить нашу энергию на другие цели.

Блофельд посмотрел на участников совещания и дружеским тоном поинтересовался, нет ли у них вопросов. На этот раз все двадцать пар глаз спокойно и серьезно смотрели на председателя. Каждый в уме уже проделал все расчеты. Они были вполне удовлетворены, да и не в их стиле было демонстрировать эмоции. В конце концов то, что сказал Блофельд, было уже известно. Чего же он не сказал?

Блофельд сунул в рот новую карамельку и продолжил свое выступление:

— Прекрасно. Теперь об операции, которая завершилась месяц тому назад и которая должна была принести миллион долларов.

Он бросил взгляд налево в конец стола и мягко произнес:

— Встаньте, номер седьмой.

Мариус Доминге из Корсиканского союза, коренастый неуклюжий человек с сонным взглядом неподвижных глаз, неспешно поднялся. Он был одет в слишком яркий костюм, купленный в магазине готового платья, скорее всего в «Галери Барб» в Марселе. Его большие натруженные руки свободно свисали вдоль тела, взгляд был направлен прямо в глаза председателя. Блофельд также смотрел на него, одновременно наблюдая периферическим зрением за реакцией номера двенадцатого, сидевшего рядом с номером седьмым. Это был корсиканец Пьер Борранд, и как раз его глаза избегали взгляда Блофельда. Сейчас, видимо, что-то изменилось, и он глядел уверенно и спокойно.

Блофельд обратился к собранию:

— Напоминаю, что суть операции заключалась в похищении семнадцатилетней дочери Магнуса Бломберга, владельца отеля «Принсипалити» в Лас-Вегасе и члена подпольного преступного синдиката в Детройте. Девушка была выкрадена из ее номера люкс в «Отель де Пари» в Монако и морем доставлена на Корсику. Эта часть плана осуществлялась корсиканской секцией. Господин Бломберг согласился заплатить в качестве выкупа миллион долларов. В соответствии с нашими указаниями надувной спасательный плот с деньгами был спущен в указанный час в море вблизи Сан-Ремо. Через определенное время судно нашей сицилийской секции благополучно выловило плот. Мы должны поблагодарить эту секцию за то, что она сумела оперативно обнаружить и уничтожить микрорадиопередатчик, установленный на плоту. Передатчик должен был служить маяком для наведения кораблей ВМС Франции на наше судно. По получении выкупа мы, в соответствии с нашими обязательствами, возвратили девушку родителям без какого-либо видимого ущерба. Мы не можем признать ущербом перекраску ее волос, которая была предпринята в целях безопасности при перевозке девушки в спальном вагоне «Голубого экспресса» из Марселя. В то же время я обязан подчеркнуть слово «видимого». Из своего источника в полицейском комиссариате Ниццы я узнаю, что честь девушки пострадала в то время, когда она находилась на Корсике.

Блофельд выдержал паузу, чтобы эта информация улеглась в сознании слушателей, и продолжил:

— Родители утверждают, что девушка была обесчещена. Вполне возможно, что она вступила в половую связь добровольно. Но для нашей организации это не должно иметь значения. Организация взяла на себя обязательство: девушка будет возвращена родителям в целости и сохранности. Здесь не место вдаваться в рассуждения о пользе или вреде сексуальной жизни для семнадцатилетней, факт ее согласия или несогласия абсолютно не имеет значения в данной ситуации. Для нас важно лишь то, что девушка была возвращена родителям не в целости, а, мягко говоря, в несколько подержанном состоянии.

Блофельд очень редко помогал себе жестами. На этот раз он лишь медленно приподнял лежащую на столе левую ладонь и продолжал назидательным тоном:

— «Спектр» — солидная и могущественная организация. Меня, как вы понимаете, не волнуют морально-этические проблемы, но я хочу, больше того — требую, чтобы репутация нашей организации была безукоризненной и ее обязательства нерушимыми. Мы — братство единомышленников и сильны самодисциплиной. Слабость хотя бы одного из нас может оказаться тем жучком-древоточцем, который обрушит все здание. Вам известны мои принципы, и вы заранее одобрили все действия, которые я могу предпринять для очищения наших рядов. В данном случае я уже многое сделал. Во-первых, пришлось вернуть родителям девушки 500 тысяч долларов с формальным извинительным письмом. Я так поступил, несмотря на радиопередатчик, ибо я уверен, что это полицейский трюк, о котором родители могли и не знать. Таким образом, наши дивиденды от операции соответственно уменьшились наполовину. Во-вторых, я знаю, кто виноват, у меня нет в этом никаких сомнений, и я принял решение о необходимых мерах.

Блофельд взглянул на стоящего человека. Мариус Доминге с некоторым напряжением, но без страха встретил его взгляд. Он знал, что за ним нет вины, ему было известно, кто истинный преступник, и он верил так же, как и все, в справедливость Блофельда. Правда, Доминге не мог понять, почему он должен служить мишенью для всех глаз, но так решил Блофельд, а Блофельд всегда прав. Последний понимал, чтó лежит в основе выдержки корсиканца, и одобрял его поведение. Он видел, как крупные капли пота выступили на лбу номера двенадцатого, единственного, кто сидел в торце стола.

Прекрасно, подумал Блофельд, влага только улучшит контакт. Нащупав правой рукой под столом рукоятку рубильника, он замкнул цепь.

Тело Пьера Борранда, получив разряд в три тысячи вольт, судорожно изогнулось, словно кто-то с чудовищной силой ударил его в спину. Густые черные волосы поднялись дыбом, создав гротескную прическу над обезображенным конвульсией лицом. В глазах вспыхнул яркий свет, и они тотчас потухли. Почерневший язык вывалился изо рта и торчал, дополняя ужасную картину. Тонкие струйки дыма поднимались у мест крепления электродов в сиденье, подлокотниках и спинке кресла.

Блофельд выключил ток. Люстры, только что горевшие вполнакала, что создавало в помещении зловещие сумерки, ярко вспыхнули. По залу медленно расползался запах горелого мяса и паленой шерсти от костюма. В полной тишине раздался короткий глухой звук, когда голова трупа уткнулась в край стола. Все было кончено. Надежный человек, подумал Блофельд о седьмом номере, который во время экзекуции не повел глазом, а вслух голосом по-прежнему мягким и ровным сказал:

— Садитесь, номер седьмой, я удовлетворен вашим поведением.

Слова о том, что он удовлетворен, были у Блофельда высшей формой похвалы.

— Необходимо было отвлечь внимание номера двенадцатого. Он чувствовал, что находится под подозрением, и здесь могла бы разыграться неприятная сцена.

Некоторые из присутствующих наклонили головы в знак одобрения. Мотивы действий Блофельда были убедительными как всегда. Никто не был удивлен или шокирован происшедшим. Блофельд всегда публично вершил свой суд. До этого они были свидетелями двух похожих случаев, происшедших во время заседаний. Действия Блофельда диктовались соображениями безопасности и дисциплины во имя сохранения братства. Один раз он попал преступнику прямо в сердце иглой из духового пистолета. Неплохой результат, особенно если учесть, что выстрел был произведен с расстояния не менее двенадцати шагов.

В другом случае сидевший рядом с Блофельдом преступник был удавлен неожиданно накинутой и ловко затянутой председателем петлей. Все три смерти были необходимы и оправданны.

Участники собрания, не обращая внимания на мертвеца, уткнувшегося в торец стола, устроились поудобнее в

креслах. Настало время вернуться к делам. Блофельд шелкнул крышкой бонбоньерки и сунул ее в жилетный карман.

— Корсиканская секция,— начал он, как всегда, нетороплива,— конечно, даст рекомендации на замещение места номера двенадцатого. Но это может подождать до завершения плана «Омега», некоторые детали которого нам следует сейчас обсудить. Субконтрактант (назовем его Н), завербованный немецкой секцией, совершил ошибку, серьезную ошибку, которая существенным образом меняет нашу программу. Этот человек, чье членство в организации «Красные молнии Тонга» подразумевало, что он является мастером конспирации, обосновался в одной из клиник на юге Англии. Прекрасное место для выполнения наших задач. Согласно полученным инструкциям Н должен был периодически поддерживать контакт с пилотом Петаччи. Пилот приписан к авиабазе Боскомб, на которой располагается эскадрилья стратегических бомбардировщиков, и субконтрактант был обязан информировать нас о его боевой подготовке и состоянии духа. Последний доклад говорит, что летчик по-прежнему согласен сотрудничать с нами. Н должен был также отправить в назначенный день известное вам письмо. Предполагалось, что это будет сделано через три дня после сегодняшней даты. К сожалению, он позволил себе вступить в конфликт с одним из пациентов указанной клиники. В результате конфликта, я не считаю необходимым обременять вас деталями, Н оказался в городской больнице Брайтона с ожогами второй степени. Он вышел из строя по меньшей мере на неделю. Это огорчительно, так как пришлось отодвинуть, к счастью на непродолжительное время, сроки реализации плана «Омега». Новые инструкции уже направлены. Пилот Петаччи принял дозу вируса гриппа, достаточную, чтобы проболеть неделю и отложить на этот срок контрольный полет. О времени своего первого после выздоровления полета он нас проинформирует. Мы в свою очередь сообщим эту дату субконтрактанту Н, он к этому моменту выйдет из больницы и сможет отправить письмо в соответствии с планом. Попрошу участников совещания,— он обвел взглядом стол,— изменить даты своего отлета в район С согласно новой оперативной схеме. Что же касается субконтрактанта Н, то он проявил себя как крайне ненадежный агент. Немецкая секция,— он посмотрел на бывших сотрудников гестапо,— должна обеспечить его ликвидацию в течение суток после отправления письма. Вы поняли?

На лицах всех трех членов немецкой секции была начертана готовность следовать приказу.

— Так точно, сэр!

— Все остальное в полном порядке,— продолжал Блофельд.— Номер первый обеспечил нас солидной «крышей» в районе С. Легенда о поисках затонувших сокровищ постоянно подкреплялась действиями и сейчас не вызывает ни у кого никаких сомнений. Команда яхты подбиралась весьма тщательно и соблюдает наши правила безопасности и дисциплины гораздо лучше, чем можно было ожидать. Обеспечена подходящая береговая база. Она достаточно изолирована, и доступ к ней затруднен. Дом принадлежит англичанину, сексуальные наклонности которого требуют уединения. Ваше прибытие в район С расписано по минутам. Полный гардероб ожидает каждого в пункте Ф или Д, в зависимости от точки отлета. Одежда до мельчайших деталей будет соответствовать образам финансистов, субсидирующих поиск. Спонсоры решили на месте убедиться в том, что их денежки не пускают на ветер. Вы не экстравагантные миллионеры, а богатые рантье и бизнесмены — хитрецы, которые прибыли в самый ответственный момент с целью проследить, чтобы ни один дублон не прилип к чужим рукам. Впрочем, мы давно распределили обязанности, и я уверен, что все надежно запомнили свои роли.

Выражая согласие со словами председателя, все одобрительно закивали, довольные тем, что их роли не требуют слишком большого напряжения. Один превращался в богатого владельца кафе из Марселя (он в свое время и был таковым), другой становился хозяином виноградников в Югославии (выросший в Бледе, он смог бы толковать и о качестве вин разных лет, и о борьбе с вредителями с любым виноделом). Одним словом, каждый имел легенду, которая могла выдержать даже углубленную проверку.

— Теперь прошу каждую секцию доложить о том, как проходили тренировки с аквалангами.

Блофельд повернулся к югославам.

— Удовлетворительно.

— Удовлетворительно,— последовало от немцев.

Ответ всех секций был однозначен.

— Насколько был учтен фактор охраны под водой? Он имеет решающее значение.

Получив ответ, что безопасность рассматривалась в ходе подготовки как первейшее условие, Блофельд спросил:

— Проводились ли стрельбы из нового подводного ружья, действующего на сжатом углекислом газе?

Все секции ответили утвердительно.

— А теперь я хотел бы услышать отчет сицилийской секции о том, как ведется подготовка к приемке золота.

Фиделио Сьячче, сухопарый человек с бледным непроницаемым лицом, взял слово от имени секции, так как его английский, рабочий язык членов братства, был лучше, чем у остальных уроженцев острова.

Сьячче походил на директора школы (впрочем, он и был им на самом деле), поэтому говорил медленно, нравоучительно и занудно, как будто имел дело с нерадивыми воспитанниками.

— Избранный нами район выброса был тщательно обследован и признан удовлетворяющим всем требованиям. У меня с собой,— он указал на чемоданчик, лежащий перед ним,— копии плана и детально проработанная информация для председателя и каждого участника собрания. Я раздам позже эти материалы. Но если говорить кратко, то избранный район Т расположен на северо-западном склоне вулкана Этна, чуть выше границы лесов, на высоте две-три тысячи метров. Это покрытый застывшей лавой необитаемый участок выше городка Бронте. Для большей точности площадка в два квадратных километра будет обозначена по углам факелами. В центре в качестве вспомогательного средства наведения мы поместим радиомаяк. Доставка такого количества слитков, по предварительным подсчетам, потребует пяти транспортных самолетов «Комета». Они должны осуществлять подход на высоте 10 тысяч футов со скоростью 300 узлов. Учитывая вес, для каждой партии потребуется несколько парашютов, а принимая во внимание характер грунта, надо потребовать, чтобы груз был упакован в губчатую резину. Как парашюты, так и груз должны быть покрыты люминесцентной краской для облегчения последующего поиска. Наши инструкции отражают как эти требования, так и другие немаловажные детали. В любом случае от организаторов полетов потребуются тщательное планирование и четкая координация действий.

— Скажите лучше о группе поиска,— в мягком голосе слышались нотки нетерпения.

— Капо мафии в этом районе — мой родной дядя. У него восемь любимых внуков. Я сказал ему, что мы сумеем в случае чего их разыскать. Дядя оказался понятливым. Одновременно, следуя полученным инструкциям, я предложил ему миллион фунтов за полный сбор груза и доставку его на склад в Катании. Это весьма солидная сумма, и

он согласился на все наши условия. Полагает, что речь идет об ограблении банка, и не желает никакой лишней информации. Задержка, о которой было объявлено, не повлияет на соглашение. Субконтрактант пятьдесят два — очень способный человек. Я передал ему портативную радиостанцию, и он будет вести прослушивание согласно расписанию на частоте восемнадцать мегагерц, а также находиться в постоянном контакте с капо, они, кстати, родственники по линии жен.

Блофельд молчал две долгие минуты, затем медленно кивнул.

— Я удовлетворен. Что касается следующего этапа операции — реализации золота, то он поручен субконтрактанту двести четыре, которого мы хорошо знаем, он пользуется нашим полным доверием.

Моторный катер «Меркуриал» загрузится в Катании и проследует через Суэцкий канал в Гоа. По пути в заранее обусловленном районе Персидского залива произойдет рандеву с торговым судном бомбейского брокерского консорциума. На него будут перегружены слитки, за которые мы получим денежный эквивалент на базе текущих цен в бывших в употреблении банкнотах: швейцарских франках, долларах и боливарах. Вся сумма будет разбита на обговоренные части, которые будут переправлены самолетом в двадцать два швейцарских банка и там помещены в персональные номерные сейфы. Ключи от сейфов можно получить после окончания совещания.

С этого момента деньги окажутся в вашей собственности, однако напоминаю, что в целях конспирации не следует допускать демонстративных и экстравагантных трат. Устраивает ли вас такой порядок?

Все были согласны. Слово взял номер восемнадцатый— специалист по электронике. Он говорил уверенно, как было принято в этом кругу:

— Хотя это и не моя область, но мне хотелось бы знать, какова вероятность того, что ВМС заинтересованных стран перехватят «Меркуриал» и изымут слитки? Как только они поймут, что золото вывозится из Сицилии, им не составит никакого труда организовать морское патрулирование.

— Вы забываете,— терпеливо ответил Блофельд,— что мы не вернем бомбы до тех пор, пока деньги не окажутся в сейфах швейцарских банков. Поэтому я считаю, что вероятность названной вами ситуации равна нулю. Я исключаю и возможность пиратских действий против нас со стороны третьего лица, так как убежден, что заинтересован-

ные страны будут держать все в строжайшей тайне. Есть ли еще вопросы?

Бруно Байер из немецкой секции произнес жестко:

— Как следует из плана, оперативный контроль в районе C будет осуществлять номер первый. Вы подтверждаете, что передаете ему эти полномочия? Означает ли это, если можно так выразиться, что он будет нашим полевым командиром?

Вот образец типично немецкого мышления, подумал Блофельд. Он повинуется приказу, но при этом хочет знать, кому принадлежит верховная власть. Фашистские генералы беспрекословно слушали своих командующих, если они были назначены самим фюрером.

Вслух же он твердо сказал:

— Я ясно дал понять, а теперь вынужден повторить: номер первый единогласно избран моим преемником на случай моей смерти или болезни. В реализации плана «Омега» он будет осуществлять верховное руководство на месте, так как я остаюсь в штаб-квартире, чтобы следить за реакцией на письмо. Номер первый будет вашим полевым командиром, фельдмаршалом, если хотите, и вы должны повиноваться его приказам, как если бы они исходили от меня. Полагаю, что в этом вопросе у нас нет неясностей.

Блофельд цепким взглядом окинул присутствующих, которые поспешили выразить свое полное согласие.

— Прекрасно. Собрание закончено. Я распоряжусь, чтобы позаботились об останках номера двенадцатого. Восемнадцатый, соедините меня, пожалуйста, с первым на частоте двадцать мегагерц. Французская почтовая служба освобождает эту волну ровно в восемь вечера.

7. Пристегните ремни

Джеймс Бонд тщательно выскреб остатки йогурта со дна картонного стаканчика, на котором значилось: «Культура на чистом козьем молоке из собственного хозяйства. Изготовлено по подлинному болгарскому рецепту». Он взял булочку из муки с отрубями, аккуратно разрезал ее на две половинки — к сожалению, они сильно крошатся — и подвинул к себе розетку с черной патокой. Тщательнейшим образом он пережевывал каждый кусочек. Теперь он знал, что длительное жевание содействует выработке ферментов, способствующих расщеплению углеводов и таким образом повышающих энергетические ресурсы организма. В желудке и кишечнике образуются новые ферменты, которые воз-

действуют на пищу, проходящую по пищеварительному тракту, и способствуют поступлению питательных веществ в кровеносную систему. Джеймс Бонд теперь знал этот механизм как свои пять пальцев. Удивительно, почему никто не рассказал ему об этих чудесах раньше?

Уже десять дней после возвращения из «Кустарников» он чувствовал себя как никогда хорошо. Энергия удвоилась. Даже бумажная работа, которая всегда воспринималась Бондом как невыносимое занудство, сейчас почти доставляла удовольствие. Ясные, четкие, убедительные служебные записки сыпались из его отдела, как из автомата. В других подразделениях вначале недоумевали, но вскоре недоумение сменилось раздражением.

Он вскакивал с постели ни свет ни заря, кипя энергией, прибывал на службу раньше и уходил позже установленного времени. Таким поведением он совсем погубил личную жизнь своей очаровательной секретарши Лейлы Понсонби. У нее стали возникать симптомы утомления и даже нервозности. Наконец, она решилась доверительно потолковать со своей лучшей подругой мисс Манипенни, личным секретарем самого М.

Мисс Манипенни хоть и ревновала Лейлу к Бонду, сумела подавить это недостойное чувство и постаралась утешить приятельницу.

— Все будет в порядке, Лил,— сказала Пенни, когда они уютно устроились в кафетерии.— Старик вел себя так же, наверное, недели две после того, как прошел курс в этой лечебнице и явно переобщался с природой. У меня было ощущение, что я работаю не с ним, а с Ганди, Швейцером или кем-то еще из их компании. Потом подвернулась парочка серьезных дел, которые пошатнули его нервную систему. И однажды вечерком он решил отправиться в свой клуб, чтобы «постараться выкинуть их из головы». Наутро он чувствовал себя отвратительно да и выглядел не лучше, но с этого времени все встало на свои места. Сейчас, мне кажется, он проходит курс лечения шампанским или чем-нибудь покрепче. Думаю, что для мужчин это лучшее средство. Конечно, оно делает их несносными, но по крайней мере они не утрачивают человеческий облик и не пытаются уподобиться божеству. Тогда они просто непереносимы.

* * *

В комнату вошла Мэй, чтобы убрать со стола. Без этой немолодой шотландки Бонд давно бы погиб. Он с наслаж-

дением затянулся сигаретой. Теперь его любимым сортом стал «Герцог Дурхемский» с фильтром. Авторитетный Союз потребителей США утверждал, что «Герцог» относится к группе сигарет с наименьшим содержанием смол и никотина. Бонд совершенно отказался от ароматной крепкой смеси «Морланд Балкан», которой наслаждался с юности. «Дурхем» почти не имел вкуса, однако был все же лучше, чем «Вэнгард» — новейшие американские сигареты без табака. Они хоть и совсем не вредили здоровью, но наполняли помещение таким запахом гари, что все входящие принюхивались и задавали один и тот же вопрос: «У вас ничего не горит?»

Мэй гремела посудой — несомненный признак того, что ей необходимо было высказаться. Бонд оторвался от «Таймс».

— Выкладывайте, что у вас на сердце, Мэй.

Ее морщинистое, обветренное лицо залилось краской, и она воинственно выпалила:

— Мистер Джеймс,— она с отвращением подняла со стола стаканчик из-под йогурта, брезгливо скомкала и швырнула на поднос,— может, не мне это говорить, но вы себя отравляете.

— Я знаю, Мэй,— ответствовал Бонд жизнерадостно,— но я сократил число сигарет до десяти в день.

— Я толкую вовсе не про курево. Я толкую про это,— с гримасой отвращения она ткнула пальцем в поднос,— про эту тюрю!

Надо было слышать, каким тоном она произнесла это слово. Облегчив себя таким образом, Мэй несколько сбавила обороты:

— Это непорядок, когда взрослый мужчина питается детской едой и какой-то размазней для задохликов! Извините, мистер Джеймс, что я так говорю, но я понимаю больше об вашей жизни, чем вы хотели бы. Сколько раз они притаскивали вас домой из лазаретов и все толковали про дорожные аварии. Не такая уж я старая дуреха, как вы думаете. От аварий не бывает маленьких дырок в плече, или ноге, или в других местах. А у вас шрам даже и на... И не надо скалиться, мистер Джеймс, я видела его собственными глазами, все это следы пуль. А эти ружья и другие штучки, которые вы таскаете с собой за границу? А?

Мэй уперла руки в свои необъятные бедра, глаза ее вызывающе сверкали.

— Вы можете велеть мне не лезть в чужие дела, упаковываться и убираться домой в Глен-Орчи, но я не уеду,

пока не скажу вам все, мистер Джеймс. Когда вы ввяжетесь в следующую заваруху, имея в брюхе лишь это дерьмо, они доставят вас домой на катафалке. Вот что будет с вами!

Раньше Бонд приказал бы Мэй убираться к черту и оставить его в покое. Однако сейчас он пребывал в благодушном настроении, и терпение его было поистине бесконечным. Он прочитал ей коротенькую лекцию об основных свойствах «живой» и «мертвой» пищи:

— Видите ли, Мэй,— рассудительно сказал Бонд,— все лишенные природных свойств продукты: мука тонкого помола, рафинированный сахар, шлифованный рис, яичные белки — все это «мертвая» пища. Часть ее мертва изначально, как, например, яичные белки, а другая часть умерщвлена искусственно. У них отнята субстанция жизни. Все это — медленно действующие яды, включая жареное мясо, торты, кофе и еще бог знает сколько всего, к чему я, к сожалению, приучал себя так долго. Посмотрите на меня. Я совершенно преобразился с тех пор, как перешел на живую пищу и отказался от алкоголя и иных дурных привычек. У меня великолепный сон, энергия удвоилась, исчезли головные боли и боли в мышцах, наконец, я не знаю, что такое похмельный синдром. Всего месяц назад по меньшей мере раз в неделю я не мог принять на завтрак ничего, кроме пары таблеток аспирина и сырого яйца. И вы как старая курица кудахтали надо мной и хлопали крыльями. Что скажете?

Бонд вопросительно приподнял брови.

Мэй была разбита наголову. Она подняла поднос и напряженной походкой направилась к двери, но остановилась у порога и повернулась лицом к Бонду. В ее глазах сверкали слезы.

— Вот что я скажу, мистер Джеймс. Может, вы и правы, а может, и нет. Но меня до смерти беспокоит, что вы стали сам не свой.

И она вышла, хлопнув дверью.

Бонд вздохнул, поднял газету и вернулся к статье, где приводились самые свежие аргументы против организации встречи в верхах.

Пронзительно зазвонил телефон — красный аппарат прямой связи с Секретной службой. Не прерывая чтения, Бонд потянулся за трубкой. Времена изменились, «холодная война» затихает, вряд ли может произойти что-то экстраординарное. Скорее всего, отменяется пристрелка новой винтовки, намеченная на сегодня в Бисли.

— Бонд у телефона.

Это оказался начальник Штаба. Бонд выронил газету. Прижав трубку к уху, он старался уловить за обычными словами скрытый смысл.

— Приезжай немедленно, Джеймс. Вызывает М.

— Только меня?

— Всех. И гони быстрей — дело сверхсрочное. Если у тебя назначены свидания на ближайшую пару недель, их смело можно отменить. Вылет сегодня в ночь. До скорого.

Линия затихла.

Автомобиль Бонда вполне соответствовал личности его владельца. «Бентли континентл», в котором какой-то богатый идиот поцеловал столб на Грейт-узст-роуд, обошелся Бонду всего в полторы тысячи фунтов. Фирма «Роллс-ройс» выправила шасси и установила новый, более мощный двигатель. Сняв со счета три тысячи фунтов, ровно половину своих сбережений, Бонд отправился на фирму «Маллинер». Там, спилив крышу салона, превратили кузов в изящный кабриолет с автоматически открывающимся верхом и двумя вращающимися креслами, обтянутыми черной кожей. Машина, словно военный корабль, была выкрашена в серый цвет без всякой полировки и походила одновременно на птицу и на торпеду. Бонд любил ее больше, чем всех вместе женщин в своей жизни. Однако он не позволял, чтобы машина владела им. Автомобиль, как бы великолепен он ни был, прежде всего средство передвижения, и в любое время суток он должен быть готов служить своему хозяину. Никаких гаражных дверей, о которые ломаются ногти. «Континентл» дремал у порога Бонда, готовый завестись с полоборота при любой погоде и после этого работать безотказно так долго, как потребуется.

Было раннее утро, машин еще немного, время дорожной полиции тоже пока не наступило, и Бонд позволил себе поупражняться в несколько зкстравагантной езде. Через три минуты он оказался у Марбл-арч, затем, уже замедлив скорость, свернул на Бейкер-стрит к Риджент-парк. Через десять минут после телефонного разговора с Гарри он уже поднимался в лифте на восьмой, последний этаж внушительного вида здания.

Уже в коридоре Бонд почувствовал, что случилось нечто из ряда вон выходящее. Рядом с кабинетом М размещался Отдел связи, и оттуда из-за плотно закрытых серых дверей слышались писк и потрескивание радиопередатчиков, непрерывная пулеметная дробь шифровальных машин. Бонд понял — всеобщий вызов. Что же произошло?

Начальник Штаба склонился над столом мисс Манипенни. Он по одной передавал ей телеграммы из большой пачки, сопровождая каждую соответствующей инструкцией:

— ЦРУ, Вашингтон, лично Даллесу, шифр тройной икс, передать по телепринтеру. Матис, Второе бюро, шифр и способ передачи те же. Пункт Ф, начальнику разведывательной службы НАТО, лично, стандартная процедура. Вот эту — фельдсвязью главе Отдела М-15, копию — комиссару полиции, лично. А эти все,— он передал ей толстую пачку,— от М нашим резидентам во всех точках, лично, шифр двойной икс, по радиоканалу Уайтхолла. Будь молодчиной и разделайся со всем этим как можно скорее. Отправлений будет еще очень много, нам предстоит бурный день.

Мисс Манипенни счастливо улыбалась. Она обожала такие дни. Она называла их «боевые денечки», ей это напоминало то время, когда она только начинала свою деятельность в Шифровальном отделе Секретной службы.

Увидев Бонда, она нажала на кнопку внутренней связи.

— Ноль ноль семь прибыл, сэр,— и, повернувшись лицом к Бонду, добавила: — Ты отбываешь.

Гарри ухмыльнулся и сказал, подражая репродуктору:

— Пристегните ремни, леди и джентльмены.

Вспыхнувший над дверью красный сигнал пригласил Бонда в кабинет. Здесь царил покой. М восседал в кресле боком к столу, уставившись в окно.

— Садитесь, ноль ноль семь, и взгляните вот на это,— он выложил перед Бондом пачку увеличенных фотокопий каких-то документов.— Не торопитесь.

М начал набивать свою трубку табаком из широкой артиллерийской гильзы, стоящей на столе.

Бонд погрузился в изучение первой фотографии. На ней были крупно изображены две стороны конверта с многочисленными темными пятнами порошка для выявления отпечатков пальцев. М искоса взглянул на Бонда:

— Можете курить, если хотите.

— Благодарю вас, сэр, но я стараюсь избавиться от этой привычки.

М неопределенно хмыкнул, взял трубку в зубы, раскурил ее и вдохнул дым полной грудью. Устроившись поудобнее в кресле, он устремил свои стальные глаза старого морского волка в окно, за которым была лишь пустота.

На конверте была пометка «Лично и весьма срочно». Адресовано Премьер-министру, Лондон, Уайтхолл, Даунинг-стрит, 10. Все детали адреса абсолютно точны, включая сокращение ЧТС, означавшее, что Премьер является членом Тайного совета. Пунктуация безупречна. Из почтового штемпеля видно, что письмо отправлено из Брайтона 3 июня утром в 8 часов 30 минут. Бонд подумал, что оно было опущено в ящик ночью и достигло адресата в тот же день после полудня, то есть вчера. Четкий элегантный шрифт, которым был напечатан адрес, большой конверт 5×7,5 дюйма — все производило впечатление серьезного делового письма.

Стиль самого письма был также безупречен, строки красиво располагались на листе. Письмо гласило:

«Господин Премьер-министр.

Как Вам известно или станет известно, если Вы соблаговолите связаться с начальником штаба королевских военно-воздушных сил, экспериментальный самолет типа «Виндикейтор» с двумя ядерными бомбами на борту, входящий в состав 5-й бомбардировочной эскадрильи, не вернулся на свою базу в Боскомб-Даун. Это произошло вчера, 2 июня в 10 часов вечера. Атомное оружие на борту имеет следующие номера: «МО/бд/654/МкУ» и «МО/бд/655/МкУ». На бомбах имеются и номера ВВС США, но они настолько длинны, что мы их не приводим, не смея злоупотреблять Вашим вниманием.

Самолет осуществлял тренировочный полет, имея на борту экипаж из пяти человек и одного наблюдателя НАТО. Запас топлива был рассчитан на 10 часов полета со скоростью 600 миль в час на средней высоте 40 тысяч футов. В настоящее время самолет с двумя бомбами находится в распоряжении нашей организации. Все члены экипажа и наблюдатель скончались, и мы уполномочиваем Вас проинформировать их ближайших родственников о гибели самолета. Это будет способствовать сохранению тайны, в чем Вы, несомненно, заинтересованы и что в равной степени отвечает нашим интересам.

О местонахождении самолета и бомб и способах их возвращения мы сообщим Вам в обмен на золото высшей пробы в слитках общей стоимостью 100 млн фунтов стерлингов. Инструкции по доставке золота содержатся в Приложении.

Вы не должны чинить нам препятствий при транспортировке и реализации золота и обязуетесь не предпринимать в будущем враждебных действий против нашей орга-

низации или ее отдельных членов. Обязательство должно быть скреплено как Вашей подписью, так и подписью Президента США.

Отказ принять эти условия в течение семи дней, начиная с 17 часов по Гринвичу 3 июня сего года, т. е. до 17 часов 10 июня, повлечет за собой указанные ниже последствия.

Немедленно по истечении означенного срока будет уничтожен объект, принадлежащий западным странам, стоимостью не менее 100 млн фунтов стерлингов. При этом неизбежны человеческие жертвы.

Если в течение 48 часов после этого предупреждения мы все же не получим Вашего согласия, без дальнейшего уведомления будет уничтожен крупный город в одной из стран мира. Последуют огромные людские потери.

Более того, мы оставляем за собой право между двумя взрывами сообщить человечеству о предоставленных Вам для раздумья 48 часах. Эта мера, которая, несомненно, вызовет панику во всех крупных городах, призвана облегчить Вам принятие решения.

Господин Премьер-министр, данное письмо является единственным и последним.

Мы ожидаем Вашего ответа ежедневно в начале каждого часа на частоте 16 мегагерц.

«Спектр».

Джеймс Бонд дважды внимательно прочитал письмо и положил перед собой на стол. После этого он приступил к изучению следующей страницы — подробной инструкции о способе доставки золота. «Северо-западный склон Этны на Сицилии... передатчик на частоте... между полуночью и часом ночи по Гринвичу... пакеты весом не более 250 кг в губчатой резине толщиной один фут... минимум три парашюта на упаковку... тип самолетов и расписание полетов должны быть сообщены на частоте 16 мегагерц не позже чем за 24 часа до начала операции. Любые контрмеры будут считаться нарушением договора и приведут к взрыву бомбы № 1 или № 2 в зависимости от обстоятельств».

Следовала та же отпечатанная на машинке подпись. На обоих документах была подпечатана еще одна строчка: «Заказной почтой направлена копия Президенту США».

Бонд аккуратно сложил листки, достал из заднего кармана брюк металлический портсигар, в котором было девять сигарет, зажег одну и с наслаждением глубоко

затянулся. М повернулся вместе с креслом и посмотрел Бонду в лицо.

— Итак?

Бонд обратил внимание, что глаза шефа, такие ясные и полные жизни всего три недели тому назад, покраснели и смотрели крайне утомленно. Немудрено.

— Если самолет и бомбы действительно исчезли, то все сходится, сэр, нам предъявили к оплате подлинный чек.

— Так же думает и военный министр, да и я с ним согласен,— сказал М и после некоторой паузы добавил: — Самолет и бомбы исчезли, а номера на бомбах, приведенные в письме, соответствуют действительности.

8. На каждого зверя есть свой охотник

— Что же мы знаем об угонщиках, сэр? — спросил Бонд.

— Чертовски мало, практически ничего. Никто и не слыхивал об этом «Спектре». Правда, известно, что в Европе действует какая-то независимая группа. И мы, и американцы даже пользовались ее услугами. Матис признает, что за большие деньги эта организация ликвидировала французского специалиста по тяжелой воде, который переметнулся во враждебный лагерь. Второе бюро получило это предложение практически из ниоткуда; оно поступило по радио на частоте шестнадцать мегагерц, та же частота упомянута и в письме. Матис рискнул и выиграл, работа была сделана чисто. Конечно, пришлось как следует заплатить. Однако мы не можем с уверенностью идентифицировать эту группу как «Спектр». Когда мы и американцы с ними контактировали, эти люди принимали меры предосторожности на высоком профессиональном уровне. Да и нас больше интересовал конечный результат. Мы много заплатили, но товар стоил того. Если это «Спектр», то мы сейчас имеем дело с очень серьезной командой. Так я и сказал Премьеру. Однако сейчас главное не в этом. Исчез самолет и вместе с ним две атомные бомбы. В письме все детали изложены верно. «Виндикейтор» был в тренировочном полете над Атлантикой.

М извлек из стола толстую папку и перевернул несколько страниц. Отыскав нужный документ, он продолжил:

— Намечался шестичасовой полет. Взлет из Боскомб-Даун в восемь вечера, возвращение в два часа ночи. На борту находился экипаж из пяти британских офицеров, а также наблюдатель от НАТО итальянец Джузеппе Петач-

чи. Ранее командовал эскадрильей в ВВС Италии. По всем данным — отличный летчик, однако сейчас мы перепроверяем его прошлое. Командировка в Англию была плановой. Лучшие пилоты стран НАТО стажируются у нас, осваивая «Виндикейтор». Это новый тип самолета, и НАТО предполагает принять его на вооружение как бомбардировщик дальнего действия.

Как бы то ни было,— М перевернул страницу,— самолет исчез с экрана радара, когда, находясь к западу от Ирландии, снизился вопреки инструкции с сорока до тридцати тысяч футов и затерялся в густом потоке трансатлантических пассажирских авиалиний. Штаб бомбардировочной авиации пытался установить связь, но ничего не вышло — радио на борту бездействовало. Сначала решили, что бомбардировщик столкнулся с пассажирским лайнером, страшно перепугались. Но ни одна из коммерческих авиалиний не сообщила ни о каких-либо авариях, ни о случаях опасного сближения,— М посмотрел на Бонда,— самолет просто испарился.

— А что американцы? Их система раннего предупреждения? — поинтересовался Бонд.

— Здесь тоже огромный вопросительный знак. Хотя, пожалуй, есть крупица полезной информации. По их данным, какой-то летательный аппарат, находясь в пятистах милях к востоку от Бостона, резко изменил курс, повернув на юг. Но здесь пролегает очень загруженный воздушный коридор из Монреаля на Бермуды, Багамы и в Южную Америку. Американские наблюдатели считают, что это скорее всего британский или канадский трансатлантический лайнер.

Все выглядит как тщательно продуманная операция. Самолет мог, находясь в центре Атлантики, свернуть на север и, вполне возможно, сейчас находится в России. Мог он свернуть и на юг. Обширная площадь над океаном лежит вне зоны досягаемости береговых радаров. Бомбардировщик даже мог повернуть назад и по одному из трех воздушных коридоров вернуться в Европу. Одним словом, в данный момент он может находиться в любой точке земного шара, и в этом суть проблемы.

— Но это же огромный самолет, требующий специальной взлетно-посадочной полосы. Ведь он должен где-то приземлиться. Машину такого размера спрятать невозможно.

— Этот вывод напрашивается сам собой, и еще вчера до полуночи мы проверили все аэродромы, буквально все,

которые могли бы принять такой бомбардировщик. Было высказано предположение, что он мог приземлиться где-нибудь на ровной необорудованной поверхности, в пустыне например. Не исключается и морское мелководье.

— Но в этом случае могут взорваться бомбы.

— Абсолютно исключено. Они без детонаторов. Даже при падении бомбы, как это однажды случилось с Б-47 над Северной Каролиной, цепной реакции не происходит.

— Но тогда каким же образом этот «Спектр» предполагает осуществить свою угрозу?

— Ученые пытались нам объяснить вчера на совещании,— М поднял руки,— но я не все понял. Очевидно, ядерная бомба похожа на обычную. Ее головная часть начинена обыкновенной взрывчаткой, а плутониевый заряд находится ближе к хвосту. Между ними имеется пустое пространство, куда вставляется детонатор — своего рода запальная свеча. Когда бомба падает на землю, взрывается тротил, а от него через детонатор — плутоний.

— Значит, им все же придется сбрасывать бомбу на цель?

— Не обязательно. Достаточно, чтобы среди них оказался толковый физик, разбирающийся в ядерном оружии. Он сможет извлечь обычный взрыватель и поставить другой, с часовым механизмом. В заданное время взрывается тротил, а следом и вся штуковина. Кстати, она довольно компактна, но увесиста. Ее вполне можно поместить в багажник автомобиля. Машина ставится в нужном месте, часовой механизм работает, оставляя в запасе пару часов, чтобы убраться из зоны поражения, примерно миль на сто,— и дело сделано.

Бонд извлек из портсигара еще одну сигарету.

Итак, это случилось. Произошло то, чего страшились все разведки мира. Безвестный человечек с тяжелым чемоданом или, если это вам больше по вкусу, с сумкой для игры в гольф. Камера хранения на вокзале, припаркованный автомобиль, заросли кустарника в парке в самом центре большого города. Против этого нет средств. Через несколько лет, если эксперты не ошибаются, любая, даже самая нищая страна сможет мастерить ядерное оружие, фигурально выражаясь, у себя на огороде. Бомба давно уже не тайна. Трудно было создавать лишь первые образцы, так же как и первые ружья, пулеметы или танки, которые теперь столь же обычны, как луки и стрелы в прошлом. Завтра или послезавтра в лук и стрелы может превратиться атомное оружие.

Идет первый в истории шантаж угрозой ядерного взрыва. Если сейчас не удастся обуздать безумцев и придется платить выкуп, рано или поздно об этом станет известно, и каждый грамотей с преступными склонностями начнет лепить атомные бомбы из ржавых железок и стандартного набора химикатов. Но если до истечения срока ультиматума ничего не удастся сделать, придется платить. Бонд поделился этими мыслями с шефом.

— Я в основном согласен,— отозвался М,— дела обстоят плохо с любой точки зрения, включая возможные внутриполитические осложнения. Хотя сейчас они отходят на задний план. Ни Премьер, ни Президент, если случится худшее, не продержатся на своих постах и пяти минут. В любом случае последствия будут плачевны. Поэтому мы должны предпринять титанические усилия, сделать все возможное и невозможное, чтобы найти преступников и самолет до истечения срока ультиматума.

Премьер и Президент полностью разделяют эту точку зрения. Все разведывательные службы мира подключились к операции. Ее кодовое название «Удар грома». Самолеты, военные корабли, подводные лодки, любые финансовые средства находятся в нашем распоряжении. Мы немедленно получаем все по первому требованию. Организован специальный штаб, куда будет стекаться вся информация. Какие-то сведения неизбежно просочатся в прессу. Мы поддерживаем версию, что паника, а ее невозможно скрыть, вызвана потерей самолета с ядерным оружием. При этом приходится игнорировать возможные политические последствия. Однако о существовании письма не должен знать никто.

Расследование по письму — отпечатки пальцев, анализ бумаги и шрифта, место, откуда письмо отправлено,— проведут Скотленд-Ярд, ФБР и Интерпол с помощью полицейских сил стран НАТО. Для этой цели будет использована небольшая часть письма с несколькими невинными словами.

Расследование пойдет вне связи с поиском самого самолета. Отдел М-15 перепроверит экипаж и итальянца-наблюдателя, что не должно вызвать излишнего любопытства, ведь это совершенно естественно при поиске пропавшего самолета. Что же касается нашей дальнейшей деятельности, то вместе с ЦРУ мы начинаем рыскать по всему свету. Даллес поставил на ноги всех своих агентов, то же делаю и я. Только что я объявил общий вызов. Теперь остается сидеть и ждать.

Бонд закурил еще одну сигарету, порочную третью сигарету только за один час.

— А как я вписываюсь в эту картину, сэр? — спросил он с напускным безразличием.

М посмотрел на Бонда отсутствующим взглядом, как будто тот оторвал его от важных размышлений, повернулся к окну и вновь уставился в пустоту. Повисло долгое молчание.

— Я обманул доверие Премьера,— произнес наконец М.— Я обещал ему, что ни одна живая душа не узнает всех деталей. Но нарушил слово, потому что у меня есть идея или скорее догадка, и мне хотелось бы, чтобы эту идею реализовал э... — он явно подыскивал нужное слово,— надежный человек. Сигнал американского радара о самолете, повернувшем на юг,— единственное зерно реальной информации, которой мы располагаем. И я решил принять за основу действий версию, что это тот самолет, который мы ищем.

К сожалению, эта версия не вызвала интереса у остальных. Я потратил несколько часов, изучая карты и лоции Западной Атлантики, и попытался поставить себя на место наших противников или, вернее, влезть в шкуру главного вдохновителя всей затеи, моего, так сказать, оппонента. Я решил, что подходящая цель для первой, а если дойдет дело до второй, то и для второй бомбы лежит в Америке, а не в Европе. Начать хотя бы с того, что американцы гораздо больше боятся бомб, чем мы здесь, в Европе, и поэтому легче сдадутся перед угрозой второго взрыва. Во-вторых, в США значительно больше, чем в Европе, объектов стоимостью сто миллионов фунтов. И наконец, я предположил, что мы имеем дело с европейской организацией: стиль письма — оно, кстати, написано на голландской бумаге — и, главное, жестокость замысла — все говорит за то, что это дело рук европейцев, ну а взрывы следует производить подальше от дома. Поэтому я решил, что скорее всего будет выбрана американская цель. Развивая эту мысль, я предположил, что самолет не мог опуститься на территории США или вблизи их побережья, так как там действует мощная радиолокационная сеть. Надо было искать подходящее место где-то поблизости. В конечном итоге я выбрал Багамские острова, многие из них необитаемы, мелководье, ровное песчаное дно. Единственная в округе маленькая радарная станция с местным персоналом обслуживает гражданскую авиацию.

Далее к югу — Куба, Ямайка, оба острова густо населены, слишком удалены от США и не имеют крупных целей. То же самое и севернее — в районе Бермудских островов.

От ближайшего острова Багам до США всего двести миль — шесть-семь часов хода для скоростного катера или яхты.

— Но если вы правы, сэр, то почему письмо получил Премьер, а Президент только копию? — прервал его Бонд.

— Чтобы всех запутать и заставить нас делать то, чем мы и занимаемся: вести поиск по всему миру. Иначе зона поиска была бы ограничена хоть и обширным, но все же одним регионом. Ну и, конечно, потому, что исчез наш, британский самолет. Они рассчитывали, что письмо нанесет нокаутирующий удар и мы без звука выложим денежки. Они явно не хотят доводить дело до взрыва. Взрыв так или иначе их выдаст. Они же хотят поскорей получить деньги и завершить операцию. На это мы и должны сделать ставку. За оставшиеся шесть и три четверти суток нам необходимо подвести противника как можно ближе к организации взрыва в надежде, что его выдаст какой-нибудь неосторожный шаг. Конечно, шансы невелики, но я решил сделать ставку на мою догадку,— он посмотрел в лицо Бонду,— и на вас, Джеймс. Если у вас нет замечаний, приступайте, ноль ноль семь. Для вас зарезервировано по одному билету на все сегодняшние рейсы «Бритиш эйруэйз» до Нью-Йорка. Было бы неплохо отправить вас на военном самолете, но не следует привлекать внимание к вашему прибытию. Итак, вы молодой богач, желающий приобрести недвижимость на островах. Хорошая легенда для расширения зоны поиска. Согласны?

— Так точно, сэр,— Бонд встал из-за стола.— Конечно, я бы предпочел более экзотическое место, за «железным занавесом», например. Если позволите, сэр, я готов держать пари, что это русские. Мне кажется, что частная организация не может провести операцию таких масштабов. Русские получили экспериментальный самолет с бомбами и теперь пудрят нам мозги выдумкой со «Спектром». Если бы не был распущен СМЕРШ, то я бы решил, что это их рука, их почерк. Думаю, что наши восточные резиденты подтвердят мою правоту. Какие дополнительные указания, сэр? С кем связаться в Нассау?

— Губернатор извещен о вашем прибытии, у него там неплохая полиция. Надеюсь, что и ЦРУ пришлет надежного человека с хорошей аппаратурой, у них этого добра

много, да и качество получше, чем у нас. А вы не забудьте прихватить с собой шифровальную машину, шифр тройной икс. Я хочу знать все, буквально все, что вы там откопаете. Сообщения шлите лично мне. Договорились?

— Все ясно, сэр,— Бонд направился к двери. Что еще он мог сказать? Обидно, конечно. У Секретной службы, возможно, никогда не было задания важнее, а его ставят в последний ряд кордебалета. Что ж, он постарается на Багамах загореть получше и посмотрит спектакль из-за кулис.

* * *

Как только Бонд появился в дверях здания с шифровальной машиной, смахивающей на дорогую кинокамеру, в сумке через плечо, человек в бежевом «фольксвагене» перестал почесывать под рубашкой следы ожога, в десятый раз расстегнул кобуру длинноствольного кольта и запустил двигатель. Водителя не интересовало, какое учреждение размещалось в здании, он узнал адрес Бонда в регистратуре «Кустарников» и начал слежку, как только выписался из больницы в Брайтоне. «Фольксваген» был взят напрокат на чужое имя.

После того как задуманное будет исполнено, он немедленно отправится в Хитроу и первым же рейсом вылетит на континент. Граф Липпе был оптимистом и не ожидал каких-либо осложнений при реализации намеченного мероприятия. Оскорбления прощать нельзя! В жизни ему неоднократно приходилось сводить счеты. Безжалостно и хладнокровно он отправил к праотцам немало наглецов, среди которых попадались довольно опасные типы. Граф рассчитывал, что «Спектр» не осудит его действия, если даже узнает о них. Телефонный разговор, подслушанный в первый день пребывания в «Кустарниках», означал, что его «крыша» дала легкую течь. Конечно, от его членства в «Красных молниях» до «Спектра» — огромная дистанция, но, обладая упорством, ее можно пройти. Субконтрактант II знал, что «крыша» подобна старому чулку. Стоит его надорвать в одном месте, как он начнет неудержимо расползаться. Но самое главное, этот человек не должен остаться безнаказанным. Граф Липпе обязан с ним расквитаться.

Бонд сел в машину и захлопнул дверцу. Субконтрактант Н заметил голубой дымок, заклубившийся у выхлопной трубы «бентли», и тронул свой «фольксваген» с места.

На противоположной стороне улицы номер шестой опустил на глаза огромные защитные очки, нажал на стартер, и мощный мотоцикл «триумф» рванул с места. Когда-то после войны шестой был профессионалом-испытателем и теперь уверенно маневрировал в потоке машин. Вскоре он пристроился ярдах в десяти за «фольксвагеном», так чтобы его не было видно в зеркале заднего вида. Мотоциклист не знал и не хотел знать, почему субконтрактант Н преследует серый «бентли» и кто является владельцем последнего. У него была одна задача — ликвидировать водителя «фольксвагена». Номер шестой запустил руку в висевшую через плечо кожаную сумку и извлек оттуда тяжелую гранату, раза в два превосходившую по размерам обычную армейскую. Одновременно он внимательно изучал дорожную ситуацию, продумывая возможные пути отхода.

Субконтрактант Н был занят тем же. Он обратил внимание на расположение фонарных столбов на тот случай, если проезжая часть окажется заблокированной и придется уходить по тротуару. Впереди открылось свободное пространство, граф нажал на акселератор и, придерживая руль левой рукой, правой вытащил кольт. Вот он уже рядом с задним бампером «бентли», машины поравнялись. Темный силуэт казался идеальной мишенью. Бросив последний взгляд вперед, граф поднял револьвер.

Нахальный металлический треск двигателя с воздушным охлаждением заставил Бонда посмотреть в сторону «фольксвагена», поворот головы на мгновение уменьшил размер мишени, пуля свистнула у щеки. Нажми Бонд на газ, его немедленно настигла бы вторая пуля. Но он инстинктивно нажал на тормоз и с размаху врезался подбородком в руль. В то же мгновение вместо третьего выстрела он услышал грохот взрыва, и на него обрушился водопад осколков от того, что раньше было ветровым стеклом «бентли». Двигатель заглох, и машина, судорожно дернувшись, остановилась. Кругом визжали тормоза, раздавались крики, рев клаксонов. Бонд тряхнул головой и выглянул наружу. «Фольксваген» лежал на боку, чуть впереди, одно колесо еще вращалось. Крыша была снесена взрывом. Внутри и на мостовой какое-то кровавое скользкое месиво. Язычки пламени лижут пузырящуюся краску. Начала собираться толпа. Бонд выскочил из машины и закричал:

— Все назад, сейчас рванет бак!

Почти одновременно с его словами раздался глухой взрыв и поднялось облако густого черного дыма, сквозь

которое пробивалось пламя. Вдали послышались звуки сирен. Бонд протиснулся сквозь толпу и быстро пошел назад по направлению к зданию, которое покинул совсем недавно.

Расследование вынудило Бонда пропустить два нью-йоркских рейса. К тому времени, когда было потушено пламя, отвезены в морг останки и убран изуродованный остов машины, стало ясно, что следствие располагает ботинками, обрывками ткани, а также номерами автомобиля и револьвера. В бюро по прокату вспомнили лишь человека в солнцезащитных очках с водительским удостоверением на имя Джонсона и пачку пятифунтовых банкнот. Машина три дня тому назад была арендована сроком на неделю. Многие видели мотоциклиста, но, очевидно, на мотоцикле отсутствовал задний номер. Мотоциклист умчался как дьявол по направлению к Бейкер-стрит. В больших защитных очках, без особых примет.

Бонд ничем не мог помочь следствию. Он не видел водителя. Крыша «фольксвагена» расположена слишком низко. Были видны лишь рука и блестящий револьвер.

Секретная служба затребовала экземпляр полицейского протокола, и М приказал отправить его в штаб операции «Удар грома». Он вновь ненадолго принял Бонда и при этом не скрывал раздражения, как будто во всем был виноват сам Бонд. Он приказал 007 забыть об инциденте, который, по всей видимости, уходил корнями в одно из прошлых дел. Полиция когда-нибудь доберется до истины. А сейчас главное — «Удар грома», и будет гораздо лучше, если Бонд начнет действовать расторопнее.

Когда Бонд второй раз вышел из здания, начался дождь. Один из механиков служебного гаража сделал что мог, выбил остатки ветрового стекла и вымел осколки из машины. Бонд промок до нитки, прежде чем добрался до дома. Он оставил машину в соседнем гараже, позвонил в страховую компанию и на фирму «Роллс-ройс». (Он слишком приблизился к грузовику, который вез что-то длинное, возможно, металлическую арматуру. Нет, он не запомнил номер грузовика. Простите, но вы же знаете, как неожиданно это случается.) Затем он принял ванну и переоделся в легкий темно-синий костюм.

Тщательно уложив вещи в большой чемодан, он проверил сумку, в которой находилось все необходимое для подводного плавания, и лишь после этого направился в кухню.

Мэй выглядела виноватой, и казалось, что она готовится к новой речи. Однако Бонд опередил ее:

— Не надо, Мэй, вы были абсолютно правы. Я не смогу работать, питаясь морковным соком. Через час я улетаю, и мне хотелось бы пожевать что-нибудь стоящее. Будьте добры, приготовьте мне яичницу по вашему рецепту из четырех яиц, добавьте четыре ломтика хорошо прожаренного бекона, если он сохранился в наших запасах, и еще добрые гренки с маслом, только проследите, чтобы в них не было отрубей. Большой кофейник черного кофе и выпить чего-нибудь покрепче.

Мэй взирала на него несколько ошарашенно, но с явным облегчением.

— Что-нибудь случилось, мистер Джеймс?

Бонд рассмеялся, увидев выражение ее лица:

— Ничего, Мэй. Просто до меня дошло, что наша жизнь слишком коротка. У нас будет масса свободного времени для подсчета калорий там, на небесах.

Бонд покинул Мэй, ворчащую на такое богохульство, и отправился проверить свой арсенал.

9. Реквием

Реализация плана «Омега» шла точно по графику, как и предполагал Блофельд. Все фазы операции, от первой до третьей, были завершены безукоризненно в рассчитанные заранее сроки.

Очень удачной находкой для организации оказался Джузеппе Петаччи, покойный Джузеппе Петаччи. Во время войны, когда ему только минуло восемнадцать, он уже был вторым пилотом на «Фокке-Вульф-200» из противолодочной эскадрильи в Адриатике. Он оказался одним из немногих итальянских летчиков, отобранных немцами специально для работы на этом самолете. Эскадрилья только успела получить секретные акустические мины, начиненные новейшей взрывчаткой, как союзники высадились в Италии. В исходе войны уже не приходилось сомневаться. Петаччи понял, с кем ему следует связать свою судьбу, и приступил к действиям. Во время очередного патрульного полета он хладнокровно пристрелил пилота и штурмана — каждому по пуле в затылок,— после чего, почти срезая гребни волн на бреющем полете, чтобы не попасть под огонь зениток, привел самолет в порт Бари, уже занятый союзными войсками. Вывесив из кабины в знак капитуляции рубашку, он стал дожидаться подхода английского катера. Англича-

не и американцы наградили Петаччи за этот подвиг да еще приплатили десять тысяч фунтов из специальных фондов за тайну акустической мины. Знание ее секрета очень пригодилось союзникам. Контрразведчикам Петаччи поведал романтическую историю о том, как он, едва достигнув призывного возраста, поступил в авиацию, чтобы бороться против фашизма. В результате к концу войны Петаччи считался одним из самых доблестных героев итальянского Сопротивления.

Начиная с этого времени фортуна повернулась к нему лицом. Пилот, а вскоре и командир экипажа в гражданской авиации, он вернулся в военно-воздушные силы страны сразу же после их воссоздания в чине полковника. Затем его приписали к НАТО и назначили в отряд ударных бомбардировщиков. И тут Петаччи вдруг осознал, что ему стукнуло 34 года и за свою жизнь он уже полетал достаточно. Кроме того, ему вовсе не хотелось быть наконечником копья ударных сил НАТО. Пусть молодые идут в герои — настало их время.

Лишь одна страсть по-настоящему владела им всю жизнь: он хотел иметь как можно больше броских, первосортных дорогих вещей. Многое из того, о чем мечталось, у него уже было: два золотых портсигара, массивный золотой швейцарский хронометр «Ролекс» на гибком золотом браслете, спортивная машина «ланчия», много красивой модной одежды. Женщины тоже были какие угодно. (Он, правда, был женат, но недолго и неудачно.)

Теперь Петаччи грезился, а он обычно получал то, о чем мечтал, спортивный «мазератти», увиденный в миланском автосалоне. Но больше всего ему хотелось выбраться из бледно-зеленых натовских коридоров и сбежать из авиации. Начать новую жизнь, сменить имя, сменить страну. Как привлекательно звучит — Рио-де-Жанейро, но, чтобы попасть туда, нужны новый паспорт, куча денег и, самое главное, организация, которая поможет ему туда перебраться.

Организация вскоре нашлась и предложила именно то, о чем мечтал Джузеппе. Ее представлял итальянец по имени Фонда, который искал контакты с офицерами НАТО в парижских ресторанах и ночных клубах. В то время он был в «Спектре» номером четвертым.

Целый месяц он готовил наживку и медленно, дюйм за дюймом подводил крючок к пасти жертвы. Однако когда настало время подсекать, номер четвертый был шокирован тем, с какой жадностью и готовностью эта рыбина клюнула. После проверки, нет ли здесь двойной игры, делу был дан

полный ход. Петаччи предложили очень выгодную сделку. Он начинает тренировочные полеты на новом английском бомбардировщике и затем угоняет его. (О бомбах даже не упоминалось.) А угнать самолет якобы просит революционная кубинская группа, которая стремится таким способом привлечь внимание к своей программе. Петаччи и в голову не пришло оспаривать эту версию. Ему было наплевать, кому нужен самолет, лишь бы платили. В обмен на самолет пилот получает миллион фунтов, паспорт на любое имя и билет от места приземления бомбардировщика до Рио-де-Жанейро. Все детали операции были многократно обговорены и отшлифованы, и, когда в восемь вечера второго июня «Виндикейтор» с ревом оторвался от взлетной полосы, Петаччи не сомневался в благополучном исходе, хотя и ощущал некоторое напряжение.

Во время тренировочных полетов в огромное нутро бомбардировщика сразу за пилотской кабиной устанавливали два обычных пассажирских кресла для стажеров. Петаччи провел в одном из них час, наблюдая за слаженной работой экипажа.

Когда пришла его очередь сесть за штурвал, он с удовлетворением подумал, что сможет избавиться от всех пятерых. Помощи не потребуется. Как только будет включен автопилот, ему следует, во-первых, не уснуть, а во-вторых, время от времени контролировать высоту, чтобы машина оставалась на тридцати двух тысячах футов, чуть выше трансатлантического воздушного коридора. Конечно, придется поработать при повороте на юг, но на этот случай он располагал подробнейшими инструкциями. Каждый шаг, который ему предстояло сделать, был зафиксирован в записной книжке, хранящейся во внутреннем кармане его летной куртки. Приземление, конечно, потребует крепких нервов, но за миллион фунтов можно удержать себя в руках.

Наверное, уже в десятый раз Петаччи посмотрел на свой «Ролекс».

Время! Он достал из гнезда кислородную маску, проверил и положил рядом с собой. Затем извлек из кармана маленький металлический баллончик с четырьмя красными полосами и повторил про себя, сколько полных оборотов надо сделать, чтобы открыть вентиль. Сунув баллончик в карман, он вошел в кабину.

— Хелло, Зеппи! Наслаждаешься полетом? — командиру нравился этот итальянец. Пару раз им пришлось бок о бок участвовать в грандиозных потасовках с моряками в Борнмуте.

— Еще бы! — Петаччи задал несколько вопросов, проверил показания автопилота, скорость и высоту. Все шло нормально, экипаж расслабился, кто-то даже дремал. Впереди еще пять часов полета.

— Жаль, что мы пропустили новый фильм в «Одеоне». Правда, его еще можно будет захватить в Саутгемптоне.— Петаччи стоял, прислонясь спиной к металлической полке с бортовым журналом и географическими атласами. Его правая рука нырнула в карман, нащупала головку вентиля и повернула его три раза. Петаччи извлек баллончик и сунул его среди книг у себя за спиной. Потом потянулся и зевнул.

— Самое время «покемарить»,— сказал он дружелюбно. Кажется, он употребил это выражение весьма кстати. Слова легко скатились с языка. Штурман рассмеялся:

— А как будет по-итальянски «кемарить» — «кемарио» или «кемаро»?

Петаччи в ответ лишь добродушно ухмыльнулся, быстро вышел из кабины, уселся в свое кресло, нацепил кислородную маску и повернул регулятор на подачу кислорода. Теперь он был изолирован от атмосферы кабины.

Ему сказали, что потребуется не более пяти минут. И точно, примерно минуты через две штурман, сидевший ближе всех к полке, схватился руками за горло, захрипел и рухнул. Радист сорвал наушники, вскочил и сделал шаг к нему. Но тут же упал на колени, тело свело судорогой, и он затих у кресла. Оставшиеся трое боролись за жизнь, отчаянно стараясь поймать широко раскрытыми ртами хоть глоток чистого воздуха. Второй пилот и бортинженер начали одновременно сползать со своих кресел, цепляясь друг за друга. Они свалились навзничь, широко раскинув руки. Командир усилием воли сумел дотянуться до укрепленного над ним микрофона, промычал что-то нечленораздельное, обернулся к открытой двери, вылезшие из орбит уже мертвые глаза уставились на Петаччи, и тяжело рухнул на тело второго пилота.

Петаччи взглянул на часы. Пять минут ровно. Пожалуй, дадим им еще минутку. Секундная стрелка обежала круг, Петаччи поднялся, достал из кармана и натянул на руки тонкие резиновые перчатки. Плотно прижимая маску к лицу, он прошел в кабину, длинный гибкий резиновый шланг змеился за ним, достал баллончик и перекрыл поступление смертоносного газа. Затем он подошел к автопилоту и проверил данные, отрегулировал систему кондиционирования так, чтобы скорее очистить воздух. Вернувшись в свое крес-

ло, итальянец выждал еще пятнадцать минут. Хотя ему говорили, что этого времени вполне достаточно, он решил подождать еще минут десять. Лишь после этого, все еще в кислородной маске, Петаччи опять переступил порог кабины. Медленно, так как начиналось легкое кислородное отравление, он оттащил трупы подальше. Когда кабина опустела, убийца достал из кармана маленькую склянку с каким-то белым кристаллическим веществом, открыл притертую пробку и рассыпал содержимое по полу. Опустившись на колени, он внимательно вгляделся. Кристаллы сохраняли свою белизну. Еще раз убедившись в этом, Петаччи слегка оттянул кислородную маску и осторожно вдохнул. Никакого запаха. Но из предосторожности он не снимал маску до тех пор, пока не снизил машину до тридцати двух тысяч футов и не влился, выправив курс, в поток трансатлантического движения.

Гигантский самолет несся сквозь ночь. В кабине, освещенной желтыми глазками приборов, было тихо и тепло. Слышалось лишь слабое гудение двигателей, а щелчки тумблеров, когда он контролировал показания приборов, отдавались револьверными выстрелами.

Петаччи снова проверил автопилот, гирокомпас и равномерность подачи топлива. Оказалось, что надо подрегулировать один насос. Двигатели работали нормально.

Удовлетворенный результатами осмотра, итальянец удобно устроился в командирском кресле, проглотил тонизирующую таблетку и предался сладким мечтам о будущем. В валявшихся на полу наушниках вдруг громко заверещало. Петаччи взглянул на часы. Ну конечно! Станция слежения в Боскомбе требует, чтобы «Виндикейтор» вернулся на прежнюю высоту. Их беспокоит, что самолет в очередной раз не вышел на связь. Интересно, как скоро они проинформируют спасательную службу, штаб бомбардировочной авиации и министерство? Все начнут суетиться, проверять и перепроверять. К этой возне подключится и южный спасательный центр. Пройдет еще по крайней мере полчаса, а он в это время будет уже далеко над Атлантикой. Верещание в наушниках смолкло. Петаччи поднялся с кресла и некоторое время следил за вспышками на экране радара. Каждая яркая точка означала, что «Виндикейтор» прошел над очередным пассажирским лайнером. Интересно, замечают ли их пилоты, как над ними проносится бомбардировщик? Маловероятно, ведь радары на гражданских самолетах слабые и ориентированы вперед по курсу. Его не обнаружат, пока он не войдет в зону действия системы раннего

предупреждения США. Да и там, скорее всего, его примут за гражданский самолет, который летит чуть выше обычного коридора. Петаччи вернулся в кресло и вновь проверил показания приборов, потом отключил автопилот и взял управление на себя. Надо было оценить, как ведет себя машина. Он слегка покачал крыльями, как бы в ответ тела тяжело поползли по полу. Самолет послушно повиновался его воле. Возникало ощущение, будто ведешь первоклассный автомобиль. Мысли Петаччи переключились на спортивный «мазератти». Какой выбрать цвет? Только не белый, и вообще не надо этой экстравагантности. Лучше всего темно-синий с тонкой красной полоской вдоль кузова. Что-нибудь солидное, респектабельное, соответствующее его новому респектабельному образу. Было бы здорово принять участие в ралли, например «Мексика-2000». Нет, это слишком опасно. А вдруг он выиграет и его портрет появится в газетах. Это исключено. Но можно будет гнать машину на полную мощность, когда захочется заполучить какую-нибудь девицу. Интересно, почему они просто тают при быстрой езде?

Усилием воли Петаччи отогнал прекрасные видения и взглянул на часы. Бомбардировщик в полете пятый час. При такой скорости на экране уже должно появиться американское побережье. Он поднялся, чтобы проверить. Действительно, береговая линия США была уже четко видна. Вот этот выступ — Бостон, а серебряный ручеек — очевидно, река Гудзон. Самолет шел точно по курсу, и не было необходимости сверять его положение по сигналам метеорологических судов «Дельта» и «Эхо», которые находились далеко внизу. Наступало время повернуть на юг.

Петаччи возвратился в кресло пилота, сжевал еще одну тонизирующую таблетку, перешел на ручное управление и посмотрел па гирокомпас, картушка которого светилась каким-то потусторонним оранжевым светом. Он сделал крутой разворот, выводя машину на новый курс. После этого вновь включил автопилот. Самолет устремился точно на юг, впереди последний отрезок пути, всего каких-то три часа полета. Пора думать о посадке.

Петаччи вытянул из кармана записную книжку. Итак, что там сказано? «По левому борту увидите огни на острове Большая Багама, по правому борту — Палм-Бич. Ориентироваться на радиосигнал яхты. Позывные: «точка-точка-тире, точка-точка-тире». Слить избыточное топливо, снизиться до высоты 1000 футов, уменьшить скорость и продолжать снижение. Как только заметите красную вспышку,

начинайте посадку. Приводняться на скорости не свыше 140 миль в час. Глубина моря в точке приводнения 40 футов. Вы успеете выйти через аварийный люк. Вас примут на борт яхты, где вручат билет до Майами, рейс в 8.30 утра, оттуда самолетом компании «Бранифф» или «Реал» до конечного пункта. Расчет будет произведен по вашему желанию либо в тысячедолларовых банкнотах, либо в дорожных чеках. Для вас заготовлен паспорт на имя Энрико Валле, президента компании».

Петаччи еще раз проверил координаты, курс, скорость. Лететь еще час. По Гринвичу три часа ночи, значит, в Нассау девять вечера. Взошла полная луна, и ковер облаков внизу, на высоте примерно десять тысяч футов, казался снежной пустыней. Петаччи выключил все бортовые огни. Индикатор топлива показывал, что оставалось еще две тысячи галлонов, включая резервные баки. На оставшуюся часть пути потребуется не более пятисот. Он открыл клапан резервных баков и сбросил тысячу галлонов. Облегченная машина начала медленно набирать высоту, ее пришлось опять вернуть на тридцать две тысячи футов. Лететь оставалось еще двадцать минут, время начинать постепенное снижение.

* * *

Нырок сквозь облака, момент слепого полета, и вдруг далеко внизу возникли огоньки на островах Бимини. Они тускло поблескивали на фоне залитого лунным сиянием спокойного океана. На волнах не было заметно барашков. Метеосводка станции в Виро-Бич (США) гласила: «Отсутствие волнения, временами слабый северо-восточный ветер, видимость хорошая; никаких изменений в ближайшее время». То же сообщала и радиостанция в Нассау. Поверхность океана казалась гладкой и твердой как сталь. Все будет нормально. Петаччи настроил приемник, чтобы поймать станцию наведения на яхте. В первую секунду он ничего не услышал, и его охватила паника. Однако тут же раздался слабый, но достаточно четкий сигнал: «точка-точка-тире, точка-точка-тире». Надо снижаться. Петаччи перевел двигатели на малый газ, и огромный самолет заскользил вниз по пологой глиссаде. Радиоальтиметр подал голос, указывая высоту и предупреждая об опасности. Пилот следил за его показаниями и смотрел на сверкающую, как ртуть, приближающуюся поверхность воды. Отраженный лунный свет был так ярок, что Петаччи на мгновение потерял линию горизонта. Промелькнувший внизу темный островок по-

мог ему сориентироваться, и он перевел машину в горизонтальный полет.

Сигнал с яхты теперь звучал громко и четко. С секунды на секунду должна появиться красная вспышка. Вот она, в пяти милях точно по курсу. Петаччи очень осторожно направил громаду бомбардировщика вниз. Вот-вот самолет должен коспуться воды. Пять сотен футов, четыре, три, две... Бледным привидением промелькнула яхта, стоявшая с потушенными огнями. Он шел точно на источник красных вспышек, как бы в него не врезаться. Правда, теперь это не имеет значения. Вниз, дюйм за дюймом, ниже, еще ниже. Не забыть мгновенно выключить двигатели. Что-то ударило по брюху бомбардировщика. Штурвал на себя! Удар! Скачок, снова удар.

Петаччи с трудом отодрал сведенные судорогой пальцы от штурвала и ошеломленно взглянул из окна кабины на пену и мелкие волны. Великий боже, он все сделал! Он, Джузеппе Петаччи, сделал это! Теперь вперед, туда, где ждут овации и награды!

Самолет медленно погружался, в кабине был слышен свист пара от соприкосновения воды с раскаленными дюзами. Откуда-то сзади донесся хруст рвущегося металла. Это начала отваливаться хвостовая секция бомбардировщика. Петаччи поспешно вышел из кабины, у его щиколоток уже журчала вода. Лунный свет проникал внутрь, заливая мелом лицо одного из трупов, поднятых с пола прибывающей водой. Петаччи разбил предохранительный пластиковый колпак, рванул вниз рукоятку аварийного люка и выскочил на крыло. К самолету уже приближалась большая моторная лодка, в которой находилось шесть человек. Петаччи что-то радостно завопил и помахал им рукой. В ответ один из встречающих поднял ладонь. Лица людей в лодке, молочно-белые в лунном свете, сдержанно и чуть удивленно смотрели на Петаччи. Тот подумал, что так и должно быть, ведь это серьезные деловые парни. Подавив распирающую его радость, он согнал с лица выражение восторга. Лодка приблизилась, один из шестерых выбрался на крыло, уже почти скрывшееся под водой, и направился к Петаччи. Это был невысокий плотный человек с открытым, честным взглядом. Он шел на широко расставленных, напряженных ногах, стараясь удержать равновесие. Левую руку человек держал на поясе.

Петаччи начал радостно:

— Добрый вечер, добрый вечер! Доставлен самолет в количестве одного экземпляра, в прекрасном состоя-

нии. (Он заранее придумал эту замечательную шутку.)

— Пожалуйста, распишитесь в получении вот здесь.— И он протянул ладонь.

Человек из лодки крепко сжал протянутую руку и резко рванул на себя. От рывка голова Петаччи откинулась назад, он увидел полную луну, и в то же мгновение лезвие стилета, пробив нижнюю челюсть и нёбо, вошло в его мозг. Он не успел ничего почувствовать, кроме мгновенного изумления и тупой боли. В глазах сверкнули ослепительные искры. Убийца выждал несколько секунд, ощущая тыльной стороной руки щетину на подбородке Петаччи, затем опустил тело на крыло и извлек стилет. Прежде чем убрать оружие в ножны, он тщательно прополоскал его в морской воде и вытер лезвие о спину жертвы. Оттащив труп к аварийному люку и столкнув его там в воду, человек вернулся по уже затопленному крылу к ждавшей его лодке. Он молча поднял кверху большой палец.

Четверо начали натягивать на себя ремни аквалангов. Отрегулировав загубники, они по одному неуклюже переваливались спиной через борт лодки и исчезали средь мелких пузырьков пенящейся воды. Когда скрылся последний ныряльщик, моторист аккуратно спустил под воду сильный прожектор и вытравил кабель. По сигналу снизу оп дал ток. Море и гигантский тонущий самолет озарились туманным сиянием. Лодка стала отходить кормой вперед, моторист продолжал вытравливать кабель. Примерно в двадцати ярдах от засасывающей воронки над тонущим самолетом он остановил лодку и заглушил мотор. Из кармана комбинезона извлек пачку «Кэмела» и протянул ее убийце. Тот взял одну сигарету, аккуратно разломил на две части, одну сунул за ухо, другую закурил. Убийца боролся с дурными привычками.

10. «Диско воланте»

На борту яхты номер первый опустил бинокль ночного видения, достал из нагрудного кармана белой куртки акульей кожи роскошный платок и тщательно промокнул пот на лбу и висках. Мускусный запах духов Скьяппарелли «Нюхательный табак», как утверждала реклама, придавал уверенность и сулил радости жизни. Сейчас он напомнил о Доминетте, ужинающей (в Нассау все придерживались испанских обычаев, и коктейли не заканчивались раньше десяти) с этими несколько вульгарными, но веселыми Сеймурами и их легкомысленными гостями. Напомнил о

казино, где уже шла игра, о приглушенных звуках оркестров, наигрывающих калипсо в барах и ночных клубах на Бей-стрит. Номер первый вернул платок на место. Операция проходит просто великолепно. Точно по расписанию. Он взглянул на часы — сейчас 10.15. Самолет запоздал всего на тридцать минут, правда, эти полчаса ожидания заставили понервничать. И приводнение прошло безукоризненно. Немец быстро покончил с пилотом-итальянцем — номер первый не помнил его имени — и сэкономил время. Теперь они отстают от графика всего на четверть часа. Группа подъема должна быстро разделаться со своей работой, если, конечно, не понадобится пускать в дело кислородно-ацетиленовые резаки. Всегда необходимо учитывать возможность неожиданных осложнений. Но времени должно хватить, до рассвета восемь часов. Его девиз — «спокойствие, методичность и эффективность», именно в таком порядке — «спокойствие, методичность, эффективность». Номер первый спустился с мостика в радиорубку. Там ощущалось напряжение и пахло потом. Что слышно из диспетчерской аэропорта в Нассау? Сообщение о низко летящем самолете? О вероятной авиакатастрофе в районе Бимини? Продолжайте следить за эфиром и соедините меня с номером вторым.

Номер первый закурил сигарету, наблюдая за тем, как мощный радиомозг яхты начал прочесывать эфир. Пальцы радиста проворно бегали по клавиатуре настройки. Они то замирали, то вдруг ускоряли темп. Казалось, что радист играет на гигантском инструменте, струны которого натянуты через океаны между континентами. Наконец он в последний раз коснулся регулятора приемника и кивнул.

— Говорит номер первый.

— Номер второй слушает,— голос звучал глухо, то приближаясь, то удаляясь. Но, без сомнения, это был Блофельд. Его голос номер первый знал лучше, чем голос отца.

— Полный успех. Десять десять. Очередной этап десять сорок пять. Продолжаем. Конец.

— Спасибо. Конец связи.— Эфир затих. Весь сеанс продолжался сорок пять секунд, что практически исключало возможность перехвата, особенно в такое время суток и на этой частоте.

Номер первый прошел через большую каюту и спустился в трюм. Четыре человека из группы «Б», покуривая, сидели рядом со своими аквалангами. Посреди трюма горой возвышалась сложенная парусина, окрашенная в цвет кофе с молоком. На очень светлом фоне там и сям были

разбросаны темно-зеленые и коричневатые бесформенные пятна.

Номер первый сказал:

— Все развивается по плану, группа подъема действует, скоро ваша очередь. Как экипаж и сани?

Один из сидящих ткнул большим пальцем вниз.

— Они там, на дне, для экономии времени мы их уже спустили.

— Хорошо.— Номер первый кивнул в сторону приспособления, напоминающего подъемный кран, которое было прикреплено к переборке над люком, и поинтересовался: — Эта штука способна выдержать нужную нагрузку?

— Мы проверяли ее с двойным отягощением.

— Насосы?

— В порядке, осушают трюм за семь минут.

— Отлично, пока отдыхайте, нам предстоит долгая ночь.

Номер первый по металлическому трапу поднялся на палубу. На этот раз ночной бинокль был ему не нужен. В двухстах ярдах справа по борту в золотом пятне подводного сияния стояла на якоре прогулочная моторка. Красный маяк был уже поднят в лодку. В ночной тишине слышался громкий стук маленького генератора, питающего током подводный прожектор. Наверное, он разносился очень далеко, но аккумуляторы слишком громоздки, да и их заряда может не хватить, если работа затянется. Использование генератора было допустимым риском. Ближайший остров в пяти милях. Он необитаем, лишь иногда его посещают любители ночных пикников. На пути к месту рандеву яхта заходила на остров, он был совершенно пустынен. Одним словом, предусмотрено все, чтобы исключить любую нежелательную случайность. Великолепно отрегулированный механизм операции бесшумно работал на полную мощность. Ничто пока не вызывало беспокойства. Чтобы обдумать следующую фазу, номер первый прошел в ходовую рубку и склонился над освещенным пятном карты.

Эмилио Ларго, так звался номер первый, высокий, представительный, лет сорока от роду, мог служить образчиком мужского обаяния и силы. Он был римлянином и походил на римлянина, но не на современного, а на одного из тех, чьи портреты мы встречаем на древних монетах. Крупное удлиненное лицо, покрытое темным загаром, нос с заметной горбинкой, впалые щеки и волевой, твердый, хорошо очерченный подбородок, тщательно выбритый перед выходом в море. Жесткие внимательные глаза контрастирова-

ли с полными, чуть опущенными в уголках губами сатира. Уши, если смотреть строго анфас, казались по-звериному заостренными, усиливая ощущение животной силы, гибельной для любой женщины. Лицо центуриона несколько портили слишком длинные бачки и чересчур аккуратно уложенные напомаженные черные волосы. На мощном теле не было ни капли жира. Когда-то он входил в итальянскую национальную сборную по фехтованию на рапирах и даже участвовал в Олимпийских играх. Секунды, которые он показывал в плавании кролем, были тоже почти на мировом уровне, и всего месяц прошел с того дня, как он выиграл первенство Нассау по водным лыжам, выступая в высшем разряде. Под прекрасно сшитой курткой из акульей кожи были заметны бугры мышц. Кисти рук подчеркивали атлетическую силу Ларго. Они были почти вдвое больше, чем у любого другого мужчины такого же роста. Сейчас, когда сжатые кулаки, выглядывая из белых рукавов куртки, покоились на белой поверхности карты, они походили на покрытых редкой коричневатой шерстью животных, никак не связанных с их владельцем.

Ларго был авантюристом, прирожденным хищником. Двести лет тому назад он стал бы пиратом, но не весельчаком-флибустьером из романов, а головорезом вроде Эдварда Тича — «Черной бороды», который шагал к богатству по горам трупов по колено в крови. Но «Черная борода» был лишь грубым и примитивным убийцей. Не таков был Ларго. Его действия являлись плодом холодного разума и строились на тонком расчете. И это всегда спасало его от справедливого возмездия — и тогда, когда он дебютировал на черном рынке послевоенного Неаполя, и в те пять весьма доходных лет, когда занимался контрабандными перевозками из Танжера, и в те годы, когда задумывал и осуществлял крупные кражи драгоценностей на французской Ривьере, и в последнее время в «Спектре». Больше того, он никогда даже не попадал под подозрение, и все потому, что умел рассчитывать на один жизненно важный ход дальше, чем остальные участники игры. Он был воплощением типа преступника из высшего общества. Светский человек, эстет и большой ценитель женщин, для которого были открыты двери самых аристократических гостиных во всех концах земли, кстати, единственный наследник некогда знаменитого итальянского рода, он был поистине любимцем Фортуны. В жизни ему существенно помогали отсутствие семьи, чистое полицейское досье, стальные нервы, холодное сердце и жестокость Гиммлера. В легкой для него роли плей-

боя из Нассау Ларго идеально отвечал требованиям, предъявляемым к полевому командиру, руководителю операции «Омега».

В рубку вошел один из членов команды.

— Получен сигнал, что сани уже в пути.

— Благодарю вас.

В самые напряженные моменты любой операции Ларго всегда излучал спокойствие. Как бы ни высока была ставка, как бы ни велика опасность и как бы ни вынуждала обстановка к принятию мгновенных решений, он не изменял своему фетишу — «спокойствие и выдержка». Это требовало огромных усилий воли, и Ларго постоянно тренировал себя. Уже давно он понял, что именно такое поведение оказывает наиболее сильное воздействие на сообщников. Спокойствие и уверенность лидера лучше всего обеспечивают их верность и повиновение. Мудрый вождь не должен показывать своих чувств ни при дурной, ни при радостной вести. Сдержанность означает, что он предвидел именно такой ход событий, учел все варианты. Настоящий руководитель никогда не должен выходить из себя. Поэтому, получив такую великолепную новость, Ларго, неукоснительно следуя своему правилу, демонстративно взял циркуль и стал спокойно прокладывать на карте воображаемый курс. Когда матрос ушел, номер первый отложил циркуль и вышел из прохладной рубки в теплую ночь.

Яркий светлячок полз под водой по направлению к моторной лодке. Это был двухместный подводный экипаж — своего рода торпеда, приводимая в действие электрическим током. Итальянцы во время войны перебрасывали на них подводников-диверсантов. Торпеда была куплена у компании «Ансальдо», которая в свое время изобрела и построила одноместную подводную лодку. Сейчас она была впряжена в своеобразные сани — щит, приспособленный для перемещения по дну тяжелых предметов.

Светлячок утонул в сияющем пятне света от подводного прожектора, чтобы через несколько минут вновь вынырнуть и пуститься в обратный путь. Другой на месте Ларго непременно сошел бы вниз, чтобы проследить за прибытием бомб, но Ларго не пошевелился.

Светлячок опять появился из-под яхты и двинулся по проторенной дороге. Теперь на санях находилась парусина, рисунок на ней сольется с подводным ландшафтом, белым песчаным дном и разбросанными по нему пятнами водорослей и кораллов. Когда парусина, под которой скроются обломки, будет надежно прикреплена ко дну стальными

кольями, ни ураган, ни даже землетрясение не смогут сорвать покров с тайны. Мысленно Ларго видел каждый шаг, каждое движение водолазов. Это ясновидение было результатом тяжелых совместных подводных тренировок, многочасовой изнурительной работы с муляжами. Он с блеском провел предварительную подготовку, проявляя невероятную изобретательность. Месяцы труда, пот и слезы окупаются сторицей сегодня, когда план «Омега» воплощается в жизнь.

Невдалеке от моторки что-то ярко блеснуло, еще раз и еще. Подводники выходили на поверхность, и луна на мгновение вспыхивала в стеклах масок.

Они подплыли к лодке — Ларго подсчитал, все восемь на месте — и один за другим тяжело вскарабкались на борт. Моторист, немец по фамилии Брандт, и убийца, тоже немец, помогли им освободиться от аквалангов. Подводный прожектор погас, его втянули на борт, и вместо стука генератора послышался мощный рев сдвоенного двигателя «Джонстон». Лодка устремилась к яхте, где ее ожидали услужливо опущенные руки шлюп-балок. Проверены крепления, и под пронзительный визг электромотора лодка вместе с пассажирами поднялась из воды и благополучно опустилась на палубу.

Подошел капитан и встал рядом с Ларго. Это был мрачный длинный и неимоверно тощий тип, в свое время изгнанный из ВМС Канады за пьянство и неисполнение приказа. Однажды он попытался поставить под сомнение какое-то распоряжение Ларго, и тому пришлось сломать о голову капитана стул. С тех пор морской волк почти боготворил своего шефа, он уважал только такое обращение. Капитан обратился к Ларго:

— Трюм чист, разрешите отходить?

— Обе группы считают свою миссию выполненной?

— По крайней мере так они утверждают.

— Проследите, чтобы все получили по хорошей порции виски, и прикажите им отдыхать. Уже через час предстоит новый выход. Попросите Котце зайти ко мне. Отход через пять минут.

— О'кэй, сэр!

Глаза Котце сияли отраженным лунным светом. Ларго заметил, что физик дрожит как в лихорадке. Надо вселить в ученого уверенность и спокойствие. И номер первый весело произнес:

— Итак, мой друг, что скажете о своих новых игрушках? Магазин выполнил ваш заказ?

У Котце тряслись губы. Почти рыдая от возбуждения, он визгливо выпалил:

— Грандиозно! Вам этого не понять! Я даже не осмеливался мечтать о таком оружии! Все настолько просто, что даже дитя может обращаться с ним совершенно спокойно.

— Вы полагаете, бомбы размещены удачно и всем хватает места для работы?

— Да! Да! — Котце от энтузиазма едва не захлопал в ладоши.— Поверьте, нет никаких проблем, абсолютно никаких! Взрыватели удалось извлечь очень легко и быстро. Заменить их часовым механизмом совсем несложно. Маслов уже работает над новой схемой.

— А элементы включения или, как их там, возбудители, о которых вы мне так интересно рассказывали? Их нашли? Сейчас они в достаточно безопасном месте?

— Их обнаружили в свинцовом ящике под креслом пилота. Я их видел, устанавливаются на бомбы элементарно просто. Конечно, пока их придется держать отдельно в секретном месте. Резиновые мешки великолепны, абсолютно водонепроницаемы, как раз то, что надо.

— Опасность радиации?

— В данный момент нулевая. Все заключено в свинцовую оболочку.— Котце пожал плечами.— Может быть, я и получил, несмотря на то что был в защитном костюме, небольшую дозу, когда работал с этими чудищами. Буду следить за симптомами. В крайнем случае я знаю, что надо делать.

— Вы просто храбрец, Котце. А я очень дорожу своей сексуальной жизнью и без особой нужды не подойду к этим дьявольским творениям. Итак, вы полностью удовлетворены, у вас нет проблем и в самолете ничего не забыто?

Котце наконец совладал со своими нервами. Как только он с облегчением понял, что сможет решить все технические проблемы, его оставило напряжение последних недель и физик почувствовал смертельное утомление. Представить страшно, что его знаний могло не хватить, а вдруг проклятые англичане придумали какой-нибудь хитроумный предохранитель, с секретом которого он не в силах будет справиться, и все приготовления пойдут насмарку. Когда была снята защитная оболочка, настал его звездный час. Переполняемый гордостью и торжеством, Котце начал действовать своими ювелирными инструментами. Никаких проблем не возникло, и Котце сказал ровным голосом:

— Проблем нет, все на месте. Я пойду закончу дело.

Ларго смотрел, как тщедушная фигурка брела по палубе. Странные создания эти головастики. Они ничего не хотят замечать, кроме своей науки. Котце, например, просто не в состоянии оценить те преграды, которые еще предстоит преодолеть. Для него несколько вынутых болтов означают конец дела. На все оставшееся время он будет лишь бесполезным грузом. Конечно, проще всего избавиться от него навсегда. Но пока этого делать нельзя, его нужно сохранить на тот случай, если придется взрывать бомбы. Однако сейчас Котце пребывает в состоянии депрессии и находится практически на грани истерики. Ларго не выносил таких людей рядом с собой. Они отрицательно влияют на состояние духа, от них просто разит неудачей. Надо подыскать для Котце занятие в машинном отделении, чтобы только не видеть его.

Ларго прошел на мостик. Капитан сидел у штурвала — алюминиевой конструкции в форме полукруга. Ларго скомандовал:

— Время. Поехали.

Капитан протянул руку к клавиатуре, расположенной справа от него, и нажал кнопку с надписью «Запуск. Оба двигателя». Где-то в недрах судна раздался низкий глухой рев. На панели замерцал световой сигнал, означавший, что обе машины работают нормально. Капитан передвинул рукоятку управления на «малый вперед», и яхта пришла в движение. Таким же образом последовала команда «полный вперед». Яхта вздрогнула и чуть осела на корму. Капитан следил за показаниями тахометра, держа руку на массивном коротком рычаге. При скорости двадцать узлов тахометр показывал пять тысяч оборотов в минуту. И вот рычаг, регулирующий положение стальных крыльев под корпусом, передвинут вперед. Крылья легли на воду. Число оборотов двигателя осталось неизменным, однако стрелка поползла по циферблату и остановилась на сорока узлах. Яхта теперь летела или, вернее, парила над тихо мерцающей лунными бликами поверхностью моря. Под водой оставались лишь часть кормы и два винта. Ларго всегда испытывал чувство гордости и восторга, когда яхта вставала на крыло.

Моторная яхта на подводных крыльях «Диско воланте» была построена для Ларго на средства «Спектра» итальянским конструктором Леопольдо Родригесом в Мессине. Корпус из алюмомагниевого сплава, два четырехтактных двигателя фирмы «Даймлер-Бенц», максимальная скорость пятьдесят узлов.

Яхта обошлась в двести тысяч фунтов, но она стоила этих денег. Единственное судно в мире с такой скоростью, грузоподъемностью и комфортом, а главное, с такой осадкой, которая дает возможность плавать в мелких водах Багамского архипелага. Обладая при малой осадке хорошей остойчивостью и огромной скоростью, суда типа «Алискафо», как их называют в Италии, могут быть особенно полезными, когда необходимо скрыться, уйти от преследования.

Прошло уже шесть месяцев с того дня, как «Диско» пересекла Атлантику и при заходе во Флорида-Ки произвела там настоящий фурор. Не меньшую сенсацию вызвала она и на Багамах. В значительной степени именно яхта помогла Ларго превратиться в самого популярного «миллионера» в этом кишащем миллионерами уголке Земли. Стремительные уходы «Диско» с подводниками на борту и с самолетом-амфибией, закрепленным на крыше изящной надстройки, постоянно поддерживали необходимый уровень восторженных комментариев. Неторопливо, но последовательно Ларго организовал дозированную утечку информации. Иногда он сам допускал «обмолвки» на ужине или за коктейлем. Но гораздо чаще проявляли «неосторожность» в барах на Бей-стрит тщательно проинструктированные члены команды. Идут поиски затонувших сокровищ. Дело поставлено на широкую ногу. Имеется старинная карта, на которой указан затонувший галеон. Местонахождение заросших кораллами обломков точно установлено. Ларго ждет, когда закончится зимний туристский сезон, наступит тихое время раннего лета и все акционеры прибудут из Европы. Вот тогда дело развернется по-настоящему. Два дня тому назад акционеры — общим числом девятнадцать — появились в Нассау. Они прибыли из разных мест: с Бермудских островов, из Нью-Йорка, из Майами. Все чрезвычайно унылые типы, трудяги-бизнесмены, которые решили слегка развлечься, испытать азарт поиска и провести приятную недельку в Нассау, отдохнуть, загореть и таким способом компенсировать потерю дублонов, если галеон окажется пуст.

В этот вечер двигатели «Диско» зарокотали с наступлением сумерек — самое удобное время, по мнению постоянных обитателей гавани,— и красавица-яхта со всеми гостями на борту выскользнула из порта. В море машины взревели на полную мощность, и их шум постепенно стих где-то на юго-западе, именно там, по мнению местных знатоков, и следовало искать сокровища.

Курс на юг проходил через ту часть архипелага, где были скрыты самые большие сокровища. Именно через южные проливы испанские корабли, груженные золотом, пытались ускользнуть от пиратов — англичан и французов. Полагают, что здесь нашли вечный приют такие суда, как «Порто-Педро», затонувший в 1668 году с золотыми слитками весом миллион фунтов на борту, «Санта-Крус», погибший в 1694 году, в его трюме было в два раза больше золота, а также «Эль Капитан» и «Сан-Педро», которые пошли ко дну в 1719 году вместе с немалым грузом драгоценностей. Каждый год на Южных Багамах можно встретить охотников за сокровищами. До сей поры никому не ведомо, было ли здесь вообще найдено какое-нибудь золото, но зато каждый мальчишка знает о слитке серебра весом 72 фунта, поднятом у Горда-Гей в 1950 году, он выставлен для всеобщего обозрения в витрине вестибюля Управления по развитию Нассау. Все багамцы убеждены, что сокровища существуют, их лишь надо найти. Поэтому когда обитатели порта Нассау слышали звук двигателей «Диско», замирающий далеко на юге, они с видом знатоков одобрительно кивали головами.

Они и не подозревали, что, отойдя на достаточное расстояние, «Диско» еще до восхода луны описывала широкую дугу и брала курс на запад к месту условленной встречи с самолетом. К той точке, которую она в данный момент покидала. Яхта находилась в ста милях, или в двух часах хода, от Нассау. Уже на восходе солнца, после того как судно сделает еще одну чрезвычайно важную остановку, обитатели Нассау вновь услышат рев двигателей яхты, возвращающейся по ложному пути с юга.

Ларго поднялся с кресла и подошел к карте. «Диско» проходила по этому маршруту неоднократно и при разной погоде, поэтому Ларго не ожидал осложнений. Но первая и вторая фазы прошли слишком хорошо, значит, необходимо удвоить внимание на следующем этапе операции. Пока все нормально, яхта идет точно по курсу, оставшиеся до цели пятьдесят миль она покроет за час. Ларго приказал капитану строго придерживаться заданного направления и спустился в радиорубку. Скоро 11.15 — время очередного сеанса связи.

Островок под названием Собачий не превышал по размеру двух теннисных кортов. Практически это был коралловый риф, покрытый редким кустарником, торчала тут еще пара пальм, произраставших на тонком слое песка. Собачья мель считалась настолько опасным для судоход-

ства местом, что даже рыбаки старались не заходить сюда. Днем милях в пяти к югу можно было разглядеть остров Андрос, однако ночью район казался морской пустыней.

Яхта сбросила скорость при подходе к островку и плавно опустилась на воду примерно в кабельтове от него. Пологие волны, прокатившиеся от яхты, разбились с легким плеском о выступающий коралл, и вновь воцарилась полная тишина. Якорь беззвучно скользнул вниз и лег на дно на глубине сорок футов. В трюме Ларго с командой из четырех человек ждал, когда распахнутся створки люка. На всех уже были акваланги. Ларго держал в руках мощный электрический фонарь. Четверка была разбита на две пары, каждая пара удерживала по сетке, в них лежали, как в гамаке, закругленные с одного конца шестифутовые цилиндры. Затянутые в серую резину, они навевали фривольные ассоциации.

Приток воды усилился, она бурлила водоворотами. Все пятеро скользнули в кипящий поток и с трудом протиснулись через люк. Ларго шел первым, а обе пары сохраняли отработанную на тренировках дистанцию. Ларго не стал включать фонарь, во-первых, было и так достаточно светло, а во-вторых, свет мог привлечь к ним все рыбье население. Не исключено было также появление акулы или барракуды, и, хотя они практически не представляют опасности, кто-нибудь из команды, несмотря на хорошую подготовку, мог испугаться.

Они плыли в мягком лунном тумане. Вначале под ними лежала лишь молочная пустота, но затем показалось коралловое основание островка, круто вздымающееся к поверхности. Водоросли волнообразно покачивались, словно манили куда-то, и казалось, что заросли кораллов таят в себе какие-то мрачные тайны. Именно эта на самом-то деле совершенно безобидная ночная таинственность, вызывающая у неопытных пловцов холодок страха, заставила Ларго возглавить экспедицию. На открытом пространстве, где упал самолет, в свете мощного прожектора и в окружении знакомых предметов подводный мир походил на большой зал. Сейчас же в размытой бледно-серой пелене, где все казалось таким угрожающим, нужен был опытный пловец, который сотни раз преодолевал эту призрачную опасность. Поэтому Ларго и возглавил команду. Кроме того, он хотел лично убедиться, насколько надежно упрятаны эти серые сосиски. Может так случиться, что в случае неудачи ему самому придется извлекать бомбы из укрытия.

Подводная часть островка была так источена волнами, что снизу он походил на большой гриб, на ножке которого, словно рана, зияла расщелина. Ларго поднялся к входу в трещину и включил фонарь. Острый луч высветил мельчайшие подробности жизни сообщества подводных обитателей кораллов. Морские ежи и трепанги, покачивающиеся водоросли, голубые и желтые антенны лангустов — все шевелилось и двигалось, рыбы-бабочки и рыбы-ангелы порхали, словно мотыльки в свете уличного фонаря.

Ларго встал на ноги на уступе, с трудом удерживая равновесие, оглянулся и осветил фонарем поверхность скалы, чтобы пловцы могли выбрать точку опоры. Затем он поманил их за собой в расщелину, в дальнем конце которой где-то под центром островка виднелись лунные блики. В длину пещера была не больше десяти ярдов и в конце расширялась, образовывая камеру, узкой щелью соединявшуюся с поверхностью острова. Наверняка во время шторма сквозь эту щель выплескивались волны. Едва ли кто-нибудь осмелится приблизиться к Собачьей мели во время шторма лишь для того, чтобы полюбоваться фонтанчиками соленой воды в центре островка. Может быть, когда-то здесь и прятали настоящие сокровища, но сейчас камера послужит идеальным хранилищем для бомб. Чуть выше уровня воды заранее были подготовлены металлические опоры, которые могли выдержать удар любой стихии. На них были уложены и тщательно закреплены обе бомбы в резиновых водонепроницаемых чехлах. Ларго лично проверил надежность крепления и остался вполне удовлетворен качеством работы. Теперь оружие будет ждать того момента, когда в нем возникнет необходимость. Кроме того, радиация, которая могла бы их выдать, не проникнет сквозь коралловую преграду. К тому же островок находится в сотне миль от Нассау. Люди и яхта будут чисты и невинны, как только что выпавший снег.

Пятерка медленно вплыла через люк в трюм. Зарокотали двигатели, нос «Диско» медленно поднялся из воды, и красавица-яхта заторопилась домой.

Ларго освободился от акваланга и с полотенцем вокруг бедер заторопился в радиорубку. Он вынужден был пропустить полуночный выход в эфир. Сейчас час пятнадцать, это семь пятнадцать утра в Париже. Ларго представил себе Блофельда, помятого от бессонной ночи и небритого. Рядом с ним чашка крепчайшего кофе, последняя из бессчетного множества выпитых за ночь. Видение было настолько живым, что Ларго даже ощутил запах кофе.

Скоро Блофельд сможет взять такси и отправиться в турецкие бани на улице Обер — там он всегда снимал напряжение — и лишь после этого уснет.

— Говорит номер первый.

— Номер второй слушает.

— Третья фаза завершена, третья фаза завершена. Полный успех. Конец передачи.

— Я удовлетворен. Конец.

Ларго стянул с головы наушники и подумал: «Я тоже. Три четверти дела позади, и теперь нас сможет остановить лишь дьявол».

Он спустился в каюту и тщательно приготовил в высоком стакане свой любимый напиток: взбитый мятный крем с вишневым ликером. С наслаждением он высосал смесь и неторопливо прожевал вишенку. Затем подумал, выудил из бутылки еще ягодку, аккуратно положил в рот и отправился на мостик.

11. Домино

Девушка в двухместной спортивной машине сапфирового цвета с головокружительной быстротой промчалась по крутому спуску Парламент-стрит и на пересечении с Бей-стрит лихо, как заправский гонщик, переключила скорость с третьей на вторую, бросив быстрый взгляд направо. Лошадка в соломенной шляпе от солнца, впряженная в расхлябанный экипаж с веселенькой бахромой, трусила легкой иноходью. Точно оценив ее скорость, девушка резко бросила автомобиль в левый поворот и проскочила перед самой мордой животного. Лошадь с негодованием дернула головой, а возница принялся звонить в большой бермудский колокол. Недостаток мелодичного глубокого звука бермудского колокола заключается в том, что он просто не может звучать сердито, как бы ни был озлоблен звонящий. В ответ девушка весело помахала рукой и подкатила к дверям «Трубки мира» — табачного магазина, принадлежащего компании «Данхиллс Нассау».

Не затрудняя себя условностями, девушка перекинула вначале одну загорелую ногу, потом другую через дверцу машины, при этом явив миру из-под кремовой юбки в крупную клетку свои бедра почти до самой талии, и соскользнула на тротуар. Сюда уже подкатил веселенький экипаж, кучер натянул поводья, придержал лошадь и сказал:

— Эй, мисс, вы чуть не сбрили усы моему Старому Мечтателю. Надо бы быть поосторожнее.

Девушка терпеть не могла выговоров. Воинственно уперев руки в бедра, она вызывающе ответила:

— Вы и есть старый мечтатель! У людей дела. А вас обоих следует отправить щипать травку, чтобы не загромождали улицы и не путались в ногах.

Управлявший экипажем древний негр набрал побольше воздуха, чтобы дать дерзкой достойный ответ, но, видимо, передумал и миролюбиво произнес:

— О'кэй, мисс, о'кэй,— легонько хлестнул лошадь и продолжил путь, бормоча что-то себе под нос. Он повернулся на своем сиденье, чтобы еще раз взглянуть на чертовку, но она уже исчезла в дверях лавки.

— Славная девушка,— сделал он совершенно не вытекающий из предшествующей сцены вывод и перевел лошадку в рысь.

В двадцати ярдах от них Джеймс Бонд наблюдал за происходящим. Его мнение о девушке не расходилось с оценкой возницы. Правда, Бонд уже знал, кто она. Ускорив шаги, он раздвинул защищающие от солнца цветные пластиковые ленты на двери и шагнул в благословенную прохладу табачной лавки.

Девушка, стоя у прилавка, втолковывала одному из продавцов:

— Я же сказала, что не хочу «Сеньор сервис». Повторяю, мне нужны настолько гадкие сигареты, чтобы их просто не захотелось курить. Разве у вас нет таких сигарет, которые могут помочь людям избавиться от вредной привычки? Взгляните на все это,— она указала на забитые товаром полки.— Неужели среди такого разнообразия нет сорта с мерзким вкусом и запахом?

Продавец давно привык к выходкам этих безумных туристов, да и вообще коренные обитатели Нассау весьма редко приходят в возбужденное состояние.

Он промямлил:

— Ну что же,— отвернулся и апатично взглянул на полки.

В этот момент, обратившись к девушке, Бонд назидательно произнес:

— Если вы хотите меньше курить, вам придется сделать выбор между двумя сортами сигарет.

Девушка бросила на него острый взгляд.

— А вы, собственно, кто такой?

— Меня зовут Бонд, Джеймс Бонд, я крупнейший в мире эксперт по проблеме курения. Я сам бросаю непрерывно уже много лет. Вам повезло, что я оказался здесь.

Девушка внимательно оглядела его с головы до ног. Она не встречала этого человека в Нассау. Примерно 35 лет, рост около шести футов, довольно привлекателен, хотя, может быть, несколько грубоват. С затаенной усмешкой в серо-голубых глазах наблюдает за ней. На фоне легкого загара выделяется светлый шрам на левой щеке. Видимо, только что прибыл в Нассау. Одет в легкий темно-синий костюм и кремовую шелковую рубашку с трикотажным шелковым галстуком. Несмотря на жару, выглядит свежо. Единственная его уступка тропикам — это плетеные черные сандалии на босу ногу.

Девушка видела, что это явная попытка завести легкое знакомство. Конечно, лицо у него незаурядное, в нем ощущается сила. Что же, посмотрим, как будут развиваться события. Но пусть не думает, что здесь, в Нассау, все так просто. Вслух она холодно произнесла:

— Хорошо, я вас слушаю.

— Единственный надежный способ бросить курить — это перестать курить и не начинать снова. Если вы пытаетесь отучиться от этой скверной привычки постепенно, ограничивая себя в числе выкуренных сигарет, то очень скоро вы будете думать только о затяжке. Вы станете бросаться к портсигару каждый час, в вашем поведении появится какая-то жадность, а это, согласитесь, неэстетично. Другой способ — это переключиться либо на очень легкие, либо на чрезвычайно крепкие сорта. В вашем случае предпочтительнее «легкий вариант».

Бонд обратился к продавцу:

— Блок «Герцога» с фильтром, пожалуйста,— он передал блок девушке.— Привет от Фауста.

— Но я не могу. Я имею в виду...

Однако Бонд уже заплатил за блок и за пачку «Честерфильда» для себя. Получив сдачу, он проследовал за девушкой на улицу и встал с ней рядом у окна лавочки под полосатым тентом. Жара была нестерпимой. Ослепительный солнечный свет, отражаемый магазинными витринами и известняковыми стенами домов, заставил обоих прищуриться.

— Курению обычно сопутствует выпивка. Собираетесь ли вы избавляться от всех пороков одновременно или постепенно, по одному? — спросил Бонд.

— Все это так неожиданно, мистер э... Бонд. Я, пожалуй, выпью с вами, но не в городе, здесь слишком жарко. Вам знакомо заведение под названием «Пороховая пристань» недалеко от форта Монтегю?

Бонд заметил, что она бросила быстрый взгляд сначала в одну, потом в другую сторону.

— Там недурно, я вас подвезу. Постарайтесь не дотрагиваться до металлических частей машины, обожжетесь до волдырей.

Белая кожа сидений так нагрелась, что обжигала Бонду ягодицы. Но он не станет протестовать, если даже задымятся брюки. Первая вылазка в город и такая удача — знакомство с этой весьма полезной для дела девицей.

Бонду пришлось ухватиться за обитую кожей ручку на приборной доске, когда машина сделала резкий поворот на Фредерик-стрит и тут же следующий на Ширли. Он примостился на сиденье боком, чтобы лучше видеть девушку. Ее широкополая соломенная шляпа была лихо сдвинута на нос. Концы бледно-голубой ленты развевались по ветру. Спереди на ленте золотыми буквами было начертано «Диско воланте». Шелковая блузка в голубую и белую полоску была заправлена в бежевую плиссированную юбку. Этот наряд чем-то напоминал Бонду Хейнлейскую гребную регату в солнечный день. На девушке не было никаких драгоценностей, если не считать квадратных золотых мужских часов с черным циферблатом. Белые замшевые сандалии на низком каблуке в тон широкому замшевому поясу и элегантной сумочке, которая вместе с черно-белым шелковым шарфом лежала между ними на сиденье.

Бонд уже многое знал о своей соседке. Все сведения он почерпнул из въездной анкеты, одной из сотен анкет, просмотренных утром. Имя — Доминетта Витали, родом из Бальцано в итальянском Тироле, поэтому в ней, видимо, есть и итальянская, и австрийская кровь. Ей двадцать девять лет. На вопрос о профессии ответила — «актриса». Прибыла на остров шесть месяцев тому назад на яхте «Диско воланте». По общему мнению — любовница владельца яхты, итальянца Эмилио Ларго. «Девка», «шлюха», «проститутка» — Бонд никогда не называл так женщину, если она не была уличной профессионалкой или обитательницей борделя. Когда шеф полиции Харлинг и начальник иммиграционной и таможенной службы Питман характеризовали ее как «итальянскую потаскушку», Бонд оставил за собой право высказать свое суждение позже. Теперь он был убежден, что поступил правильно. Это уверенная в себе девушка с твердым, независимым характером. Возможно, ей нравится беззаботная, богатая и веселая жизнь, но ведь в этом нет ничего предосудительного. Конечно,

она спит с мужчинами, в этом нет сомнений, но условия диктует она.

Как правило, женщины водят машину аккуратно и достаточно осторожно, однако среди них редко встретишь действительно классного водителя. Хотя Бонд и считал, что дама за рулем не представляет серьезной опасности, но тем не менее когда видел женщину-водителя, то старался держать возможно большую дистанцию между своей и ее машинами. При этом он был готов к любым непредсказуемым маневрам с ее стороны. Самой серьезной потенциальной угрозой он считал машину, в которой находятся четыре женщины, но и две подруги в автомобиле таят почти смертельную опасность. Женщины редко молчат за рулем, а когда они говорят, им обязательно нужно видеть собеседницу. Для дам простой обмен словами неинтересен. Они хотят видеть выражение лица подруги, возможно, чтобы понять скрытый смысл ее слов или проследить за реакцией на свои высказывания. Таким образом, если на переднем сиденье машины находятся две женщины, та, что ведет машину, постоянно отвлекается от дороги. Четыре особы женского пола опаснее двух не в два, а гораздо больше, ведь в этом случае сидящая за рулем не только должна слышать и видеть свою соседку, но также обязательно знать, о чем толкуют ее подруги сзади.

Девушка вела машину совершенно по-мужски, все ее внимание было сосредоточено на дороге. Она постоянно поглядывала в зеркало заднего вида, приспособление, которым женщины-водители пользуются лишь когда им требуется поправить макияж. Кроме того (что также редкость для женщины), ей нравился сам процесс управления автомобилем. Она получала удовольствие от того, что мощный механизм послушен малейшему ее движению.

Девушка сидела за рулем молча и, казалось, совсем не обращала внимания на Бонда, что давало ему возможность без помех изучать свою спутницу. На ее веселом лице можно было прочитать: «Да провалитесь вы все в преисподнюю, со своей жизнью я разберусь сама». Наверное, в порыве страсти это личико становится хищным, думал Бонд. В постели она будет отбиваться, кусаться и царапаться, а потом неожиданно уступит. Он ясно представил себе ее сведенные чувственной судорогой губы, ровный ряд белых зубов, хрип неудержимого желания, переходящий постепенно в благодарный стон любви. Еще в табачной лавке, внимательно рассматривая лицо девушки, Бонд при-

шел к выводу, что золотистое мерцание в глубине ее темно-карих глаз говорит о своей владелице то же, что и губы. Прямой, слегка вздернутый носик, твердый подбородок, хорошо очерченный овал лица, горделиво посаженная голова на стройной шее демонстрировали властность сказочной принцессы. Во всем ее облике чувствовалась решительность, как в королевском указе. Лишь две черточки нарушали цельность образа и чистоту линий: прическа под Бриджит Бордо — локоны, выбивающиеся из-под шляпки в призывном беспорядке, и две едва заметные морщинки на щеках, которые, видимо, превращаются в ямочки, когда она улыбается. Ее улыбки Бонду пока не довелось увидеть. Ее загар не был чрезмерным, без того сухого нездорового блеска, который превращает даже юную кожу в подобие пергамента. Под золотом загара ощущалось доброе земное тепло, которое выдавало здоровую крестьянскую породу с Итальянских Альп. О простом происхождении свидетельствовала и пышная грудь. Суммируя свои наблюдения, Бонд решил, что имеет дело с темпераментным, чувственным и своевольным существом. Красивая арабская кобылица, которая повинуется всаднику со стальными ногами и бархатными руками, да и то лишь в узде со строгими удилами. Бонд подумал, что был бы не прочь помериться с ней силами. Но не сейчас, когда в седле другой всадник, сначала его надо оттуда выбить. Что за чушь лезет в голову, подумал Бонд. Надо думать о деле, а дело предстоит нешуточное.

Автомобиль свернул с Ширли и теперь следовал изгибам береговой линии. Посередине широкого входа в гавань сияла изумрудом и бирюзой коралловая мель. Сейчас там проходил рыболовный катер с двумя двенадцатифутовыми антеннами удилищ, косо закрепленных над кормой. Скоростная моторка тарахтела ближе к берегу, связанный с ней длинным линем воднолыжник упражнялся в слаломе, подпрыгивая на поднятых ею волнах... Был великолепный день, и Бонд забыл о всех своих планах, связанных с выполнением задания. Еще в Лондоне задание представлялось ему довольно нелепым, а теперь, после того, как он ранним утром прибыл в этот райский уголок, он считал его просто бессмысленной тратой времени.

Багамы — узкая цепочка из нескольких сотен островов, протянувшаяся от восточного побережья Флориды почти до Кубы. Этот район, который триста лет был логовищем всех знаменитых пиратов Западной Атлантики, а теперь служит притоном для туристов, породил множест-

во романтических мифов. Об этом говорили и рекламные щиты вдоль дороги: «Башня Черной Бороды» — 1 миля» и рядом «Пороховая пристань» — Дары моря и туземные напитки. Тенистый сад.— Первый поворот налево».

Девушка свернула налево, на покрытую песком дорогу, и вскоре машина оказалась у развалин каменного пакгауза, к которому притулилось розовое дощатое строение с белыми наличниками. Над входом весело покачивалось изображение бочонка, надо полагать с порохом, о чем свидетельствовали нарисованные на нем череп и скрещенные берцовые кости. Девушка поставила машину в тени казуарин, и они через небольшой обеденный зальчик со столами, покрытыми красно-белыми клетчатыми скатертями, прошли на террасу, сооруженную на развалинах каменного причала. На террасу падала тень от миндальных деревьев, постриженных в форме гриба. Появился официант — негр в белой куртке, обильно покрытой пятнами от пролитого супа. Девушка облюбовала столик у самого края террасы, над водой. Бонд, сверившись с часами, сказал:

— Ровно полдень, протокол разрешает приступить к выпивке. Вы предпочитаете крепкие напитки или что-нибудь полегче?

— Конечно, полегче,— ответила девушка,— двойную порцию водки с томатным соком и ворчестерским соусом для вкуса.

— Что же, по-вашему, следует считать крепким напитком? Мне, пожалуйста, водку с тоником и ломтиком лимона.

Официант важно произнес:

— Сейчас,— и медленно удалился.

— Крепким напитком я считаю водку со льдом, например. Добавление томатного сока мгновенно превращает ее в слабый.

Она придвинула к себе свободный стул и водрузила на него ноги, так чтобы на них падало солнце. Видимо, поза показалась ей недостаточно удобной. Сбросив сандалии, она немного отодвинулась и спросила:

— Когда вы прибыли в наши края? Раньше я вас не видела, в конце сезона здесь уже знаешь всех.

— Сегодня утром, рейсом из Нью-Йорка. Хочу присмотреть какую-нибудь недвижимость. Думаю, лучше это делать сейчас, а не в разгар сезона. Когда здесь полно миллионеров, цены взлетают до небес. Надеюсь, все станет подешевле после их отъезда. А вы давно в этом раю?

— Около шести месяцев. Мы пришли на яхте «Диско

воланте». Вы могли ее видеть, она стоит на якоре чуть дальше к северу. Над ней пролетают все самолеты при подходе к аэропорту Виндзор-Филд.

— Такая вытянутая, стройная? Красавица! Ваша?

— Нет, ее владелец мой родственник,— она внимательно следила за выражением лица Бонда.

— Вы живете на яхте?

— Ну уж нет! Мы арендуем имение под названием «Пальмира», это около Лайфорд-Ки, прямо напротив стоянки яхты. Хозяин — какой-то англичанин, кстати, я слышала, что он собирается продавать виллу. Очень красивое место и, к счастью, далеко от этой туристской банды.

— Я ищу что-нибудь как раз в этом роде.

— Примерно через неделю мы ее освобождаем.

— О,— Бонд заглянул ей в глаза,— какая жалость.

— Что за намеки? — Вдруг она рассмеялась с видом кающейся грешницы. На щеках появились ямочки.— Простите, я не это хотела сказать. Когда шесть месяцев кряду выслушиваешь глупости от этих набитых деньгами старцев, начинаешь понимать, что грубость — единственное средство заставить их заткнуться. Я не хотела бы казаться слишком самонадеянной, но ведь в округе практически нет женщин моложе шестидесяти. Для молодежи это слишком дорогой курорт. Здесь пользуется успехом любая женщина, если у нее не заячья губа или не растут усы. Хотя усы их вряд ли оттолкнут, напротив, они лишь добавят пикантности. У старых козлов потеют очки при появлении любой юбки.— Она вновь рассмеялась, на сей раз вполне по-дружески.— Не сомневаюсь, что вы вызовете такой же фурор среди здешних старушек с седыми волосами, выкрашенными в голубой цвет.

— Которые потребляют на обед отварные овощи,— подхватил Бонд.

— Точно. А пьют морковный или сливовый сок.

— Ну, тогда мне с ними не ужиться. Самое меньшее, на что я согласен,— это густая похлебка из моллюсков.

Девушка посмотрела на него с любопытством:

— А вы знаете местные поверья?

— Если вы имеете в виду, что похлебка из моллюсков возбуждает, то это не только местное поверье. В это верят везде, где водятся моллюски.

— Вы думаете, это правда?

— На некоторых островах Полинезии туземцы едят похлебку из моллюсков накануне брачной ночи. Правда, на меня эта похлебка не подействовала.

— Почему же, интересно? — спросила девушка озорно.— Может, потому что вы женаты?

— Нет,— улыбнулся Бонд, глядя ей в глаза.— А вы замужем?

— Нет.

— Тогда почему бы нам вместе не попробовать это варево, посмотрим, что получится.

— Ну, этот заход не намного лучше, чем у моих знакомых миллионеров. Напрягитесь и придумайте еще что-нибудь.

Принесли заказ. Девушка размешала пальцем темные пятна соуса и отпила половину бокала. Она открыла блок сигарет, подаренный Бондом, достала пачку, вытянула одну сигарету и осторожно ее понюхала. Бонд протянул зажигалку. Она глубоко затянулась, выпустила длинную струйку и неуверенно произнесла:

— Неплохо, по крайней мере виден дым. А почему вы объявили себя великим экспертом по курению?

— Да просто потому, что я бросал курить много раз.

Бонд решил, что с легкой болтовней надо кончать, пора переходить к делу.

— Вы прекрасно говорите по-английски, а акцент, помоему, итальянский.

— Меня зовут Доминетта Витали. Я училась в Англии, Челтенхем-колледж для молодых леди, и осваивала актерское мастерство в Королевской академии драматического искусства. Мои родители считали, что девушке из хорошей семьи необходимо именно такое образование. Они погибли в железнодорожной катастрофе. Мне пришлось вернуться в Италию и зарабатывать себе на жизнь. Я еще помню английский,— засмеялась она без всякой горечи,— но забыла все остальное. Вы не сделаете карьеры на итальянских подмостках, умея ходить как леди, с книгой, лежащей на макушке. Нас так дрессировали.

— А этот ваш родственник, хозяин яхты,— Бонд смотрел на море,— разве он не мог вам помочь?

— Нет,— последовал отрывистый ответ.

Бонд никак не отреагировал, и она тут же добавила:

— По правде говоря, он не совсем родственник. Скорее близкий друг, опекун и ангел-хранитель.

— Понимаю.

— Вам обязательно надо побывать у нас на яхте,— девушка, видимо, почувствовала, что в беседу надо внести чуточку тепла.— Его зовут Ларго, Эмилио Ларго. Вы еще не слыхали о нем? Он ищет затонувшие сокровища.

— В самом деле? — теперь пришел черед Бонда смягчить некоторую напряженность беседы.— Это, наверное, очень увлекательно! Я буду рад познакомиться с таким интересным человеком. Ну и как, удалось что-нибудь найти?

— Не знаю. Он хранит тайну. Кажется, существует какая-то карта, но мне ее не показывают. Меня оставляют на берегу, когда уходят в поиск, или как там это называется. Довольно много народу вложило деньги в это предприятие. Акционеры только что прибыли.

— А как они выглядят? Вы считаете, что это благоразумные люди? Ведь такие затеи обычно заканчиваются крахом: либо уже до вас судно обчистили, либо его просто невозможно извлечь.

— Акционеры очень богаты и очень унылы, слишком серьезные люди для такого романтического приключения. Все время они проводят с Ларго. Наверное, строят планы и вычерчивают схемы. Я ни разу не видела, чтобы они загорали и купались. Типичные деляги, впервые попавшие в тропики. Может быть, я несправедлива и они не такие уж противные, но я их почти не вижу. Кстати, сегодня вечером в казино Ларго устраивает в их честь прием.

— А чем вы занимаетесь весь день?

— Да так, болтаюсь по городу, покупаю кое-что для яхты, катаюсь на автомобиле. Люблю купаться на частных пляжах, когда знаю, что их хозяева в отъезде. Я обожаю плавание с аквалангом. В этом случае меня сопровождает кто-нибудь из экипажа яхты или из местных рыбаков. С членом команды бывает интереснее, они лучше управляются с аквалангом.

— В свое время я этим тоже немного увлекался и даже привез с собой маску и ласты. Может быть, вы когда-нибудь покажете мне самые экзотические места?

Девушка демонстративно взглянула на часы.

— Возможно. Ну а сейчас мне пора.— Она поднялась.— Благодарю за угощение, к сожалению, не смогу подбросить вас в город, мне в другую сторону. Официант закажет для вас такси.— И она скользнула в сандалии.

Бонд проводил девушку до машины. Она села за руль и нажала на газ. Бонд сделал еще одну попытку, вновь рискуя нарваться на насмешку:

— Возможно, мы сегодня еще встретимся в казино, Доминетта.

— Не исключено,— резко дернув рычаг сцепления и взглянув еще раз на Бонда, она решила, что не прочь

поддержать знакомство, и сказала: — Только ради всего святого, не называйте меня Доминеттой. Никто меня так не зовет, я — Домино.

Она коротко улыбнулась — это была хорошая улыбка — и помахала рукой.

Задние колеса выстрелили гравием и песком, когда автомобиль резко рванулся с места по направлению к главной дороге. На перекрестке он остановился и — Бонд это видел совершенно четко — свернул по направлению к Нассау.

Бонд улыбнулся и произнес беззлобно: «Вот стерва!» — после чего отправился назад в ресторан расплатиться по счету и попросить, чтобы вызвали такси.

12. Человек из ЦРУ

Такси доставило Бонда в аэропорт. Человек из ЦРУ должен был прибыть рейсом «Пан Американ» в час пятнадцать. Некто Ларкин, Ф. Ларкин. Бонд надеялся, что этот Ларкин не окажется атлетически сложенным выпускником университета с короткой военной стрижкой бобриком. И что он не будет выслуживаться перед своим шефом в Вашингтоне, стараясь всеми силами подчеркнуть некомпетентность Великобритании — этой отсталой колонии США, а также топорную работу агента ее Секретной службы, некоего Дж. Бонда. В любом случае он привезет с собой аппаратуру, запрошенную через секцию А, координирующую контакты с ЦРУ. Заказаны были приемник и передатчик последнего выпуска, которые смогут обеспечить мгновенную связь с Лондоном и Вашингтоном, а также новейший портативный счетчик Гейгера, способный работать как на суше, так и в воде. Высококачественная техника — самая сильная сторона ЦРУ, считал Бонд и без ложного патриотизма отдавал предпочтение в работе именно американской аппаратуре.

Остров Нью-Провиденс, на котором расположена столица Багам Нассау,— это просто кусок унылой песчаной поверхности, окаймленной красивейшими в мире пляжами. Внутренняя часть острова представляет из себя пустынную равнину, поросшую чахлыми сосенками, отдельными казуаринами и мастиковыми деревьями. Ближе к западному побережью находится довольно большое солоноватое озеро. Безусловно, на острове есть и пальмы, и тропические птицы, и цветы, но вся эта экзотика доставляется из Флориды для украшения роскошных вилл, раз-

бросапных по побережью. А стоит только отъехать от побережья, и взгляду не на чем остановиться, кроме ветряков, качающих воду и похожих на пальцы скелета, торчащие из иссушенной земли. По пути в аэропорт Бонд, не отвлекаясь на созерцание ландшафта, мог подвести некоторые итоги своей деятельности в Нассау.

Он прибыл в семь утра. На аэродроме его приветствовал личный адъютант губернатора (что слегка нарушало требования безопасности), привезший Бонда в «Ройал Багамиан», большую старомодную гостиницу, на которую лишь недавно был наведен косметический лоск псевдоамериканизации. Появились всякого рода туристские приманки, как то: ледяная вода в номере, вялые фрукты в целлофановом пакете, на котором значилось: «Наилучшие пожелания от дирекции», и, наконец, бумажная лента на сиденье унитаза с надписью «Стерильно». Бонд принял душ и позавтракал на балконе, с которого открывался роскошный вид на побережье. К девяти часам утра он направился в здание, где располагались правительственные учреждения, на встречу с комиссаром полиции, начальником иммиграционной и таможенной службы и заместителем губернатора. Встреча проходила так, как он и ожидал. Код на телеграмме «Весьма срочно и совершенно секретно», видимо, вызвал некоторое возбуждепие у местных властей, по крайней мере внешне. Бонду была обещана полная поддержка в выполнении задания. Он чувствовал, что в глубине души они считают все это дело полнейшей чепухой и полагают, что это никак не должно отразиться на образе жизни крошечной колонии или, боже сохрани, нарушить покой и комфорт туристов. Роддик, заместитель губернатора, обстоятельный мужчина средних лет в пенсне и с рыжеватой щеткой усов, дал анализ ситуации с точки зрения здравого смысла.

— Видите ли, коммандер Бонд, у нас сложилось мнение, а мы, надо сказать, всесторонне, или, как говорят наши американские друзья, «под разными углами», обсудили возможные варианты и пришли к выводу, что большой четырехмоторный самолет не может быть укрыт в пределах колонии. Единственная посадочная полоса, способная принять летательный аппарат такого типа, находится здесь, в Нассау. Не правда ли, Харлинг? Что же касается приземления в море или вынужденной посадки на водную поверхность, кажется, это так называется в авиации, то мы связались с администрацией каждого крупного острова по периметру архипелага и получили отрицатель-

ный ответ. Операторы радиолокатора на метеорологической станции...

В этом месте Бонд решил перебить заместителя губернатора:

— Мне было бы крайне интересно узнать режим работы радара. Насколько я знаю, аэропорт очень загружен, по ночью движение значительно слабее. Правомерно ли допущение, что ночью наблюдение ведется не столь тщательно?

Комиссар полиции, приятный человек лет сорока, выглядел по-боевому. На темно-синем мундире ослепительно сверкали серебряные пуговицы и эмблемы. Такое сияние возможно лишь в двух случаях: если у носителя мундира много денщиков или масса свободного времени и он может не торопясь поплевать на эти регалии и протереть их суконкой. Комиссар рассудительно произнес:

— Думаю, что в ваших словах, коммандер, есть доля истины. Комендант аэропорта признает, что рвение персонала несколько ослабевает, когда в расписании полетов имеются окна. Аэропорт не полностью укомплектован персоналом, и, конечно, большинство работников — местные жители, сэр. Хороший народ, но вряд ли они полностью отвечают требованиям лондонского аэропорта. Кроме того, локатор на метеостанции принадлежит Управлению общих служб, он в основном ориентирован на потребности судоходства, имеет низкий горизонт наблюдения и незначительный радиус действия.

— Конечно, конечно,— заместитель губернатора явно не стремился углубляться в рассуждения о различных радарных системах или о достоинствах трудовых ресурсов Нассау,— в этом что-то есть. Я не сомневаюсь, что коммандер Бонд проведет самостоятельное расследование. А теперь позвольте перейти к просьбе министра (последовало торжественное провозглашение полного министерского титула) и сообщить мистеру Бонду факты, а также наше мнение о всех лицах, недавно прибывших на острова, о подозрительных элементах и так далее. Мистер Питман, приступайте, пожалуйста.

Начальник иммиграционной и таможенной службы, быстроглазый уроженец Нассау, лощеная личность с несколько заискивающими манерами, чарующе улыбнулся:

— Ничего из ряда вон выходящего, сэр. Обычная мешанина из туристов, бизнесменов и местных жителей, возвращающихся домой. Нас просили представить сведения за последние две недели, сэр.— Он коснулся лежаще-

го на коленях портфеля.— У меня здесь все въездные анкеты, вероятно, коммандер Бонд не откажется их просмотреть вместе со мной.— Карие глаза стрельнули в сторону Бонда.— В штате всех крупных отелей есть детективы, и, если потребуется, я смогу собрать дополнительные сведения об отдельных лицах. Все паспорта проверялись в обычном порядке. Каких-либо нарушений или лиц, находящихся в розыске, не выявлено.

— Могу ли я задать вопрос? — поинтересовался Бонд.

Заместитель губернатора с энтузиазмом закивал.

— Несомненно, несомненно. Спрашивайте обо всем, что вас интересует. Мы же здесь для того, чтобы оказать вам помощь.

— Меня интересует группа из десяти или более лиц. По-видимому, большую часть времени они проводят все вместе. Может быть, их даже больше — человек двадцать или тридцать. Я предполагаю, что все они из Европы. В их распоряжении имеется судно или самолет. Насколько я знаю, Нассау — излюбленное место для проведения различных съездов торговых и туристических ассоциаций, религиозных групп и бог знает кого еще. Обычно они снимают несколько комнат в отеле и заседают примерно около недели. Происходит ли в данный момент нечто подобное?

— Мистер Питман?

— Безусловно, у нас ежегодно множество мероприятий такого рода. Их обожает наше Управление по туризму.— Начальник службы заговорщически улыбнулся Бонду, как если бы он только что выдал ему тщательно оберегаемую государственную тайну.— Но в последние две недели у нас собирались лишь группа «Моральное перевооружение» в отеле «Ройал Багамиан» и команда из «Тип-топ-бисквит» в «Изумрудной волне». Сейчас они разъехались. Обычные встречи респектабельных людей.

— Именно так, мистер Питман, люди, которых я разыскиваю и которые организовали похищение самолета, не пожалеют сил для того, чтобы выглядеть как можно респектабельнее. И вести себя они, наверное, будут соответственно. Мы ищем не шайку горластых жуликов, а весьма и весьма серьезных людей. Исходя из этого, скажите, нет ли сейчас на острове группы лиц такого сорта?

— Ну что же,— начальник иммиграционной службы широко улыбнулся,— конечно, у нас идут традиционные ежегодные поиски затонувших сокровищ.

Заместитель губернатора выдавил из себя неодобрительный, похожий на лай смешок:

— Ну, уж здесь вы хватили через край, мистер Питман. Нам вовсе не следует вмешивать добропорядочных людей в эту историю, так мы сможем слишком далеко зайти. Я убежден, что коммандер Бонд не станет забивать себе голову похождениями кучки богатых бездельников.

Комиссар полиции задумался и сказал после паузы:

— Дело в том, сэр, что у них есть яхта и маленький самолет, если это, конечно, имеет какое-то значение. Кроме того, мне стало известно, что группа акционеров этого жульнического предприятия недавно появилась на острове. Все совпадает с тем, что интересовало коммандера. Я согласен, это звучит смехотворно, однако мистер Ларго настолько респектабелен, что полностью отвечает требованиям коммандера Бонда. Опять же удивительно, но у нас не возникло никаких проблем с командой яхты. За почти шесть месяцев мы не зафиксировали ни одного случая пьянства среди членов экипажа.

Бонд немедленно ухватился за эту тоненькую ниточку, и они продумывали версию еще битых два часа в помещении таможни и в кабинете комиссара. В результате Бонд оказался в городе, чтобы попытаться взглянуть на Ларго или на кого-нибудь из его компании, а если повезет, то и получить из обрывков разговоров дополнительную информацию. Этот выход в город дал ему возможность вблизи рассмотреть Домино Витали.

Что же дальше?

Такси подкатило к аэровокзалу. Бонд попросил водителя подождать и вошел в длинный низкий зал в тот момент, когда радио объявило о прибытии самолета, в котором должен был находиться Ларкин. Зная, что получение багажа и паспортный контроль отнимают немало времени, Бонд направился к сувенирному киоску и купил свежий номер «Нью-Йорк таймс». Среди обычно спокойных заголовков газеты в глаза бросился один — об исчезновении бомбардировщика. Видимо, газетчики пронюхали и о потере бомб, об этом можно было догадаться по резкому тону статьи Артура Крока на редакционной полосе. В ней говорилось о проблемах международной безопасности и деятельности НАТО. Бонд едва успел прочитать половину статьи, как тихий голос произнес ему в ухо:

— Ноль ноль семь, познакомьтесь с агентом три ноля.

Бонд резко повернулся. Вот здорово! Это же Феликс Лайтер!

Лайтер из ЦРУ, с которым Бонд за время работы в Секретной службе не раз делил опасность в самых серьезных делах, ухмыльнулся и сунул стальной крюк, заменявший ему правую кисть, под руку Бонду.

— Спокойно, друг, Дик Трейси * все расскажет, как только окажется па свежем воздухе. Все барахло уже снаружи, пошли.

— Так это ты, старина? Неужели ты, черт побери, знал, что встретишь меня здесь?

— ЦРУ знает все,— важпо ответил Лайтер.

У выхода оп распорядился, чтобы его внушительный багаж погрузили в ожидавшее такси и отвезли в «Ройал Багамиан».

К ним подошел человек, стоявший рядом с неприметным черным «фордом».

— Мистер Ларкин, я представитель компании «Хертц». Вот автомобиль, который вы заказывали. Надеюсь, он вам подойдет, ведь вы просили что-нибудь самое заурядное.

Лайтер бросил взгляд па «форд».

— Выглядит подходяще, а если при этом он еще и движется, тогда просто великолепно. Мне не по нутру эти хромированные роскошные шкатулки, в которых есть место только для миниатюрной блондинки и ее пляжной сумки. Я прибыл сюда за недвижимостью, а не прожигать жизнь.

— Позвольте взглянуть па ваше водительское удостоверение, сэр. Теперь распишитесь вот здесь, пожалуйста. Если вы разрешите, я запишу номер вашей кредитной карточки. Когда будете уезжать, можете оставить автомобиль где угодно, но известите нас. Мы его заберем. Желаю приятно провести время, сэр.

В машине Бонд занял место водителя, поскольку Лайтер заявил, что пока он не готов к езде навыворот — так он именовал левостороннее движение —и , кроме того, ему любопытно, улучшил ли Бонд со времени их последней встречи технику прохождепия поворотов.

Как только машипа вырвалась за пределы аэропорта, Бонд сказал:

— Теперь выкладывай, что произошло. Когда мы виделись в последний раз, ты служил в частном агентстве Пинкертона.

* Дик Трейси — сыщик, герой нескольких американских кинофильмов.— *Прим. перев.*

— Мобилизован. Призван самым примитивным образом, как если бы разразилась война. Если работаешь в ЦРУ, то при уходе из конторы тебя автоматически зачисляют в резерв, конечно, если тебя не вышибли со службы за то, что ты под огнем противника не успел сожрать книгу шифров, или за что-нибудь подобное. Очевидно, у моего бывшего шефа мистера Аллена Даллеса больше никого не оказалось под рукой, когда Президент забил тревогу. Таким образом, я и человек двадцать мне подобных были забриты. Явка в течение двадцати четырех часов. Все отставить! Я ничего не понял. Сначала решил, что наконец-то это русские высадились в США. Но начальство дает мне диспозицию, приказывает упаковать плавки, острогу — и марш-марш в Нассау. Я сделал вид, что распсиховался, спросил, не следует ли мне освежить навыки игры в канасту и потренироваться в отплясывании ча-ча-ча? Тогда они чуть-чуть приоткрылись и поведали, что предстоит работа в одной упряжке с тобой. Я решил, раз этот старый негодяй Н или М — как вы там его обзываете — командирует тебя в Нассау с никудышным радиорепродуктором, значит, заваривается нешуточная каша. Я собрал игрушки, которые вы заказали, а вместо остроги и ведра запаковал лук и стрелы. Итак, я здесь, что означает конец моего повествования. Теперь твоя очередь, старина, до чего же здорово опять встретиться!

Бонд рассказал Лайтеру всю историю шаг за шагом, начиная с вызова к М прошлым утром. Когда он дошел до покушения на улице, Лайтер его прервал:

— Что ты думаешь по этому поводу, Джеймс? Мой опыт подсказывает, что эта заварушка — вовсе не случайное совпадение. Не забавлялся ли ты в последнее время с чужими женами? Вообще все это больше смахивает на Чикаго, чем на респектабельную Пиккадилли.

Бонд ответил очень серьезно:

— Ни я, ни другие не видят в этой истории никакого смысла. Правда, есть один ненормальный тип, у которого имеются мотивы меня подстрелить. Я с ним встретился в клинике, где провел пару недель.

К вящему удовольствию Лайтера, Бонд смущенно поведал ему подробности своего пребывания в «Кустарниках».

— Я выяснил, что он член организации «Красные молнии Тонга». Видимо, он услышал, как я в телефонной будке вел разговор об этой банде, и чуть меня не прикончил. Ну а я шутки ради и чтобы уравнять счет, постарал-

ся поджарить его живьем.— Бонд посвятил приятеля во все подробности и закончил: — Прекрасное, умиротворяющее место эти «Кустарники». Ты не представляешь, что творит с человеком морковный сок.

— И где же расположен этот приют для дебилов?

— Рядом с городком под названием Вашингтон, неподалеку от Брайтона.

— Ты говоришь, письмо было отправлено из Брайтона?

— Ну, это притянуто за уши.

— Развиваю свою мысль для особенно тупых. Один из пунктов плана наших приятелей состоит в том, что самолет должен быть похищен ночью. Полная луна в этом случае просто бесценна. Допустим, что твой печеный цыпленок был отправителем письма. Допустим дальше, что тепловая обработка заставила его отложить отправку до выздоровления. Если это так, то его наниматели сильно разгневались. Не так ли?

— Я думаю.

— Предположим, что за столь вопиющую халатность они распорядились уничтожить его, и убийца разобрался с ним в тот самый момент, когда он стал сводить с тобой личные счеты. Как я заключил из твоих слов, он не из тех, кто спускает обиды. Все концы сходятся, и все факты объяснены.

Бонд рассмеялся, он был в восторге.

— Ну и воображение у тебя. Гениальный сюжет для комикса, однако такие совпадения не случаются в реальной жизни.

— Я скажу тебе, что в реальной жизни не похищают бомбардировщики с ядерными бомбами, но это случилось. Стареешь, Джеймс. Кто поверит в реальную жизнь, если ознакомится с досье о делах, в которых мы участвовали? Реальной жизни, где ничего не происходит, не существует, поэтому не надо о ней болтать.

Ответ Бонда звучал очень серьезно:

— Слушай, Феликс, я поступлю следующим образом. Поскольку твоя версия цельная и логичная, я сегодня же доложу о ней в шифровке М. Посмотрим, что выжмет Скотленд-Ярд из этой гипотезы. Может, что-нибудь всплывет, когда они будут наводить справки в клинике и в больнице Брайтона, если он там лежал. Проблема в том, что из всех вещественных доказательств осталась лишь пара туфель, а полиция вряд ли нападет на след мотоциклиста. Работа была сделана профессионально чисто.

— Конечно, здесь работают профессионалы, и самолет похитили профессионалы, весь план тщательно проработан экспертами. Валяй, телеграфируй своему шефу, да не смущайся, сообщи ему, что это моя идея. После того как я ушел из конторы, моя коллекция наград пополняется довольно вяло.

Машина подкатила к дверям отеля, и Бонд отдал портье ключи от автомобиля, чтобы тот отвел его на парковку. Лайтер зарегистрировался, и они прошли в его номер, попросив прислать наверх два джина со льдом и меню.

Предлагаемые в меню блюда именовались крайне претенциозно. Вычурной готикой там было начертано «Особенно рекомендуем», видимо, в этой рубрике были указаны лучшие деликатесы.

Бонд выбрал на первое «Первоклассные дары моря из местных вод», а на второе — «Разделанные цыплята под соусом Крэссон», далее петитом следовало разъяснение: «Нежнейшие деревенские цыплята, хорошо пропеченные со взбитыми сливками на открытом огне. Тушка разрезана для Вашего удобства. Цена — 38 шиллингов 6 пенсов или 5 долларов 35 центов». Феликс Лайтер решил заказать «Балтийскую сельдь в сметане» и «Рубленый бифштекс из говяжьего филе с кружочками лука по-французски». («Наша знаменитая говядина. Отобрана шеф-поваром из лучших образцов скота со Среднего Запада, взращенного на кукурузном рационе до оптимального возраста. Цена — 40 шиллингов 3 пенса или 5 долларов 65 центов».)

Друзья, не стесняясь в выражениях, обсудили масштабы фальсификации продуктов в гостиницах и выразили возмущение по поводу надругательства над английским языком, совершаемого для того, чтобы пристойно назвать продукты, которые провалялись в морозильных камерах по меньшей мере полгода.

По прошествии получаса и еще одного джина появился обед. Красная цена всей этой ужасной стряпни — не больше пяти шиллингов. Однако приятели молча принялись жевать, пытаясь скрыть негодование. Лайтер не выдержал первым и швырнул на стол вилку.

— Это же просто гамбургер, и при том отвратительного качества! «Кружочки лука по-французски» не имеют ничего общего с этой прекрасной страной. Больше того,— он с отвращением посмотрел на тарелку,— это не кружочки, а овалы, даже в этом сплошной обман.

Лайтер воинственно посмотрел на Бонда.

— Ну что, Соколиный Глаз, куда теперь ведет наша тропа? Куда мы направим наши мокасины?

— Во-первых, главный вывод: отныне питаемся только в городе. Во-вторых, надо взглянуть на «Диско».— Бонд поднялся из-за стола.— После этого нам легче будет решить, за чем охотятся эти люди: за золотыми реалами или за ста миллионами фунтов. К вечеру доложим в Центр о наших успехах.— Бонд показал на багаж, сложенный в углу номера.— Мне выделили пару кабинетов в полицейском управлении. Комиссар хороший человек и обещал помощь. Колониальная полиция обычно вполне надежна, а здесь ее уровень, кажется, выше среднего. Там мы установим радио и попытаемся вечером выйти на связь. Сегодня в казино прием, думаю, что мы почтим его своим присутствием. Может быть, нам удастся встретить там знакомые лица. Тебе не очень трудно достать сейчас счетчик Гейгера?

— Нет ничего проще.— Лайтер вытащил в центр комнаты чемодан и открыл его.— Посмотри на это чудо.— Он подошел к Бонду, держа в руках фотоаппарат «Роллефлекс» в кожаном футляре.— Ну-ка, помоги мне.— Лайтер снял с запястья часы и надел другие. Камеру он повесил на левое плечо.— Теперь протяни этот провод через мой рукав под пиджак и соедини штекеры через прорезь в кармане с футляром, там есть отверстия. Теперь мы готовы.

Лайтер выпрямился, театрально поднял руку и произнес:

— Перед вами, джентльмены, турист с часами и фотоаппаратом.— Он открыл футляр камеры.— Прекрасный объектив и все остальные принадлежности хорошего аппарата. Даже кнопка спуска работает, если тебе захочется притворяться до конца. В тыльной части футляра все потроха счетчика, включая элементы питания. Взгляни на часы,— он сунул циферблат к глазам Бонда.— Единственное отличие от обычных часов состоит в том, что секундная стрелка служит индикатором уровня радиации, а провода в рукаве соединяют их с прибором. Приступим. Ты все еще носишь эти допотопные часы со светящимся циферблатом? Итак, я перемещаюсь по помещению и замеряю радиационный фон. Это очень важно — все на свете что-нибудь да излучает. Я периодически поглядываю на часы, по всей видимости, я нервный тип и боюсь опоздать на свидание. В ванной комнате весь металл излучает, и мои часы регистрируют очень слабое отклонение. В номере чисто, теперь мы знаем, с какого уровня начинать

отсчет. Вот я приближаюсь к тебе, счетчик находится лишь в нескольких дюймах от твоих часов, видишь, секундная стрелка заволновалась. Убери часы, и стрелка успокоится. А все он, твой светящийся циферблат. Помнишь, в свое время часовая компания сняла с продажи так называемые «штурманские» часы, потому что Бюро по атомной энергии подняло шум из-за якобы опасного для здоровья уровня радиации. Эта штучка,— Лайтер ласково погладил футляр,— сделана по специальному заказу. Большинство моделей издает громкие щелчки. Если ты ведешь подземную разведку урана, не надо надевать наушники. Для нашей цели такая чувствительность не требуется. Как только мы приблизимся к бомбам, эту чертову стрелку сразу зашкалит. Теперь пойдем арендуем какую-нибудь дырявую посудину центов за тридцать и нанесем визит Гончему псу океана.

13. Меня зовут Эмилио Ларго

«Дырявая посудина за тридцать центов» оказалась щегольским скоростным катером, принадлежащим отелю. На нем стояли два крайслеровских двигателя, а за аренду надо было платить двадцать долларов в час.

Выйдя из гавани, они взяли курс на запад, мимо Серебряного и Длинного рифов, в обход мыса Делапорт. Они прошли миль пять вдоль берега, на котором располагались роскошные виллы (моторист сообщил, что фут пляжа в этих местах стоит четыреста фунтов), обогнули Старый форт и оказались рядом со сверкающим бело-голубым судном, стоящим на двух якорях. Лайтер присвистнул с восхищением:

— Вот так лодка! Если бы у меня была такая, я все время пускал бы ее в ванне.

— Итальянская постройка,— сказал Бонд.— Компания «Родригес» из Мессины. В Италии конструкция называется «Алискафо». Под килем у яхты крылья, на ходу она почти летит над водой, погруженными остаются лишь винты да часть кормы. Комиссар полиции утверждает, что яхта делает пятьдесят узлов на спокойной воде. В Италии ее используют для скоростных пассажирских перевозок. Обычная вместимость сто человек, а эта рассчитана человек примерно на сорок, свободный объем занимают апартаменты владельца и грузовой отсек. Яхта стоит примерно четверть миллиона фунтов.

Моторист вмешался в разговор:

— На Бей-стрит толкуют, что завтра или послезавтра она пойдет за сокровищами. Все, кто вошел в долю, уже съехались несколько дней тому назад. Недавно яхта уходила на всю ночь для последней прикидки, говорят, к острову Уотлинг. Там вроде бы впервые высадился Колумб лет пятьсот тому назад, хотя вы, наверное, это знаете. Может быть, и не там, но где-то в наших краях. У нас все говорят, что на юге вплоть до Кривого острова полно спрятанных сокровищ. Яхта всегда уходит к югу, это факт. Я сам слышал шум мотора, пока он не затих.— Моторист сплюнул через борт.— Думаю, что они нашли кучу золота, судя по тому, сколько денег выбрасывают на эту яхту. Я слышал на нефтяном пирсе, что одна заправка обходится в пятьсот фунтов.

— А когда она выходила на последнюю рекогносцировку? — поинтересовался Бонд.

— Часов в шесть вечера, как раз после заправки, значит, две ночи тому назад.

Пустые глаза иллюминаторов неотрывно следили за приближающимся катером. Матрос, который чистил медный поручень, обегающий вокруг обтекаемой надстройки яхты, поднялся на мостик и что-то сказал в микрофон. Крупный мужчина в белых парусиновых брюках и сетчатой майке появился на палубе и поднес бинокль к глазам. Он что-то приказал матросу, и тот подошел к трапу, спущенному по правому борту. Когда катер приблизился, матрос сложил ладони рупором и прокричал:

— Что вам здесь надо?! Нужна предварительная договоренность о встрече!

— Мое имя — Бонд, Джеймс Бонд из Нью-Йорка! — последовал ответ тем же способом.— Со мной адвокат. Я хотел бы узнать о вилле «Пальмира», принадлежащей мистеру Ларго!

— Подождите, пожалуйста!

Матрос исчез, но скоро появился вновь в сопровождении человека в парусиновых брюках. Бонд сразу узнал его по описанию, данному полицией.

— Прошу! Прошу на борт!

Он жестом направил матроса вниз помочь пришвартоваться катеру. Бонд и Лайтер поднялись по трапу.

Ларго протянул руку.

— Меня зовут Эмилио Ларго. Мистер Бонд? И...

— Мистер Ларкин, юрист из Нью-Йорка и мой поверенный в делах. Вообще-то я англичанин, но имею коекакую собственность в США.

Последовали рукопожатия.

— Извините за беспокойство, мистер Ларго, но мне не терпелось переговорить с вами о «Пальмире», имении, которое, насколько я понимаю, вы арендуете у господина Брюса.

— О да, конечно,—ослепительная белозубая улыбка излучала самое теплое расположение к Бонду.— Пройдем в каюту, джентльмены. Ради бога, простите меня за этот непотребный наряд.— Он пренебрежительно провел крупными загорелыми кистями рук вдоль тела.— Обычно визитеры сообщают о себе по телефону. Но если вы извините меня за нарушение этикета...

Он позволил концу фразы растаять в знойном воздухе и повел их через низкую дверь вниз по алюминиевым ступеням трапа в главную каюту. Дверь с резиновыми прокладками по краям плотно закрылась.

Они оказались в просторном помещении со стенами, отделанными панелями черного дерева, ноги утопали в толстенном ковре цвета хорошего бордо. Глубокие мягкие кресла, обитые темно-голубой кожей, казались очень удобными. Лучи солнца, пробивающиеся сквозь жалюзи на широком прямоугольном иллюминаторе, вносили частичку живого, радостного света в это довольно мрачное и строгое мужское обиталище. Большой стол посередине каюты был завален географическими картами, лоциями, деловыми бумагами. За стеклами дверок двух больших шкафов можно было увидеть набор рыболовных принадлежностей и коллекцию охотничьих ружей, а висящие на крюке в темном углу гидрокостюм и акваланг очень походили на скелет, болтающийся в пещере чародея.

Кондиционер нес в каюту восхитительную свежесть, и Бонд почувствовал, как его рубашка, постепенно просыхая, перестает липнуть к спине.

— Пожалуйста, присаживайтесь, джентльмены,— Ларго сдвинул на край стола карты и документы, он смахнул их небрежно, как нечто не представляющее никакой ценности.

— Сигареты? — Он поставил перед ними большую серебряную шкатулку.— Чего вам бы хотелось выпить? — Ларго подошел к заполненному разнообразными бутылками бару у стены каюты.— Видимо, что-нибудь не очень крепкое, но холодное? Джин, тоник? Здесь несколько сортов пива. Представляю, как вы страдали от жары в открытой моторке. Если бы я знал о вашем намерении посетить яхту, я непременно выслал бы за вами катер.

Бонд и Лайтер остановили свой выбор на тонике со льдом.

— Прошу меня великодушно простить за вторжение, мистер Ларго. Мне следовало бы сообразить, что с яхтой имеется радиотелефонная связь. Но мы прилетели сегодня утром, и, к сожалению, у меня очень мало времени. Дело в том, что я хотел бы приобрести здесь недвижимость.

— Интересно,— Ларго принес высокие стаканы, бутылку тоника, лед и погрузился в кресло. Со стороны трио казалось очень милой компанией.— Превосходная мысль, кругом такие замечательные места. Я здесь уже полгода, а хотел бы остаться навсегда. Но цена...— Ларго воздел руки к небу,— эти пираты с Бей-стрит готовы содрать три шкуры, а миллионеры, простите, и того хуже. Но вы поступили поистине мудро, прибыв сюда в конце сезона. Те, кто не успел продать, может быть, умерят свою акулью жадность.

— Наши мысли полностью совпадают,— Бонд поудобнее устроился в роскошном кресле.— Но если быть честным, то этот ход подсказал мне мистер Ларкин,— Лайтер поклонился.— Он навел справки, и оказалось, что здесь безумные цены на любую недвижимость,— Бонд вежливо повернулся в сторону Лайтера, приглашая его принять участие в беседе.— Не так ли?

— Сумасшедшие, абсолютно сумасшедшие цены, гораздо хуже, чем во Флориде, я бы назвал их космическими. Я не вправе рекомендовать своему клиенту вкладывать капитал на подобных условиях.

— Совершенно с вами согласен.— Ларго явно не был склонен обсуждать эту проблему.— Но вы упомянули «Пальмиру». Чем я могу быть полезен?

— Насколько мне известно, у вас есть договор об аренде. В городе поговаривают, что вы намерены вскоре освободить виллу. Конечно, это не более чем слух, вы знаете, как распространяются новости на крошечных островках. Но «Пальмира» мне бы очень подошла, это как раз то, что я ищу, и, говорят, ее владелец — этот англичанин, мистер Брюс — готов с ней расстаться за сходную цену. Я намеревался попросить вас,— продолжал Бонд извиняющимся тоном,— предоставить мне возможность осмотреть виллу, в ваше отсутствие, разумеется, и в любое удобное для вас время.

Ларго подарил ему широкую белозубую улыбку и распростер руки, как бы намереваясь заключить Бонда в свои объятия.

— Какие могут быть сомнения, мой друг! Там обитает лишь моя племянница с несколькими слугами. Да и она почти все время отсутствует. Я ее предупрежу, а вы договоритесь с ней по телефону. Чудное имение, отделано с великолепным вкусом. А какой полет фантазии в архитектуре. Жаль, что не у всех богачей такое тонкое восприятие прекрасного!

Бонд поднялся, Лайтер последовал его примеру.

— Вы очень любезны, мистер Ларго, но мы не смеем злоупотреблять вашим терпением. Может быть, мы еще встретимся в городе и поужинаем? Хотя,— Бонд постарался придать своему лицу и голосу максимально льстивое выражение,— вас вряд ли тянет сходить на берег с такой яхты. Думаю, на этой стороне Атлантики нет другой такой красавицы. Если не ошибаюсь, суда такого типа в свое время ходили между Венецией и Триестом. Кажется, об этом писали.

Ларго не смог скрыть своего удовольствия.

— Да, вы абсолютно правы. Их также использовали на озерах Северной Италии для пассажирских перевозок, а сейчас закупают для Южной Америки. Прекрасная конструкция, особенно для прибрежных вод. Максимальная осадка, когда яхта встает на крыло, не превышает четырех футов.

— Не кажется ли вам, что внутри она все-таки немного тесновата?

Ревнивое обожание своей собственности — свойство скорее мужское, чем женское.

Ларго, всем своим видом выражая уязвленное самолюбие, сказал:

— Нет, нет. Думаю, что вы не правы. Не могли бы вы пожертвовать пятью минутами и познакомиться с яхтой поближе? Сейчас на борту очень много людей. Вы, несомненно, наслышаны о поисках затонувших сокровищ? — Он посмотрел на гостей так, словно опасался насмешки.— Но не будем об этом, я убежден, что вы не сторонники подобных эскапад. Все участники нашего предприятия, его спонсоры сейчас живут на яхте. Нас сорок человек на борту, включая команду, и, как вы можете заметить, никакой тесноты.

Ларго широким взмахом руки предложил начать экскурсию. Феликс Лайтер не стал скрывать своего неудовольствия по этому поводу.

— Вы не забыли, мистер Бонд, что на пять часов у нас назначена встреча с господином Гарольдом Кристи?

— Мистер Кристи очаровательный человек, и он не

рассердится на нас за пятиминутное опоздание,— отмахнулся Бонд от возражения Лайтера.— Я просто счастлив осмотреть судно, если вы готовы пожертвовать своим временем, мистер Ларго.

— Не беспокойтесь, это займет всего несколько минут. Милейший мистер Кристи — мой друг. Он все поймет.

С этими словами Ларго распахнул дверь, приглашая гостей пройти первыми.

Бонд был готов к этому проявлению вежливости, она может помешать Лайтеру работать с прибором. Бонд твердо произнес:

— Проходите вперед, мистер Ларго, и предупреждайте нас, пожалуйста, когда надо беречь от ушиба голову.

Последовал взаимный обмен любезностями, после чего Ларго прошел вперед.

Все суда, даже наиновейшие, в основном похожи друг на друга. Проход от борта к борту, ряды кают, общая душевая и туалет, камбуз, в котором два итальянца в белоснежных куртках смеялись шуткам Ларго о качестве пищи и, казалось, были искренне польщены любознательностью посетителей, огромное машинное отделение, где главный механик и его помощник — немцы по облику — с энтузиазмом поведали им о параметрах дизелей и принципах действия гидравлической системы подводных крыльев. Все это походило на посещение любого судна: приятные слова членам команды и восторженные эпитеты, адресованные владельцу.

На короткой кормовой палубе разместился двухместный самолет-амфибия со складными крыльями. Сейчас крылья находились в вертикальном положении и смахивали на уши. Здесь же находился и прогулочный катер, способный вместить не менее двадцати человек.

Бонд прикинул водоизмещение яхты, высоту борта и как бы между прочим спросил:

— А как вы используете трюмное помещение? Там тоже каюты?

— Просто как склад. Ну и, конечно, там топливные баки. Яхта довольно дорога в эксплуатации. Мы забираем, например, несколько тонн топлива, кроме того, для судов такого типа существует проблема балласта. Когда на ходу поднимается нос, топливо перемещается к корме, приходится заполнять балансировочные баки.

Ларго рассказывал о технических подробностях уверенно, со знанием дела.

Когда группа приблизилась к радиорубке, Бонд сказал:

— Меня очень интересует радио. Вы упомянули о связи с берегом. Что вы используете для этой цели? Обычный коротковолновик? Хотелось бы взглянуть.

Ларго был по-прежнему исключительно корректен:

— Как-нибудь в другой раз, если не возражаете. По моему приказу радист неусыпно следит за сводками погоды. Для нас это исключительно важно.

— Я понимаю.

Они прошли на мостик, где Ларго кратко рассказал о том, как яхта управляется, после чего вывел их на палубу у трапа.

— Теперь вы видели мою старую добрую «Диско воланте» — «Летающее блюдце», если перевести на ваш язык. Уверяю вас, что яхта действительно парит над водой. Надеюсь, вы и мистер Ларкин не откажетесь в один из ближайших дней совершить с нами небольшой круиз? А сейчас,— он улыбнулся, как бы намекая на то, что собирается выдать большой секрет,— мы очень заняты, как вы, наверное, уже слышали.

— Какое увлекательное, романтическое занятие — поиск сокровищ. Полагаете, у вас хорошие шансы на успех?

— По крайней мере хочется в это верить. Если бы я имел право рассказать вам все,— он развел руками, как бы извиняясь.— Но, к сожалению, как говорят поэты, «на моих устах печать». Надеюсь, вы меня понимаете?

— Безусловно. Вы должны блюсти интересы акционеров. Мне самому хотелось бы вступить в долю, но боюсь, что на рынке уже давно нет свободных акций.

— Увы, нет. Как говорится, весь выпуск распродан. Однако, как я заметил, мистер Ларкин частенько поглядывал на часы во время нашей короткой экскурсии. Видимо, нам не следует слишком долго испытывать терпение мистера Кристи. Джентльмены, я получил огромное удовольствие от нашей встречи.

Продолжая состязаться с Ларго в обмене любезностями, Бонд и Лайтер спустились по трапу в ожидавший их катер и тронулись в обратный путь.

Когда они уселись на носу, подальше от моториста, Лайтер сказал:

— Счетчик не реагирует. Как и следовало ожидать, есть небольшие отклонения в машинном отделении и около радиорубки. К сожалению, все удручающе нормально. Ну а что ты думаешь о нем и обо всем антураже?

— Говоря твоими словами, «удручающе нормально». Ларго выглядит так, как ему следует выглядеть, и ведет себя подобающим образом. Мы встретили мало членов экипажа, но те, кого мы видели, либо подлинные моряки, либо гениальные актеры. Мое внимание привлекли лишь кое-какие мелочи. Во-первых, я не видел трапа в трюм, хотя небольшой люк может находиться и под ковром. Но тогда каким же образом они смогли там устроить склад? Хотя я и не слишком хорошо разбираюсь в судовой архитектуре, мне все-таки кажется, что яхта имеет очень емкий трюм. Кстати, надо проверить на нефтяном пирсе, сколько топлива она забирает.

Во-вторых, очень странно, что мы не встретили ни одного акционера. Мы поднялись на борт около трех, и вполне можно допустить, что большинство из них наслаждается сиестой. Но не все же! Неужели они все время сидят по своим каютам? И еще. Ты заметил, Ларго не курит и на всей яхте нет и следа табачного дыма. При других обстоятельствах можно было бы говорить о совпадении, но здесь пахнет железной дисциплиной. Настоящие профессионалы, находясь «на деле», не пьют и не курят. Хотя я готов признать, что это весьма сомнительный аргумент против Ларго. Кстати, ты обратил внимание на навигационные приборы и эхолот? Это очень дорогие игрушки, впрочем, вполне обычные на крупной яхте. Я был убежден, что Ларго начнет ими хвастаться на мостике. Однако он этого не сделал. Почему, спрашивается? Но я опять пытаюсь ухватиться за соломинку. По-настоящему ни к чему нельзя придраться, кроме как к этому странному пустому трюмному пространству, которое мы так и не увидели. Все эти слова о топливе и балласте звучали как-то неубедительно. Твое мнение?

— Да то же самое. Нам показали едва ли половину судна. Но здесь имеется прекрасное объяснение. Нечего всяким пришлым пялиться на дорогое секретное оборудование для поиска и подъема сокровищ. Кстати, помнишь историю во время войны с итальянским сухогрузом у Гибралтара? Итальянские подводники-диверсанты выходили в море через большой люк, вырезанный в днище. Надеюсь, наш друг не обзавелся таким же люком.

Бонд очень серьезно посмотрел на Лайтера.

— Сухогруз звался «Олтерра». А вся эта история — один из самых грандиозных провалов нашей разведки во время войны,— и он продолжил после паузы: — Глубина на стоянке «Диско» примерно сорок футов. Как ты дума-

ешь, не могли они закопать бомбы в грунт под яхтой? Твой счетчик смог бы это засечь?

— Сомневаюсь. Но у меня есть подводная модификация, можно было бы принюхаться под покровом ночи. Все же, Джеймс,— Лайтер заметно помрачнел,— мне кажется, мы на ложном пути и уже ищем разбойников у себя под кроватью. Конечно, Ларго крепкий парень и здорово смахивает на пирата. Я даже предполагаю, что он действительно разбойник — там, где дело касается противоположного пола. Но нам-то что с того? Мы не располагаем уликами против этого человека. Ты не забыл запросить данные на него, акционеров и экипаж?

— Я сделал срочный запрос через губернатора. Ответ придет к вечеру. Однако если посмотреть с другой стороны: налицо скоростная яхта, самолет и сорок неизвестных. В районе нет другой группы или даже отдельных лиц, которые для нас выглядели бы хоть сколько-нибудь обещающе. С первого взгляда они совершенно безукоризненны и история с сокровищами абсолютно правдоподобна. Но представь лишь на секунду, что все это подделка. Великолепно, мастерски выполненная фальшивка. При ставке в сто миллионов фунтов можно не жалеть средств. Или вот это — так называемые акционеры прибывают на остров не позже третьего июня, в ту же ночь «Диско» выходит в море и возвращается только утром. Предположим, что где-то на мелководье происходит рандеву с самолетом. Предположим дальше, что бомбы перегружены с самолета на яхту, а затем перепрятаны в надежное место — зарыты в песок под яхтой, например. Какая в этом случае получается картина?

— Картина получается довольно слабая. Приключенческий фильм для непритязательного зрителя,— Лайтер скептически пожал плечами,— но все же это стоит того, чтобы продолжать работу.— Он рассмеялся.— Однако я лучше застрелюсь, чем поделюсь нашими соображениями с Центром. Если мы не хотим выглядеть идиотами, то пока не следует тревожить наших шефов. Каков будет дальнейший план наших действий?

— Пока ты будешь держать связь с начальством, я получаю нужные нам сведения на нефтяном пирсе. Затем мы звоним этой девице Домино и напрашиваемся на выпивку в «Пальмире». Совместив приятное с полезным, осматриваем виллу. Следующий шаг — казино, где мы познакомимся со всей компанией, и лишь после этого,— Бонд не давал Лайтеру вставить слово,— я попрошу по-

лицейского комиссара дать мне в помощь надежного человека, надену акваланг и отправлюсь в подводный поиск к «Диско», не забыв прихватить с собой счетчик.

— Дестри снова в седле *,— заметил Лайтер.— Во имя нашей старой дружбы, Джеймс, я не вступаю с тобой в спор. Постарайся только не наступить на морского ежа. Завтра в танцзале гостиницы бесплатный урок ча-ча-ча. Боюсь, что это окажется самым ярким событием нашей миссии здесь.

В гостинице их ожидал курьер от губернатора. Лихо откозыряв, он вручил Бонду официальный пакет. В нем находилась телеграмма из Министерства по делам колоний на имя губернатора с припиской «Для Бонда», которая гласила: «В ОТВЕТ НА ВАШ ЗАПРОС СООБЩАЕМ зпт ДАННЫХ НА УКАЗАННЫХ ЛИЦ НЕ ИМЕЕМ тчк ПОВТОРЯЕМ зпт НЕ ИМЕЕМ тчк ВСЕ ПУНКТЫ НЕ ИМЕЮТ ИНФОРМАЦИИ тчк ЧТО У ВАС ПО ОПЕРАЦИИ «УДАР ГРОМА» вопрос».

Телеграмма была подписана ПРИЗМ. Это означало, что она прошла через руки М.

Бонд передал телеграмму Лайтеру, тот ее прочел и заметил:

— Пустая трата времени. Думаю, мы не будем здесь перегружены работой. Как бы то ни было, встретимся в баре, я закажу для тебя сухой мартини с хо-о-орошей маслиной.

14. Мартини с лимоном

Случилось так, что первая половина вечерней программы Бонда пошла прахом. Домино Витали сказала по телефону, что сегодняшний вечер не подходит для визита. Ее друг и несколько акционеров собираются провести время на берегу. Намечается ужин на борту яхты, после чего она снимется с якоря и перейдет на новую стоянку напротив казино. Да, возможно, они там встретятся, но у нее отвратительная зрительная память, и мистер Бонд рискует остаться неузнанным. Может быть, он придет с гвоздикой в петлице или придумает другой опознавательный знак?

Бонд рассмеялся и заверил, что все будет в лучшем виде, ведь ему в душу навсегда запали ее голубые глаза,

* «Дестри снова в седле» — название известного голливудского фильма-вестерна.— *Прим. перев.*

столь гармонирующие с синей окраской волос. В трубке послышался грудной смешок, и Бонду вдруг ужасно захотелось вновь увидеть девушку.

Предполагаемое перемещение яхты только способствовало выполнению его планов. Гораздо проще провести разведку, когда яхта будет стоять в гавани. Можно уйти под воду с полицейского причала, да и плыть под водой придется куда меньше. Теперь можно спокойно обследовать и место бывшей якорной стоянки. По правде говоря, Бонд начал серьезно сомневаться в целесообразности этого обследования. Поскольку Ларго с такой легкостью перемещает судно, вряд ли бомбы, если они вообще существуют, скрыты в песке под днищем. Иначе «Диско» оставалась бы на страже. В любом случае следует осмотреть яхту ниже ватерлинии, а после этого решать вопрос о дальнейших действиях.

Расположившись в номере, он сочинил телеграмму М, в которой говорилось об отсутствии каких-либо сведений по операции «Удар грома». Старик будет безмерно огорчен такой вестью. Может быть, стоит упомянуть о своих подозрениях? Ни в коем случае, пока в его руках не будет реальных фактов. Разведчик, который выдает желаемое за действительное, чтобы потрафить начальству или успокоить его, является самой большой опасностью для Секретной службы. Бонд легко мог себе представить реакцию Уайтхолла на такую телеграмму в ситуации, когда все готовы ухватиться за самую тоненькую соломинку надежды.

М сделает очень осторожный доклад: «Я полагаю, у нас есть основания считать, что в районе Багам, возможно, имеются подозрительные проявления. Абсолютно ничего определенного, но наш человек, который там работает, ошибается очень редко. Да, я перепроверю и доложу, есть ли дополнительные сведения». И поднимется страшный шум. «М что-то знает. Его агент сообщает, что напал на след. Багамы. Да, необходимо проинформировать Премьер-министра». Бонд содрогнулся. «Весьма срочно» обрушатся на него водопадом. «Разъясните Ваше 18 ч. 06 мин.», «Немедленно сообщите новые подробности», «Премьер желает знать в деталях основания для вашей 18 ч. 06 мин.» И потоку этому не будет конца. Волна из ЦРУ захлестнет Лайтера. Все будет перевернуто вверх дном. Наконец в ответ на разрозненные фрагменты слухов и домыслов, которые он будет вынужден посылать в Центр, последует уничтожающее: «Удивлены, что вы

столь серьезно восприняли неубедительные доказательства. Впредь просим ограничиваться фактами». И как последнее унижение: «Ввиду беспочвенности и неубедительности вашей 18 ч. 06 мин. и последующих предлагаем: все новые сообщения должны, повторяем, должны готовиться совместно с представителем ЦРУ и иметь его подпись».

Бонд смахнул со лба выступившие от таких видений капли пота, достал шифровальный аппарат, закодировал текст и отправился в полицейский комиссариат, где Лайтер уже потел за передатчиком.

Через десять минут он передал наушники Бонду и вытер лицо и шею насквозь промокшим носовым платком.

— Были сильные помехи, пришлось переключаться на запасную волну. Потом вдруг выяснилось, что на том конце посадили обезьяну, из тех, которые, если им дать волю, накатают за день больше, чем Бил Шекспир за всю жизнь.— Он яростно помахал пачкой листков, густо испещренных колонками цифр.— И теперь все это надо переводить на человеческий язык. Бьюсь об заклад, что это бухгалтерия сообщает, сколько с меня будет взыскано за эту развлекательную прогулку.

Лайтер уселся за стол, и тотчас послышалось потрескивание его шифровального аппарата.

Бонд быстро передал свое краткое сообщение и представил, как в одной из комнат на восьмом этаже на бумажной ленте возникают отверстия и ответственный дежурный делает разметку: «Лично М, копии в отдел 00 и архив», как девушка торопливо разносит уже отпечатанные на желтой папиросной бумаге донесения по этажам. «Интересно, есть ли новые сообщения для меня»,— подумал Бонд и, оставив Лайтера потеть над дешифровкой, спустился в кабинет комиссара.

Харлинг, сняв френч, сидел за письменным столом и диктовал что-то полицейскому сержанту. Он отпустил сержанта, предложил Бонду сигарету, закурил сам и, лукаво улыбаясь, спросил:

— Какими успехами можете похвастать?

Бонд сообщил, что никаких компрометирующих фактов о Ларго и его группе нет, а визит со счетчиком Гейгера на яхту не дал результатов. Тем не менее он просит о дополнительной помощи. Не сможет ли комиссар выяснить емкость и точное расположение топливных баков «Диско»? Комиссар дружелюбно кивнул, поднял телефонную трубку и попросил соединить его с сержантом Молони из портовой полиции.

— Мы всегда контролируем заправку. Наша гавань очень маленькая, и она постоянно забита разнообразными маломерными судами, рыболовными катерами, прогулочными яхтами — всякой плавучей дребеденью. Постоянно существует опасность пожара, поэтому мы должны знать, сколько горючего на борту каждого судна и где оно находится. Это на тот случай, если придется бороться с огнем или срочно потребуется развести суда на безопасное расстояние.

Затрещал зуммер телефона.

— Сержант Молони?

Комиссар повторил вопрос Бонда, выслушал ответ, поблагодарил и повесил трубку.

— Максимальная емкость — пятьсот галлонов дизельного топлива. Последняя полная заправка — второго июня во второй половине дня. Яхта имеет на борту сорок галлонов смазочного масла и сто галлонов питьевой воды. Все емкости размещены по центру судна, перед машинным отделением. Нужны еще какие-нибудь сведения?

Итак, рассказ Ларго о дополнительных баках и трудностях с балластом оказался полнейшей чепухой. Возможно, он хотел уберечь от нескромного взгляда свое секретное оборудование для подводных поисков сокровищ. Однако можно сделать два бесспорных вывода. Во-первых, на яхте что-то стремятся скрыть, и, во-вторых, мистер Ларго, при всей своей внешней открытости и искренности, в суде был бы свидетелем, не заслуживающим доверия.

Бонд принял окончательное решение, теперь он просто обязан взглянуть на корпус яхты ниже ватерлинии. Напоминание Лайтера об «Олтерре» может оказаться пророческим.

Бонд поделился своими намерениями с комиссаром. Назвав место предполагаемой якорной стоянки «Диско», он спросил, нет ли среди подчиненных комиссара абсолютно надежного человека, который мог бы помочь Бонду в ночной рекогносцировке, а также не найдется ли для него хорошего акваланга.

Комиссар в весьма осторожных выражениях высказал сомнение в мудрости подобного шага. Конечно, комиссар не очень хорошо знает законы, гарантирующие неприкосновенность частной собственности, а эти люди представляются ему вполне добропорядочными гражданами, которые своими тратами повышают благосостояние колонии. Ларго пользуется очень большой популярностью, и любой

скандал, особенно если в нем будет замешана полиция, может лечь черным пятном на вверенную ему территорию.

В ответ Бонд сказал жестко:

— Я понимаю вашу позицию и прошу меня извинить. Но я обязан делать свое дело, поэтому придется пойти на риск. Я убежден,— Бонд дал залп всем бортом,— что распоряжение министра послужит достаточно веским аргументом. В течение часа я могу получить разрешение от него или от Премьер-министра на любые действия, если вы сочтете, что в этом имеется необходимость.

Комиссар улыбнулся и отрицательно покачал головой:

— Поберегите орудия главного калибра на крайний случай, коммандер. Я не сомневаюсь, что вы получите разрешение. Просто мне хотелось вас предупредить о возможной реакции в Нассау. Уверен, что то же сказал бы и губернатор. Мы маленькие люди и не привыкли к такому тесному общению с Уайтхоллом. Мы, конечно, привыкнем, если эта суета продлится достаточно долго. Итак, к делу. Мы сможем удовлетворить ваши требования. У нас есть отряд портовых спасателей из двадцати человек. Вы не поверите, сколько катеров гибнет, когда подходит большой круизный теплоход, случаются и человеческие жертвы. Я направлю вам в помощь констебля Сантоса. Настоящий профессионал, местный уроженец, много раз выигрывал соревнования по плаванию. Он доставит все необходимое прямо на пирс. Перейдем к деталям...

Вернувшись в свой номер, Бонд принял душ, проглотил двойное виски и обессиленно повалился на кровать. Он чувствовал себя совершенно выжатым — полет, жара, сомнения. Ему казалось, что он выглядел идиотом и в глазах комиссара, и в глазах Лайтера. Да и самому себе он представлялся полным кретином. Эти чувства, помноженные на ощущение опасности предстоящего ночного заплыва, привели нервы Бонда в состояние крайнего напряжения, которое можно было снять только парой часов отдыха и одиночества.

Он отключился мгновенно, ему снилась Домино, за которой гналась акула со сверкающими белыми зубами. Акула вдруг превратилась в Ларго, тянущего к Бонду свои огромные лапищи. Все ближе, ближе, вот они уже касаются плеча, но здесь раздался удар гонга, возвещающего о конце раунда. Звучание гонга перешло в непрерывный звон...

С большим трудом Бонд дотянулся до телефона. Это был Лайтер, которому ужасно хотелось мартини с большой

маслиной. Уже девять, какого дьявола Бонд не торопится? Может, ему надо помочь застегнуть ширинку?

Ананасная гостиная была отделана бамбуком, тщательно покрытым лаком, защищающим от термитов. Столы и стены украшали металлические в форме ананасов подсвечники с оплывшими огарками толстых красных свечей. Дополнительное освещение создавали подсвеченные аквариумы в нишах стен и большой плафон из розового стекла на потолке в форме морской звезды. Сиденья высоких табуретов у стойки бара были цвета слоновой кости, а официант и бармен носили алые шелковые рубашки в стиле калипсо и черные брюки.

Бонд присоединился к Лайтеру, который уже сидел за угловым столиком. На обоих приятелях были белые вечерние пиджаки и черные протокольные брюки. А Бонд еще украсил себя широким кушаком красного шелка, призванным подчеркнуть его статус богача в поисках недвижимости на островах с сильным испанским влиянием.

Взглянув на Бонда, Лайтер заметил:

— Хотел вместо пояса затянуться велосипедной цепью, на случай заварухи, но вовремя вспомнил, что я всего лишь мирный служитель права. Надо потребовать, чтобы на такие задания нас сопровождали девушки — для конспирации. Боюсь только, что мы разоримся на алиментах. Официант!

Лайтер заказал два сухих мартини.

— Посмотри, что сейчас будет,— сказал он грустно.

Мартини появились. Лайтер поднял один бокал, осмотрел и тихим голосом попросил официанта пригласить бармена. Последний пожаловал, всем своим видом выражая недовольство.

— Друг мой,— обратился к нему Лайтер,— я заказывал мартини, а не маслину под соусом.

С этими словами при помощи коктейльной палочки он извлек ягоду, и сосуд, который, казалось, был набит на две трети, оказался заполненным лишь наполовину.

Лайтер мягко начал:

— Такие фокусы со мной еще можно было проделывать в те времена, когда молоко было для вас единственным знакомым напитком. А к тому времени как вы перешли на кока-колу, мне была известна вся экономическая подноготная вашего бизнеса.

Одна бутылка джина «Гордон» дает шестнадцать настоящих порций, под настоящей я подразумеваю двойную, других просто не пью. Долейте в бутылку джина три

унции воды, и вы получите двадцать две порции, возьмите бокал с толстым дном, банку вот таких здоровенных маслин, и в вашем распоряжении уже двадцать восемь порций. Бутылка джина в розничной продаже стоит два доллара, а в оптовой — примерно доллар шестьдесят центов. Вы берете за порцию восемьдесят центов, а за две — доллар шестьдесят центов, иными словами, полную стоимость бутылки. И у вас еще остается двадцать шесть порций. Таким образом, доход на одну бутылку равняется двадцати одному доллару. Скинем доллар на маслины и несколько капель вермута. Все равно прибыль от одной бутылки составляет двадцать долларов. Итак, мой друг, вы явно извлекаете незаконную сверхприбыль. Если у меня возникнет желание отнести этот, с позволения сказать, мартини в Управление по туризму, вас постигнут крупные неприятности. Поэтому будьте умником и смешайте нам два больших настоящих мартини без маслин. Только не забудьте отдельно подать мелко нарезанную лимонную кожицу. Хорошо? Сделайте, как я прошу, и мы снова друзья.

Лицо бармена последовательно выразило всю гамму чувств: негодование, уважение, испуг. Цепляясь за остатки профессиональной гордости, он щелкнул пальцами, приказывая официанту унести стаканы.

— Как прикажете, сэр. У нас огромные накладные расходы, да и большинство гостей не жалуется.

— Настоящий бармен с первого взгляда должен отличать специалиста от желторотого птенца или любителя покрасоваться в вашем в остальном прекрасном баре,— сказал Лайтер назидательно.

— Да, сэр.— И бармен удалился, всеми силами стараясь сохранить достоинство хотя бы внешне.

— Неужели то, что ты сказал, соответствует истине, Феликс? Я всегда догадывался, что меня надувают, но не в такой же степени!

— Знай, юноша, что с тех пор как я оставил государственную службу ради агентства Пинкертона, шоры упали с глаз моих. Обман, который вершится в гостиницах и ресторанах, является самым тяжким грехом человечества. Каждый, кто облачен в смокинг ранее семи вечера, то есть официант,— это крокодил, готовый отхватить жирный кусок от твоего кошелька. Впрочем, ничем не отличаются от них и те работники сферы услуг, которые не носят смокингов. Я просто прихожу в бешенство, когда мне приходится есть и пить дерьмо и при этом платить большие деньги. Возьмем, к примеру, наш сегодняшний ленч.

Шесть-семь долларов плюс пятнадцать процентов за то, что они называют сервисом. Официант вымогает пятьдесят центов за то, что прокатился на лифте с подносом этой гадости. Ну их к дьяволу! Мне хочется выпустить комунибудь кишки, когда я думаю об этом. Давай поговорим на другую тему.— И он пригладил рукой остатки соломенного цвета волос на темени.

Принесли заказ. На этот раз напиток был приготовлен безукоризненно. Лайтер утешился, повторил заказ и сказал со смешком:

— Ну вот, теперь придется искать новый повод, чтобы сорвать злость. Мне кажется, я выхожу из себя, потому что вновь оказался на государственной службе. Разве можно сохранять спокойствие, когда видишь, как деньги налогоплательщика бросают в выгребную яму. Наша охота за призраками — типичная тому иллюстрация. Пойми, Джеймс,— продолжал он извиняющимся тоном,— я вовсе не считаю всю эту историю блефом, напротив, каша заварилась вполне серьезная. Меня приводит в ярость, что мы, два простофили, сидим в этой детской песочнице в то время, когда другие работают в горячих точках, где что-то происходит или по крайней мере может произойти. Сказать по совести, я чувствовал себя последним идиотом с игрушкой от Гейгера, когда мы начали что-то вынюхивать на яхте.— Он проницательно посмотрел на Бонда.— Не кажется ли тебе, что мы немного переросли эти игры? Другое дело, когда идет война. Но сейчас повсеместно разразился мир, а мы все играем в военные игры.

— Я понимаю ход твоих мыслей, Феликс,— начал Бонд задумчиво.— Может быть, мы, англичане, чувствуем себя более уязвимыми, нежели вы, американцы. Берлин, Кипр, Кения, Суэц, не говорю уже о головорезах из СМЕРШа, с которыми мне приходилось иметь дело. Нам кажется, что война не кончилась. Постоянно где-то что-то заваривается. А наше дело? Может быть, я подхожу к нему слишком серьезно, но я кожей чувствую вокруг какую-то фальшь. Я навел справки о топливе, и что же — Ларго нам лгал.

Бонд в деталях рассказал то, что удалось узнать в полиции.

— Сегодня ночью мы должны суметь сделать окончательные выводы. До истечения срока ультиматума остается всего семьдесят часов. Если мой заплыв принесет полезную информацию, завтра берем самолет и изучаем максимально большую площадь вокруг Нассау. Стратегиче-

ский бомбардировщик трудно упрятать под водой. Тебя еще не лишили пилотских прав?

— Как знаешь,— Лайтер пожал плечами,— я полечу с тобой, можешь не сомневаться. Если мы что-нибудь найдем, мои донесения не будут выглядеть столь нелепо.

Итак, наконец-то открылась причина отвратительного настроения Лайтера. Он прикончил мартини, заглянул в пустой стакан и угрюмо пробурчал:

— Мне кажется, что наши одержимые манией величия жирные коты в Пентагоне опять пытаются блистать доспехами героев. Та шифровка, которой я размахивал, оказалась циркуляром, адресованным всем агентам, задействованным в операции. Нам сообщают, что сухопутные войска, ВВС и ВМС находятся в состоянии повышенной боевой готовности с целью, в случае необходимости, оказать всестороннюю поддержку Центральному разведывательному управлению. Ты только подумай! — Лайтер бросил разъяренный взгляд на Бонда.— Представь себе, сколько стоит это поддержание повышенной боевой готовности. Чтобы показать тебе масштабы растрат, я скажу, что в мое личное распоряжение выделяется,— Лайтер горько рассмеялся,— пол-эскадрильи истребителей-бомбардировщиков и... — он нацелил в грудь Бонда указательный палец,— и еще, мой друг, «Манта» — наша наиновейшая ядерная субмарина!

Бонд улыбнулся этой страстной тираде, и Лайтер продолжил в более сдержанном тоне:

— Правда, возможно, это и не так глупо, как кажется с первого взгляда. Самолеты так или иначе ведут постоянное противолодочное патрулирование с глубинными бомбами на борту и практически все время находятся в состоянии повышенной боевой готовности. «Манта» тоже оказалась в тренировочном походе в нашем регионе. Видимо, собиралась для разнообразия пройти под южным полюсом или выкинуть нечто подобное, лишь бы добиться увеличения бюджета Пентагона. Как тебе это нравится? По первому сигналу указанного Лайтера, дислоцированного в двадцатом номере гостиницы «Ройал Багамиан», в его распоряжение предоставляются средства поражения стоимостью сотни миллионов долларов.

Бонд пожал плечами.

— По-видимому, Президент относится к делу серьезнее, чем его человек в Нассау. Думаю, что наш начальник Штаба проиграл ситуацию со своим коллегой по другую сторону океана. Во всяком случае, это будет забавно, когда

по нашей команде замаршируют батальоны, спасая цель номер один — казино в Нассау. Кстати, что думают в ЦРУ по поводу возможных объектов взрыва? Что может приглянуться «Спектру» на этой половине земного шара? У нас здесь есть лишь совместная с США ракетная база в местечке Норт-Уэст-Ки на восточной оконечности острова Большая Багама. Это примерно в ста пятидесяти милях к северу от Нассау. Думаю, что ракеты и все, что их окружает, свободно потянут на сто миллионов фунтов.

— Мне в качестве возможных объектов назвали мыс Канаверал или военно-морскую базу в Пенсаколе. В случае если фейерверк состоится в наших краях, целью для второй бомбы явится Майами или в качестве альтернативы Тампа. Насколько я помню, в письме используется выражение «объект, принадлежащий западным страпам». Это может означать и какое-нибудь сооружение или предприятие, урановые рудники Конго например. Но и ракетная база вполне годится. Если бы я относился к делу серьезно, то поставил бы либо на Канаверал, либо на остров Большая Багама. Мне только непонятно, как они намерены доставить бомбы к месту назначения, если, конечно, поверить в то, что бомбы у них.

— Во-первых, можно оставить бомбы на дне вблизи берега. Использовать торпедный аппарат подлодки, например. Если хочешь, можно воспользоваться надувным плотом. Осуществить взрыв не сложно, если все компоненты под рукой. Насколько я знаю, между обычной взрывчаткой и плутонием помещается своего рода запал. Вместо взрывчатки ввинчивается часовой механизм, который позволит организаторам уйти на сотни миль от эпицентра. Монтировать все это хозяйство, конечно, должен специалист, знакомый с конструкцией, ну а расстояние не проблема, во всяком случае для «Диско». Яхта может оставить бомбу у острова Большая Багама в полночь и встать на якорь рядом с «Пальмирой» к завтраку. Понимаешь, все сходится.

— Бред,— коротко ответил Лайтер,— если хочешь, чтобы у меня от возбуждения подскочило давление, изобрети что-нибудь позабористей. В любом случае выметаемся отсюда, пойдем отведаем яичницы с ветчиной в одной из паршивых обираловок на Бей-стрит. Это обойдется нам лишь в двадцатку плюс налог. Думаю, столько стоит один полный оборот винта на «Манте». Затем мы отправимся в казино и посмотрим, не держит ли там мистер Ларго банк в очко против синьора Понтекорво.

15. Герой с картинки

Казино в Нассау — это единственный легальный игорный дом на территории, принадлежащей Британской короне. Никто не знает, почему законы Содружества допустили его существование. Казино арендовал канадский игорный синдикат, и в удачный сезон прибыль могла превышать сто тысяч фунтов. Рулетка с двумя «зеро» увеличивала доходы синдиката по сравнению с европейскими игорными заведениями. «Черный Джек» или «Двадцать одно» давали доход шесть-семь процентов, а стол для игры в баккара — скромные пять процентов. Дело велось как в первоклассном клубе. Казино размещалось в изящной частной вилле, где кроме игровых помещений были танцевальный зал, ресторан, в котором профессиональное трио наигрывало популярные мелодии, и превосходный бар. Одним словом, это элегантное учреждение вполне заслуженно получало высокие доходы.

Адъютант губернатора снабдил Бонда и Лайтера членскими билетами. Выпив в баре виски с содовой и по чашечке кофе, друзья расстались и направились к разным столам, за которыми кипела игра.

Ларго держал банк в баккара, перед ним возвышалась внушительная стопка стодолларовых фишек и лежало полдюжины прямоугольных тысячедолларовых жетонов. Рядом с ним сидела Домино Витали. Она непрерывно курила, наблюдая за игрой. Ларго вел игру агрессивно и напористо. Он постоянно выигрывал, но держался при этом безукоризненно, по шуткам зрителей и их аплодисментам при каждом удачном ходе ясно было видно, кто здесь фаворит. Домино, в черном платье с квадратным вырезом и с крупным бриллиантом на золотой цепочке вокруг шеи, казалась мрачной и утомленной. Дама, сидевшая справа от Ларго, трижды пыталась сорвать банк и трижды терпела неудачу. Наконец она встала из-за стола. Бонд быстро пересек комнату и скользнул на опустевший стул. В банке было восемьсот долларов. Сумма была круглой потому, что Ларго делал отчисления в пользу казино после каждой игры.

Настоящие игроки считают, что если банк устоял против трех попыток его сорвать, то у банкомета есть большие шансы удерживать его и дальше. Бонд знал об этом, он также знал, что весь его капитал — тысяча долларов. Однако то, что вся публика так горячо поддерживала Ларго, подзадорило его. «Удача для слабаков,— сказал он себе,—

а стол не играет за Ларго». Вслух он решительно произнес:

— Иду ва-банк.

— Среди нас мой добрый друг мистер Бонд,— сказал Ларго, протягивая Бонду руку.— К нам припожаловали большие деньги. Лучше, наверное, сразу передать банк ему — англичане умеют играть. Но,— он обворожительно улыбнулся,— если мне суждено проиграть, я предпочитаю проиграть мистеру Бонду.

Он мягко ударил по коробке для карт широкой ладонью, из щели появилась одна карта. Ларго вытянул ее и метнул по зеленому сукну Бонду. Затем взял карту себе и раздал еще по одной каждому. Бонд взглянул на свою первую карту и открыл ее, выбросив в центр стола. Это была девятка, девятка бубен. Он искоса взглянул на Ларго.

— Начинающим всегда везет, поэтому я готов открыть и вторую.

Он небрежно бросил карту, она перевернулась в полете и легла точно рядом с первой. Это была великолепная карта — десятка пик. Бонд выиграл, если у Ларго нет девятки.

Ларго рассмеялся, но смех его звучал несколько натянуто:

— Вы заставляете меня приложить максимум усилий,— сказал он весело, открывая свои карты.

Восьмерка червей и король треф. Всего на очко меньше по первой карте — очень обидный проигрыш.

— Кто-то должен быть вторым,— заявил Ларго громко, чтобы слышали все зрители.— Что я говорил? Англичане всегда получают все, что пожелают.

Крупье передвинул фишки к Бонду, тот сложил их перед собой столбиком и показал на груду фишек рядом с Ларго.

— По-моему, это относится и к итальянцам. Напрасно вы отказались утром от сотрудничества со мной.

— Рискнем еще раз. Вы ставите свой выигрыш, а я играю ва-банк в кооперации с мистером Сноу, если последний не возражает.

Мистер Сноу — грубоватый мрачный господин, один из акционеров — не возражал. Каждый из партнеров поставил по четыреста долларов. Бонд — восемьсот. И опять он выиграл с преимуществом в одно очко.

Ларго воскликнул голосом трагического актера:

— Вот они, роковые письмена на стене! Я их узрел и

повинуюсь. Мистер Сноу, вам придется продолжать в одиночестве. Убежден, что у мистера Бонда есть волшебный талисман против меня, и я капитулирую,— губы Ларго кривились в улыбке.

Мистер Сноу вновь не возражал и поставил тысячу шестьсот долларов, что было равно сумме в банке. Бонд подумал: «В два хода я выиграл тысячу шестьсот долларов. Будет забавно, если я передам банк соседке справа». Он сгреб свои фишки и произнес: «Пас»,— что вызвало оживленные комментарии болельщиков.

— Что вы со мной делаете?! — картинно воскликнул Ларго.— Если банк уйдет и вернется, лишь пройдя всех игроков, я пущу себе пулю в лоб! Я покупаю банк! — и швырнул на стол фишки — ровно тысячу шестьсот долларов.

— Иду ва-банк! — неожиданно для самого себя услышал Бонд свой голос. Что он делает? Хочет сорвать свой собственный банк и тем самым заявить Ларго, что, побив его дважды, собирается сделать это в третий раз?

Ларго повернулся к Бонду, улыбаясь лишь одним ртом и прищурив глаза. Он с интересом разглядывал своего противника, перестал актерствовать и сказал удивительно спокойным, ровным голосом:

— Вы открыли охотничий сезон и преследуете меня, мой друг. Что это? Вендетта?

«Посмотрим, какие ассоциации возникнут у тебя после того, как я произнесу кое-какие слова»,— подумал Бонд и сказал:

— Когда я сел за стол, то решил испытать весь спектр чувств.

Бонд произнес ключевое слово как бы между прочим, без всякого намека на возможный двойной смысл.

Улыбку мгновенно смыло с лица Ларго, как если бы он получил пощечину. Правда, через мгновение она вернулась, но лицо оставалось напряженным, а взгляд настороженным и жестким. Ларго облизнул губы.

— В самом деле? Что вы имеете в виду?

— Весь спектр эмоций, включая ощущение проигрыша,— ответил Бонд безмятежно.— Возможно, фортуна опять повернулась к вам лицом.— И он показал на коробку с картами.

Аудитория притихла, все почувствовали возникшее между соперниками напряжение. Вдруг повеяло враждой, которую породила, казалось бы, невинная шутка. Первым бросил перчатку англичанин, наверное, здесь замешана

женщина. Сгрудившиеся вокруг стола зрители в нетерпении предвкушали необычное зрелище.

Ларго рассмеялся первым, к нему вернулась его обычная бравада, голос вновь зазвучал вполне доброжелательно:

— Мой друг старается сглазить мое счастье игрока. Однако в тех местах, откуда я родом, есть средства борьбы с силами тьмы.

Он поднял руку и сделал выпад в лицо Бонду, выставив вилкой указательный палец и мизинец. Для зрителей это было лишь забавной сценкой, снявшей возникшее напряжение. Однако Бонд уловил за внешним обаянием Ларго злобу, которая проявилась в этом старинном жесте мафии. Он рассмеялся добродушно:

— Ну, теперь заклятие лежит на мне. Посмотрим, действует ли оно на карты. Итак, начинаем: весь спектр моих чувств против спектра ваших.

Тень озабоченности опять омрачила лицо Ларго. Почему здесь звучит это слово? Он с силой ударил по коробке с картами.

— Итак, борьба до трех касаний ковра. Участников приглашают начать третью схватку.

Он быстро раздал четыре карты. Бонд взглянул на свои, держа их в ладони так, чтобы укрыть от нескромных глаз. У него было пять очков — десятка треф, которая не учитывалась, и пятерка червей.

Пятерка — пограничная цифра, при которой можно прикупать, а можно и воздержаться. Бонд сложил карты на стол рубашкой кверху и сказал уверенно, как игрок, у которого по крайней мере шесть, а может, и семь очков:

— Достаточно, благодарю вас.

Ларго впился взглядом в лицо противника, стараясь прочитать там истину. Он посмотрел на свои карты и бросил их на стол с гримасой отвращения — пять очков. Что делать? Прикупать или нет? Ларго еще раз попытался расшифровать спокойную уверенную улыбку Бонда и взял карту. Это была девятка — девятка пик. Теперь он остался с четырьмя очками против пяти у Бонда. Бонд неторопливо раскрыл свои карты.

— Боюсь, что вам все-таки не удалось повлиять на колоду.

Вокруг стола слышались разнообразные комментарии: «Если бы итальянец остался при своих... Я всегда прикупаю при пяти... А я никогда... Просто слабый ход...»

На сей раз лишь огромным усилием воли Ларго сумел придать лицу благожелательное выражение. Но все-таки он преодолел себя: кулаки разжались, искривленные напряжением губы сложились в улыбку. Глубоко вздохнув, он протянул Бонду руку.

— Теперь мне придется оставаться за столом до тех пор, пока банк не сделает полный круг. Вы присвоили весь мой выигрыш, и теперь я буду вынужден трудиться в поте лица весь вечер, вместо того чтобы выпить с племянницей шампанского и потанцевать.— Он повернулся к Домино.— Дорогая, мне кажется, ты знакома с мистером Бондом только по телефону. Боюсь, он сломал наши планы и тебе придется искать другого компаньона на сегодняшний вечер.

— Как вы поживаете? — спросил Бонд.— Не вас ли я видел утром в табачной лавке?

— Очень может быть, у меня отвратительная зрительная память.

— Может, вы не откажетесь выпить со мной, я теперь в состоянии благодаря мистеру Ларго,— поклон в сторону последнего,— платить даже по здешним ценам. Я выхожу из игры, полоса везения не может тянуться бесконечно. Нельзя так долго искушать судьбу.

Девушка поднялась со стула и сказала грубовато:

— Ну что ж, если у вас нет лучших вариантов.— И, обращаясь к Ларго, добавила: — Эмилио, возможно, фортуна опять повернется к тебе лицом, когда я уведу мистера Бонда. Я отправляюсь в ресторан, где постараюсь вернуть в семью как можно больше средств в виде икры и шампанского.

Ларго расхохотался, видимо, к нему вновь вернулось отличное настроение.

— Это называется из огня да в полымя, мистер Бонд. Боюсь, что с Домино вам не удастся получить столько, сколько с меня. Увидимся позже, дружище, а теперь назад, в соляные копи, на каторжные работы, к которым вы меня приговорили.

— Благодарю за игру,— сказал Бонд.— Я закажу икру и шампанское для троих.

Он встал и, лавируя между столами, направился вслед за девушкой в ресторан.

Домино прошла к затененному столику в дальнем углу зала. Идя за ней, Бонд впервые обратил внимание на то, что она слегка прихрамывает. Такая походка придавала ей особое очарование. Она как бы намекала на то, что за

броней внешней уверенности и подчеркнутой сексуальности скрывается какая-то детская незащищенность. А он уже был готов присвоить ей титул «куртизанка высшей марки».

Когда принесли розовое шампанское «Клико» и на пятьдесят долларов белужьей икры (Бонд убедил девушку, что из-за меньшей порции не стоило и затевать весь сырбор), он поинтересовался ее хромотой.

— Вы поранили ногу на пляже?

Она грустно взглянула и ответила:

— Нет, я хромоножка с детства, у меня одна нога короче другой на целый дюйм. Моя походка вас раздражает?

— Что вы! Напротив, она делает вас похожей на ребенка.

— А не на прожженную содержанку, не так ли? — спросила Домино с вызовом.

— А вы думаете о себе именно так?

— Я думаю, что так считают все в Нассау.

Она не отвела взгляд, но в глубине ее зрачков Бонд увидел затаенную мольбу.

— Мне никто об этом не говорил. Я привык составлять о людях собственное мнение. Бессмысленно следовать чужим оценкам. Спросите любого, нравится или нет ему какой-нибудь человек. Поскольку люди, как правило, предпочитают думать о своих ближних плохо, вы получите отрицательный или в лучшем случае нейтральный отзыв. Хотите узнать, какой я вижу вас?

— Всякая женщина обожает, когда о ней говорят,— улыбнулась девушка.— Говорите, но только правду, иначе я перестану вас слушать.

— Вы моложе, чем стараетесь казаться. О вашем воспитании тщательно заботились, хотя и немного баловали. Вы начинали жизнь, шагая по ковровой дорожке, расстеленной заботливой рукой. Когда дорожку вырвали из-под ног, вы оказались в одиночестве, но нашли в себе силы пуститься в путь, чтобы опять встать на бархат ковра, к которому так привыкли. Видимо, вы действовали решительно, не затрудняясь в выборе средств. Вашим оружием стало ваше тело, которое вы использовали расчетливо и хладнокровно. Надо признать, что это мощное оружие, используя его, вам пришлось отбросить за ненадобностью чувства. Однако я не думаю, что они зарыты очень глубоко, в любом случае они не атрофировались полностью. Чувства пока немы, потому что вы отказывались к ним прислушиваться. Вы не могли позволить себе такой рос-

кошм, если хотели добиться цели — вернуться на ковер. Теперь вам это удалось, и в определенном смысле вы удовлетворены.— Он рассмеялся и коснулся ее руки.— Нет, это все слишком серьезно. Слушайте дальше, хотя, может быть, вы знаете или догадываетесь, что вы красивы, обаятельны, соблазнительны, независимы, своевольны, нетерпеливы и жестоки.

Она задумчиво смотрела на Бонда.

— В ваших словах не прозвучало для меня каких-то откровений, бо́льшая часть сведений почерпнута из моего рассказа. Кроме того, вы, видимо, знаете характер итальянских женщин. Мне непонятно лишь замечание о жестокости.

— Если бы я проиграл так же, как Ларго, а моя возлюбленная, сидя рядом, не нашла ни слова поддержки и утешения, я имел бы полное право обвинить ее в жестокости. Мужчины не любят терпеть поражение на глазах у женщин.

Ее ответ звучал раздраженно:

— Мне слишком часто приходится наблюдать, как он распускает хвост перед публикой. Я хотела, чтобы выиграли вы, а притворяться я не умею. Назвав мои пороки, вы не упомянули о моем единственном достоинстве — честности. Я и люблю и ненавижу до конца. Сейчас в отношениях с Эмилио я где-то посередине. Раньше мы, возможно, любили друг друга, но сегодня мы — две стороны, заключившие между собой договор. Я вам лгала, когда назвала Ларго опекуном, я его содержанка. Птица в позолоченной клетке, от которой меня тошнит. Я устала выполнять свои обязательства по договору. Можно купить тело, но сердце и душа не продаются. Эмилио это знает, он реалист и не ищет любви. Но мне становится невмоготу, ну, скажем... петь, чтобы получить ужин.— Она резко оборвала фразу.— Налейте мне еще шампанского — бессмысленные разговоры рождают жажду. И еще, купите мне пачку сигарет «Плейерс», я хочу взглянуть на моего Героя.

Бонд принес ей пачку и поинтересовался:

— Кто же этот счастливчик, ваш Герой?

Домино была неузнаваема, смягчилась жесткая линия рта, с лица сошли напряжение и горечь.

Неожиданно она превратилась в девчушку, которую ее знакомый впервые пригласил в ресторан.

— Вам ничем не догадаться, кто моя единственная любовь, мужчина моей мечты. Это моряк, изображенный

на пачке. Вы никогда не видели его моими глазами.— Она придвинулась к Бонду и поднесла пачку к его лицу.— Вам не понять романтики этой картинки — одного из величайших шедевров мирового искусства. С этим человеком,— она ткнула пальцем в изображение матроса,— я впервые согрешила. Он сопровождал меня в прогулках по лесу, я любила его, когда была в школе, и тратила на него почти все мои карманные деньги.

Взамен он открыл мне огромный мир за стенами колледжа для молодых леди. Он учил меня быть взрослой, благодаря ему я не была букой, когда встречалась с мальчишками моего возраста. Он составлял мне компанию, если я чувствовала себя одинокой или страдала от своей молодости. Подбадривал и вселял уверенность. Вы никогда не влюблялись в картинку? Я так и думала, а ведь в ней вся Англия.

Она доверчиво взяла его за руку.

— Слушайте историю Героя. Он начал юнгой на паруснике, видите — он изображен на пачке у правого уха Героя. Ему пришлось многое пережить: черви в сухарях, наказания палками и плетьми, тяжелая работа с парусами на реях в шторм. Он все выдержал. У него начали пробиваться усы. Герою часто приходилось драться за свое достоинство, он мужал (взгляните на эти морщины), с ним стали считаться. Вам не очень скучно слушать о моем Герое?

— Конечно нет, я просто ревную.

— Он видел весь мир: Индия, Китай, Япония, Америка. Приходилось много сражаться на абордажных саблях и голыми кулаками, но он регулярно писал письма матери и замужней сестре, которые жили в Дувре. Мать и сестра хотели, чтобы Герой вернулся домой и женился на хорошей, работящей девушке. А он не хотел, он искал другую — похожую на меня. Но вскоре,— она рассмеялась,— появились первые пароходы, и его перевели на броненосец, справа на картинке вы можете его увидеть. Герой уже боцман или кто-то еще такой же важный. Он начал откладывать деньги, перестал тратить их на виски и женщин, отрастил вот эту красивую бородку и начал вышивать цветными нитками историю своей жизни. Едва он закончил картину, как решил оставить службу на флоте, он так и не сумел полюбить железные корабли. На свои сбережения моряк приобрел пивную в Бристоле. Мой Герой оставался мне верен, пока я не вернулась в Италию. Там «Плейерс» оказались для меня слиш-

ком дороги, и пришлось переключиться на «Национале».

Бонд не хотел, чтобы у нее изменилось настроение, и спросил:

— Как случилось, что вышивка попала в табачную компанию и оказалась на пачке?

— Очень просто. Однажды в пивную Героя вошел человек в цилиндре и длинном пальто. Его сопровождали два мальчика. Вот здесь,— она повернула пачку боком,— написано «Джон Плейер и сыновья». У них сломался автомобиль — один из первых «роллс-ройсов»,— и мистер Плейер должен был переждать, пока его починят. Они увидели на стене картинку, вышитую цветными нитками, которая привела их в восхищение.

Мистер Плейер владел фабрикой, там делали курительный и нюхательный табак. Сигареты были только-только придуманы, и Джон хотел наладить их выпуск. Но, к сожалению, он не мог придумать название и не знал, какую картинку поместить на коробку. Тут мистера Плейера осенила замечательная идея, и он предложил Герою сто фунтов за право напечатать копию его картины. Тот, конечно, согласился, ему очень нужны были деньги, ведь он хотел жениться.

Она замолчала, ее глаза были обращены в мир, скрытый для Бонда. Медленно она возвращалась к реальной жизни из своей сказочной страны. После продолжительного молчания Домино вновь заговорила, но уже совсем другим тоном:

— Спасибо, что вы терпеливо слушали мой рассказ или вернее сказку. Но каждый ребенок должен что-то хранить под подушкой — тряпичную куклу или какую-нибудь другую игрушку. И мальчишки такие же. Мой брат до девятнадцати лет носил амулет, который в раннем детстве подарила ему нянька. Я никогда не забуду скандал, который он закатил, когда потерял свой талисман. А ведь к этому времени он был летчиком и война была в разгаре. Брат так верил, что эта маленькая безделушка приносит ему удачу,— Домино пожала плечами и продолжала с сарказмом: — Он преуспевал и мог бы мне помочь, но никогда этого не делал. «Каждый сам за себя» — было его принципом. Брат очень гордился тем, что наш дед был знаменитым браконьером и контрабандистом в Доломитовых Альпах и что памятник деду был самым красивым из всех монументов клана Петаччи.

Бонд едва не выронил сигарету. Глубоко затянувшись и выпустив дым тонкой струйкой, он спросил:

— Так, значит, ваша фамилия Петаччи?

— Ну конечно, Витали — мой сценический псевдоним. Никто здесь не знает моей настоящей фамилии, да и я, честно говоря, почти забыла о ней и называю себя Витали с тех пор, как вернулась в Италию. Так хотелось все изменить, перечеркнуть старое.

— А как дальше сложилась судьба вашего брата, как, кстати, его зовут?

— Джузеппе. Он много чего натворил, однако летчик он первоклассный. Я слышала, что он получил хороший пост в Париже. Может быть, он хоть теперь образумится, каждый вечер я за него молюсь. Больше у меня никого нет, и я его люблю, несмотря ни на что, понимаете?

Бонд смял сигарету в пепельнице, попросил счет и сказал:

— Да, я вас понимаю.

16. Смертельный заплыв

У покрытых ржавчиной стальных опор полицейского пирса нежно плескались маленькие волны, облитый ярким светом луны причал отбрасывал узорную тень. Под ее покровом констебль Сантос — человек могучего телосложения — помог Бонду взгромоздить на спину баллоны акваланга. Бонд застегнул пряжку, предварительно убедившись, что ремни аппарата не переплелись с проводами подводной модели счетчика Гейгера, которым его снабдил Лайтер. Из ночного клуба едва доносились веселые звуки джаза. Бонд отрегулировал воздушный клапан и спросил у Сантоса:

— Какие звери могут мне встретиться по дороге? Надеюсь, крупная рыба не страдает бессонницей в столь поздний час.

Сантос ухмыльнулся.

— Обычная портовая живность, сэр. Возможно, барракуда или акула, но они здесь обленились, обожрались отбросами и дерьмом из городских стоков, нападают только тогда, когда чуют кровь. Будет много всяких ползающих тварей — омаров, крабов, может быть, парочка осьминогов. Вы увидите водоросли на старых шинах, бутылки в широком ассортименте — одним словом, всякую гадость. И все же вода здесь прозрачная, луна светит хорошо, и вы обернетесь без проблем. Выдох будет незаметен из-за легких волн. Ориентируйтесь по огням «Диско». Думаю, вы доберетесь до яхты минут за пятнадцать. Странно, однако, что

там не видно вахтенного. Я наблюдаю за судном уже час, на мостике нет никого.

— Хорошо, я отправляюсь, встретимся примерно через полчаса.

Бонд проверил, легко ли извлекается нож, висящий на поясе, взял в рот загубник, открыл воздушный клапан и, шлепая ластами по покрытому слоем ила песку, вошел в воду. Нагнувшись, он прополоскал маску, чтобы стекло не потело, надел ее, подогнал затылочный ремень и медленно зашагал в глубину, привыкая дышать ртом. У конца пирса, где вода доходила ему до ушей, Бонд неторопливо присел и, оттолкнувшись от дна, легко заработал ластами, держа руки вдоль туловища.

Дно круто уходило вниз, Бонд нырнул и на глубине примерно сорок футов вновь поплыл горизонтально, от грунта его отделяло всего несколько дюймов. Крупные светящиеся цифры наручных часов показывали десять минут первого, Бонд расслабился и равномерно заработал ногами.

Лунный свет, преломляясь в мелких волнах, плясал на серой поверхности дна. Автомобильные покрышки, металлические бочки, бутылки — разнообразный городской мусор — отбрасывали черные тени. Какой-то осьминожек, ощутив движение воды от приближающегося ныряльщика, срочно сменил темно-коричневую окраску на светло-серую и юркнул в металлическую бочку, служившую ему домом. Морские цветы, студенистые полипы, которые по ночам высовываются из своих нор, мгновенно скрывались, как только к ним приближалась тень пловца. Какие-то миниатюрные существа, зарывшись в дно, выпускали тоненькие струйки ила из крошечных вулканов, а краб-отшельник торопливо ретировался в арендованную раковину. Какой-то лунный ландшафт, таинственная, чуждая жизнь. Бонд внимательно, как настоящий исследователь всматривался в проплывающую под ним жизнь. Единственный способ сохранить самообладание под водой — это сосредоточить все внимание на реальном окружении и не пытаться проникнуть взглядом или воображением сквозь зловещие мглистые стены в поисках фантастических чудовищ.

Бонд плыл в ровном темпе, ноги работали автоматически, луна висела над правым плечом, это означало, что он идет верным курсом. Его мысли вернулись к Домино. Итак, она оказалась сестрой человека, который, по всей видимости, угнал бомбардировщик. Очевидно, Ларго об этом не знал, если он вообще замешан в эту историю. Интересно,

сыграли ли какую-нибудь роль в заговоре обнаружившиеся родственные отношения. Скорее всего, простое совпадение, девушка держится так искренне и непосредственно. Но это открытие непостижимым образом усилило подозрение Бонда относительно участия Ларго в похищении самолета. А если вспомнить его реакцию на слово «спектр»... Бонду казалось, что он прикоснулся только к верхушке айсберга, а вся глыба, тысячи тонн льда, остается невидимой. Может быть, уже пора сообщать о своих подозрениях в Центр? Или лучше повременить? Бонд ненавидел эту неопределенность. Как составить сообщение, чтобы передать свои сомнения? Какие факты включить, а какие оставить для перепроверки?

Подсознательное ощущение опасности — своего рода приемная антенна, сохранившаяся у нас в организме с той далекой поры, когда наши предки обитали в джунглях, резко повышает свою чувствительность, если человек находится в экстремальной ситуации. Мысли Бонда витали где-то далеко, он, казалось, совершенно не думал об опасности, но подсознание было на страже в ожидании нападения. Вдруг где-то в самых сокровенных отделах мозга резко зазвучал сигнал тревоги. Опасность! Опасность!

Мышцы пловца напружинились, рука потянулась к рукоятке ножа, а голова резко повернулась вправо. Он посмотрел не налево, а направо, потому что чутье подсказывало — опасность там.

И он увидел ее. Крупная барракуда весом более двадцати фунтов. Эта рыба справедливо считается одним из самых грозных хищников моря. Вся она, с ее удлиненной головой и пастью, способной, как у гремучей змеи, открываться под прямым углом, с копьевидным синевато-серебристым телом и мощным хвостом, что делает эту рыбу настоящим спринтером моря, а также с присущей ей злобностью, является совершеннейшим орудием убийства.

Барракуда плыла в том же направлении, что и Бонд, находясь там, где освещенное пространство превращалось в темный туман. Она вышла на охоту, черный с золотом глаз тигра следил за Бондом внимательно и холодно, длинная пасть была приоткрыта, и в свете луны поблескивали зубы — самые острые зубы океана, которые впиваются в плоть и вырывают из нее кусок за куском в повторяющихся атаках.

Холодные мурашки страха поползли по коже Бонда. Он взглянул на часы — до цели оставалось минуты три — и, резко повернув направо, поплыл в сторону хищницы, де-

лая выпады блестящим ножом. Барракуда вяло шевельнула хвостом и немного отступила. Но едва Бонд лег на прежний курс, она вернулась и возобновила свое лениво-издевательское преследование, словно оценивая противника и примериваясь, с какой части тела удобнее начать трапезу — плеча, ягодицы или, быть может, ноги.

Бонд лихорадочно старался припомнить, что ему было известно о крупных морских хищниках. Первое правило — не паниковать и не показывать страха. Как собаки или лошади, рыбы тоже чувствуют, когда их боятся. Надо найти свою линию поведения и неотступно ей следовать. Нельзя суетиться, дергаться. Для морских обитателей беспорядочные движения, хаотичное метание означают, что перед ними беззащитная жертва. Бьющаяся рыба привлекает хищников. Краб, перевернутый волной, обнажает свое уязвимое брюхо. Рыба, плавающая на боку,— дохлая рыба. Итак, первая задача — сохранить неизменный ритм движения, чтобы продемонстрировать врагу свою неуязвимость.

Бледный лунный ландшафт менялся. Начали появляться заросли мягкой морской травы, которая, колеблясь в струях подводного течения, походила сверху на длинный мех. Это гипнотизирующее движение укачивало Бонда. На песке дна там и сям виднелись черные футбольные мячи погибших губок. Они смахивали на гигантские грибы-дождевики. В свое время губки были единственной статьей экспорта Нассау, но эпидемия какой-то грибковой болезни извела их полностью. Черная тень Бонда перемещалась по мерно колышащимся зарослям, формой напоминая неуклюжую летучую мышь. Справа от нее изящно и легко скользил длинный тонкий дротик — тень, отбрасываемая барракудой.

Сверкающее облако рыбьей мелочи неожиданно возникло перед Бондом. Рыбешки теснились так плотно, что казалось, будто они заключены в невидимый сосуд. Когда два параллельно плывущих тела приблизились, рыбья масса резко расступилась, образовав два коридора, а пропустив их, сомкнулась опять в единую толпу, которая, видимо, давала им иллюзорное чувство индивидуальной безопасности. Сквозь это рыбье облако Бонд не переставал следить за поведением барракуды. Она двигалась величественно и целенаправленно, игнорируя окружающую ее в изобилии пищу. Так ведет себя лиса, когда, не обращая внимания на кроликов, крадется в курятник. Бонд, размеренно, ритмично двигаясь, старался внушить хищнице, что

ей повстречался крупный и опасный враг и что ее не должен вводить в заблуждение бледный цвет его тела.

Темная масса якоря в колышащейся траве выглядела зловеще, от него круто вверх шла цепь. Бонд, довольный, что вышел точно на цель, в предвкушении волнующих открытий заскользил вдоль цепи, забыв на время о барракуде.

Он всплывал очень медленно, определяя глубину по бликам луны, играющим на поверхности волн. Лишь раз он посмотрел вниз. Барракуда исчезла, якорь и цепь, очевидно, показались ей врагами, с которыми невозможно совладать. Удлиненный корпус яхты, медленно надвигаясь сверху, принял очертания погруженного в воду дирижабля. Подводные крылья в сложенном положении казались чужеродными придатками. На мгновение Бонд остановился у правого борта, чтобы определить дальнейшее направление движения. Внизу слева поблескивали в свете луны два больших винта. Хотя сейчас они были неподвижны, чувствовалось, что винты заряжены огромной силой.

Бонд медленно передвигался к корме, не отрывая взгляда от корпуса. Вдруг он затаил дыхание, так все-таки он здесь! Под его рукой был край большого люка, расположенного ниже ватерлинии. Бонд ощупал люк по периметру — три на четыре фута, крышка разделена на две половины. «Интересно, что скрыто за ним»,— подумал Бонд, нажал на кнопку счетчика Гейгера, поднес аппарат к стальной створке люка и взглянул на светящийся индикатор, вмонтированный в циферблат часов. Стрелка слегка подрагивала, но реакция была ничтожно мала, ровно столько, сколько, по словам Лайтера, должен был излучать корпус яхты. Вот и все, Бонд выключил прибор, можно отправляться в обратный путь.

Сзади до него донесся резкий звук, и почти одновременно он ощутил сильный толчок в плечо. Инстинктивно Бонд отпрянул от яхты. Внизу под ним поблескивал наконечник стрелы, которая, медленно покачиваясь, уходила в глубину.

Бонд оглянулся. Человек в черном гидрокостюме, сверкавшем в свете луны, словно средневековые доспехи, яростно работал ластами, одновременно вставляя очередную стрелу в ствол подводного ружья. Бонд рванулся к пловцу, молотя изо всех сил ногами. Человек отвел затвор и поднял ружье. Бонд понял — не успеть! Он мгновенно застопорил движение, прижал подбородок к груди и бросился вниз. Бонд почувствовал, что стрела прошла рядом с его

ногой. Время! Прогнувшись в спине, он изменил направление на 180° и с ножом, зажатым в вытянутой руке, устремился вверх прямо на противника. Лезвие вошло по самую рукоятку, он почувствовал прикосновение резины к кулаку.

Приклад ружья с силой опустился Бонду на голову, противник попытался вырвать у него изо рта трубку акваланга. Бонд остервенело отбивался ножом, вода ужасно замедляла движения. Он не знал точно, куда угодило его оружие, но, кажется, что-то удалось распороть. Бонд ощутил еще один удар прикладом. В воде стало расплываться похожее на темный клуб дыма пятно, что-то черное, густое липло к стеклу маски. Бонд отплыл назад, стараясь ладонями очистить стекло. Наконец это ему удалось. Черный дым шел от человека, из его живота. Но ружье вновь поднималось, на сей раз очень медленно и так тяжело, как будто оно весило не меньше тонны, светлое жало стрелы торчало из ствола. Ласты пловца едва шевелились, он опускался вниз, еще мгновение — и последует выстрел в упор. Конечности Бонда отказывались повиноваться, казалось, они налились свинцом. Бонд потряс головой, отгоняя обморок. Он видел оскал врага — белые зубы, зажавшие мундштук акваланга. Стрела нацелена в голову, горло, сердце. Бонд прижал руки к груди, как бы закрываясь от выстрела, его ласты висели безжизненно, словно крылья подбитой птицы.

Неожиданно пловец резко дернулся в сторону Бонда, как будто кто-то толкнул его в спину. Он широко раскинул руки в гротескной попытке заключить врага в свои объятия. Ружье выпало и исчезло в глубине. Черный клуб крови медленно расползался из-за спины пловца. Руки поднялись, как бы сигнализируя о капитуляции. Человек тщетно пытался разглядеть, что же его поразило сзади.

Бонд увидел барракуду, она висела всего в нескольких ярдах сзади от его недавнего противника. Клочья черной резины торчали из пасти. Голубая торпеда все-таки учуяла запах крови в воде и напала. Большой тигриный глаз холодно глянул на Бонда и уставился на медленно погружавшееся тело. Чудовище разверзло пасть, чтобы избавиться от резиновых лоскутьев, лениво развернулось, вздрогнуло всем телом и, словно сверкающий болид, устремилось вниз. Барракуда вцепилась в правое плечо тонущего человека, яростно тряхнула, словно собака крысу, и, оторвав кровавый кусок, отпрянула. Тошнота кипящей лавой поднялась к горлу Бонда. Усилием воли он подавил спазм и, вяло,

словно во сне, шевеля ластами, поплыл прочь от этого пиршества.

Бонд удалился всего на несколько ярдов, как вдруг заметил какой-то яйцевидный предмет, который, серебрясь в лунном свете, лениво погружался в глубину. Ни форма, ни внешний вид предмета ничего ему не говорили. Через две секунды мощный удар отбросил Бонда в сторону, вернув его к реальной жизни и заставив плыть быстрее. Последовало еще несколько взрывов, но гранаты рвались где-то неподалеку от корпуса яхты, там, где расплывалось кровавое облако, и взрывная волна достигала Бонда уже затухая.

Показался знакомый ландшафт, такой уютный пух колеблющейся травы, черные пуфики мертвых губок. Стайки рыбешек вместе с Бондом убегали от взрывов. Бонд старался плыть как можно быстрее, выкладываясь до конца. В любой момент с яхты могут спустить лодку и высадить новых стрелков. Правда, если ему повезет, гибель часового спишут на акулу или барракуду, а его визит останется в тайне. Интересно, сообщит ли Ларго в портовую полицию о гибели матроса. Непросто объяснить, зачем понадобился вооруженный подводник-часовой у прогулочной яхты, стоящей в мирной гавани.

Бонд продирался сквозь заросли водорослей. Голова раскалывалась от боли. Осторожно он ощупал те места, куда пришлись удары ружья. Кожа вроде не повреждена. Если бы не амортизирующее свойство воды, два удара вышибли бы из него дух. Даже сейчас он чувствовал себя слегка оглушенным, и, когда под ним возник знакомый лунный ландшафт с маленькими клубами ила над вулканами — обиталищами морских червей, он понял, что вот-вот потеряет сознание.

Какое-то бешеное движение на границе света и тьмы привело его в чувство. Гигантская барракуда пронеслась мимо Бонда. Казалось, она обезумела. Рыба извивалась, как змея, кусая себя за хвост, длинное тело то свивалось кольцом, то распрямлялось, словно стальное лезвие, пасть судорожно открывалась и закрывалась.

Бонд следил за тем, как его недавний враг исчезал в серой мгле. Он почти жалел, что королева океана оказалась низведенной до положения жалкого извивающегося червя. В конце концов она спасла ему жизнь. Рыба напоминала нокаутированного боксера, слепо размахивающего перчатками за мгновение до того, как он рухнет на ринг.

Взрыв, должно быть, повредил мозг, разрушил связи в тонком равновесии организма. Агония барракуды не продлится долго. Другой крупный хищник — акула незамедлительно примет сигнал. Она будет выслеживать жертву, пока не затихнут судороги, затем последует быстрая атака. Барракуда попытается сопротивляться, но ей не удастся оттянуть гибель. Акула станет неторопливо пожирать добычу, роняя куски, которые тут же подхватит рыба-лоцман. Кое-что достанется и прилипалам — паразитам, которые обычно выбирают застрявшие у акулы между зубов остатки пищи, в то время когда та спит и пасть ее полуоткрыта.

Перед глазами Бонда поплыли занесенные илом покрышки колес, бутылки, бочки. Неожиданно возникли железные ноги пирса. Бонд заскользил по илистому дну, встал на колени с опущенной головой, не в силах выбраться на берег. Он знал теперь, что чувствуют загнанные лошади.

17. Красные зрачки смерти

Натягивая на себя одежду, Бонд всеми силами старался увильнуть от разговора с Сантосом. Нет, он не видел выбросов на поверхности и не слышал взрывов. К сожалению, он не мог заметить шлюпки, спущенной с левого борта яхты, так как все время находился по правому борту. Конечно, он понятия не имеет о суете на палубе. Да, ему удалось увидеть то, что требовалось, лишь с неоценимой помощью Сантоса его миссия увенчалась полным успехом. Утром он обо всем доложит комиссару, а пока огромное спасибо и спокойной ночи.

Бонд побрел по улице, с усилием переставляя ноги. «Форд» Лайтера оказался на месте, и путь до отеля занял всего несколько минут. 007 связался по телефону с Лайтером, и друзья тут же отправились в полицейское управление. Бонд поделился с коллегой своим открытием и сказал, что вне зависимости от возможных последствий сообщит о всех подозрениях в Центр. Сейчас в Лондоне восемь утра, и до судного дня остается меньше сорока часов. Маленькие соломинки фактов, фактиков и обоснованных предположений образовали порядочных размеров стог. События начинают приближаться к точке кипения, давление в котле повышается, и, чтобы, не взлететь на воздух, пора открывать предохранительный клапан.

Лайтер поддержал его с неожиданной горячностью:

— Сочиняй депешу как можно скорее, я зашлю копию в ЦРУ со своей визой. Кроме того, я намерен связаться с «Мантой» и срочно вызвать ее в Нассау.

— Вот как? — такая смена настроения немало удивила Бонда.— Какая муха тебя укусила?

— Я слонялся по казино, стараясь вычислить, что представляют из себя акционеры — коллеги нашего охотника за дублонами. Они стояли группами и всем своим видом старались продемонстрировать, до чего же здорово им живется здесь, в тропиках, и как беззаботно наслаждаются они заслуженным отдыхом. Получалось это у них, прямо сказать, никудышно. Зато Ларго отдувался за всех — веселился и валял дурака. У остальных был вид частных сыщиков. Или, скорее, они выглядели как остатки банды Торрио после бойни в гараже в день святого Валентина. В жизни не видел, чтобы в одном месте собралась такая шайка головорезов в смокингах, с сигарами в зубах, потягивающих шампанское и старающихся всеми силами поддержать дух всеобщего веселья, ну прямо рождественского блаженства. Акционеры действовали столь стандартно, что казалось, они выполняют приказ. Но их рожи несут на себе несмываемую печать, я видел таких, когда работал в ЦРУ и у Пинкертона. Да и ты наверняка знаешь этот типаж, настоящих профессионалов подпольного мира, их настороженность, холодные несмеющиеся глаза на улыбающемся лице. Я решительно никого не узнавал, пока не напоролся на яйцеголового человечка с кустистыми бровями и глазами, спрятанными за толстенными стеклами очков. Он держался, словно мормон, по ошибке забредший в бордель, нервно озирался и краснел, когда кто-нибудь из этих типов обращался к нему. При этом твердил, как попугай, насколько чудесно проводить время в таком замечательном месте. Я стоял рядом и слышал, как он слово в слово повторял одну и ту же фразу разным акционерам. Остальное время он испуганно и бесцельно бродил в толпе и, казалось, даже был готов грызть уголок носового платка, как это делают девицы на школьном балу, когда их не приглашают танцевать. Его облик кого-то мне напоминал, такое впечатление, что я этого чудака видел раньше. Попытался вспомнить, но мешал склероз, и я направился в фойе к администратору. В жизнерадостном тоне я поведал ему, что среди гостей, кажется, находится мой одноклассник, который перебрался в Европу. Он меня, видимо, узнал, а я, как ни бьюсь, не могу вспомнить его имени. Страшно неловко. Мы прошли в зал, я указал ему на

«одноклассника». После этого администратор быстро просмотрел членские карточки и извлек нужную. Его зовут Траут, Эмиль Траут из Швейцарии, принадлежит к компании мистера Ларго с яхты,— Лайтер сделал паузу.— Я думаю, мою память подтолкнуло упоминание о Швейцарии.— Он повернулся к Бонду.— Ты помнишь дело Котце, восточногерманского физика? Перебежал лет пять тому назад на Запад и выложил все, что знал, ребятам из Объединенной службы научной разведки. Получив жирный куш, он исчез и залег где-то в Швейцарии. Поверь, Джеймс, это он. В свое время его дело прогремело на весь мир. Когда я служил в Вашингтоне, мне пришлось пару месяцев расставлять досье по полкам. Я видел эту рожу на обложке. Без сомнения, Котце из команды Ларго. Какого дьявола первоклассный физик болтается на «Диско»? Получается складная картинка, не правда ли?

Они вошли в полицейское управление, освещен был лишь первый этаж. Бонд подождал с ответом, пока они не доложили о себе дежурному сержанту и не поднялись в отведенный им кабинет.

— По-моему, это решает дело, Феликс. Что же теперь нам следует предпринять?

— Принимая во внимание твое ночное открытие, я немедленно арестовал бы всю шайку по подозрению.

— По подозрению в чем? Ларго приглашает своего адвоката, и через пять минут вся компания оказывается на воле. Торжество демократии и законности, так сказать. Приведи хотя бы один факт, который Ларго не смог бы убедительно объяснить. Траут — Котце? Мы, джентльмены, охотимся за сокровищами, в нашей среде должен быть ученый. Этот человек предложил свои услуги. Сменил имя? Конечно, ведь он опасается мести со стороны русских. Есть ли у вас, господа, другие вопросы? Да, на «Диско» есть подводное помещение и люк. Откуда мы, джентльмены, по-вашему, должны выходить в поиск? Вы их желаете осмотреть? Никаких возражений, если это необходимо. Здесь вы видите оборудование для выхода под воду, у нас есть даже одноместный батискаф. Подводный часовой? Конечно, уже полгода все в округе просто умирают от любопытства, что мы нашли и каким образом извлекаем сокровища. Мы профессионалы, джентльмены, и умеем хранить свои секреты. Кстати, не соблаговолите ли вы, в свою очередь, объяснить мне, что делал мистер Бонд, этот преуспевающий господин, под днищем моего судна глубокой ночью? Петаччи? Впервые слышу. Никогда не интересовался

настоящей фамилией мисс Витали, всегда знал ее под этим именем...— Бонд безнадежно махнул рукой.— Теперь ты понял, что я имею в виду. Легенда о сокровищах безукоризненна. Она прекрасно объясняет все факты. Итак, на чем мы остановились? Ах да, Ларго величественно поднимается и произносит: «Благодарю вас, джентльмены. Я полагаю, мы можем удалиться. Но прежде чем уйти, я расскажу вам о своих намерениях. Через час я меняю стоянку и начинаю поиски с другой базы. Но боюсь, что вскоре вы получите вести от моих адвокатов. Вам придется держать ответ за незаконный арест и нарушение права частной собственности. Кажется, вы собирались развивать здесь туризм? Скажите ему навеки гуд бай, джентльмены,— Бонд мрачно улыбнулся.— Теперь ты видишь, как это произойдет.

Лайтер кипел от негодования.

— Ну и что теперь делать? Может, взорвать их к чертовой матери и отправить на дно? Извините, мол, ошибочка вышла.

— Нет, мы будем ждать.— Увидев кислое выражение на лице друга, Бонд добавил: — Мы составим наши донесения в очень осторожных, тщательно продуманных выражениях, иначе завтра же на местный аэродром высадится дивизия парашютистов. Попросим прибыть лишь «Манту». В самом деле, нам больше ничего не потребуется. С ее помощью мы организуем слежку за «Диско». Не обнаруживая себя, мы начнем постоянное наблюдение и проследим за развитием событий. Пока мы вне подозрений, и Ларго будет следовать первоначальному плану, если таковой существует. Ему предстоит забрать бомбу и подготовить ее к уничтожению цели номер один в назначенный срок, то есть примерно через тридцать часов. Мы бессильны, пока не обнаружим одну или обе бомбы на борту яхты или не схватим Ларго за руку, когда он будет извлекать их из тайника. Бомбы где-то неподалеку, так же как и бомбовоз, если, конечно, наша версия изначально соответствует истине. Завтра мы садимся в приготовленный для нас самолет-амфибию и обшариваем площадь в радиусе ста миль. Будем искать только в море. Я убежден, что самолет лежит где-то на мелководье и, видимо, классно закамуфлирован. При спокойной воде мы его обязательно обнаружим, если он в нашем регионе. А теперь отстучим депеши и попробуем соснуть часок. Надо не забыть, во-первых, сообщить, что в течение десяти часов мы недоступны для связи, и, во-вторых, вырубить телефоны в номерах,

когда вернемся в гостиницу. Как бы тщательно мы ни работали над текстом, боюсь, после нашего сообщения на Потомаке вспыхнет пожар, да и на Темзе, пожалуй, тоже заполыхает.

* * *

Через шесть часов в ясном свете раннего утра Бонд и Лайтер были на аэродроме Виндвор-Филд. Аэродромная команда при помощи джипа вытянула из ангара маленький самолет-амфибию фирмы «Грумман». Лайтер уже прогревал мотор, когда на поле выскочил мотоцикл, в седле которого находился облаченный в полицейскую униформу водитель. Мотоцикл двигался явно по направлению к самолету.

— Шевелись быстрей! — закричал Бонд.— Иначе нам придется погибнуть за писаниной!

Лайтер отпустил тормоза, и «Грумман» быстро покатил к единственной взлетной полосе, тянущейся с юга на север. Сердито заговорило радио. Лайтер внимательно посмотрел на небо — чисто. Он начал прибавлять газ, самолетик все быстрее бежал по бетонной полосе. И вот они в воздухе, под ними заскользил назад мелкий кустарник. Радио продолжало возмущаться, пока Лайтер его не выключил.

Бонд сидел, разложив на коленях лоции Адмиралтейства. Самолет держал курс на север. Они решили начать обследование с острова Большая Багама и заодно познакомиться с возможной целью номер один. С высоты тысячи футов острова Берри походили на ожерелье из удлиненных коричневых бусин на кремовом, зеленом или бирюзовом фоне.

— Отличная видимость до глубины пятьдесят футов,— заметил Бонд,— такую махину, как стратегический бомбардировщик, давно бы заметили, если бы там, где его запрятали, проходили авиационные маршруты. Я выделил на карте районы с минимальным авиационным движением. Бомбовоз шлепнулся на воду там, где потише. Допустим, что «Диско» совершала ложный маневр, уходя на юго-восток в ночь на третье. Мы будем искать на западе и северо-западе. Яхта отсутствовала восемь часов. Не менее двух часов ушло на выуживание бомб. Таким образом, остается шесть часов при средней скорости хода тридцать узлов. Отбросим час на запутывание следов, получаем пять. Будем осматривать море от острова Большая Багама на севере до группы Бимини на юге. Этот район наиболее перспективен, если вообще у нас есть перспективы.

— Ты успел пообщаться с комиссаром?

— Да, он выделит пару надежных вооруженных биноклями людей для круглосуточного наблюдения за яхтой. Если она снимется со стоянки у «Пальмиры» (она туда предположительно вернется к полудню) до нашего возвращения, наблюдение продолжится с чартерного самолета компании «Багама эйруэйз». Комиссар ужасно разволновался, услышав мой рассказ. Ему не терпелось проинформировать губернатора, однако удалось уговорить его еще немного подождать. Комиссар очень хороший человек, но он не склонен нести бремя ответственности без поддержки сверху. Правда, чтобы уговорить его молчать до нашего возвращения, пришлось упомянуть Премьер-министра. Надеюсь, комиссар не проболтается. Кстати, когда «Манта» может быть в Нассау?

— Сегодня к вечеру,— голос Лайтера звучал неуверенно и обеспокоенно.— Боюсь, что вчера, направляя вызов, я был крепко не в себе. Господи, какую панику мы провоцируем, Джеймс. Сейчас, при свете дня, все видится иначе. А, да ладно, хватит рефлексии, впереди по курсу остров Большая Багама. Может, запросим базу по радио? Район закрыт для полетов. Но, с другой стороны, можно на время и оглохнуть. Пусть себе орут, покуда не охрипнут. Послушаем пару минут, как они будут ругаться,— и он выключил передатчик.

Самолет шел на север над великолепной береговой полосой. По курсу виднелось скопление алюминиевых бараков, среди которых возвышались какие-то белые, красные и серебристые сооружения, создававшие силуэт города,— небоскребы над крышами невысоких домов.

— Видишь большие желтые воздушные шары над базой? Это предупреждение рыбакам и пилотам о предстоящих пробных запусках. Может, и нам лучше поскорее убраться отсюда? Насколько мне известно, ожидается запуск по полной программе. Цель — район острова Вознесения по ту сторону Атлантики у побережья Африки. Очень не хочется, чтобы в зад влепили межконтинентальной баллистической. Видишь, там, слева, у красно-белых конструкций такие штуки, похожие на карандаши, это «Атласы» или «Титаны», а может, и новейшие «Поларисы». А два рефлектора в форме блюдец — радарные антенны. Ишь ты! Одна разворачивается в нашу сторону. Через минуту мы узнаем о себе массу нового и интересного. Центр управления мы не увидим, он упрятан под землю. Какая-нибудь генеральская задница сидит там со своим окружением, и

у них все готово для запуска. Сейчас эта задница начнет орать, чтобы кто-нибудь сделал что-нибудь с этим вшивым самолетом — то есть с нами,— который подрывает оборонную мощь страны.

Репродуктор над их головами ожил. Металлический голос произнес: «Внимание! Вы находитесь в запретной зоне. Вы меня слышите? Немедленно уходите на юг! Говорит ракетная база Большая Багама, срочно освободите воздушное пространство!»

Лайтер сказал:

— Черт с ними, не будем дальше стоять на пути мирового прогресса. Мы увидели, что хотели, а сообщение с базы на Виндзор-Филд только прибавит нам хлопот.— Он резко развернул машину.— Думаю, что эти скобяные изделия стоят четверть миллиарда. Всего сто миль до Нассау, идеальное расположение для «Диско».

Радио снова загундосило: «Мы вынуждены сообщить о нарушении вами запретной зоны и отказе выйти на связь. Продолжайте движение на юг. Возможно неожиданное появление воздушных возмущений. Конец связи».

— Это означает, что скоро они выпалят,— заметил Лайтер.— Следи за базой и дай мне знать, когда что-нибудь увидишь. Любопытно все-таки посмотреть, как десять миллионов долларов наших налогоплательщиков возносятся в небеса в клубах дыма.

— Антенна вернулась в исходную позицию и устремлена на восток. Я вижу, как они потеют в своем бункере, на панели мигают разноцветные огоньки, наблюдатели замерли у перископов. Из переговорного устройства доносятся голоса: «Контакт... Предупредительные шары в воздухе... Телеметрический контакт... Давление топлива в норме... Система стабилизации в порядке... Стойки отошли... Кругом зеленый свет... Десять, девять, восемь, семь, шесть... Старт!»

Несмотря на столь точное, почти профессиональное воспроизведение запуска, ровным счетом ничего не произошло. Чуть позже Бонд рассмотрел в бинокль тонкую струйку пара и яркую вспышку у основания ракеты. В клубах дыма вспыхнуло пламя, превратившееся в кипящую багровую стену. Не отрывая глаз от величественного зрелища, Бонд вел репортаж:

— Ракета приподнялась над площадкой, под ней поток пламени. Она стоит на огне. Поднимается плавно, словно лифт. Уходит все быстрее и быстрее. В небе осталась лишь искра, вот и она исчезла.

— Ну, ладно,— сказал Лайтер.— Следующая остановка — отмель к северу от острова Бимини, а затем прогулка вдоль всей группы Бимини — примерно семьдесят миль на юго-запад. Постарайся не прозевать эти островки, а не то мы рискуем приземлиться на главной площади Майами.

Через пятнадцать минут под самолетом появилось тонкое ожерелье коралловых рифов, которые едва выступали над поверхностью. Здесь было сплошное мелководье — идеальное место для того, чтобы укрыть бомбардировщик. Снизившись до высоты сто футов, они зигзагами курсировали над островками. Вода была настолько прозрачной, что Бонд легко мог видеть, как крупные рыбины плавают меж кораллов. Большой ромбовидный скат поспешно зарылся в песок, как только к нему приблизилась черная тень «Груммана». В этом месте спрятать что-нибудь громоздкое вроде огромного бомбардировщика просто невозможно.

Самолет прошел над островом Норт-Бимини. На нем было построено несколько домов и гостиниц для рыбаков-любителей. Там и сям на поблескивающей поверхности моря виднелись катера с длинными стальными антеннами удилищ. Веселые люди на палубах приветствовали самолет. Обнаженная девушка, загоравшая на крыше рубки прогулочного катера, увидев их, поспешно набросила на себя полотенце.

— Натуральная блондинка,— вздохнул Лайтер.

Они держали курс на юг, под крылом самолета то и дело мелькали разнообразные суда, главным образом рыболовные.

— Ничего у нас не выйдет,— стонал Лайтер.— Если бы «Виндикейтор» был здесь, его давно бы выудили.

Бонд предложил лететь дальше на юг, туда, где на лоции можно было рассмотреть группу каких-то безымянных пылинок. Голубизна глубокой воды опять сменилась зеленью мелководья. Самолет пролетел над тремя акулами, бесцельно кружившими у поверхности. Под ними были только чистый светлый песок и отдельные пятна кораллов, которые вскоре сменились чистой голубизной.

— Вот такая штука,— уныло произнес Лайтер.— Дальше в пятидесяти милях лежит остров Андрос, но он отпадает — слишком густо заселен, и кто-нибудь обязательно услышал бы шум снижающегося бомбардировщика, если это вообще не плод нашей фантазии.— Он посмотрел на часы.— Половина двенадцатого, что будем делать, Соколиный Глаз? Топлива осталось на два часа лета.

Что-то подсознательно беспокоило Бонда. Что-то было не так. Но что? Акулы! Те, что циркулировали у поверхности. Там глубина сорок футов. Что они делали? Целых три. Там, наверное, какая-то мертвечина, и она привлекла их именно сюда, на этот участок песка с вкраплениями кораллов.

Бонд торопливо сказал:

— Пройдемся еще раз, Феликс. Давай через отмель, там что-то есть.

Самолетик сделал крутой вираж и снизился до пятидесяти футов. Открыв дверцу кабины, Бонд наклонился над водой, прижимая к глазам бинокль. Да, там были акулы, две у поверхности, их спинные плавники торчали из воды, и одна в глубине. Она во что-то тыкалась мордой, вот она во что-то вцепилась зубами и тянет. Вдруг песок и заросли кораллов па дне рассекла тонкая прямая линия.

— Поворачивай назад, скорее! — заорал Бонд.

Самолет развернулся. Великий боже, неужели нельзя лететь помедленнее? Однако Бонд успел увидеть вторую линию, отходящую под прямым углом от первой. Плюхнувшись обратно в кресло, он с силой захлопнул дверцу. Затем спокойно сказал:

— Садимся, Феликс, здесь, поближе к акулам. Кажется, мы нашли бомбардировщик.

Лайтер взглянул на партнера.

— Надеюсь, я сумею сесть на воду. Очень трудно определить истинный горизонт, океап как зеркало.

Он сделал разворот и плавно начал снижение. После легкого толчка послышалось шипение воды под поплавками. Лайтер выключил двигатель, и самолет остановился ярдах в десяти от места, указанного Бондом. Акулы не удостоили самолет своим вниманием. Они завершали очередной круг и прошли так близко, что Бонд ясно видел ничего не выражающие розовые пуговицы их глаз. Сквозь мелкую рябь, поднятую плавниками хищниц, он вглядывался в донный ландшафт. Так и есть. Эти камни на дне — фальшивка, они нарисованы так же, как и полосы песка. Теперь Бонд ясно видел ровный край огромного полотнища. Третья акула оттянула этот край и пыталась подрыться под него.

Бонд откинулся на сиденье, повернулся к Лайтеру и кивнул.

— Самолет здесь, хорошо закамуфлирован парусиной. Взгляни сам.

Пока Лайтер, перегнувшись и почти лежа на Бонде, пытался рассмотреть дно, тот лихорадочно продумывал план дальнейших действий. Сообщить все комиссару на полицейской частоте? Попробовать связаться с Лондоном? Нет, это исключено. Если радист на «Диско» знает свое дело, а можно не сомневаться, что он специалист высокого класса, то наверняка прослушиваются все полицейские переговоры. Очевидно, прежде всего надо спуститься под воду и убедиться, что бомбы сняты. Захватить там какое-нибудь вещественное доказательство. Акулы? Придется прикончить одну, чтобы занять оставшихся. Пусть пожирают подругу.

Лайтер уселся в кресло, его лицо сияло радостным возбуждением.

— Будь я проклят! Это надо же! — он шлепнул Бонда по спине.— Мы нашли его, этот чертов бомбардировщик! Кто бы мог подумать?

Бонд извлек длинноствольный «вальтер», снял с предохранителя, положил ствол на сгиб левого локтя и стал ждать, когда акулы завершат очередной круг.

Первой плыла самая крупная, не меньше двенадцати футов в длину рыба-молот. Она поводила своей устрашающей мордой из стороны в сторону, словно принюхивалась к чему-то, скрытому в толще воды, казалось, она чувствовала запах плоти. Бонд прицелился в основание спинного плавника — рассекая воду, тот был похож на серый косой парус — и осторожно нажал на спуск.

Звук выстрела крупнокалиберного пистолета прокатился над водой. Акула не прореагировала. Бонд выстрелил вторично. Вода вскипела, когда рыбина выпрыгнула, затем погрузилась неглубоко и поплыла, яростно извиваясь, как раздавленная змея. Пароксизм был недолгим, пуля, видимо, разорвала спинной мозг. Громадное коричневое тело продолжало медленно двигаться по кругу. Отвратительная морда на мгновение возникла над водой, мелькнула судорожно открытая серповидная пасть. Акула перевернулась на спину, открыв лучам солнца белое брюхо, и затем, приняв нормальное положение, но уже неживая, механически продолжала судорожное движение.

Вторая акула внимательно наблюдала за развитием событий. Она осторожно начала приближаться к погибающей товарке, потом резко ускорила движение и в последний момент отвернула в сторону. На секунду подняв морду над поверхностью, хищница свирепо устремилась вниз, бросившись на рыбу-молот. Она ухватила ее за бок, за-

жав в челюстях большой кусок, но плоть не поддавалась. Акула трясла большой коричневатой башкой, как собака, которая не хочет отпускать схваченную добычу. Наконец она сумела разорвать тело жертвы, и кровавое облако расплылось в воде. Снизу поднялась вторая акула, и теперь они обе яростно терзали все еще медленно двигающееся огромное тело, нервные центры которого отказывались умирать.

Чудовищное пиршество относило в сторону вместе с течением, и вскоре можно было видеть лишь отдаленные всплески на спокойной поверхности моря.

Бонд передал пистолет Лайтеру.

— Я пошел вниз, пока неизвестно, сколько времени займет обследование. Думаю, у акул есть занятие минут на тридцать, а вернутся раньше — застрели еще одну. Если потребуется, чтобы я срочно всплыл, пали в воду, ударная волна дойдет до меня.

В тесноте кабины Бонд разделся и с помощью Лайтера стал натягивать на себя акваланг, что оказалось совсем не просто. Еще труднее будет ему забраться потом в самолет. Но тут Бонда осенило — он просто выбросит все это хозяйство в море, как только всплывет.

— Если бы я мог спуститься с тобой под воду,— Лайтер чуть не плакал.— Но разве можно плавать с такой железной клешней? Надо будет приспособить к ней что-нибудь вроде плавника. Жаль, что это раньше не пришло мне в голову.

— Держи машину под парами,— сказал Бонд,— нас и так отнесло на добрую сотню ярдов. Будь другом, верни самолет на место. Любопытно, кто мне повстречается в обломках? За пять дней там могла собраться довольно разношерстная компания.

Лайтер запустил двигатель и, вернув гидроплан к исходной точке, спросил:

— Что ты знаешь о бомбах? И где искать эти бомбы и детонаторы, за которые персонально отвечает командир?

— Я получил исчерпывающие инструкции в Лондоне. Ну, прощай! Передай маме, что я погиб с улыбкой, как герой.

Бонд вскарабкался на край кабины и прыгнул. Вода сразу накрыла его с головой, и пловец лениво двинулся вниз.

Все пространство под ним было заполнено стаями мелких хищных рыб, среди которых плавали две-три неболь-

шие барракуды. Рыбы неохотно расступились перед ним, освобождая путь более крупному конкуренту. Бонд достиг дна, подплыл к приподнятому акулами краю парусины, извлек из песка пару длинных винтообразных шпилек, соединявших ее с грунтом, включил водонепроницаемый фонарь и, зажав в кулаке нож, скользнул под ткань.

Он ожидал, что вода под парусиной не будет отличаться свежестью, но чтобы она настолько протухла... Бонда едва не вывернуло наизнанку. Плотно сжав губы, он подплыл к тому месту, где самолет поднимал парусину высоким шатром, и встал на дно. Свет фонаря отражался от гладкого металла крыла. Какое-то возвышение на песке под крылом было скрыто копошащейся массой крабов, лангустов и морских звезд. К этому Бонд тоже был готов. Он встал на колени и начал разгребать руками шевелящуюся живность.

Работа не заняла много времени. Прежде всего Бонд снял с трупа золотой медальон, удостоверяющий личность, расстегнул золотой браслет часов на вспухшем, изъеденном запястье. На горле трупа, под челюстью зияла рана, которую не могли нанести жители подводного мира. Луч фонаря упал на медальон. Там была надпись «Джузеппе Петаччи, № 15932». Бонд закрепил вещественные доказательства на собственном запястье и повернулся к самолету, который в сумерках походил на большую серебристую подлодку. В глаза бросался разлом в хвостовой части от удара о воду. Через открытый аварийный люк Бонд вплыл в бомбардировщик и повел фонарем. На него из темноты множеством рубинов сверкнули огоньки-глаза, и он скорее почувствовал, чем увидел движение желеобразных тел, спасающихся от луча фонаря. Бонд усилил свет, и его взору предстали сотни небольших осьминогов с извивающимися щупальцами, пытающихся укрыться в тени. Они нервно меняли окраску от темно-коричневой до светлой, фосфоресцирующей. Словно голубые призраки, светились они по темным углам. Какое зловещее, отталкивающее зрелище! Но когда Бонд перевел луч фонаря вверх, на потолок, его взору открылась еще более омерзительная картина. Там, слегка покачиваясь, висели тела членов экипажа. Разлагаясь, они всплыли, и теперь спруты, свисавшие с них, подобно летучим мышам, оставляя насиженные места, в испуге носились по чреву самолета красноглазыми кометами. Они забивались под кресла пилотов и в пространство между ними.

Сверхъестественным усилием воли Бонд заставил себя не обращать внимания на весь этот кошмар и продолжил поиски.

Он нашел баллон, содержавший смертельный газ, сунул его за пояс, пересчитал трупы и, проплыв сквозь люк бомбового отсека, убедился, что тот пуст. Бомбы исчезли. Он заглянул в открытый контейнер под креслом пилота, поискал детонаторы в других возможных местах. Безрезультатно. Наконец, отрубив с десяток щупалец, обвивших его обнаженные ноги, Бонд почувствовал, что с него хватит. Выдержка покинула его. Следовало бы, конечно, снять медальоны с трупов, найти разбухший от воды бортовой журнал, снять показания приборов. Но нет больше сил оставаться в этом мрачном месте, где на тебя пялятся сотни кровавых зрачков. Бонд выбрался через аварийный люк, находясь уже на грани истерики, и заработал ластами, двигаясь по направлению к тонкой полоске света у края парусины. Он попытался протиснуться сквозь узкую щель, но зацепился баллоном, и ему пришлось потратить еще несколько секунд, чтобы освободиться. Оказавшись наконец в прозрачной воде, Бонд быстро пошел к поверхности. На глубине двадцать футов боль в ушах напомнила, что необходимо задержаться для декомпрессии. Глядя снизу на такой родной корпус «Груммана», он нетерпеливо выжидал, когда можно будет всплыть. Оказавшись на поверхности, Бонд сбросил акваланг и долго следил, как тот, покачиваясь, опускается все глубже и глубже. Ему казалось, что, сбросив баллоны, он сам освободился от части той гнусности, которую увидел в бомбардировщике.

Бонд с наслаждением прополоскал рот такой вкусной морской водой и поплыл к протянутой руке Лайтера.

18. Как съесть девушку

На обратном пути, при подлете к Нассау Бонд попросил Лайтера пройти над «Пальмирой», проверить, на месте ли «Диско». Яхта стояла там же, где и раньше, но на сей раз был спущен лишь один носовой якорь: факт, который вряд ли имел серьезное значение. На палубе царил покой. Бонд подумал, что судно по-настоящему красиво, особенно когда его элегантные очертания отражаются в спокойной воде. Как внешне безобидно оно выглядит.

— Джеймс, взгляни на пляж! Видишь лодочный ангар около ручья и две параллельные борозды от него к во-

де? Они не внушают мне доверия. Посмотри, какие глубокие следы. Что это, по-твоему?

Бонд поднес к глазам бинокль и отрегулировал фокус. На песке отпечатался глубокий двойной след, как будто между ангаром и кромкой воды волокли что-то очень тяжелое. Нет, этого не может быть.

— Летим отсюда побыстрее, Феликс,— сказал он напряженным голосом.— Будь я проклят, если знаю, что это такое. Но я убежден, что это, во всяком случае, не то, что мы ищем: иначе все следы давно были бы уничтожены.

— Всем свойственно ошибаться,— сухо заметил Лайтер.— Надо срочно осмотреть поместье, там при желании можно спрятать что угодно. Придется воспользоваться приглашением мистера Ларго и нанести визит от имени моего глубокоуважаемого клиента мистера Рокфеллера Бонда.

Был час дня, когда они приземлились на аэродроме Виндзор-Филд. Уже полчаса диспетчерская служба безуспешно разыскивала их по радио. Друзьям предстояло объяснение с комендантом аэропорта. Но судьба ниспослала им спасение в лице адъютанта губернатора, который от имени своего шефа отпустил им все их многочисленные прегрешения и вручил Бонду толстенный пакет, в котором содержались указания, как жить дальше.

Послание, как и следовало ожидать, начиналось с «фитиля» за срыв связи и содержало требование немедленно сообщить последние новости.

— Ну, это они получат с лихвой,— прокомментировал волю начальства Лайтер, откинувшись на спинку мягкого сиденья в губернаторском лимузине.

Далее шло сообщение, что «Манта» прибудет в пять часов вечера. Интерпол и итальянская полиция подтверждают, что Джузеппе Петаччи является братом Доминетты Витали, подтверждается также в основных положениях и биография Витали (переданная Бондом в Центр). Те же источники характеризуют Ларго как известного авантюриста, подозреваемого в совершении ряда правонарушений, однако виновность его не доказана. Оплата за «Диско» была произведена в швейцарских франках. Судостроительная фирма подтверждает существование подводного отсека, оборудованного электрической лебедкой, для спуска легкого подводного самодвижущегося аппарата и выхода водолазов. В спецификации, предъявленной Ларго в фирму, значилось, что данная модификация необходима для проведения подводных исследований. Дальнейшая проверка «акционеров» не выявила каких-либо новых обстоя-

тельств. Единственное важное открытие состоит в том, что у большинства из них прошлое прослеживается не более чем на шесть лет. Можно выдвинуть предположение, что их биографии были сфабрикованы недавно, а это, в свою очередь, допускает возможность их причастности к «Спектру», если, конечно, такая организация существует. Котце покинул Швейцарию, выехав в неизвестном направлении четыре недели тому назад. Его фотографии будут доставлены в полдень самолетом «Пан Америкэн». Проведенный ситуационный анализ показал, что версия Ларго надежно объясняет все сообщенные Центру факты, в свете этого необходимо усилить работу по сбору новых доказательств. Операция «Удар грома» продолжается повсеместно, но приоритет отдается району Багамских островов. Поэтому, а также ввиду необходимости интенсифицировать работу бригадир Фейрчайлд, кавалер ордена Британской империи, военный атташе Великобритании в Вашингтоне и контр-адмирал в отставке Карлсон из ВМС США, до недавнего времени служивший секретарем Объединенного комитета начальников штабов, прибывают в девятнадцать ноль-ноль на личном самолете Президента «Боинг-707 Колумбина», чтобы принять на себя руководство дальнейшим проведением операции. Господа Бонд и Лайтер должны оказать им максимальную помощь. Кроме того, мистер Бонд и мистер Лайтер обязаны по радиоканалу ежечасно, вплоть до прибытия указанных лиц, информировать за двойной подписью Лондон (копия в Вашингтон) о развитии событий.

Бонд и Лайтер молча переглянулись. Лайтер первым нарушил молчание:

— Джеймс, я предлагаю наплевать на последнюю команду и лишь принять к сведению все остальное. Так или иначе, но мы уже пропустили четыре часа, и мне вовсе не улыбается потеть остаток дня за передатчиком. У нас много неотложных дел. Предлагаю следующий план. Я напрягусь и нацарапаю им послание о наших последних открытиях, а также сообщу, что в силу чрезвычайных обстоятельств мы не можем выходить на связь. Затем я отправляюсь в «Пальмиру» и, придерживаясь нашей первоначальной легенды, от твоего имени осматриваю виллу, ангар и расшифровываю следы.

В пять мы встречаем «Манту» и готовимся к перехвату «Диско», если яхта отплывет. Золотые фуражки, прибывшие на «личном самолете Президента», пусть поиграют до утра в безик с губернатором. Сегодня решающая ночь, и

мы не имеем права проводить ее в расшаркиваниях: «Ах, нет, Альфонс, только после вас...»

Бонд ответил не сразу, ему надо было оценить ситуацию. Машина катилась по окраинам Нассау, вокруг были трущобы, жалкие хибарки, укрытые от глаз приезжающих блестящим фасадом прибрежной части города. За время службы Бонду не раз приходилось нарушать приказы. Но не выполнить указания Премьера и Президента — это уж слишком. Однако события развиваются с головокружительной быстротой. М отдал ему эту территорию и в любом случае будет на его стороне. М всегда поддерживает своих сотрудников, даже если ему приходится подставлять собственную голову. Вслух Бонд сказал:

— Я согласен, Феликс. С помощью «Манты» мы справимся самостоятельно. Сейчас самое главное — узнать, когда бомбы будут погружены на «Диско». У меня есть идея, которая хоть и не наверняка, но может сработать. Правда, Витали придется трудно, но это я беру на себя. Высади меня у отеля. Встретимся около половины пятого. Я позвоню Харлингу, выясню, что происходит на «Диско», и попрошу сообщить тебе, если узнаю, что что-то заваривается. Расскажи им все о самолете, а я пока придержу у себя медальон Петаччи. До встречи.

Бонд почти вбежал в гостиницу, у стойки с ключами дежурный передал ему записку. Он прочитал ее в лифте. Домино просила позвонить как можно скорее.

Однако, войдя в номер, Бонд прежде всего заказал большой сандвич и двойное виски со льдом. После этого он набрал номер полицейского комиссара. Комиссар сказал, что на рассвете «Диско» встала на заправку и, набрав полные баки топлива, перешла на стоянку у «Пальмиры». Ровно полчаса назад на воду с яхты был спущен гидросамолет, который ушел на восток, имея на борту Ларго и еще одного неустановленного человека. Узнав об этом, комиссар связался с диспетчером аэропорта Виндзор-Филд и попросил его проследить за самолетом, но тот шел на небольшой высоте, около трехсот футов, и радар потерял его среди островов примерно в пятидесяти милях к юго-востоку от Нассау. Больше никаких происшествий, если не считать предупреждения, которое получили портовые власти, о предстоящем около пяти часов вечера заходе американской атомной субмарины «Манта».

Комиссар вежливо поинтересовался, что удалось узнать Бонду. Бонд осторожно заметил, что еще преждевременно делать окончательные выводы, однако становится

жарко. Нельзя ли сделать так, чтобы наблюдатели немедленно известили о возвращении гидросамолета. Это чрезвычайно важно. И не будет ли комиссар столь любезен, чтобы повторить все сказанное Феликсу Лайтеру, который в данный момент направляется в радиокомнату. Бонд был бы чрезвычайно благодарен, если бы комиссар смог найти для него какой-нибудь автомобиль. Годится все на четырех колесах. Да, вездеход «лендровер», конечно, подойдет.

Теперь можно и поговорить с Домино. По ее голосу Бонд понял, что девушка очень рада его звонку.

— Где вы пропадали все утро, Джеймс? — первый раз она назвала его по имени.— Вы не хотели бы искупаться со мной в море? Мне приказано упаковать вещи и вечером явиться на яхту. Эмилио сказал, что ночью она пойдет за сокровищами. Не правда ли, это мило с их стороны, что они меня берут с собой? Но это жуткая тайна, ни в коем случае не выдавайте меня. Ларго не знает, когда мы вернемся, он почему-то упоминал Майами,— в голосе девушки слышалась неуверенность,— и я подумала, что к нашему возвращению вы уже можете уехать в Нью-Йорк. Мы так мало говорили, и вы так неожиданно ускользнули вчера. Что случилось?

— Страшно разболелась голова, видимо, перегрелся на солнце. Мне не хотелось уходить, но день был очень трудный. А сейчас я с удовольствием окунулся бы в океан. Где?

Домино подробно объяснила дорогу. Примерно в миле от «Пальмиры» находится частный пляж, к нему можно подъехать. Надо ориентироваться на хижину из пальмовых листьев, ее невозможно не заметить. Пляж гораздо лучше, чем в «Пальмире», особенно для ныряния в ластах. Да и народу меньше. Это место принадлежит отсутствующему сейчас шведскому миллионеру. Когда Бонд сможет приехать? Чем быстрее, тем больше у них будет времени.

Принесли заказ. Бонд жевал сандвич, уставившись в стену. Его волновало свидание с девушкой, ему предстояло нанести ей страшный удар, который может изменить всю ее жизнь. Все мгновенно станет очень плохо, а могло бы быть так хорошо. Он вспомнил, как увидел ее в первый раз, отчаянно ведущую машину по Бей-стрит, в лихо сбитой на нос нелепой шляпке с развевающимися голубыми лентами. М-да...

Бонд завернул плавки в полотенце, надел темно-синюю гавайскую рубаху поверх парусиновых брюк и повесил на

плечо счетчик Гейгера. В зеркале отразился типичнейший турист с фотоаппаратом. Похлопав по карману брюк и убедившись, что медальон Джузеппе Петаччи на месте, он вышел из номера и направился к лифту.

Хотя «лендровер» и вездеход, разбитая дорога, петляющая вдоль берега, задала Бонду приличную встряску. Вдобавок убийственно обжигало послеполуденное солнце. К тому времени когда Бонд свернул на покрытую песком дорогу, ведущую к группе казуарин, и поставил машину поближе к пляжу, у него оставалось одно желание: поскорее нырнуть в воду и никогда оттуда не вылезать. Пляжный павильон представлял из себя сооружение в стиле хижины Робинзона Крузо: плетенные из бамбука стены, крыша из пальмовых листьев. Внутри хижины было две комнаты для переодевания. На одной двери было написано «Он», на другой — «Она». В «ее» комнате Бонд обнаружил лежащую кучкой одежду и белые сандалии из лосиной кожи. Быстро переодевшись, он вышел на солнце. Маленький пляж в форме полумесяца, покрытый сверкающим белым песком, был закрыт с двух сторон скалистыми мысами. Никаких следов девушки. Сквозь воду было видно, как круто понижается дно. Бонд сделал несколько шагов и нырнул сквозь теплый слой в холодную глубину. Он оставался под водой, насколько хватило воздуха, ощущая телом и лицом прохладную ласку. Вынырнув, он легким кролем поплыл от берега в надежде встретить Домино дальше, у прибрежной отмели. Однако там ее не было, и через десять минут Бонд повернул к берегу, нашел полоску плотного песка и улегся лицом вниз, пристроив голову на сгиб локтя.

Через несколько минут что-то заставило его открыть глаза. По направлению к берегу, пересекая спокойную воду залива, тянулась узкая полоска воздушных пузырьков. Из темно-синей зоны она перешла в зеленую. Бонд увидел желтый баллон акваланга, блестящее стекло маски и веер темных волос. Девушка подплыла к самому берегу, приподнялась, опираясь на локоть, сдвинула маску на лоб и сказала сердито:

— Перестаньте предаваться мечтам. Поднимайтесь на ноги и спасайте меня.

Бонд встал и прошел несколько шагов, отделявших его от девушки.

— Что случилось? Вами закусила акула? Разве старшие не говорили вам, что нельзя плавать с аквалангом в одиночку?

— Оставьте глупые шутки. У меня в ступне сидят иглы морского ежа, и вам предстоит их извлечь. Но сначала помогите мне снять акваланг, очень больно опираться на ногу с дополнительным грузом.— Она расстегнула пряжку на животе.— Теперь снимайте.

Бонд повиновался и отнес акваланг в тень деревьев. Когда он вернулся, девушка уже сидела в воде, внимательно изучая правую ступню.

— Только две иглы, но вытянуть их будет непросто.

Бонд подошел, опустился рядом с ней на колени, наклонился и увидел два расположенных рядом черных пятна почти на сгибе среднего пальца. Поднявшись, он протянул девушке руки.

— Постарайтесь встать. Надо перебраться в тень, операция займет некоторое время. Не наступайте на ногу, вы можете затолкать иглы глубже. Лучше я вас донесу.

Она рассмеялась, глядя на него снизу вверх:

— Мой рыцарь! Несите, но только не роняйте,— и протянула ему навстречу обе руки.

Бонд взял ее под колени и обхватил за спину, руки девушки обвились вокруг его шеи. Поднять ее не составило никакого труда. Он остановился по щиколотку в воде и взглянул в запрокинутое лицо. Глаза ее сказали «да». Бонд наклонил голову и крепко поцеловал полуоткрытые ждущие губы.

Она ответила на поцелуй, потом не спеша отвернулась и произнесла задыхаясь:

— Вы слишком торопитесь получить вознаграждение.

— Будем считать, что это лишь аванс.

Бонд вышел из воды, перенес девушку в тень казуарин и аккуратно опустил на мягкий песок. Она подложила руки под голову, чтобы песок не попал в рассыпавшиеся волосы, глаза скрылись за густой вуалью темных ресниц.

Вырез бикини был прямо перед глазами Бонда, соски призывно выдавались под шелком купальника. Бонд чувствовал, что теряет контроль над собой.

— Повернитесь,— сказал он хрипло.

Девушка повиновалась. Бонд встал рядом с ней на колени и поднял ее правую ногу. Крошечная нежная ступня походила в его руках на пойманное животное. Стряхнув прилипшие песчинки, Бонд разогнул ее пальцы. Их маленькие розовые подушечки выглядели, как бутоны экзотических цветов. Он наклонился и припал губами к месту, где чуть виднелись кончики обломанных шипов. Почти минуту Бонд старался отсосать обломки из раны, но лишь

малюсенький обломок оказался у него во рту. Выплюнув его на песок, он сказал:

— Придется причинить вам боль, иначе мы не справимся до вечера, а я не могу тратить все свое время только на одну конечность. Вы готовы?

— Да.

Бонд почувствовал, как напряглись ее мышцы в ожидании боли.

Он прикусил кожу вокруг раны и вновь начал отсасывать. Нога непроизвольно дернулась, пытаясь освободиться. Бонд выплюнул обломки. На ступне остались белые следы от укуса, и на месте уколов выступили капли крови. Он их слизнул и обронил:

— Первый раз в жизни питаюсь женщиной. Признаться, весьма недурно.

Домино нетерпеливо дернулась, но не промолвила ни слова.

Бонд знал, что ей очень больно, и сказал:

— Все в порядке, Домино. Вы молодец! Ну, еще один, последний глоток.

Он нежно поцеловал ее пятку и принялся за работу.

Через пару минут он выплюнул последний обломок, ласково сказал, что все кончено, и отпустил ее ногу.

— Следите, чтобы в ранки не попал песок. Я отнесу вас в хижину, и вы наденете сандалии.

Домино перевернулась на спину. Черные ресницы были мокры от слез. Она вытерла их тыльной стороной ладони и сказала, серьезно глядя ему в глаза:

— Знайте, вы первый мужчина, который заставил меня плакать.— И она протянула руки ему навстречу.

Бонд нагнулся и поднял ее, на сей раз он не целовал ожидающие губы, а понес ее в павильон. Куда? К «ней» или к «нему»? После недолгого колебания он выбрал «его». Не отпуская Домино, он одной рукой сбросил на пол рубашку и брюки, чтобы соорудить нечто похожее на постель. Девушка обхватила Бонда за шею. Он медленно положил ее на рубашку, освободил от купальника и отшвырнул ногой снятые плавки.

19. Когда кончаются нежности

Бонд приподнялся, опершись на локти, и взглянул в милое, отрешенное от всего земного лицо Домино. Капельки пота выступили у нее под глазами и на висках. По пульсирующей под тонкой кожей жилке на шее было вид-

но, как часто бьется сердце. Любовь стерла выражение властности и самоуверенности, и лицо девушки сейчас выражало нежность и истому. Сквозь полуопущенные влажные ресницы большие карие глаза смотрели на Бонда с любопытством, как будто видели его впервые.

— Прости, наверное, я не должен был так поступать,— сказал Бонд.

Эти слова, видимо, показались ей забавными, на щеках появились уже знакомые ему ямочки.

— Ты говоришь, как девица, которая впервые согрешила. Теперь она опасается, что будет ребенок и мамочка обо всем узнает.

Бонд склонился и поцеловал уголки ее припухших губ.

— Поднимайся, пойдем искупаемся. Потом мне нужно будет с тобой поговорить.

Он встал и протянул ей руку, которую Домино приняла с видимой неохотой. Поднявшись, девушка всем телом прижалась к Бонду. Проказливо улыбаясь, она провоцировала его на новые ласки. Бонд знал, что ей оставалось всего несколько счастливых, беззаботных минут. Он прижал Домино к себе изо всех сил, чтобы она перестала дурачиться, и сказал:

— Пойдем лучше искупаемся. Песок не нанесет вреда твоим ранам, я все сочинил.

— А я знала, что ты все сочинил, и сама притворялась страдалицей, когда выползала из моря. Во-первых, нога почти не болела, во-вторых, я и сама прекрасно сумела бы вытащить шипы известным мне рыбачьим способом.

Бонд рассмеялся.

— Я сразу понял все эти игры. Ну, теперь в воду.

Он поцеловал ее и, приотстав, любовался, как стройная фигурка входила в воду. Он хотел, чтобы эта сцена навсегда запечатлелась в его памяти. Разбежавшись, Бонд нырнул в синюю глубину.

Когда он выбрался на берег, девушка уже одевалась. Она говорила что-то веселое, но Бонд отвечал сухо и односложно. Домино уловила перемену в его настроении.

— Что с тобой, Джеймс? Случилось что-нибудь?

— Да. Пойдем на воздух, мне необходимо с тобой поговорить.

Натягивая брюки, он чувствовал, как цепочка медальона Петаччи трется в его кармане о монеты.

Когда они покинули павильон, Бонд, движимый сентиментальными чувствами, направился в сторону, противо-

положную той, где так недавно извлекал из розовой ступни занозы. Девушка пристально вглядывалась в его лицо, пытаясь угадать скрытые мысли. Всеми силами Бонд старался не встретиться с ней взглядом. Он уселся на песок и обхватил руками колени, глядя в море. Домино пристроилась рядом, но не слишком близко, и сказала:

— Я знаю, ты собираешься сделать мне больно. Если тебе удастся сделать это элегантно и быстро, я не запла́чу.

— К сожалению, все не столь просто, речь пойдет не о нас с тобой, а о твоем брате.

Бонд ощутил, как она вдруг вся напряглась. Низким голосом и очень медленно девушка произнесла:

— Продолжай, выкладывай все.

Бонд молча достал из кармана медальон и протянул ей.

Едва взглянув на золотую пластинку, Домино отвернулась:

— Он умер. Как это произошло?

— Это скверная и очень длинная история, и в ней замешан твой друг Ларго. Существует опасный заговор, который я обязан раскрыть. На самом деле по профессии я что-то вроде полицейского. Я расскажу тебе все, потому что, если не остановить заговорщиков, умрут сотни, а может быть, и тысячи людей. Прости, я заставил тебя страдать, показав медальон, но иначе ты бы мне не поверила. Посвящая тебя в это дело, я нарушаю присягу, но я знаю, что, какое бы решение ты ни приняла, все останется между нами.

— Так вот почему ты заставил меня отдаться тебе! Лишь для того, чтобы я плясала потом под твою дудку! Теперь ты шантажируешь меня смертью брата.— Слова вырывались сквозь стиснутые зубы. Злобным тихим шепотом она выдавила: — Я тебя ненавижу, ненавижу, ненавижу.

Бонд заговорил очень ровно, голосом, лишенным всяких эмоций:

— Ларго убил твоего брата, или, во всяком случае, это было сделано по его приказу. Я приехал сюда, чтобы встретиться с тобой и обо всем тебе рассказать. Но вдруг,— он не знал, как продолжать,— понял, что люблю и хочу тебя. Мне следовало бы преодолеть себя, но характера не хватило. Я знаю, что общее будущее едва ли возможно для нас, но ты была такой красивой, такой счастливой, и я всеми силами старался оттянуть неизбежный удар. Вот мое объяснение, суди меня, если хочешь. Но потерпи еще немного. Постарайся отрешиться от ненависти ко мне, пото-

му что наши отношения не меняют сути дела. Речь идет о жизни очень многих людей.

Не ожидая ее ответа, Бонд поведал все с самого начала, подробно, в мельчайших деталях прошел с ней вместе весь путь. Он не упомянул лишь о «Манте», потому что именно она была тем фактором, который мог повлиять на планы Ларго, и ни при каких обстоятельствах ему не следовало о ней знать. Свой рассказ Бонд закончил словами:

— Теперь ты видишь, что ничего нельзя сделать, пока бомбы не окажутся на борту «Диско». До этого момента у Ларго стопроцентное алиби. Легенда о сокровищах объясняет все, и нет никаких доказательств его связи с разбившимся самолетом или «Спектром». Если мы сейчас появимся на сцене, нас ждет фиаско. Если под каким-нибудь предлогом наложить арест на яхту, выставить караул и запретить выход в море — все это в лучшем случае лишь задержит реализацию планов «Спектра». Только Ларго и его люди знают, где спрятаны бомбы. Если гидросамолет отправился за ними, он обязательно поддерживает с яхтой постоянную связь. При малейшем признаке опасности бомбы снова упрячут где-нибудь в море. После того как уляжется шум, забрать их не составит труда. В будущем вместо «Диско» они используют другое судно или самолет. Штаб «Спектра», где бы он ни находился, сообщит, если сочтет нужным, что планы претерпели изменение. Пройдут, может быть, месяцы, прежде чем поступит новое сообщение. В следующий раз условия могут быть гораздо жестче, например срок для выплаты — сутки, и придется платить. Пока бомбы в их распоряжении, угроза не снята. Ты понимаешь?

— Что мне нужно делать?

Глаза девушки холодно смотрели сквозь Бонда на отдаленный объект, далекую цель. Этой целью был Ларго, не Ларго-заговорщик, а Ларго — убийца ее брата.

— Нам необходимо знать, когда бомбы будут находиться на борту «Диско», ведь только тогда мы сможем обрушиться на них всей своей мощью. На нашей стороне один очень важный фактор: Ларго уверен в своей неуязвимости, он считает, что его замечательный план (а план и в самом деле превосходен) не встречает никаких препятствий и осуществляется полностью и без помех. Это наш единственный козырь.

— Как же вы узнаете, что бомбы на яхте?

— Ты должна нам сказать.

— Хорошо,— она говорила ровным, спокойным голо-

сом,— но откуда я узнаю, доставлены ли бомбы на «Диско» и как смогу об этом сообщить? Ларго не дурак. Он теряет разум, когда ему бывает нужна баба,— она резко выговорила это слово,— это глупо, если на кону такая ставка. «Спектр» ошибся в выборе, им следовало бы знать, что Ларго не может жить без бабы под боком.

— В котором часу ты должна прибыть на яхту?

— В пять, от «Пальмиры» меня заберет катер.

Бонд взглянул на часы.

— Сейчас четыре. Смотри, это радиационный счетчик Гейгера, он очень прост в обращении, но с его помощью можно узнать, доставлены ли бомбы на борт. Ты его захватишь с собой и, если обнаружится, что бомбы на «Диско», дашь нам знать. Включи несколько раз свет в своей каюте. Судно под постоянным наблюдением, мне немедленно сообщат. Тебе надо будет отделаться от счетчика. Выброси его за борт.

— Какой глупый план,— сказала она презрительно,— он напоминает мелодраматическую сцену из приключенческого фильма. Скажи, кто средь бела дня спускается в каюту и зажигает там свет? Мы сделаем по-другому. Если бомбы на судне, я поднимусь на палубу. Ваши люди меня увидят. Это будет совершенно естественное поведение. В противном случае я остаюсь в каюте.

— Хорошо, поступай, как знаешь. Думаешь, тебе это удастся?

— Уверена, если, конечно, сумею себя сдержать и не прикончу Ларго, как только его увижу. Я согласна на все, но при одном условии — ты организуешь дело так, что в ходе операции его укокошат.

Она произнесла это так деловито, как будто заказывала в туристическом агентстве билет на поезд.

— Я не знаю, как все получится, но могу гарантировать, что все участники заговора будут приговорены к пожизненному заключению.

После недолгого размышления она сказала:

— Хорошо, это меня устроит. Провести остаток жизни за решеткой хуже, чем просто умереть. Теперь научи меня управляться с прибором.

Она поднялась и медленно сделала несколько шагов по песку. Потом, как бы припомнив что-то, взглянула на медальон, который все еще был зажат у нее в кулаке, и остановилась у самой кромки воды. Постояв несколько мгновений, Домино прошептала какие-то слова, Бонд их не расслышал, широко размахнулась и с силой швырнула

медальон туда, где за границей мелководья начиналась глубокая голубизна. Цепочка блеснула на ярком солнце, послышался короткий всплеск. Девушка смотрела на разбегающиеся круги до тех пор, пока они не исчезли и поверхность воды вновь не превратилась в гладкое зеркало. Только после этого Домино повернулась и направилась к Бонду, ее хромота была сейчас более заметна, за девушкой тянулась цепочка следов разной глубины.

Бонд показал ей, как работает счетчик. Наручный индикатор был снят, и следовало ориентироваться на звуковой сигнал.

— Прибор покажет присутствие бомб, в каком бы месте яхты ты ни была. Но лучше всего замерять у трюма, если ты сможешь к нему приблизиться. Скажем, тебе захотелось сделать снимок с грузовой палубы на корме. Эта штука — имитация фотоаппарата «Роллефлекс», здесь есть все: объектив, спусковая кнопка затвора, рукоятка для перемотки пленки, нет только самой пленки. Ты сможешь сказать, что хочешь сделать на прощание снимок набережной Нассау или что-нибудь в этом роде.

— Ну конечно.

Девушка, вначале внимательно слушавшая Бонда, сейчас явно думала о чем-то другом. Она нерешительно прикоснулась к руке Бонда, взглянув на него, тут же потупилась и начала застенчиво:

— То, что я сказала... То, что я сказала о ненависти,— все неправда. Эта история настолько невероятна, что я вначале просто не могла ее воспринять. И сейчас я не до конца верю, что Ларго может быть в ней замешан. У нас был роман на Капри. Ведь он очень привлекательный мужчина, и вокруг него всегда вился рой местных красоток. Было так приятно увести Эмилио из-под носа у этих зазнаек. Потом я узнала о яхте и об увлекательном путешествии за пиратским золотом. Все это звучало как сказка, и, конечно, я согласилась принять участие. Кто на моем месте отказался бы от такого предложения? Взамен я была готова делать то, что от меня требовалось.— Она опять искоса взглянула на Бонда.— Печально, но от реальности не уйти. Когда яхта пришла в Нассау, меня держали на берегу. Я удивлялась, но нисколько не обижалась. Острова так прекрасны, и здесь есть чем заняться. Теперь все мелкие несообразности получили объяснение. Например, мне был запрещен вход в радиорубку. Команда вела себя очень странно. Это молчаливые и недружелюбные люди, которых явно тяготило мое пребывание на яхте. Я была для

них нежелательным лицом. По отношению к Ларго они держали себя скорее как равные, а не так, как обычно держится наемный персонал. Крепкие орешки, да и образование у них повыше, чем у простых моряков. Теперь все встало на свои места. Помнится, всю неделю до прошлого вторника Ларго психовал, он был просто вне себя. К этому времени мы уже изрядно надоели друг другу, и я начала строить планы самостоятельного возвращения домой. Но вот уже несколько дней как он опять стал самим собой, и я согласилась с его предложением упаковываться и быть готовой к отходу. Так хотелось поохотиться за сокровищами, видеть все это своими глазами! Но вдруг,— она смотрела в морскую даль,— появился ты. И вот сегодня, после того, что произошло, я решила сказать Ларго, что никуда не поеду. Я осталась бы здесь и последовала за тобой, куда бы ты ни двинулся.— В первый раз она заглянула ему в лицо, стараясь поймать ответный взгляд.— Ты бы мне позволил?

Бонд прикоснулся ладонью к ее щеке.

— А ты в этом сомневаешься?

— Но что же будет теперь? Когда я тебя увижу?

Бонд ждал и страшился этого вопроса.

Посылая девушку на яхту со счетчиком Гейгера, он подвергал Домино двойной опасности. Ей грозила верная смерть, если Ларго каким-то образом пронюхает об их игре. Положение будет не лучше и если дело дойдет до преследования. «Манта», по всей вероятности, потопит «Диско» либо артиллерийским огнем, либо торпедами, причем сделано это будет без всякого предупреждения. Бонд просчитал в уме эти грустные варианты и, собрав в кулак волю, чтобы не дать чувствам встать на пути долга, сказал с болью в сердце:

— Как только все будет кончено, я тебя обязательно отыщу, где бы ты ни находилась. Но тебе грозит смертельная опасность, ты вправе отказаться от своего решения. Все остается в силе?

Домино взглянула на часы.

— Сейчас половина пятого, надо идти. Я не хочу, чтобы ты следовал за мной. Поцелуй меня и оставайся на месте. Не беспокойся, я выполню все, что требуется.— Она протянула руки.— Подойди ближе.

Через несколько минут Бонд услышал, как заработал мотор ее машины. Подождав, пока звук не замер где-то вдали на прибрежном шоссе, он забрался в «лендровер» и тронулся в путь.

Когда он проезжал мимо двух белых обелисков, обозначающих въезд в «Пальмиру», пыль, поднятая автомобилем Домино, еще не успела осесть. С трудом преодолел Бонд импульсивное желание поехать вслед за девушкой и остановить ее. О чем он думает, черт побери?

Его путь теперь лежал к мысу Старого Форта, откуда, используя в качестве наблюдательного пункта гараж заброшенной виллы, полиция следила за яхтой. Один из дозорных читал детективный роман, устроившись в шезлонге, другой сидел у закрепленного на треножнике бинокля. Портативное приемно-передающее устройство валялось на полу у его ног. Бонд дал полицейским новые указания и связался по рации с комиссаром, который передал ему два сообщения от Лайтера.

Во-первых, визит в «Пальмиру» не принес каких-либо новых результатов, за исключением полученных от слуг сведений, что весь багаж девушки отправлен на яхту. Лодочный ангар был абсолютно чист. В нем находились лодка с прозрачным дном и водный велосипед, понтоны которого оставили подозрительный двойной след на песке. Во-вторых, ожидается, что «Манта» прибудет через двадцать минут и ошвартуется у пирса Принца Георга.

* * *

«Манта» чрезвычайно осторожно подтягивалась по судоходному каналу. У нее отсутствовала элегантность обычных субмарин, чем-то напоминающих борзых псов. Толстобокая, с тупым носом, она выглядела очень уродливо. Массивный металлический огурец с парусиновым горбом на носу. Горб скрывал устройство секретного радиолокационного сканера от взоров любопытствующих обитателей Нассау. Лодка казалась тихоходом вопреки утверждениям Лайтера, что под водой она развивает ход до сорока узлов.

— Эти данные считаются секретными, и ты их не услышишь от капитана. Думаю, что они держат под грифом «Совершенно секретно» любую бумажку, включая использованную туалетную. Эти ребята из ВМС боятся, что когда они... м-м... рыгают, происходит утечка информации.

— Что тебе еще известно?

— Я не собираюсь докладывать о своей информированности капитану, но в ЦРУ нам рассказывали об устройстве ядерных лодок, чтобы наши агенты, в свою очередь, знали, что высматривать у противника. «Манта» — подлодка типа «Джордж Вашингтон», водоизмещение четыре тысячи тонн, экипаж примерно сто человек. Радиус дей-

ствия неограниченный. Если она несет то же вооружение, что и «Джордж», то мы имеем шестнадцать вертикальных пусковых установок, две группы по восемь. Команда называет их «Шервудский лес», потому что они выкрашены в зеленый цвет и выглядят из ракетного отсека как ряды древесных стволов. «Поларисы» запускаются из подводного положения. Подлодка замирает на месте, экипаж постоянно знает точное местонахождение лодки либо по радиомаяку, либо по положению звезд, за которыми ведется наблюдение через специальный перископ. Все данные автоматически поступают в систему наведения ракет. Старший артиллерист нажимает кнопку, ракета выстреливается сжатым воздухом, и над поверхностью воды начинает работать твердотопливный двигатель, дальше она летит по баллистической траектории самостоятельно. Страшное оружие, если вдуматься. Представить только, какая-то железка с ядерным зарядом, выпущенная неизвестно откуда, из середины океана, обращает в пепел столицу государства. Считается, что в этом ее преимущество перед стратегическими бомбардировщиками и наземными ракетными установками, которые легко обнаружить и уничтожить.

— Думаю, что вскоре найдут способ обнаруживать и их,— сказал Бонд сухо.— Слушай, ведь ядерная глубинная бомба может иметь радиус поражения в сотню миль. Ударная волна разнесет все вдребезги на огромной площади. Лучше скажи, нет ли на «Манте» чего-нибудь попроще, того, что больше соответствует нашим скромным задачам, ведь мы затеваем войну не с Россией, а с «Диско».

— Есть шесть торпедных аппаратов, стреляющих по курсу, и полагаю, что имеется еще кое-какая мелочь вроде крупнокалиберных пулеметов. Проблема в том, как нам уговорить командира пустить их в дело. Не станет же он палить в мирную цивильную яхту по приказу двух штафирок, один из которых к тому же и не американец. Будем надеяться, что морской министр дал ему такой же строгий приказ, какой получили мы.

Гигантская субмарина мягко коснулась пирса. Швартовы закреплены, и алюминиевые сходни спущены на берег. Послышался разноголосый приветственный крик толпы, напор которой сдерживал усиленный наряд портовой полиции.

— Пошли,— сказал Лайтер.— Кстати, начало хуже не придумаешь. У нас на двоих ни одной фуражки, чтобы пристойно отдать честь вахтенному офицеру. Но ничего, ты делай книксен, а я стану раскланиваться.

20. Время решений

Внутри лодка оказалась на удивление просторной, вниз вел трап с настоящими широкими ступенями, а не перекладинами, как у стремянки, что обычно бывает в таких местах. Кругом царил идеальный порядок, безукоризненно чистые переборки были окрашены зеленой краской в два тона. Вдоль переборок змеились яркие разноцветные трубы и провода, контрастируя с этим почти больничным интерьером.

Ведомые вахтенным офицером, молодым человеком лет примерно двадцати пяти, они спустились ниже на две палубы. После городской жары особенно приятной казалась прохлада (температура 21°С, влажность 46%, как объяснил офицер). От трапа они свернули налево и оказались перед дверью, на которой значилось: «Капитан П. Педерсен, ВМС США». Вахтенный постучал, в ответ послышалось приглашение войти.

На вид капитану было не больше сорока лет, несколько квадратное лицо скандинава, густая щетка черных, слегка тронутых сединой по-военному коротко остриженных волос, проницательные, искрящиеся юмором глаза. Однако линии рта и подбородка говорили, что шутки с ним могут плохо кончиться и его лучше не выводить из себя.

Капитан сидел за письменным столом. На его безукоризненно чистой поверхности лежал блокнот телеграфных бланков, на котором капитан что-то писал, и стояла пустая кофейная чашка. Поднявшись, он пожал посетителям руки, указал на два пустых кресла у стола и сказал вахтенному:

— Распорядитесь, чтобы принесли еще кофе, Сантон, и, пожалуйста, отправьте вот это, гриф «Весьма срочно».

Вахтенный взял телеграмму, протянутую ему через стол, и исчез. Капитан вновь занял свое место.

— Итак, джентльмены, разрешите приветствовать вас на борту «Манты». Коммандер Бонд, для меня большая честь принимать у себя представителя Королевских военно-морских сил. Вам доводилось раньше бывать на подлодках?

— Лишь в качестве груза,— ответил Бонд.— Я служил в разведке ВМС, в специальном отделе. Так что перед вами типичный липовый моряк.

Капитан рассмеялся.

— А вы, мистер Лайтер?

— Никогда, но я однажды был владельцем собственной субмарины, сэр. Ею можно было управлять при помощи резиновой трубки и груши. Однако взрослые не разрешали мне заливать в ванну достаточно воды, чтобы испытать все ее возможности.

— Точь-в-точь наше морское министерство. Оно не позволяет мне выявить весь потенциал «Манты». Только мы разойдемся, как стрелка подходит к красной черте, нарисованной каким-то умником.

— А теперь расскажите мне, джентльмены,— капитан взглянул на Лайтера,— что происходит. Никогда со времен корейской войны на меня не сыпалось такое количество «Весьма срочных» и «Совершенно секретных». Последняя телеграмма была от командующего флотом, лично. В ней говорилось, что я поступаю под ваше командование, а в случае вашей смерти или невозможности выполнять обязанности — в распоряжение коммандера Бонда, вплоть до прибытия сегодня в девятнадцать часов адмирала Карлсона. Я мало что понимаю, и меня очень занимает пометка на телеграммах — «Оперция «Удар грома». Что это за операция, джентльмены?

Бонду очень понравился капитан Педерсен, его непринужденность, юмор, вообще весь облик, то (здесь он к месту вспомнил старое морское выражение), как тот «несет свои паруса». Он изучал внешне добродушное лицо Педерсена, чувствуя за этим добродушием скрытую твердость. Лайтер тем временем вводил капитана в курс дела, описывая все, вплоть до последних событий — отлета гидросамолета и инструкций, которые Бонд дал Домино Витали.

Рассказ Лайтера шел на фоне попурри из разнородных шумов. В постоянный свист генератора вплеталась звучавшая в отдалении музыкальная запись, группа «Чернильное пятно» непрерывно бубнила: «Я люблю кофе, я обожаю чай...» Переговорное устройство в каюте вдруг взрывалось деловыми разговорами: «Вызываю командира катера», «Главный механик разыскивает Оппеншоу», «Голубой команде в полном составе явиться в отсек «Ф». Каждые две минуты с чмоканьем и бульканьем возобновляла работу помпа. Временами казалось, что находишься внутри робота, который приводится в действие гидравлическими или электрическими импульсами при минимальном участии человека.

Когда Лайтер закончил повествование, капитан Педерсен откинулся на спинку кресла и стал рассеянно набивать табаком трубку.

— Серьезное дело,— сказал он и, улыбнувшись, продолжил: — Удивительно, но я бы поверил в вашу историю, даже если бы не было телеграммы из министерства. Я всегда считал, что нечто подобное рано или поздно должно произойти. Мне приходится возить на ядерной подлодке эти проклятые ракеты, но это не значит, что ситуация, сложившаяся на нашей планете, не приводит меня в ужас. Атомное оружие чересчур опасно для человечества. Какой-нибудь крошечный островок может держать заложником великую державу и требовать выкуп, обладая лишь одной из моих ракет. А я, простой человек Питер Педерсен, тридцати восьми лет, может, нормальный, а может, и скрытый псих, играю шестнадцатью. Их достаточно, чтобы обратить Англию в прах. Однако,— он положил руки на стол перед собой,— это так, к слову. Сейчас нам предстоит решить небольшую частную задачку, вроде бы небольшую, но в то же время огромную, как мир. Что нам делать?

Насколько я понял, джентльмены, вы полагаете, что этот Ларго вернется на самолете с минуты на минуту, забрав бомбы из тайника. Если бомбы у него, а, судя по вашему рассказу, вероятность этого очень велика, девушка должна подать нам сигнал. Мы подключаемся, налагаем на судно арест или уничтожаем его. Пока у вас нет возражений? Но предположим, на борту не окажется бомб или девушка почему-либо не сможет дать сигнал. Что мы предпримем в этом случае?

Бонд спокойно ответил:

— Мы сядем им на хвост и будем преследовать до истечения срока ультиматума. Это все, что нам остается, если мы хотим избежать юридического фиаско. Когда срок пройдет, пусть правительства ломают голову, как поступить с «Диско», что делать с затопленным бомбардировщиком и как решать проблему в целом.

К тому времени какая-нибудь ничтожная личность на моторном катере, о существовании которого мы даже и не догадываемся, уже установит заряд у берегов Америки, и Майами взлетит в воздух.

А может, бабахнет где-нибудь в другой части света. Было предостаточно времени, чтобы снять бомбы с самолета и отвезти их за тысячи миль отсюда. Это будет означать, что мы проморгали и все разрешилось наихудшим образом. Сейчас мы в положении детектива, выслеживающего потенциального убийцу. Сыщику приходится терпеть и ждать, когда преступник вытащит револьвер и прицелится. Тогда и только тогда наш герой может в него стре-

лять или арестовать злодея, если, конечно, успеет.— Бонд повернулся к Лайтеру.— Я все правильно изложил, Феликс?

— Картина точная, капитан. Коммандер Бонд и я уверены на все сто процентов, что Ларго именно тот, кто нам нужен, и что скоро он отплывет по направлению к цели номер один. Поэтому мы подняли этот шум и востребовали вас. Пятьсот против одного, что он намерен установить бомбу ночью, а сегодня последняя ночь. Кстати, капитан, надеюсь, ваш корабль стоит под парами? Или как это называется у атомщиков?

— Мы можем отойти через пять минут. Но, джентльмены,— капитан с сомнением покачал головой,— я совершенно не представляю, как следить за «Диско».

— Что значит «как»? Разве у вас не хватит скорости?

Лайтер поймал себя на том, что угрожающе размахивает своим крюком. Пожалуй, этого не следует делать перед капитаном, и он торопливо положил руку на колено.

— Скорости, надеюсь, хватит,— улыбнулся капитан.— На прямой мы, без сомнения, выиграем гонку. Но мне кажется, что вы, джентльмены, не совсем представляете себе опасность судоходства в этом районе океана,— он указал на большую лоцию Адмиралтейства, висевшую на стене каюты.— Взгляните. Никогда мне не приходилось видеть морской карты с таким обилием цифр. Она похожа на разоренный муравейник — это указание глубин в проходах, джентльмены.

Если «Диско» пойдет одним из глубоководных каналов, яхта в наших руках, как мог бы сказать коммандер Бонд. Но если она выберет другой путь... Вы сами могли убедиться, глядя с самолета, что не все море отличается приятной голубизной, повсюду разбросаны банки и рифы с глубиной проходов не более десяти морских саженей.

Если я тронусь рассудком и решу провести остаток жизни на берегу за плетением корзин, то я могу попытаться провести лодку в надводном положении по таким глубинам. Однако для этого мне придется подкупить штурмана и отключить эхолот, чтобы не взбунтовалась команда. И это еще не все. Хотя здесь и указано десять саженей, мы должны всегда помнить, что лоция устарела и за пятьдесят лет песчаные банки могли переместиться. Примем во внимание приливы и отливы, влияющие на глубину, а также кусты кораллов, которые вы замечаете, лишь когда они начинают царапать корпус или цепляться за винты.— Капитан отошел от лоции и вернулся к столу.— Нет,

джентльмены, они выбрали прекрасное судно для своих целей. Думаю, осадка «Диско» на крыльях не превышает одной сажени. Если Ларго решит идти по мелководью, ясно как божий день, что у нас нет шансов.

Капитан перевел взгляд с Бонда на Лайтера.

— Не хотите ли вы, чтобы я связался с министерством и вызвал из Форт-Лодердейла приданные вам истребители-бомбардировщики? Они станут следить за яхтой.

Друзья переглянулись, и Бонд сказал:

— Яхта пойдет без огней, самолетам будет дьявольски трудно ее обнаружить. Как ты думаешь, Феликс? Может, стоит их вызвать для патрулирования американского побережья? А мы, если капитан согласен, сделаем ставку на ракетную базу как цель номер один и пойдем к ней через северо-западный канал.

Лайтер в раздумье почесал затылок.

— Ну что ж, я согласен,— произнес он яростно,— эти скоты уже заставили нас выглядеть идиотами, когда мы вызвали «Манту». Что такое жалкая эскадрилья истребителей по сравнению с ядерной лодкой? Нам ничего другого не остается, как продолжать руководствоваться версией, что Ларго и «Диско» принимают участие в заговоре. Сейчас нам — тебе, капитану и мне — надо состряпать и отослать депешу в ЦРУ и твоему шефу. Надо постараться, чтобы она по возможности не была очень глупой. Давай адрес.

— Адмиралтейство, для М, отметка «Операция «Удар грома».— Бонд провел ладонью по лицу.— Мы пускаем кошку в голубятню. Какой поднимется переполох, господи! — Он посмотрел на большой металлический хронометр, прикрепленный к переборке.— Шесть часов, в Лондоне сейчас полночь. Все просто обожают получать подобные телеграммы в такой час.

Переговорная система заговорила более четким голосом:

— Вахтенный офицер вызывает капитана. Прибыл полицейский офицер со срочным пакетом для коммандера Бонда.

Капитан нажал на кнопку и произнес в укрепленный на столе микрофон:

— Проводите его вниз. Приготовьтесь отдать швартовы. Команде находиться на местах.

Капитан подождал подтверждения, отключил микрофон и улыбнулся. Обращаясь к Бонду, он спросил:

— Как зовут эту девушку — Домино? Ну, Домино, подай нам добрую весть.

Открылась дверь, полицейский капрал с фуражкой в руке лихо щелкнул каблуками и протянул пакет Бонду. Тот принял его и сломал печать. Пробежав глазами послание от комиссара полиции, он прочитал его вслух ровным голосом: «Самолет вернулся в семнадцать тридцать и был поднят на борт. «Диско» отошла в семнадцать пятьдесят пять на полной скорости, курс — северо-запад. Девушка не появилась, повторяю, не появилась на палубе».

Бонд попросил у капитана телеграфный бланк и написал: «Манта» начинает преследование через канал Провидения. Через морское министерство направлена просьба, чтобы эскадрилья истребителей-бомбардировщиков из Форт-Лодердейла вела патрулирование в радиусе двухсот миль от побережья Флориды. «Манта» будет поддерживать связь через диспетчера Виндзор-Филд. Морское министерство и Адмиралтейство поставлены в известность. Пожалуйста, уведомите губернатора, а также адмирала Карлсона и бригадира Фейрчайлда немедленно по их прибытии».

Бонд поставил свою подпись и передал текст капитану, который также расписался. Лайтер последовал его примеру. Бонд вложил послание в конверт и отдал капралу. Тот сделал четкий поворот кругом и, немилосердно грохоча тяжелыми ботинками, строевым шагом покинул каюту.

Как только за ним закрылась дверь, капитан нажал кнопку системы внутренней связи. Последовал приказ к отходу в надводном положении курсом норд со скоростью десять узлов. Через несколько секунд затишья лодка взорвалась множеством звуков. Чавканье насосов смешалось со свистом и грохотом других механизмов, с топотом бегущих ног. Лодка слегка вздрогнула.

Капитан неторопливо сказал:

— Вперед, джентльмены. Конечно, хотелось бы, чтобы дичь, за которой мы охотимся, была покрупнее и в то же время не была столь хищной. Тем не менее я буду рад изловить ее для вас. Теперь нам следует подумать о телеграмме.

Бонд рассеянно склонился над текстом. Его мысли были заняты сообщением комиссара. Он беспокоился за Домино. Дело выглядело весьма скверно. Если самолет не доставил бомбы на яхту, значит, мобилизация «Манты» и истребителей-бомбардировщиков не диктовалась необходимостью. Больше того, она была явно бессмысленна.

Вполне вероятно, что угон самолета и похищение бомб было делом рук совершенно другой группы и, преследуя «Диско», они зажигают зеленый свет для действий «Спектра».

Однако весь опыт Бонда, его интуиция протестовали против такого варианта. Легенда «Диско» — Ларго — сокровища» была безупречна на все сто процентов, она не имела слабых мест. Ее невозможно поколебать ни с какой стороны, что само по себе выглядело для Бонда подозрительно. Заговор такого масштаба и такой дерзости требовал безупречной легенды, проработанной до мельчайших деталей.

Предположим, Ларго действительно вышел в море для подъема сокровищ. Тогда все факты, вплоть до последнего полета (убедиться, что в нужном районе нет рыбачьих катеров, например), объясняются этой легендой. Но скорее всего он все же вышел для того, чтобы разместить бомбы, завести часовой механизм, установив время немного позже указанного в письме, чтобы либо успеть изъять бомбы, если США и Англия уплатят выкуп, либо суметь убраться подальше от взрыва и обеспечить себе алиби.

Но где же в таком случае бомбы? Может быть, самолет их все-таки доставил, но Домино по какой-то причине не смогла подняться на палубу и подать сигнал? Или их подберут где-нибудь по пути к цели? Курс на запад, через канал у островов Берри не исключает оба варианта.

Бомбардировщик лежит на дне к югу от группы Бимини, так же как Майами и другие вероятные цели на побережье США.

А может быть, пройдя через канал в пятидесяти милях к северу от Нассау, «Диско» резко свернет на север и через пятьдесят миль пути по мелководью вновь войдет в канал Провидения и направится прямо к острову Большая Багама и ракетной базе? Бонд злился на себя за то, что не мог принять решения. Ему все время казалось, что он и Лайтер совершили величайшую глупость, убедив себя в правдоподобности единственной версии. Теперь им не остается ничего другого, как продолжать ей следовать. Если бомбы на борту и «Диско» развернется по направлению к острову Большая Багама и ракетной базе, «Манта», проскочив северо-западный канал, может вовремя перехватить яхту. Но если все это так, то почему же Домино не подала знака? Что с ней произошло?

21. Очень нежно и не спеша

Словно черная торпеда, оставляя за кормой короткий белый бурун, «Диско» рассекала зеркало океана. В большой каюте повисла тишина, нарушаемая лишь глухим гулом двигателей и тонким позвякиванием стекол шкафов. Иллюминаторы были наглухо задраены, и единственным источником света служил подвешенный под потолком красный ходовой фонарь. Его тусклые лучи едва освещали лица двадцати мужчин, усевшихся вокруг стола. Фонарь покачивался, и красно-черные тени искажали лица гримасами, создавая атмосферу дьявольского заговора.

Ларго восседал во главе стола, на его лице, несмотря на работающий кондиционер, сверкали крупные капли пота. Он начал свою речь необычным для него хриплым, вибрирующим от напряжения голосом:

— Я обязан вам сообщить, что возникла чрезвычайная ситуация. Полчаса тому назад номер семнадцатый встретил на нижней палубе мисс Витали. Когда номер семнадцатый приблизился, мисс Витали поднесла к глазам фотокамеру, как бы собираясь сделать снимок виллы «Пальмира». Однако с объектива аппарата не был снят защитный колпачок. Это вызвало у номера семнадцатого подозрения, и он доложил мне. Я спустился вниз и был вынужден препроводить мисс Витали в каюту, при этом она оказала сопротивление. Такая ее реакция только усилила мои подозрения, и, чтобы усмирить эту женщину, я применил меры физического воздействия. Я осмотрел камеру,— Ларго сделал паузу и продолжил ровным голосом: — оказалось, что это муляж. В нем находился счетчик Гейгера, который, естественно, показывал уровень радиации, превышающий пятьсот миллирентген. Мне пришлось привести ее в сознание и допросить. Но мисс Витали в категорической форме отказалась отвечать. Я, конечно, заставлю ее заговорить, после чего она будет устранена. Яхта должна была отходить, и я вынужден был оставить мисс Витали в бессознательном состоянии надежно привязанной к койке. Как вы понимаете, наше собрание совершенно необходимо, чтобы ввести вас в курс дела. Номер второй уже информирован.

Ларго замолчал. За столом послышался сдержанный рокот голосов, полный скрытой угрозы и раздражения. Один из немцев — номер четырнадцатый — процедил сквозь зубы:

— Скажите нам, мистер номер первый, что думает об этом мистер номер второй.

— Он сказал, чтобы мы продолжали операцию. Он сказал также, что мир сейчас набит счетчиками Гейгера, нацеленными в нас. Секретные службы всех стран ведут лихорадочный поиск. Видимо, какой-то службист в Нассау, скорее всего из полиции, получил задание проверить уровень радиации на всех судах, находящихся в порту. Очевидно, мисс Витали заплатили за то, чтобы она пронесла на яхту счетчик Гейгера. Номер второй подчеркнул, что нам нечего будет опасаться, как только мы разместим оружие в районе цели. Я приказал радисту специально обратить внимание, не повысилась ли интенсивность переговоров между Нассау и побережьем. Все осталось на обычном уровне. Если бы нас подозревали, радиограммы из Лондона и Вашингтона затопили бы эфир. Однако все тихо, поэтому мы будем точно следовать плану. Когда мы выйдем из района цели, надо будет сбросить в море свинцовые контейнеры бомб, не забыв упаковать в один из них мисс Витали.

Номер четырнадцатый был явно не удовлетворен ответом.

— Надо, чтобы женщина рассказала нам всю правду. Если на нас падет тень подозрения, наши будущие планы могут серьезно пострадать.

— Допрос начнется сразу же после нашего собрания. Если вас интересует мое мнение, то вчерашние визитеры — Бонд и Ларкин — имеют, видимо, отношение к этому делу. Не исключено, что они могут оказаться агентами Секретной службы. У так называемого Ларкина был с собой фотоаппарат. Я не рассматривал его вблизи, но он похож на камеру, которая обнаружена у мисс Витали. Я сожалею, что был недостаточно осторожен в общении с этими людьми, но их объяснения звучали вполне убедительно. Завтра, когда мы вернемся в Нассау, всем следует вести себя крайне осмотрительно. Мисс Витали, увы, упадет за борт. Я проработал все детали, так как предстоит расследование. Думаю, мы отделаемся несколькими неприятными минутами. Показания свидетелей будут неопровержимы. Кроме того, будет неплохо продемонстрировать старинные монеты для доказательства нашего местопребывания сегодня ночью. Это подкрепит наше алиби. Скажите, номер пятый, монеты имеют достаточно древний вид? Выглядят удовлетворительно?

Номер пятый, физик Котце, ответил кисло:

— Не более чем удовлетворительно, однако этого доста-

точно, чтобы пройти поверхностный осмотр. У нас подлинные дублоны и реалы начала семнадцатого века. Морская вода не оказывает сильного влияния на золото и серебро. Но чтобы слегка их повредить, я протравил их кислотой. Монеты придется отдать коронеру, чтобы тот официально зарегистрировал их как клад. Ни он, ни члены суда в Нассау не представляются мне достаточно компетентными, чтобы поставить под сомнение происхождение монет, для этого потребовались бы эксперты. Мы не обязаны раскрывать место находки. Сообщим глубину, скажем, десять саженей, у известного нам рифа. Лично я не вижу, каким образом можно опровергнуть или даже поколебать нашу версию. Кстати, около рифов часто встречаются большие глубины. У мисс Витали отказал акваланг, и мы видели, как она скрывалась за краем рифа, где глубина, по показаниям эхолота, не меньше ста саженей. Мы отговаривали ее спускаться под воду, но она такая опытная аквалангистка. Романтика поиска оказалась ей не по силам,— номер пятый с сожалением развел руками.— К несчастью, подобные печальные случаи не столь редки. Ежегодно море уносит множество жизней. Мы организовали тщательный поиск, но появились акулы. Пришлось прервать подъем сокровищ и срочно вернуться в Нассау, чтобы немедленно сообщить о трагедии,— номер пятый горестно покачал головой.— Я не склонен чрезмерно паниковать по поводу случившегося, но я за то, чтобы допросить мисс Витали самым суровым образом.— Вежливо повернувшись в сторону Ларго, он добавил: — Мне известны некоторые способы использования электричества. Человеческое тело им не может сопротивляться. И если я могу быть вам полезен...

Ларго также был сама вежливость, казалось, что идет медицинский консилиум, как лучше излечить больного пассажира.

— Благодарю вас, я располагаю определенными средствами убеждения, которые самым наилучшим образом проявили себя в прошлом. Но, конечно, если случай окажется более сложным, я не премину прибегнуть к вашей помощи.

Ларго обвел взглядом красно-черные лица.

— Теперь нам следует последний раз пробежаться по всем деталям.— Он взглянул на часы.— Луна взойдет в три, рассветает в самом начале шестого. На всю операцию нам отводится два часа, пока светит луна. Мы идем с юга, это обычный маршрут на острова. Если на радиолокаторе ракетной базы заметят, что мы подошли слишком близко,

наблюдатели решат, что яхта слегка сбилась с курса. Мы бросим якорь ровно в три, и группе подводников придется проплыть около полумили до точки закладки бомбы. Пятнадцать человек (вы знаете, кто именно) поплывут углом, торпеда-тягач и сани с бомбой — в центре. При всех условиях следует держать строй. Маяком будет служить синий фонарь, закрепленный у меня на спине. Отставший немедленно возвращается на яхту. Пока все ясно?

Основная задача эскорта — следить за появлением акул или барракуд. Напоминаю, что убойная дальность стрелы из ваших ружей около двадцати футов, целиться лучше всего в голову. Собирающийся стрелять предупреждает соседа, который в случае необходимости должен оказать огневую поддержку. Однако возможно, будет достаточно только одного точного выстрела, если правы ученые, которые утверждают, что яд кураре сохраняет свойства в морской воде. Но самое главное,— для вящей убедительности Ларго опустил на стол свои лапищи,— не забудьте снять с наконечника стрелы предохранительный колпачок. Простите, что я говорю о давно известных вам вещах. Мы тренировались в аналогичных условиях, и я убежден, что все будет в лучшем виде. Но существуют и отличия, в частности рельеф дна будет иным. Следует припять во внимание и действие декседрина. Каждый участник операции получит по таблетке сразу же после нашего совещания. Декседрин, как вам известно, обостряет восприятие, придает смелость и уверенность в своих силах. Мы должны быть готовы к любым неожиданностям и обязаны их преодолеть. Если нет вопросов, собрание закончено, благодарю вас.

Оставшись один, Ларго встал из-за стола, потянулся и зевнул, широко раскрыв рот. Подойдя к шкафу, он выдвинул ящик, достал коробку сигар «Корона», выбрал одну и с гримасой отвращения раскурил. Прихватив из холодильника красный пластиковый пакет с кубиками льда, Ларго вышел в коридор и направился к каюте Домино Витали.

Он закрыл за собой дверь и повернул ключ. Каюта также была освещена висевшим под потолком красным фонарем. Под ним на койке лежала девушка, сейчас она была похожа на морскую звезду — лодыжки ее ног и запястья рук были притянуты веревками к углам металлической сетки под матрацем. Ларго положил пакет со льдом на комод и пристроил рядом с ним горящую сигару так, чтобы тлеющий кончик выдавался за край и пе испортил лакировку.

Девушка пристально следила за этими манипуляциями, ее глаза светились отраженным красноватым светом.

— Моя дорогая,— начал Ларго,— твое тело доставило мне много приятных минут. Теперь я вынужден заставить его нестерпимо страдать, если ты не скажешь мне, кто дал тебе этот аппарат. Я сделаю это с помощью двух нехитрых средств,— он поднял сигару и дунул на кончик, который ярко заалел,— вот этим — для жара и льдом — для охлаждения. Если применять эти средства научно, а я действую именно таким образом, то твой ротик, как только он перестанет визжать от боли, будет говорить правду и только правду. Итак, что же мы выбираем?

Голос девушки срывался от смертельной ненависти:

— Ты убил моего брата, а сейчас будешь убивать меня. Что ж, доставь себе это удовольствие. Ты уже сейчас полутруп, но, перед тем как ты превратишься в падаль, а этого, надеюсь, недолго ждать, я молю бога, чтобы ты страдал в миллион раз больше, чем мой брат и я.

Смех Ларго звучал, как короткий сухой лай. Он уселся на край койки.

— Прекрасно, моя дорогая. Посмотрим, что можно с тобой сделать, если действовать очень нежно и не спеша.

Ларго наклонился и, захватив скрюченными пальцами ворот ее платья, медленно разорвал на ней одежду. Отбросив в сторону обрывки ткани, он обнажил ее тело. Вдумчиво изучив его, Ларго подошел к комоду, взял горящую сигару и лед, вернулся и поудобнее устроился на койке.

Пару раз пыхнув сигарой, он стряхнул пепел на ковер и наклонился над девушкой.

22. Преследователь

В центральном посту «Манты» царил покой. Капитан Педерсен стоял за спиной вахтенного офицера у эхолота, изредка бросая через плечо реплики. Бонд и Лайтер устроились в складных парусиновых креслах поодаль от указателей глубины и скорости, циферблаты которых были подсвечены таким образом, что их могла видеть лишь штурманская команда из трех человек. Эта троица, словно пилоты авиалайнера, сидела плечом к плечу, манипулируя рулем поворота, носовым и кормовым рулями глубины. Капитан подошел к Бонду и Лайтеру, весело улыбаясь.

— Тридцать саженей под килем и ближайший риф в миле к западу. Теперь мы можем идти прямиком к острову Большая Багама. У нас хороший ход, и если мы удержим скорость, то прибудем через четыре часа, примерно за час до рассвета. А сейчас можно перекусить и поспать. В те-

чение часа мы ничего не увидим. Экран радара заполнен островами группы Берри. Все решится, как только мы их пройдем. Если мы увидим на экране, как самая маленькая скала оторвалась от последнего острова и пошла на север курсом, параллельным нашему, значит, мы обнаружили «Диско». В этом случае мы погружаемся. Вас разбудят колокола тревоги, но вы можете повернуться на другой бок и продолжать спать, ничего не произойдет, пока яхта не окажется у цели. Тогда мы решим, как поступать дальше.— Капитан направился к трапу.— Если не возражаете, джентльмены, я пройду вперед. Берегите головы, здесь кругом трубопроводы. Пожалуй, это единственное место на корабле, где по-настоящему тесно.

Бонд и Лайтер проследовали за капитаном до каюткомпании, служившей одновременно столовой для экипажа. Помещение было ярко освещено, кремовые переборки, отделанные нежно-зелеными и нежно-розовыми панелями, производили приятное впечатление.

Они заняли отдельный покрытый пластиком столик. Матросы и офицеры с любопытством посматривали на парочку в штатском.

Капитан показал на переборки.

— Серьезный уход от традиций боевых кораблей — покраски шаровой краской. Вы не представляете, сколько яйцеголовых разрабатывает дизайн интерьера подводной лодки. Так и должно быть, если вы хотите, чтобы экипаж чувствовал себя хорошо, находясь больше месяца под водой. Эти фокусники открыли, что цвет должен меняться, нужны контрасты, иначе возникает нечто вроде депрессии. В этом зале мы крутим кино, организуем турниры по крибеджу и партии в лото. Мы делаем все для того, чтобы свободные от вахты люди могли отдохнуть, развлечься. Вы обратили внимание, что в лодке не чувствуется раздражающих запахов? Корабль оборудован множеством электростатических фильтров, которые очищают воздух от запахов камбуза или машинного отделения.

Подошел стюард с меню.

— Ну, к делу. Принесите мне ветчину, запеченную повирджински, а соусом к ней пусть будет крепкое виски, еще я, пожалуй, возьму яблочный пирог и кофе со льдом. Не жалейте соуса,— он повернулся к Бонду.— В море у меня всегда пробуждается зверский аппетит. Настоящий капитан ненавидит не море, а сушу.

У Бонда, напротив, аппетит пропал, и он заказал сваренное в мешочек яйцо, ржаные гренки и кофе.

Легкая болтовня капитана, казалось, помогала расслабиться, снять внутреннее напряжение, которое все мучительнее терзало Бонда. Оно должно исчезнуть, как только «Диско» появится на экране радара и настанет время действовать. Но как бы ни был Бонд озабочен общим исходом операции, его гораздо больше беспокоила судьба девушки. Имел ли он вообще право посвящать ее в тайну? Могла ли она предать? Может быть, ее схватили и сейчас Домино уже мертва? Он машинально выцедил стакан холодной воды, пока капитан объяснял общие принципы ее получения и опреснения.

Неожиданно терпение Бонда лопнуло, его стал раздражать жизнерадостный тон пустой болтовни.

— Простите, капитан. Можно вас прервать на секунду? Мне бы хотелось уяснить для себя, что мы будем делать, если наши догадки оправдаются и «Диско» окажется у острова Большая Багама? Откровенно говоря, я не представляю себе наши следующие шаги. Конечно, у меня есть кое-какие соображения. Но каковы ваши намерения? Вы собираетесь взять яхту на абордаж или просто взорвать ее?

В серых глазах капитана блеснула лукавая искорка.

— Вы, очевидно, не до конца поняли ситуацию, ребята. Право принимать решения принадлежит вам! Согласно команде из министерства лодка отдана в ваше распоряжение, а я здесь вроде шофера. Давайте договоримся. Вы делитесь со мной своими планами, и я выполняю все ваши пожелания, если они не грозят моему кораблю,— он улыбнулся,— скажем так — чрезмерной опасностью. В крайнем случае, если я правильно понял указания министерства и суть вашего рассказа, проблему безопасности лодки и вовсе можно выкинуть за борт. Как я вам уже сказал, получен ответ на нашу радиограмму, в котором наш план действий одобрен. Я волен принимать любые решения. Итак, лодка и ее капитан к вашим услугам.

Принесли заказ. Бонд слегка поковырял ложкой вареное яйцо, отставил его в сторону и зажег сигарету. Глядя на Феликса Лайтера, он начал:

— Мне неведомы твои идеи, Феликс, но я полагаю, что примерно в четыре утра, если исходить из предположения, что яхта идет на север по мелководью под прикрытием цепи Берри, она бросит якорь у острова Большая Багама, вблизи ракетной базы.

Если наше предположение верно, то стоянка будет выбрана примерно в миле от берега, там, где глубина около де-

сяти саженей. Я внимательно изучил лоции и думаю, что они постараются заложить бомбу как можно ближе к цели. Для этого им придется протащить ее под водой примерно полмили до глубины двенадцать футов, после чего они включают часовой механизм и убираются восвояси. Такой сценарий представляется мне наиболее вероятным. Они отойдут на рассвете. Как утверждает ваш штурман, у западной оконечности острова всегда множество яхт. Радарная станция базы, без сомнения, обнаружит «Диско», но для нее это будет обычная яхта.

Допустим, время взрыва — через двенадцать часов после установки бомбы. Это примерно совпадает со временем, указанным в ультиматуме. Ларго за этот срок дважды сумеет вернуться в Нассау или удрать далеко-далеко. Держу пари, он вернется, расскажет, как искал сокровища, и станет ждать очередных указаний своего центра.— Бонд сделал паузу и отвел глаза.— При условии, что он не добился показаний от девушки.

Лайтер как верный друг пришел ему на помощь.

— Не верю, что девушка может проболтаться. Она кремень. Однако допустим худшее — Ларго привяжет ей на шею гирю и выкинет за борт, а вернувшись в Нассау, скажет, что у нее испортился акваланг, или сочинит другую басню. У меня нет сомнений, что он вернется. Его «крыша» держится так же непоколебимо, как фирма «Джон П. Морган и К°».

В разговор вступил капитан.

— Оставим пока в стороне общие рассуждения и сосредоточимся на оперативных задачах. Как, по-вашему, они намерены снять бомбу с судна и доставить к цели? Если верить лоциям, для Ларго будет затруднительно подвести яхту ближе к цели, но, если он все же решится, могут возникнуть проблемы с береговой охраной базы. Я знаю, что у базы имеется сторожевой катер, с которого они разгоняют рыбацкую братию, когда готовятся к запускам.

Бонд без колебаний ответил:

— Полагаю, что подводный отсек на «Диско» сконструирован именно для этих целей. У Ларго наверняка есть нечто вроде подводных саней и средство их буксировки — какая-нибудь торпеда с электродвигателем. Бомба грузится на сани, группа подводников доставляет ее в назначенное место, маскирует на грунте и возвращается на яхту.

— Вы, без сомнения, правы, коммандер,— сказал Педерсен,— но как в этом случае должны поступить мы?

Бонд взглянул в глаза капитану.

— У нас есть единственная возможность пригвоздить негодяев. Если мы обнаружим себя слишком рано, «Диско» уйдет или просто отойдет на пару сотен ярдов и утопит бомбы на большой глубине. Мы должны захватить их с поличным (я имею в виду бомбу), а это возможно, только когда их водолазная группа выйдет из яхты, когда они будут находиться на пути к цели.

Наша команда подводников должна встретить их группу. Вторая бомба, оставшаяся на борту, уже не будет иметь значения. В крайнем случае мы можем затопить яхту с бомбой в трюме.

Возникла длительная пауза, капитан молча смотрел на свою тарелку. Он аккуратно положил нож и вилку, передвинул десертную ложку, допил кофе и покачал стакан, кусочки льда звякнули о стекло. Поставив стакан на стол, он задумчиво посмотрел сначала на Лайтера, потом на Бонда.

— Видимо, вы правы, коммандер. У нас достаточно кислородных дыхательных приборов. На «Манте» лучшая водолазная команда во всей ядерной флотилии. Но люди вооружены только ножами. Думаю, что должны идти только добровольцы.— Помолчав, он спросил: — Кто поведет группу?

— Я,— ответил Бонд,— так случилось, что подводное плавание — мое хобби. Я знаю, чего надо опасаться под водой, а на что не стоит обращать внимания. Своими знаниями я поделюсь с вашими людьми.

В разговор вмешался Лайтер, не терпящим возражения тоном он заявил:

— Уж не собираешься ли ты бросить своего друга один на один с вирджинской ветчиной? Я прикручу ласту к этой штуке,— он поднял сверкающий крюк,— и дам тебе в любое время фору в заплыве на полмили. Ты не представляешь, какие силы появляются у человека, после того как крокодил отгрызает ему руку. Медики называют это компенсацией, и я прощаю твое невежество.

Капитан, улыбнувшись, поднялся из-за стола.

— Я покидаю вас, герои, чтобы вы могли хорошенько обсудить все проблемы. Мне надо обратиться к экипажу, после чего мы вместе помозгуем над лоциями, выясним, какие средства нам потребуются, поговорим о вооружении и обсудим другие оперативные вопросы. Только боюсь, что вам не удастся поспать. Я распоряжусь, чтобы вам выдали тонизирующий препарат, думаю, без него не обойтись.

Капитан Педерсен поднял в приветствии руку и направился к выходу из кают-компании.

Лайтер повернулся к Бонду.

— Проклятый интриган! Хотел бросить старого друга в одиночестве. Предательство — имя твое, о англичанин! Правильно говорят — коварный Альбион!

Бонд расхохотался.

— Откуда я мог знать, что ты прошел курс реабилитации, психотерапевтические процедуры и все такое? Я не представлял себе, что ты так серьезно относишься к вопросам здоровья. Держу пари, ты нашел способ ласкать девушек своим гнусным мясницким крюком!

— Ты не поверишь,— мрачно ответил Лайтер,— стоит только зацепить девушку за руку этой штуковиной, как она мгновенно забывает о своих целомудренных намерениях. Но поговорим о деле. Как мы должны выстроиться, когда поплывем? Можно ли переделать ножи в копья? Каким образом мы отличим своих от чужих в подводном полумраке? Нам надо тщательнейшим образом подготовить операцию. Педерсен хороший парень, и я не хочу, чтобы его люди гибли из-за наших глупых ошибок и легкомыслия.

В громкоговорителях внутренней связи зазвучал знакомый голос:

— Слушайте все, говорит ваш капитан. Не исключено, что во время плавания нам предстоит опасная операция. Я расскажу вам суть дела. Морское министерство остановило свой выбор на нашем корабле для выполнения задачи, фактически приравненной к военным действиям. То, что я говорю, должно быть сохранено в абсолютной тайне, пока не последует другой приказ. Итак, вот что случилось...

* * *

Бонд, заснувший в койке одного из вахтенных офицеров, был разбужен резким звоном колокола громкого боя. Металлический голос из репродуктора произнес:

— Посты погружения, посты погружения...

Почти одновременно койку слегка тряхнуло и изменилась тональность шумов каких-то далеких работающих механизмов. Бонд выскользнул из койки и прошел на центральный пост, где уже находился Феликс Лайтер. Капитан оторвался от лежащей перед ним диаграммы и сказал немного напряженно:

— Вы не ошиблись, джентльмены, яхта здесь. В пяти милях по курсу два градуса вправо. Идет со скоростью тридцать узлов. Ни одно судно, кроме «Диско», не может

иметь такого хода. Яхта не несет никаких огней. Не хотите ли взглянуть в перископ? Она поднимает фосфоресцирующую волну. Хотя луна еще не взошла, вы заметите светлый мазок, как только глаза привыкнут к темноте.

Бонд прижался к мягкой резине окуляров и через минуту начал различать на горизонте белый короткий вал. Оторвавшись от перископа, он спросил:

— Каким курсом идет яхта?

— Тем же, что и наша лодка, к западной оконечности острова Большая Багама. Мы опустимся глубже и немного прибавим ход. Акустики слышат шум винтов яхты, так что риск потерять «Диско» исключается. Пока пойдем параллельно, а позже сблизимся. Метеорологи обещают на рассвете легкий западный бриз, он будет способствовать нашим планам. Не хотелось бы выпускать водолазов на очень спокойной воде, ведь на поверхности происходит заметный выброс воздуха. Кстати, познакомьтесь,— он подозвал атлетически сложенного моряка в белой парусиновой форменке,— старшина Фаллон. Он будет командовать группой, естественно, джентльмены, по вашим указаниям. Все лучшие пловцы вызвались участвовать в операции. Старшина отобрал девять человек, они освобождены от вахты. Не хотите ли познакомиться с группой и, конечно, обсудить нужные детали? Вопросы дисциплины, взаимодействия, сигнализации и тому подобное. Сержант-оружейник уже занят созданием новых средств ведения подводной войны.— Капитан улыбнулся.— Команда пожертвовала дюжину выкидных ножей. Надо сказать, что было нелегко уговорить их сделать это. Однако сержант отличается умением убеждать подчиненных. Он выточил на ножах гарпунный зубец, заострил их и намертво прикрепил к палкам от швабр. Боюсь, что сержант потребует, чтобы вы подписали заказ-наряд в интендантство на новые рукоятки, иначе его могут наказать за разбазаривание казенного имущества. У меня пока все. Мы скоро увидимся. Да, требуйте все, что сочтете необходимым.— И он вернулся к своим схемам.

Бонд и Лайтер проследовали за старшиной Фаллоном по нижней палубе через машинное отделение в механическую мастерскую. По пути они миновали реакторный отсек. Проходя мимо выдающейся над палубой крышки реактора, Лайтер шепнул:

— Реактор натриевый для подводных лодок, тип два,— и осенил себя крестным знамением.

— Подумаешь,— Бонд с презрением пнул крышку,— век первых пароходов. Наш славный Королевский флот уже давно полагается только на тип три.

Мастерская, длинное помещение с низким потолком, уставленное разнообразными металлообрабатывающими станками, являла собой забавное зрелище. В одном конце толпились пловцы, одетые лишь в плавки. Загорелые тела атлетов контрастировали с фигурами в мешковатых серых комбинезонах. Эти дети технического прогресса склонились в полутьме над точильными станками, с визжащих дисков которых срывались снопы оранжевых и голубых искр. Некоторые пловцы уже держали в руках свое оружие.

После взаимных приветствий Бонд обследовал одно из копий. Сержант сумел создать смертельное оружие — заточенное тонко, как стилет, лезвие с впечатляющим зубцом на конце было намертво прикреплено проволокой к довольно длинному прочному шесту. Бонд испытал на ногте качество заточки. Таким копьем можно легко продырявить даже акулу. Но чем будет вооружен противник? Скорее всего, подводными ружьями на сжатом газе. Бонд еще раз оглядел свою белозубо улыбающуюся команду. Наверняка будут потери, возможно, и тяжелые. Главное — обеспечить внезапность нападения. Но эти юноши с их золотистой кожей, не говоря уже о бледных телах его и Лайтера, станут в свете луны превосходной целью для ружей, причем задолго до того, как их копья смогут достать врага.

Бонд обратился к старшине Фаллону:

— Боюсь, на борту нет гидрокостюмов...

— Их сколько угодно, коммандер,— ухмыльнулся тот,— мы же не всегда плаваем невдалеке от пальм. Без гидрокостюмов не обойтись в высоких широтах.

— Они нам понадобятся. На них нужно нанести белые и желтые номера, чтобы мы не перебили друг друга.

— Слушаюсь, сэр,— ответил старшина и приказал: — Фонда и Джонсон, отправляйтесь к квартирмейстеру и получите гидрокостюмы для всей группы. Бракен, возьми нерастворимую в воде краску и изобрази на спинах костюмов номера от единицы до двенадцати, высота цифр один фут. Приступайте.

Позже, когда гидрокостюмы уже висели вдоль переборки, похожие на гигантских летучих мышей, Бонд собрал людей вокруг себя.

— Друзья, нам предстоит вступить в подводную схватку. При этом неизбежны потери. Еще есть время, вы можете отказаться от вашего решения,— он обвел взглядом ух-

мыляющиеся рожи.— Нет. Отлично. Нам предстоит заплыв на дистанцию четверть мили, а может, и полмили. Темно не будет, сверху луна, снизу светлый песок с небольшими пятнами водорослей. Постараемся выйти как можно осторожнее, после выхода выстраиваемся углом. Во главе угла я под первым номером, за мной под вторым номером мистер Лайтер и под номером три старшина Фаллон.

Итак, плывем клином, наподобие гусиной стаи, задача каждого — следить за плывущим впереди и не сбиваться с курса. Если верить лоциям, мы не встретим крупных рифов, может быть, попадутся отдельные скальные обломки.

Должен предупредить, это будет время первого завтрака у рыб, поэтому старайтесь не прозевать появление когонибудь крупного и зубастого. Не обижайте божью тварь, если она не проявляет чрезмерного любопытства. Но если потребуется, атакуйте акулу не меньше чем втроем. Помните, что вероятность нападения хищника ничтожна. Когда мы поплывем плотным строем, то для подводных обитателей будем казаться огромным черным чудовищем, они сами разбегутся, освобождая нам путь.

Не топчите морских ежей и постарайтесь не напороться па свои же копья. Мне кажется, лучше держать древко у самого наконечника. Но самое главное — старайтесь не шуметь. На нашей стороне только преимущество неожиданности.

У противника будут ружья с боевым радиусом действия двадцать футов, их основной недостаток — большое время, необходимое для перезарядки. Если заметите, что в вас целятся, постарайтесь уменьшить площадь цели. Для этого ложитесь горизонтально. После выстрела бросайтесь вперед как черти с копьями наперевес. Только не кричите «ура». Один удар этим сооружением,— он поднял копье,— в любую часть тела или головы — и ваш противник готов.

Раненым придется самим заботиться о себе, к сожалению, у нас некому таскать носилки. В случае ранения выходите из боя, цепляйтесь за обломки кораллов и приходите в себя. Если видите, что из вас торчит стрела, ни в коем случае не пытайтесь ее извлечь. Выбирайтесь на отмель или на берег. Пусть торчит, пока вас не подберут. У старшины Фаллона будет ракетница, и, как только завяжется схватка, он поднимется на поверхность и даст сигнал. Ваш капитан тотчас спустит на воду спасательный плот с вооруженной командой и хирургом. Вопросы?

— Каковы наши действия сразу после выхода из лодки, сэр?

— Во-первых, старайтесь не шуметь, быстро опускайтесь на глубину десять футов и занимайте место в строю. Легкое волнение и ветер помогут нам, они скроют наш выход.

— Как сигнализировать под водой, сэр? Предположим, что-то случилось с маской, или в других случаях?

— Большой палец вниз — просьба о помощи. Разведенные в стороны руки — появление крупной рыбы. Большой палец вверх — «понимаю» или «иду на помощь». Это все, что нам потребуется,— Бонд улыбнулся.— Ноги, поднятые вверх, будут означать, что никакая помощь уже не нужна.

Все рассмеялись, но в этом смехе можно было уловить довольно много разнообразных оттенков.

Вновь ожила система связи:

— Команде пловцов прибыть к аварийному люку. Повторяю, команда пловцов — к аварийному люку. Надеть костюмы. Надеть костюмы. Коммандера Бонда просят прибыть в центральный пост.

Шум машин перешел в стон, и воцарилась полная тишина. Все ощутили легкий толчок, «Манта» легла на грунт.

23. Подводная битва

Толчок сжатого воздуха выбросил Бонда из аппарата аварийного выхода. Высоко над ним ртутная поверхность моря рябилась небольшими волнами, предсказания метеорологов на сей раз, к счастью, сбылись. Большой воздушный пузырь пронесся мимо, чтобы взорваться у поверхности маленькой бомбой. Сильно заболели уши, Бонд, пошевелив ластами, замедлил движение и завис на глубине десять футов.

Длинный черный силуэт «Манты» под ним выглядел зловеще и, казалось, таил смертельную опасность. Бонд представил, как в эту секунду сотня людей, занятых своими будничными делами, копошится в чреве субмарины. Эта картина почему-то не успокоила его, напротив, по коже побежали холодные мурашки.

Аварийный аппарат выстрелил вновь, казалось, лодка ведет по Бонду прицельный огонь. Лайтер черным снарядом несся прямо на него. Бонд освободил ему путь и поплыл вверх. Он очень осторожно поднял голову чуть выше беспорядочных мелких волн. Менее чем в миле от него без единого огня стояла на якоре яхта. Казалось, на «Диско» отсутствует всякая жизнь. Еще дальше к северу можно бы-

ло различить очертания острова Большая Багама, окаймленного белой полоской песчаного пляжа и бурунов разбивающихся волн. Белые пятна были видны и в море, там, где волны разбивались о выступающие обломки скал или коралловые рифы. На острове, в самой высокой его точке, можно было рассмотреть похожие на черные скелеты опоры ракет с мерцающими красными огнями маячков на вершинах. Бонд сориентировался и беззвучно ушел под воду.

На глубине десять футов он, как стрелка компаса, лег по курсу, тихонько шевеля ластами, чтобы сохранить принятое положение, и стал ждать подхода остальных.

Он припомнил, как за десять минут до этого уверенное спокойствие капитана Педерсена уступило место сдержанному волнению.

— Все ваши предсказания сбылись полностью,— произнес он с восхищением, как только Бонд появился в помещении центрального поста.— Вот уже десять минут яхта стоит на якоре, и все это время наши акустики слышат странные подводные шумы. Такое впечатление, что задействованы какие-то механизмы в отсеке ниже ватерлинии. В остальном все тихо, но и этого вполне достаточно. Думаю, вам с ребятами пора на выход. Как только вы все выйдете из лодки, я выброшу буй с радиоантенной, доложу о нашем положении министру и предложу, чтобы он дал команду подготовить ракетную базу к эвакуации. Пока мы не уверены, чем закончится схватка, надо быть готовым к любым вариантам. Затем я поднимаю лодку до глубины, скажем, двадцать футов, заряжаю пару торпедных аппаратов и веду наблюдение через перископ.

Старшина Фаллон получит вторую ракету. Я приказал ему по возможности не лезть в самую гущу, когда завяжется драка, он должен быть готов дать второй сигнал, если увидит, что мы проигрываем бой. Это маловероятно, однако у нас нет права на риск. Я появляюсь на сцене, дырявлю «Диско» из нашего четырехдюймового орудия и беру яхту на абордаж. И клянусь, я буду их трясти до тех пор, пока обе бомбы не будут возвращены в целости и сохранности.— Капитан с сомнением покачал головой и провел ладонью по черной проволоке стриженных бобриком волос.— Самое неприятное, что придется разыгрывать нашу партию с листа,— сказал он, протягивая для пожатия руку.— Желаю удачи и надеюсь, что мои парни не уронят чести корабля.

* * *

Кто-то похлопал Бонда по плечу. Это был Лайтер. Он осклабился за стеклом маски и ткнул вверх большим пальцем. Бонд бросил взгляд назад, пловцы расположились за ним неровным клином, медленно двигая руками и ластами, чтобы удержаться в горизонтальном положении.

Бонд кивнул и поплыл вперед неторопливо и равномерно — одна рука вдоль тела, другая, сжимающая древко копья, прижата к груди. Клин сзади него выровнялся и заскользил вслед за своим лидером, похожий на гигантского ядовитого ската в поисках добычи.

Бонд вспотел, в гидрокостюме ему было жарко, кислород в приборе вонял резиной, но он быстро перестал замечать неудобства. Все его чувства сконцентрировались на том, чтобы не сбиться с курса и поддерживать равномерное движение в направлении крупного обломка скалы, о выступающую часть которого разбивались волны. Этот обломок находился уже на мелководье и мог служить прекрасным ориентиром.

Далеко внизу, там, куда не проникали пляшущие лунные тени, лежало белое песчаное дно с редкими полосами морской травы. Бонд плыл в центре огромного светящегося призрачным светом зала ночного океана, зала без стен, заполненного белесой мглой, из которой в любое мгновение могла появиться черная торпеда хищной рыбы. Вопреки разуму, который говорил, что вероятность этого ничтожна, чувства были напряжены до предела, взгляд пытался проникнуть как можно глубже в этот туман. Пустота оставалась пустотой, она не рождала чудовищ. Постепенно стали более отчетливо видны стебли водорослей, на песке дна заиграли тени. Глубина постепенно уменьшалась. Пятьдесят футов, сорок и, наконец, тридцать.

Чтобы проверить, все ли в порядке, и придать себе уверенность, Бонд оглянулся через плечо. Все были на своих местах, он увидел поблескивающие овальные стекла масок, равномерно колышащиеся ласты и сверкающие в свете луны наконечники копий.

Бонд подумал: «Только бы удалось напасть неожиданно, среди рифов и скал противнику будет трудно ориентироваться и организовать отпор». Сердце упало, когда он вспомнил о девушке, она присутствовала в его мыслях постоянно, и тайный страх не оставлял его ни на минуту. Что делать, если Домино окажется в строю врагов и они встретятся лицом к лицу в смертельной схватке? Сможет

ли он преодолеть себя и направить на нее свое копье? Какая чушь, однако, лезет в голову. Без сомнения, девушка сейчас на яхте в полной безопасности. Они встретятся, когда с Ларго и его шайкой будет покончено.

Возникший на пути обломок скалы изменил ход его мыслей. Все внимание вновь переключилось на решение ближайших задач. Что там впереди? Пока он видел лишь отдельные группы кораллов, сонмы обитающих в них рыбешек, заросли морских опахал, раскачивающихся и манящих, поднимающихся и опадающих, распушившихся в воде, как волосы русалки.

Бонд замедлил движение, Лайтер и Фаллон ткнулись в его ласты. Свободной рукой он дал сигнал остановиться и осторожно, дюйм за дюймом, начал подъем, пытаясь снизу разглядеть серебряные волны, разбивающиеся об избранный им ориентир. Он скорее почувствовал, нежели увидел этот обломок скалы. Группа сбилась с курса на добрых двадцать футов. Бонд изменил направление, в одиночку поплыл в сторону рифа и остановился под его прикрытием. С предельной осторожностью он поднял голову между набегающими волнами и в первую очередь посмотрел в сторону «Диско». Яхта, облитая лунным сиянием, стояла на месте. На ней не было заметно никаких признаков жизни. Сквозь пелену брызг Бонд стал обшаривать взглядом каждый дюйм морской поверхности. Пусто, видна лишь игра теней на лунной дорожке. Бонд переместился на другую сторону рифа. Снова пусто. Он не видел ничего, кроме волн, перекатывающихся через мель, да где-то в пяти-шести сотнях ярдов четко очерченной береговой линии с белым песком пляжа. Ему очень хотелось увидеть какое-нибудь необычное завихрение воды, тень, движение. Но что это? На краю лагуны, свободной от выступающих коралловых рифов, появилась голова, эта голова с блестящей маской на какой-то миг возникла над поверхностью, осмотрелась и тотчас исчезла.

Бонд затаил дыхание. Он чувствовал, как сердце выпрыгивает из груди под резиной костюма. Вынув загубник, он набрал полные легкие освежающего морского воздуха, зафиксировал нужное направление, торопливо затолкал трубку в рот и нырнул, откинувшись на спину.

Все маски были в ожидании повернуты в его сторону. Бонд поднял вверх большой палец. Лицо за ближайшей маской озарилось улыбкой. Бонд перехватил копье, переведя его в боевое положение, и рванулся вперед, поверх невысоких кораллов.

Теперь все решали скорость и точность курса. Рыбешек как будто сдуло прочь с пути водолазов, казалось, риф ожил, разбуженный волной от множества двигающихся ласт. Примерно через пятьдесят ярдов Бонд дал сигнал замедлить ход и развернуться в линию для атаки, а сам начал медленно продвигаться вперед, до рези в глазах всматриваясь во мглу между танцующими тенями от рифов и скал. Вот они!

В тумане мелькнуло бледное пятно обнаженного тела, рядом с ним еще одно и еще. Рука Бонда согнулась в локте, что должно было служить сигналом к атаке. Он устремился вперед, изготовясь к удару.

Группа «Манты» выходила на противника с фланга. Люди Ларго продолжали двигаться вперед. Их скорость сначала удивила Бонда, но потом он заметил миниатюрные винты, вращающиеся над спинами пловцов. У каждого из них был индивидуальный двигатель, приводимый в действие сжатым воздухом. Между двух желтых цилиндров акваланга возвышался горб третьего, дополнительного баллона. В открытой воде это новшество могло принести примерно двойное превосходство в скорости, однако в условиях, когда приходилось лавировать среди скал и кораллов, сопровождая сани с бомбой, скорость противника была, возможно, лишь на один узел выше, чем у группы Бонда.

Подводники с «Манты», бешено работая ластами, быстро шли на сближение. Врагов было дьявольски много. Бонд сбился со счета на двенадцатом. Большинство было вооружено газовыми ружьями, запасные стрелы торчали из колчанов, прикрепленных к икрам ног. Шансы явно неравны, если не удастся подкрасться незамеченными на расстояние удара копья.

Остается тридцать ярдов, двадцать. Бонд оглянулся. Трое шли за ним на расстоянии вытянутой руки, остальные плыли ломаной линией, расходящейся в обе стороны. Маски врагов все еще были направлены вперед по ходу. Они пока не замечали черных теней, надвигающихся на них между кораллами. Но как только Бонд поравнялся с арьергардом врага, его тень упала на светлую полосу песка. Одна голова, вторая, третья повернулись в его сторону. Бонд резко оттолкнулся ногой от скального обломка и, получив дополнительное ускорение, бросился на ближайшего противника. Лишь какого-то мгновения не хватило тому для защиты. Острый наконечник копья ударил его в бок и толкнул на соседнего пловца. Бонд отчаянно давил

на копье, одновременно стараясь повернуть его по оси. Пловец выронил ружье и согнулся пополам, стараясь прикрыть руками зияющую рану. Бонд вклинился в гущу обнаженных тел, подводники с «Диско» начали отходить в разные стороны. Винты за их спинами бешено вращались. Еще один боец из группы Ларго пошел ко дну, его маска была разбита сильным ударом, и он безуспешно старался закрыть разбегающиеся трещины ладонями.

Неожиданно Бонд почувствовал боль, это стрела разорвала на животе резину костюма. Под костюмом начала растекаться жидкость — то ли кровь, то ли морская вода, Бонд так и не понял. Он успел лишь заметить блеск металла, и приклад ружья опустился ему на голову, однако сила удара в значительной степени была смягчена водой. Бонд потерял ориентацию и уцепился за обломок скалы, чтобы немного прийти в себя и осмотреться. Черный вал его людей пронесся мимо, чтобы включиться в бой, который вскоре превратился в серию скоротечных поединков, об окончании некоторых из них красноречиво свидетельствовали черные расползающиеся облака крови.

Битва постепенно смещалась туда, где открывалось пространство чистой воды, окаймленное кольцом разрушающихся коралловых рифов. Вдалеке Бонду удалось рассмотреть лежащие на грунте сани, на которых находился удлиненный массивный предмет, серебристую торпеду-тягач и группу людей, среди которых можно было безошибочно выделить громадную фигуру Ларго.

Бонд растворился среди кораллов и, прижимаясь к песку дна, поплыл в обход лагуны. Однако он сразу же был вынужден остановиться. В тени кораллов притаился враг. Присев на корточки, он медленно поднял ружье и тщательно прицелился. Мишенью служил Лайтер, оказавшийся и без того в трудном положении. Противник держал его за горло, плавник, прикрепленный к протезу, давно оторвался, и своим крюком Лайтер пытался зацепить врага за ребра. Бонд едва успел сделать два толчка ластами и метнул копье с дистанции в шесть футов. Легкое древко не давало возможности нанести сильный удар с такого расстояния, однако острие копья укололо стрелка в руку в тот момент, когда он нажимал на спусковой крючок. Стрела ушла в сторону, стрелок оглянулся и поднялся во весь рост, чтобы атаковать Бонда. Краем глаза Бонд видел свое медленно всплывающее копье, ему ничего не оставалось делать, кроме как кинуться в ноги противнику, чтобы оторвать его от грунта. В воде этот прием игры в рег-

би выглядел крайне неуклюже. В тот момент, когда ствол ружья опускался Бонду на голову, он отчаянным усилием дотянулся до маски врага и сорвал ее. Этого оказалось достаточно. Бонд отплыл в сторону и стал наблюдать, как ослепленный соленой водой неприятель пытается на ощупь выбраться из лабиринта кораллов, чтобы выскочить на поверхность. Вдруг кто-то несильно ударил Бонда по руке. Это оказался Лайтер, зажимавший рукой свою разорванную дыхательную трубку. Его противника не было видно. Лицо человека из ЦРУ было искажено мукой, он показывал глазами куда-то вверх. Бонд все понял. Обхватив друга за талию, он устремился к поверхности. Мгновенно проскочив пятнадцать футов, они пробили серебристый потолок. Лайтер вырвал загубник и судорожно вдохнул. Бонд поддерживал его, чтобы дать возможность отдышаться, а затем отбуксировал к коралловому рифу, над которым было не более трех футов воды. Здесь Лайтер сердито оттолкнул товарища, приказав ему убираться под воду и оставить его в покое. Бонд улыбнулся, показал большой палец и нырнул.

Теперь, пробираясь сквозь заросли кораллов, можно продолжить охоту на Ларго. Временами Бонд видел отдельные схватки и один раз проплыл под человеком, человеком с «Манты», покачивающимся лицом вниз на поверхности. На этом лице, искаженном гримасой смерти, не было маски. На дне виднелись следы недавней схватки: ласта, куски черной резины, акваланг и несколько стрел от газового ружья. Бонд поднял две. Сейчас он находился у самого края лагуны, которая служила полем боя. Сани с каучуковой сосиской были на месте. Рядом с ружьем наготове находились два водолаза с «Диско». Никаких следов Ларго. Бонд не имел возможности определить, как развивается ход битвы, рассыпавшейся на десяток перемещающихся в пространстве схваток. Что происходит на поверхности? Когда он выносил Лайтера, море было залито красным светом, старшина подал сигнал. Когда появится спасательный плот с «Манты»? Может быть, самое правильное — оставаться на месте и не спускать глаз с бомбы?

Однако решение было принято с пугающей быстротой без его участия. В туманной мгле справа от Бонда возникла тень, и тотчас же вынырнула серебристая сигара электрической торпеды. В седле, слегка пригнувшись, как мотоциклист за прозрачным щитком, сидел Ларго. В левой руке он держал наконечниками вперед два трофейных копья, правая рука лежала на рычаге управления. Как только он

появился, часовые сложили на песок ружья и приготовились прицепить сани к торпеде. Ларго замедлил ход и завис над ними. Один из часовых захватил экипаж за руль и стал подтягивать его назад, поближе к креплениям саней. Итак, они намереваются бежать. Ларго собирается стяпуть бомбу с мелководья и утопить в глубокой воде. Так же он поступит и со второй бомбой на «Диско». Как только будут уничтожены вещественные доказательства, Ларго сможет заявить, что на него напали конкуренты. Откуда он мог знать, что они явились с американской подлодки? Его люди в целях самообороны были вынуждены использовать ружья, взятые против акул. И в который раз легенда о затонувших сокровищах объяснит все.

Часовые все еще возились с креплениями, Ларго, теряя терпение, непрерывно озирался. Бонд прикинул расстояние и, мощно оттолкнувшись от скалы, устремился в сторону врага.

Ларго оглянулся и успел вовремя поднять руку, чтобы парировать выпад Бонда. Удар второй стрелы пришелся в баллон акваланга и не причинил противнику никакого ущерба. Обе стрелы были потеряны. Бонд потянулся к лицу Ларго, чтобы сорвать маску. Тот успел прикрыться, но и ему пришлось бросить копья.

Ларго потянул на .себя рычаг управления, и торпеда рванулась вперед и вверх, оставив в недоумении обоих часовых. Бонд намертво вцепился в Ларго и сумел удержаться, несмотря на сильный рывок. На ходу невозможно было биться по правилам и сколько-нибудь эффективно. Противники неловко старались ударить один другого свободной рукой, зажав в зубах дыхательные трубки, соединявшие их с источником жизни. Однако преимущество постепенно переходило к Ларго. Он крепко обхватил торпеду ногами, освободив обе руки. Бонду же, чтобы не быть сброшенным, приходилось держаться одной рукой за ремни акваланга противника. Локти Ларго молотили Бонда по лицу. Он старался уходить от ударов, отклоняясь в сторону, принимая их уже разбитыми губами, но спасая бесценное стекло маски. В то же время свободной рукой Бонд колотил загорелое тело противника в область почек, то единственное открытое место, куда он мог дотянуться.

Торпеда вынырнула на поверхность там, где из лагуны шел канал в открытое море. Она неслась с максимальной скоростью, рассекая волны круто задранным носом. Корма под тяжестью Бонда осела под воду, и встречный поток помогал Ларго избавиться от прилипшего к нему врага.

Через мгновение он повернется, пустит в ход свои ручищи, и все будет кончено. Бонд решился на отчаянный шаг. Отпустив акваланг Ларго и обхватив ногами тело торпеды, он заскользил вниз, пока не ощутил, что спина коснулась верхней части руля. Теперь главное — не попасть под винт. Одной рукой он прочно ухватился за перо руля и соскользнул с торпеды. Теперь винт вращался всего в нескольких дюймах от его лица, поток воды почти срывал маску, но Бонд изо всех сил тянул в глубину. Еще одно усилие, и проклятая торпеда встанет почти вертикально. Собрав все силы, он повернул перо руля вправо до упора и затем резко отпустил. Торпеда круто вильнула, и не готовый к повороту Ларго потерял равновесие, сорвался и с силой врезался в воду чуть впереди Бонда. Однако еще в полете он успел сгруппироваться и, быстро сориентировавшись в воде, начал искать взглядом противника.

Силы покинули Бонда, он выложился полностью. В голове билась единственная мысль: он выполнил свою миссию, теперь надо постараться сохранить жизнь. Бомба прикована к грунту, а торпеда выписывает зигзаги где-то далеко в море. Бонд призвал на помощь остатки воли и, превозмогая слабость, нырнул вниз, чтобы попытаться укрыться среди кораллов.

Ларго, еще полный сил, как-то даже лениво пошел в глубину вслед за ним. Бонд извивался между кустами кораллов, почти вжимаясь в белый песок. Коридор, по которому он плыл, неожиданно раздвоился. Бонд, надеясь, что гидрокостюм защитит его тело, выбрал более узкий проход и стал протискиваться между острых раковин, прилепившихся к скалам. Но черная тень продолжала нависать над ним. Ларго не собирался повторять мучительный путь Бонда по дну. Он избрал другую тактику и плыл выше кораллов, поглядывая на свою жертву и выбирая наиболее удобный момент для нападения. Ларго был уверен, что врагу некуда деться.

Бонд попытался размять пальцы, чтобы восстановить кровообращение. Разве сможет он справиться с Ларго, когда его огромные ручищи начнут сжиматься, словно тиски?

Узкий коридор стал немного шире, впереди показалось открытое пространство. Повернуть назад невозможно — слишком близко сошлись коралловые стены, остается один путь — вперед. Бонд встал на ноги. Он сделал все, что мог, а теперь Ларго запер его в этой мышеловке. Однако ему тоже придется опуститься на дно. Бонд посмотрел

на противника, мощное мускулистое тело в потоке серебряных воздушных пузырьков медленно передвигалось в открытой воде. Изящно и легко, как морской лев, Ларго пырнул и прочно встал на песчаное дно лицом к Бонду. Немного выждав, он пошел на сближение, вытянув вперед руки атлета с огромными сильными кистями.

Шагов через десять Ларго остановился, искоса взглянул на обломок коралла, валяющийся на дне, быстро нагнулся и схватил что-то. И тут Бонд увидел, что у Ларго выросли еще восемь извивающихся пальцев. Он держал перед собой, словно букет цветов, маленького спрута. Губы Ларго растянулись в улыбке, веселые морщинки побежали по щекам. Свободной рукой он многозначительно постучал по стеклу своей маски. Бонд нагнулся и поднял со дна обросший водорослями камень. Да, Ларго обожает театральные эффекты, однако камень в маску гораздо эффективнее осьминога. Бонд нисколько не боялся моллюска, вчера он делил компанию с сотнями его собратьев. Гораздо больше его волновала необычная длина рук Ларго.

Ларго сделал шаг, еще один. Бонд пригнулся и отступил, стараясь не порвать костюм в узком лазе. Враг наступал медленно и неотвратимо. Еще два шага, и он прыгнет. За спиной итальянца Бонд уловил какое-то движение. Кто это, друг или враг? Мелькнуло что-то светлое, пловец был без гидрокостюма, значит, это еще кто-то с «Диско». Положение стало безнадежным.

Ларго бросился вперед. Зажав камень в руке, Бонд оттолкнулся ногами, чтобы в горизонтальном полете нанести противнику удар головой в низ живота. Но Ларго был начеку. Колено слегка поднялось, и Бонд получил сильнейший удар по голове. Правая рука Ларго в то же время шлепнула спрута на маску Бонда. Схватив противника за шею обеими руками, Ларго легко оторвал его от дна. Бонд беспомощно трепыхался, чувствуя, как усиливается захват. Он ничего не видел, лишь чувствовал, как щупальца, переползая по лицу, захватывают дыхательную трубку и пытаются вытянуть ее изо рта. Кровь бешено колотилась в висках. Бонд знал — это конец.

Медленно он опустился на колени. Но почему его тело тонет? Куда исчезли стальные руки, сдавливающие горло? Веки, сомкнувшиеся в агонии, слегка приоткрылись, и стало светлее. Осьминожек соскользнул с груди Бонда и скрылся меж кораллов. На песке, слабо подрагивая ногами, лежал Ларго, наконечник стрелы торчал из его разорванного горла. Маленькая бледная фигурка над ним то-

ропливо старалась перезарядить подводное ружье. Длинные волосы скрывали лицо.

Бонд с трудом поднялся и шагнул вперед. Но тотчас понял, что ноги отказываются ему служить. Черное покрывало опять начало опускаться на глаза, челюсть отвисла, и он, почти роняя загубник, ощутил вкус соленой воды. Ну нет! Он не позволит себе утонуть!

Рука Домино легонько коснулась плеча Бонда. Однако она была где-то далеко, об этом говорил ее отсутствующий взгляд за стеклом маски. Что с ней? Ей очень плохо? Сознание неожиданно вернулось к Бонду, и он увидел кровавые пятна на ее купальнике, багряные следы ожогов на теле. Если сейчас он не найдет в себе сил, они оба погибнут вот так, стоя на этом проклятом песке. Медленно, очень медленно шевельнулись его ласты. Пловцы начали подниматься к поверхности. Оказалось, что это не так трудно. Ласты Домино тоже ожили, помогая движению вверх. Потом, уже достигнув поверхности, они долго лежали лицом вниз, покачиваясь на ласковых волнах.

Серый рассвет медленно розовел, обещая еще один великолепный день.

24. Не волнуйтесь, мистер Бонд

Феликс Лайтер вошел в стерильную, сияющую белизной палату и с заговорщицким видом прикрыл за собой дверь. Он остановился у кровати, где в полузабытьи покоился Бонд, которого непрерывно пичкали снотворным.

— Как дела, дружище?

— Все плывет, как в тумане, а в целом неплохо.

— Доктор запретил свидание, но я решил, что тебе не повредит, если ты узнаешь, с каким счетом закончился матч.

— Ты прав.

Бонд попытался сосредоточиться. Ему было наплевать на исход операции, все мысли были заняты одним — судьбой девушки.

— Я коротко, потому что доктор сейчас на обходе и, если меня застукают здесь, поднимется шум. Удалось извлечь обе бомбы. Теперь Котце, этот физик, рассказывает все, поет, как пташка. Мы схватились с профессионалами высшего класса. Штаб-квартира банды в Париже. Во главе фирмы некто Блофельд, своего рода гений, но этому гаду удалось смыться. Как сообщает ЦРУ, он пока не задержан. Возможно, его вспугнуло молчание Ларго.

Котце утверждает, что за пять или шесть лет деятельности организация получила много миллионов долларов. Предполагалось, что захват самолета будет последней операцией. Мы угадали цель номер два, это Майами, бомбу намечали разместить в гавани для прогулочных яхт.

Бонд нашел в себе силы улыбнуться.

— Воцарилось всеобщее счастье? — он плохо слышал и понимал, о чем говорит Феликс.

— Счастливы все, кроме меня. На мне висит проклятое радио. Котлы кипят, пар валит отовсюду. Накопилась изрядная гора шифровок от М. Ему не терпится, чтобы ты их прочитал.

Наконец прилетает начальство из ЦРУ и из твоей конторы. Мы сдадим дела и с законным интересом будем наблюдать, какой эпилог сочинят наши славные правительства к этой истории на потребу общественности. Им придется решать, что сообщить публике, как поступить с пленными, сделать ли тебя лордом или герцогом, как убедить меня баллотироваться в президенты и ряд других мелких проблем. Будь я проклят, если мы не закатим грандиозный бал в свою честь. Может, ты догадаешься пригласить на него Домино? Эта девушка дороже всех медалей.

Когда этот выродок схватил ее со счетчиком, чего он с ней только не вытворял. Но Домино не раскололась, не произнесла ни слова. Представляешь характер? Ей каким-то образом удалось выбраться, когда Ларго со своими людьми был под водой. Она протиснулась через иллюминатор с аквалангом и ружьем, чтобы не дать негодяю уйти. Домино прикончила Ларго и в виде бесплатного приложения спасла тебя.

Торжественно клянусь никогда в жизни не произносить слов «хрупкая девушка», особенно когда речь пойдет об итальяшках.— Лайтер насторожился.— Слышу, как эти сыщики от медицины топают в конце коридора. До скорого, Джеймс.

Он поспешно повернул ручку двери, прислушался и выскользнул из палаты. Вдруг словно что-то подтолкнуло Бонда. Слабым голосом, в котором слышалось отчаяние, он позвал:

— Феликс! Подожди, Феликс!

Но дверь не открывалась. Бонд откинулся на подушку и вперил взор в потолок. В нем медленно начал закипать гнев. Гнев и ужас. Почему они молчат о девушке? Ему наплевать на всех, кроме нее. Жива ли она? Если жива, то куда ее поместили? Может быть...

Дверь палаты открылась. Бонд резко приподнялся и неистово заорал в сторону фигур в белых халатах:

— Девушка! Где она? Что с ней? Отвечайте немедленно!

Доктор Штенгель, самый популярный медик в Нассау, был не только модным, но и по-настоящему хорошим врачом. Ему пришлось бежать из нацистской Германии, и если бы не Гитлер, доктор Штенгель возглавлял бы сейчас больницу размером по меньшей мере с Дюссельдорф. Вместо этого богатые пациенты в знак благодарности построили для него в Нассау современную клинику, в которой он за медяки лечил местных жителей и драл с миллионеров изрядные суммы за каждый визит.

Его пациентами были в основном богатые старики, ему были привычны страдания бедноты и попытки отравления снотворным, но он не встречал в своей практике страшных резаных и колотых ран, принадлежащих прошлым векам, временам джентльменов удачи. В довершение всего некоторые раненые страдали от отравления ядом кураре. Но доктор Штенгель не задавал вопросов о своих пациентах, поскольку получил приказ Правительства Ее Величества со ссылкой на Акт о сохранении государственной тайны. Не комментировал он и шестнадцать вскрытий, которые ему пришлось произвести. Шесть трупов членов экипажа американской подводной лодки и десять, включая владельца, с яхты, которая так долго пребывала в Нассау.

Наклонившись к Бонду, доктор Штенгель мягко сказал:

— Мисс Витали выздоровеет, сейчас она в шоке, и ей необходим отдых.

— Что с ней?

— Ей пришлось преодолеть под водой большое расстояние при крайне ослабленном состоянии организма.

— Почему ослабленном?

Доктор двинулся к выходу.

— Вам тоже следует отдохнуть после тяжелых испытаний, выпавших на вашу долю. Принимайте успокоительное и снотворное каждые шесть часов и спите. Спите как можно больше. Скоро вы встанете на ноги. И прошу вас, не волнуйтесь, мистер Бонд.

«Не волнуйтесь, мистер Бонд!» Где-то совсем недавно он уже слышал эту идиотскую фразу. Его ослепила ярость. Вскочив с постели, Бонд, с трудом удерживаясь на ногах и преодолевая головокружение, поплелся к двери. Он погрозил кулаком в сторону вежливого лица, вежливого, пото-

му что доктор за много лет практики привык к эмоциональным вспышкам пациентов, а также потому, что сильный транквилизатор должен был успокоить Бонда на несколько часов.

— Не волнуйтесь! Будьте вы все прокляты! Что вы знаете о волнении? Немедленно скажите, что с Домино. Где она? Номер ее палаты! — его руки обвисли и Бонд прошептал: — Умоляю, доктор, скажите. Я должен знать.

Доктор Штенгель ответил терпеливо и ласково:

— С ней очень скверно обращались, и она страдает от многочисленных ожогов, ей все еще очень больно. Но,— он остановил Бонда движением руки,— мы не обнаружили внутренних повреждений. Она здесь, рядом с вами, палата номер четыре. Я разрешаю вам навестить мисс Витали, но не больше чем на минутку. Затем она уснет, так же, как и вы. Договорились?

Он распахнул дверь.

— Спасибо, большое спасибо, доктор.

Бонд вышел в коридор на мягких, подгибающихся ногах. Доктор следил, как он доплелся до четвертой палаты, открыл и закрыл за собой дверь с той осторожностью, которая характерна для пьяного. Доктор возобновил обход, думая про себя: «Посещение не повредит Бонду и безусловно поможет девушке, ей так не хватает человеческого тепла и нежности».

В маленькой палате свет, пробивающийся сквозь жалюзи, оставлял на постели светлые и темные полосы. Головка, лежащая на подушке, медленно повернулась в его сторону. Из-под простыни появилась рука, обхватила его за шею и притянула поближе.

Хрипловатый голос произнес:

— Ты останешься здесь. Понимаешь? Я тебя никуда не отпущу.

Не дождавшись ответа, она слегка встряхнула Бонда.

— Джеймс, ты меня слышишь? Ты понимаешь, о чем я говорю?

Домино вдруг почувствовала, как тело Бонда мягко соскользнуло на пол, и, когда девушка отпустила его, Бонд улегся на ковер у ножек ее кровати. Она очень осторожно повернулась на бок и посмотрела на лежащего. Тот уже спал, положив голову на сгиб локтя.

Домино минуту смотрела на его смуглое жесткое лицо, легонько вздохнула, подтянула подушку к краю кровати, положила на нее голову так, чтобы можно было видеть спящего, и закрыла глаза.

МЕНЯ ЗОВУТ БОНД, ДЖЕЙМС БОНД

Вот и началась публикация в нашей стране романов Яна Флеминга, повествующих о приключениях знаменитого разведчика или, как его величали литературные блюстители нравов и идейной чистоты, «супершпиона» Секретной службы Ее Величества — Джеймса Бонда, агента 007. Факт этот, несомненно, вызовет у нашего читателя смешанные чувства. «Наконец-то дождались»,— скажут одни. «Докатились»,— скажут другие. Такой разброс эмоций вполне понятен: к массовому читателю приходит литературный персонаж, который в нашем литературоведении и нашей публицистике давно стал символом агрессивного империализма и разнузданного антисоветизма.

Ярлык злобного врага всего прогрессивного человечества клеился коммандеру Бонду много десятилетий. При этом нашему читателю приходилось верить на слово критикам, так как он был лишен возможности дать собственную оценку романам Флеминга.

Однако сам Флеминг вряд ли мог ожидать, что похождения придуманного им агента 007 будут пользоваться таким успехом и принесут автору и его герою всемирную славу.

В 1953 году Ян Флеминг, тогда заведующий иностранным отделом «Санди таймс» опубликовал роман «Казино руаяль», который имел неожиданно шумный успех и взлетел на верхние строчки перечня бестселлеров. Вчера еще малоизвестный журналист, вознесенный на вершину славы, сразу налаживает прямо-таки поточное производство и начинает выпускать в год по роману. Всего им было написано 12 романов, причем последний «Вы живете лишь дважды» вышел в свет в 1964 году, в год смерти автора. И сегодня, почти сорок лет спустя, выясняется, что в условиях самой жесткой конкуренции на книжном рынке, перенасыщенном «шпионскими» произведениями, книги Яна Флеминга не теряют своей привлекательности в глазах многомиллионных читателей. Их главный персонаж Джеймс Бонд соперничает с такими героями массовой литературы, как Эркюль Пуаро, Ниро Вульф, Пэрри Мэйсон и другие.

В 1962 году выходит фильм «Доктор Но», открывающий кинематографическую бондиану. Образ Бонда на экране впервые создал ирландский актер Шон Коннери. Он же снялся и в ряде последующих картин: «Из России с любовью» (1963), «Голдфингер» (1964), «Удар грома» (1965), «Вы живете лишь дважды» (1967).

Далее роль агента 007 в кино надолго занял элегантный Роджер Мур. Но в 1985 году Шон Коннери вновь тряхнул стариной, снявшись в фильме «Никогда не говори «никогда», сделанном по мотивам публикуемого в сборнике романа «Операция «Удар грома» (именно этот фильм впервые представил Бонда широкому отечественному зрителю в 1990 году). Появляются и фильмы «под Флеминга», в том числе вышедший в конце 80-х годов фильм «Дневные огни», в котором Бонд (его играет известный английский актер Тимоти Далтон, знакомый нам по телесериалу «Джен Эйр») действует в Афганистане. Естественно, подобные сюжеты к Флемингу отношения уже не имеют.

Почему Бонд живет в книгах и на экране уже без малого сорок лет? Волей-неволей отечественный читатель приобщается к некой тайне, над которой западные литературные критики размышляют не одно десятилетие. Почему столь долговечным ока-

зался этот персонаж массовой культуры, где герои сменяются чаще, чем даже капризы моды?

На ум сразу же приходит простое и, кажется, убедительное объяснение: мы имеем дело с развлекательным жанром, уводящим читателя от прозы жизни в мир головокружительных впечатлений, ситуаций на волоске от смерти, белоснежных яхт и гоночных автомобилей, неотразимых декольте и ярких красок. К тому же, как бы ни закручивался сюжет, в какие бы безвыходные положения ни попадал наш герой, читателям гарантирован «хэппи энд».

Да, в этом есть доля истины, но то же самое можно сказать о множестве других ныне благополучно забытых произведений. Так что не так прост Джеймс Бонд, если способен привлечь симпатии и интерес столь разных читателей: от подростков до стариков, от домохозяек до научных работников. Президент США Джон Кеннеди, обладавший отточенным литературным стилем и вкусом, высоко ценил Флеминга, а его книгу «Из России с любовью» включил в десятку лучших из прочитанных им произведений.

Одно из слагаемых успеха романов Флеминга, как нам представляется, в том, что их главный герой отвечает той шкале социальных ценностей, которая, несмотря на некоторую трансформацию, сохранилась и поныне в сознании многих людей.

На верхних отметках этой шкалы — достижение успеха в избранном деле посредством личных усилий, получение признания и связанных с этим благ. Бонд — герой, безусловно добивающийся успеха. Он явился персонификацией социальных устремлений общества и предтечей героя западной литературы конца 50 — начала 60-х годов, плейбоя общества потребления. Отметим — плейбоя, но не бездельника. Плейбои 60-х ушли в прошлое, но идеал успеха собственными силами и достижения независимости через успех сохранился до наших дней.

...Начало «холодной войны» мы обычно связывали с воинственной речью У. Черчилля в Фултоне (1946), но сегодня понимаем, что она лишь подвела итог нараставшим подозрениям и чувству взаимной неприязни у бывших союзников. В это время реанимируется давно утвердившийся на Западе образ «империи зла», опасно придвинувшейся к самому центру Европы. В массовом сознании поддерживается идея «коммунистической угрозы», неизбежности шпионажа и подрывных действий со стороны Востока.

В мире неспокойно, в разных частях нашей планеты льется кровь: на Ближнем Востоке и в Корее, на Кубе и в джунглях Африки. Но человек устал от мрачной реальности, которую каждый день описывают газетные и телевизионные репортажи, он ищет в «массовой культуре» средства адаптации к разорванной действительности. Здесь нужна не лубочная картинка, очищенная от пугающих событий, а этакий приятный художественный наркотик.

Талант, или авторская удача, Флеминга в том и состоит, что он быстро уловил неявные вибрации общественного настроения и предложил читателям заманчивую игру, допускающую широкий спектр переживаний для ее участников — от добродушного изумления по поводу авторской фантазии до (если угодно) серьезной озабоченности в связи с необходимостью противостоять проявлениям коварного зла. Он исключил навязчивость и доктринерство, создал систему остросовременных сюжетов, а истолкование их предоставил самому читателю.

Ян Ланкастер Флеминг родился 28 мая 1908 года. Его отец Валентин Флеминг, отставной майор и член парламента, дал сыну

прекрасное образоваиие: престижный Итон, Королевская военная академия, Мюнхенский и Женевский уииверситеты, где будущий писатель прослушал специальные курсы экоиомики и политики.

В 1929 году Ян Флеминг становится корреспондентом иифор-мационного агентства Рейтер, в котором работает до 1933 года, в том числе в качестве сотрудника корпункта в СССР. Затем он меняет сферу деятельности и перед войной работает в коммерческом банке и биржевой брокерской фирме.

Наверное, мир не был бы знаком с агентом 007, если бы во время второй мировой войны его создатель не был призван на службу в разведку. В 1939—1945 годах он был помощником начальника Военно-морской разведки Великобритании. Эти годы обогатили Флеминга теми знаниями и опытом, которые он использовал в своих произведениях о Джеймсе Бонде. Целый ряд деталей, штрихов, нюансов человеческих взаимоотношений, увиденных кадровым разведчиком, угадываются в приключениях агента 007, и читатель чувствует руку профессионала, разбирающегося в том, о чем он пишет.

Автор присвоил Бонду свой офицерский чин — коммандер, а в суровом, но по-житейски мудром и заботливом М знающие люди угадывали черты шефа Флеминга военных лет. Да и деловая обстановка восьмого этажа массивного здания Секретной службы описана с точностью свидетеля, проработавшего там не один год. В Бонда Флеминг также вложил немало собственных раздумий и привычек. Так, он часто и подробно (может быть, даже излишне) описывает перипетии карточных игр. В «Голдфингере» это канаста, в «Операции «Удар грома» — баккара. Но, как утверждают его биографы, именно азартные карточные игры были одним из хобби писателя. Флеминг увлекался также подводным плаванием, и поэтому столь выразительно описан подводный мир в районе Багамских островов. Да и место выбрано не случайно: помимо дома в Лондоне, у Флеминга была вилла на Ямайке, где он часто проводил время, особенно в последние годы жизни, когда целиком отдался писательскому труду.

До 1959 года Флеминг заведовал иностранным отделом «Санди таймс». Во время войны он еще раз побывал в Москве в качестве военного корреспондента, и, наверное, именно тогда запало ему в память бодрящее словечко «СМЕРШ», которым он назвал фантастическую организацию — смертельного противника Бонда в ряде романов.

Как это нередко бывает с авторами, чьи персонажи стали так популярны (вспомним сетования на этот счет А. Конан-Дойла), Яну Флемингу не хотелось, чтобы в нем видели лишь создателя агента 007. Он публикует много статей и изящную детскую книжку «Читти-Читти... Бэнг-Бэнг!». Такие звуки издавал мотор фантастической летающей, плавающей, катящейся по суше машины, с которой происходили невероятные приключения в немыслимых ситуациях. На основе этой книги Уолт Дисней создал забавную приключенческую комедию для детей. Но все же для современного читателя Флеминг прежде всего создатель образа Джеймса Бонда и достаточно специфического жанра приключенческой литературы.

Его романы — не шпионские истории в собственном смысле этого слова. Их можно определить словом «триллер», от имеющего много значений глагола «thrill» — волновать, увлекать, захватывать. Здесь успех персонифицируется в главном герое, который обычно даже вытесняет имя автора: приключения Шерлока Холм-

са, Пуаро, Мегрэ и т. д. Романы, о которых идет речь, для нас прежде всего похождеиия Джеймса Бонда, а не «произведения Яна Флеминга». Но последнее слово конечно же за автором, ведь зто он формулпрует взгляд на мир, от которого в коиечном счете зависит успех книги.

В этом, казалось бы, сугубо развлекательиом жанре подлинным событием может стать лишь произведение, в котором предлагается либо очень оригинальный, неожиданный сюжет, либо привлекательная для массового читателя система ценностей. Так, в одном из самых блистательиых романов Джона Ле Карре «Шпион, пришедший с холода» ведущую идею можно сформулировать так: шпионаж, кто бы им ии занимался,— зто грязиая игра, в которой «великие мира сего» эксплуатируют людей, и иет здесь ии высокого героизма, ии элементарной порядочности.

Четкая идея просматривается и у Флемиига, она конкретизируется в мотивах поведения Джеймса Бонда. По-видимому, точнее всего это выражается в понятиях «долг», «верность». Неизменно удачливый агент 007 — никак не фанатик, не социальный мессия и не судья. Он прежде всего британский подданый, предаиный солдат и послаиец Ее Королевского Величества. Ои мог бы быть фермером, газетчиком, служащим. Но получилось так, что пнтересы страны призвали его на работу в Секретную службу, и он добросовестно выполияет свой долг. Ои любит жизнь, ио, не задумываясь, рискует ею, он неравнодушен к женщинам и ие упустит случая завязать роман, ему приходится убивать, и ои это делает как профессионал, не испытывая ии радости, ии угрыэений совести, потому что так велит долг. Ои склоиеи к юмору и даже самоиронии, если они, коиечно, не вредят делу.

Чувство патриотиэма порой принимает у Флеминга иесколько комическпе черты. Свои романы он создавал после войны, которая подвела окончательный итог имперским амбициям англпчап. По выражению писателя-юмориста Джорджа Микеша, то было время, когда брюки англичан блестели так же, как начищеиные ботинки американцев, а отношения их напоминали отношения разбогатевшего, хотя и неотесанпого племянника и разорившегося респектабельного дяди. Флеминг чутко улавливает и пытается както сгладить эту уязвленность наследников викторианских традиций. Он не упускает случая подчеркнуть превосходство англосаксов перед остальным человечеством, а в англо-американской связке (Бонд и человек из ЦРУ Феликс Лайтер) превосходство британского над американским. Любопытио, что среди противников встречаются представители многпх наций — русские, иемцы, итальянцы, турки, корейцы, нет лишь англичан. В опублпкованных в книге романах лишь один заблудший соотечественник отделывается легким испугом за попытку заняться наркобизнесом. Как утверждает автор, фамилии, оканчпвающиеся на «овпч», «еску», «штейн», не могут принадлежать респектабельным людям. Оставим этот предрассудок на совести Флеминга, нужно учитывать очевидно пародийпую, «игровую» стилистику его изложения.

Здесь уместно напомнить об одном высказывании Брехта, пояснявшего свою излюбленную мысль о необходимости «отстраненности» в работе актера. Актер, настаивал он, должен играть не Гамлета, а человека, который играет Гамлета. Так вот и Флеминг всегда сохраняет некоторую дистанцию от своего героя, заполняемую легкой иронией, взглядом со стороны, даже народийностью: ведь в поведении Бонда явно ощущается элемеит игры в самого себя. В этом тоже немалая доля авторского риска, еслп иалет па-

родийности не компенсируется грандиозностью миссии, которая возложена на его героя. Иными словами, условность переживаний Бонда (а в этом верный путь к читателю-интеллектуалу) должна нейтрализоваться величием и благородством мотивов, которые им движут. И Флеминг находит нужные пропорции.

В центре его произведений — борьба Добра со Злом, Справедливости с Пороком как неких бытийствующих начал человеческого существования. Полутона отсутствуют. С одной стороны, безупречный герой, может быть, несколько грубоватый и добрый парень с извинительными слабостями, с другой — его абсолютно, беспросветно порочный противник. Это персонажи не реальных историй, а почти что сказок, в которых Добро и Зло выступают в крайнем, предельно чистом виде.

Джеймс Бонд постоянно вступает в смертельные схватки. Но с кем? Прежде всего с мифическими организациями «Спектр» и СМЕРШ. Вероятно, последнее название и дало основание корыстно смышленым критикам причислить Флеминга, а заодно и Бонда к патологическим антисоветчикам и врагам прогрессивного человечества. Но это все же скорее символ, повод для ассоциаций, а вовсе не основанное на детальном изучении обличение реально существующей организации. Ведь СМЕРШу придаются настолько нелепые и гротескные характеристики (в публикуемых романах он практически лишь упоминается), что у читателя они могут вызвать лишь улыбку. Обвинять Флеминга в антисоветизме столь же несерьезно, как приписывать русофобию барону Мюнхгаузену за то, что он описывал Россию как страну, где снег покрывает землю до крестов на церквах, а звуки по причине свирепого мороза способны превращаться в ледышки.

На Западе принято различать два направления в «шпионской» литературе: реалистическое и фантастическое. Первое наиболее талантливо представлено Джоном Ле Карре. Писатель ставит серьезные проблемы человеческих отношений, его герои полнокровны, они по-настоящему страдают и радуются, это реальные люди, которые гибнут в реальных ситуациях.

У Флеминга другое. Его персонажи условны, они просто маски. Писатель постоянно балансирует на грани жанра глубокомысленной шпионской истории и пародии на этот жанр. Подобная конструкция, весьма напоминающая сказку о Красной Шапочке и Злом Волке, и позволяет автору проявлять беззлобную ироничность, которая нередко передается и его герою, постоянно как бы разглядывающему себя в зеркале. «Ну и попал же ты, Джеймс, в переплет, а теперь попробуем из него выбраться». Флеминг как бы приглашает читателей составить ему компанию, включиться в забавную игру.

К описываемым событиям не следует относиться слишком серьезно, проверять их с точки зрения житейской достоверности. Допустимы и простительны самые невероятные ситуации. В нарочито сентиментальных вставках или «ужасных описаниях» убийств, в подробном саркастическом репортаже о заседании «Спектра» или в жизнеописании суперзлодея Блофельда Флеминг все время на грани пародийности, но он не переступает эту грань. И если вы, читатель, цените юмор, готовы принять правила игры, честно предложенные автором, и включиться в нее с детской непосредственностью, более подходящего человека, чем Бонд, вам не найти.

Г. Косов
Л. Митрохин

Содержание

ГОЛДФИНГЕР

(перевод О. Г. Косовой)

Часть I

СЛУЧАЙНОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ

Часть II

СОВПАДЕНИЕ

Часть III

ВРАЖДЕБНЫЕ ДЕЙСТВИЯ

ОПЕРАЦИЯ «УДАР ГРОМА»

(перевод Г. Б. Косова)

ЯН ФЛЕМИНГ

ДЖЕЙМС БОНД — АГЕНТ 007

Перевод *Г. Б. Косова, О. Г. Косовой*

Заведующий редакцией *А. В. Никольский*
Редактор *Л. В. Сидашенко*
Художник *В. И. Андреев*
Художественный редактор *Е. А. Андрусенко*
Технический редактор *Е. Ю. Куликова*

ИБ № 9116

Сдано в иабор 17.05.91. Подписано в печать 08.08.91. Формат $84 \times 108^{1}/_{32}$. Бумага тинографская №1. Гарнитура «Обыкновенная новая». Печать высокаи. Усл. печ. л. 21. Уч.-изд. л. 23,27. Тираж 200 000 (1 — 100 000) экз. Заказ № 3658. Цеаа 7 р. 50 к.

Политиздат. 125811, ГСП. Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Ордена Трудового Красного Знамени тип. изд. «Звезда». 614600, г. Пермь. ГСП-131, ул. Дружбы, 34.